

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2020. Т. 13. № 6

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 27 сентября 2017 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство СМИ ПИ № ФС77-71236

Выходит 6 раз в год

Учредитель, редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес учредителя, редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

- © Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук», 2020
- © Коллектив авторов, 2020

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk, and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on September 27, 2017.

Certificate of Registration ПИ No. ФC77-71236

Published six times a year.

Founding Institution, Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilshkin Street, Elista, 358000, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. (84722) 3-55-06, (84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор
канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора
д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
д-р филол. наук *А. Бирталан*, Университет имени Лоранда Этвёша (Венгрия, г. Будапешт);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук, д-р филол. наук *А. А. Бурыкин*, Институт лингвистических исследований РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин);
чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);
канд. филол. наук *Д. Н. Музраева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *С.-Х. Д. Сыртыпова*, Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
проф. антропологии *К. Хэмфри*, Кембриджский университет (Великобритания, г. Кембридж);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт восточных культур и античности РГГУ, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики», Институт востоковедения РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*, Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р ист. наук *Н. Хишигт*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Dr. Prof. (Philol.) *A. Birtalan*, Eötvös Loránd University (Hungary, Budapest);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Philol. and Hist.) *A. Burykin*, Institute for Linguistic Studies of the RAS (St. Petersburg, Russian Federation);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
- Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
Cand. Sc. (Philol.) *D. Muzraeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *G. Pyurbееv*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
- Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Dr. Sc. (Hist.) *S.-Kh. Syrtyanova*, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russian Federation);
Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Prof. Emeritus (Anthrop.) *C. Humphrey*, University of Cambridge (Cambridge, Britain);
- Dr. Sc. (Philol.) *A. Tsendina*, Russian State University for the Humanities, National Research University
Higher School of Economics, Institute of Oriental Studies of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
- Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia);
Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Khishigt*, Institute of History and Archeology of the Mongolian Academy of Sciences (Ulaanbaatar, Mongolia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translator: *Sanal V. Dzhangrunov*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Почекаев Р. Ю.</i> Международно-правовое положение Внутренней Монголии на рубеже XIX–XX вв. глазами ее правителя (записка хорчинского князя Удая, 1910 г.)	1496
	<i>Капишовская В.</i> Фотографии артефактов монгольского цама, сделанные чехословацкими исследователями в 1950-х и 1960-х гг.: новый взгляд на старые документы	1513
	<i>Алтан-Очир, Бичеев Б. А.</i> Семь десятилетий ойратоведения в КНР (1949–2019 гг.)	1524
Отечественная история	<i>Казанчиев А. Д.</i> Национальные движения Востока России во второй половине 1918 года–первой половине 1919 года: степень и формы вовлечения в процессы внутри антибольшевистского лагеря	1537
Этнология и антропология	<i>Бакаева Э. П.</i> Об этнической идентичности ойратов и калмыков в тибетской религиозной традиции: мицаны Дрепунг Гоманга	1546
	<i>Намсараева С. Б.</i> О новом источнике «устной истории» бурят о паломничестве по Внутренней Азии в начале XX в.	1558
	<i>Неманова Э. А.</i> Аспекты бытования культовой лексики в традиционной культуре бурят	1568
	<i>Куканова В. В., Баянова А. Т., Манджикова Л. Б.</i> Газетные фотографии: использование приема гиперболизации (на материале публикаций в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») в 1957–1961 гг.)	1579
Археология	<i>Котов В. Г., Савельев Н. С., Русланова Р. Р.</i> Стоянка-мастерская Кусимово-6 — памятник эпохи среднего палеолита в Южном Зауралье	1594
	<i>Очир-Горяева М. А., Экмайер Э., Вайцензггер В.</i> Динамика процессов опустынивания в Республике Калмыкия с середины 1980-х гг. до настоящего времени	1613
Источниковедение	<i>Музраева Д. Н.</i> Тексты Монгольского Ганджура из коллекции О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи) как источник изучения буддийской литературы	1623
	<i>Цендина А. Д.</i> «Книжные» талисманы в повседневной жизни монголов (по двум коллекциям монгольских рукописей)	1632
	<i>Митруев Б. Л.</i> Гадание по нагару лампы	1641
Языкознание	<i>Куканова В. В., Мушаев В. Н., Хонинов В. Н.</i> Астрономическая терминология монгольских языков: материалы к этимологическому словарю	1652
	<i>Каримова Г. Р.</i> Табу и эвфемизмы, связанные с рождением ребенка, в башкирском языке Елена Нарановна	1667
	<i>Лиджиева Л. А., Ширнэн Ц., Бадмацыренова Н. Б.</i> Некоторые пути грамматикализации глагола болох / болохо / болха / болх ‘становиться, делаться; быть’ в монгольских языках	1677
	<i>Крылов С. А.</i> Синтетические и аналитические аспектуальные формы монгольского глагола в количественном освещении	1692
Фольклористика	<i>Манджиева Б. Б.</i> Мотив богатырского поединка в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева	1701

CONTENTS

General History	<i>Pochekaev R. Yu.</i> International Legal Status of Inner Mongolia at the Turn of the 20 th Century: An Opinion of Its Ruler (Report by Khorchin Prince Uday, 1910)	1496
	<i>Kapišovská V.</i> Mongolian <i>tsam</i> -related photographs taken by Czechoslovak researchers in the 1950s and 1960s: re-opening the old file . .	1513
	<i>Alatengaoqier, Bicheev B. A.</i> Seven Decades of Oirat Studies in China: 1949–2019	1524
National History	<i>Kazanchiev A. D.</i> National Movements across Russia's East, 1918–1919: The Degree and Forms of Involvement in Processes within Anti-Bolshevik Forces	1537
Ethnology & Anthropology	<i>Bakaeva E. P.</i> Ethnic Identities of Oirats and Kalmyks in the Tibetan Religious Tradition: Mitsangs of Drepung Gomang Monastery . . .	1546
	<i>Namsaraeva S. B.</i> Buryat Oral Histories on Inner Asian Pilgrimage: Introducing a New Source	1558
	<i>Nemanova E. A.</i> Cult Vocabulary in Buryat Traditional Culture: Semantics, Genesis, and Aspects of Functioning	1568
	<i>Kukanova V. V., Bayanova A. T., Mandzhikova L. B.</i> Hyperboles in Newspaper Photographs: A Case Study of <i>Khalmg Ünn</i> 's ('The Kalmyk Pravda') Issues, 1957–1961	1579
Archaeology	<i>Kotov V. G., Savelev N. S., Ruslanova R. R.</i> Workshop Site of <i>Kusimovo-6</i> — a Middle Paleolithic Monument in the Southern Transurals	1594
	<i>Ochir-Goryaeva M. A., Eckmeier E., Weizenegger V.</i> Desertification Processes in the Republic of Kalmykia, 1980s–2010s: Dynamics Revisited	1613
Sources Studies	<i>Muzraeva D. N.</i> The Collection of O. M. Dordzhiev (Tugmyud Gavji): Texts of the Mongolian-Language Kangyur as a Source in Buddhist Literary Studies	1623
	<i>Tsendina A. D.</i> 'Booklore' Talismans in Daily Life of the Mongols: A Case Study of Two Collections of Mongolian Manuscripts	1632
	<i>Mitruev B. L.</i> Oil Lamp Snuff Divination	1641
Linguistics	<i>Kukanova V. V., Mushaev V. N., Khoninov V. N.</i> Astronomical Terms in Mongolic Languages: Materials for an Etymological Dictionary Reviewed	1652
	<i>Karimova G. K.</i> Bashkir Birth-Related Vocabulary: Taboos and Euphemisms	1667
	<i>Lidzhieva L. A., Shirnen Ts., Badmatsyrenova N. B.</i> The Verb <i>болох</i> / <i>болохо</i> / <i>болха</i> / <i>болх</i> 'Become, Make; Be' in Mongolic Languages: Some Ways of Grammaticalization Revisited	1677
	<i>Krylov S. A.</i> The Mongolian Verb: Synthetic and Analytical Aspectual Forms in a Quantitative Perspective	1692
Folklore Studies	<i>Mandzhieva B. B.</i> Epic Repertoire of Jangarchi Teltiya Lidzhiev: The Motif of Heroic Duel	1701

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1496–1512, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1496-1512
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 341(212); 94(517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1496-1512

Международно-правовое положение Внутренней Монголии на рубеже XIX–XX вв. глазами ее правителя (записка хорчинского князя Удая, 1910 г.)

Роман Юлианович Почекаев¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
 (17, ул. Промышленная ул., 198099 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
 кандидат юридических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой
 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Почекаев Р. Ю., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье приводится русский перевод и историко-правовой анализ записки князя Удая — правителя хорчинского хошуна во Внутренней Монголии конца XIX – первой четверти XX в., которую он направил в 1910 г. председателю Совета министров Российской империи П. А. Столыпину. Эта записка представляет часть дела, хранящегося в Российском государственном историческом архиве (РГИА, г. Санкт-Петербург), в котором содержится как ее оригинальный текст, так и русский перевод. Текст записки до сих пор не публиковался и не исследовался. *Цель* исследования — извлечение из записки князя Удая информации о международно-правовом положении Внутренней Монголии и выяснение, насколько полно и объективно монгольский правитель представлял себе особенности международно-правового положения региона, роль в международной политике различных иностранных держав и самих монгольских князей. *Результаты* исследования подтверждают ценность сведений, приведенных в записке, хотя ее автор и интерпретирует ситуацию, стремясь подчеркнуть свою значимость в глазах российских властей. В сочетании со сведениями других современников — российских и западных дипломатов, разведчиков, миссионеров, торговцев и ученых — его информация позволяет сформировать целостное и объективное представление о положении Внутренней Монголии на международной арене на рубеже XIX–XX вв. Наибольший интерес представляет динамика отношений правителей Внутренней Монголии с властями империи Цин, которая как раз в начале XX в. начала форсированную колонизацию монгольских земель, выразившуюся в массовом переселении на эти земли китайских колонистов-земледельцев, связанные с этим изменения в политике маньчжурской администрации и монгольских феодалов с региональными властями Российской империи и ее торговцами, действовавшими на территории Монголии, а также усиление влияния Японии в регионе.

Ключевые слова: Внутренняя Монголия, империя Цин, Российская империя, восстание ихэтуаней, русско-японская война, международное положение в Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Для цитирования: Почекаев Р. Ю. Международно-правовое положение Внутренней Монголии на рубеже XIX–XX вв. глазами ее правителя (записка хорчинского князя Удаю, 1910 г.) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 6. С. 1496–1512. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1496-1512

UDC 341(212); 94(517)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1496-1512

International Legal Status of Inner Mongolia at the Turn of the 20th Century: An Opinion of Its Ruler (Report by Khorchin Prince Uday, 1910)

*Roman Yu. Pochekaev*¹

¹ National Research University Higher School of Economics (17, Promyshlennaya St., St. Petersburg 198099, Russian Federation)

Cand. Sc. (Law), Associate Professor, Professor, Head of Department

 0000-0002-4192-3528. E-mail: rpochekaev@hse.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Pochekaev R. Yu., 2020

Abstract. Introduction. The article publishes and provides a historical legal analysis of one letter by Prince Uday, ruler of Khorchin Khoshun (Horqin Banner) in Inner Mongolia at the end of 19th – first quarter of 20th century, who sent it to Pyotr Stolypin, the Prime-Minister of the Russian Empire, in 1910. This letter is a part of a file kept in the Russian State Historical Archive (St. Petersburg, Russia) in original Mongolian as well as in its Russian translation. As is known, the document was not published before. **Goals.** The aim of research is to extract from the Uday's note — the information on the international legal status of Inner Mongolia which is given from the local ruler's point of view. **Results.** The results of the research confirm the value of the note as a source, although its author attempted to emphasize his own significance in the eyes of the Russian authorities. Coupled with materials of other contemporaries (Russian and Western diplomats, intelligence officers, missionaries, merchants and scientists) it allows to give an authentic view on the status of Inner Mongolia at the international scene at the edge of 19th – 20th centuries. The utmost interest should be paid to the dynamics of relations of rulers of Inner Mongolia with the Qing imperial authorities that initiated a forced colonization of Mongolian lands through resettlement of Chinese peasant colonists, changes in relations of Manchu administration and Mongol feudal lords with Russian regional authorities and merchants, as well as strengthening of the Japanese influence in the region.

Keywords: Inner Mongolia, Qing Empire, Russian Empire, the Boxer rebellion, Russo-Japanese War, international situation in East Asia at the turn of the 20th century

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation (project no. 19-18-00162) at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

For citation: Pochekaev R. Yu. International Legal Status of Inner Mongolia at the Turn of the 20th Century: An Opinion of Its Ruler (Report by Khorchin Prince Uday, 1910). *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1496–1512. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1496-1512

Введение

В Российском государственном историческом архиве, в фонде 1276 «Совет министров» (опись 3) хранится дело № 712 «По

вопросу о выдаче ссуды монгольскому князю Удаю» (30 мая 1907 – 17 мая 1910 гг.), насчитывающее 82 пронумерованных листа. В рамках настоящего исследования

наше внимание привлёк один из документов данного дела — записка самого князя Удая, направленная в 1910 г. на имя председателя Совета министров Российской империи П. А. Столыпина [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712].

Прежде всего, заслуживает внимания личность самого автора записки. Имя князя Удая хорошо известно специалистам, исследовавшим различные аспекты истории Монголии конца XIX — начала XX в. и особенно события борьбы за независимость в 1910-х гг. [Златкин 1957; Белов 1999; Кузьмин, Батсайхан 2019; Tsai 1983]. Правда, лишь две работы посвящены непосредственно деятельности Удая — и то преимущественно в период начального этапа борьбы Монголии за независимость, т. е. 1911–1912 гг. [Белов 1996; Кузьмин, Батсайхан 2019]. В связи с этим считаем необходимым привести краткую биографическую справку об этом деятеле.

Удай являлся потомственным владетельным князем (дзасаком) южного хошуна хорчинов правового крыла Чжеримского сейма, возводившим свое происхождение к Хасару (Джучи-Хасар, Хабуту-Хасар), брату Чингис-хана. Он родился в 1859 г. и, вероятно, на рубеже 1880–1890-х гг. возглавил хошун, приняв титул Дзасагту-вана, а позднее также стал заместителем председателя Чжеримского сейма. После падения династии Цин он выступал в пользу независимости Монголии и в августе 1912 г. поднял восстание, объявив о независимости своих владений от власти Китая¹, однако, располагая небольшими и слабо вооруженными силами и не получив содействия от российской администрации на Дальнем Востоке, уже в сентябре он был разгромлен, его ставка была разорена, семья попала

¹ Примечательно, что при этом он юридически обосновал свои действия, ссылаясь на указ маньчжурского императора Абахая, еще в 1636 г. выданного его предку Будаши (первому Дзасагту-вану Хорчинского хошуна), провозглашавший, что «если сменится» династия Цин, монголы должны вновь стать независимыми. Текст этого указа был доведен до российских властей, благодаря чему сохранился в переводе, тогда как оригинал, вероятно, погиб при разорении ставки Удая после разгрома восстания [Полумордвинов 1912: I–IV; Кузьмин, Батсайхан 2019: 204, 209–210].

в плен, а сам он вместе с братом Ширэтуламой Бухубуяном бежал в Ургу, столицу Автономной Монголии [Белов 1996: 41–43; Кузьмин 2016: 125–126]. Монгольский монарх Богдо-хан, признавая заслуги Удая, пожаловал ему потомственный титул чин-вана, земельные владения в Халхе и назначил заместителем министра юстиции. В этом ранге он вошел в состав монгольского посольства во главе с премьер-министром Сайн-нойон-ханом Намнансурэном, направленного в конце 1913 — начале 1914 г. в Санкт-Петербург для ведения переговоров с российскими властями о признании независимого статуса Монголии и возможности включения в ее состав Внутренней Монголии [Батсайхан 2018: 202, 217; Белов 1996: 44; Коростовец 2004: 390, 412].

Последний вопрос сам Удай неоднократно обсуждал с российскими представителями, каждый раз, впрочем, наталкиваясь на отрицательную позицию с их стороны [Коростовец 2004: 307; Кузьмин 2016: 128; Сизова 2015: 125]. В качестве компромисса российские дипломаты в Урге готовы были предоставить ему лично еще одну ссуду в размере 30 тыс. руб. для восстановления своей разгромленной ставки в хошуне Хорчин, однако он настойчиво требовал от них поддержать антикитайское движение во Внутренней Монголии [Коростовец 2004: 307; Сизова 2015: 128].

После подписания трехстороннего Кяхтинского соглашения 1915 г., предусматривавшего сохранение власти Китайской республики над Внутренней Монголией, князь Удай, разочарованный позицией как российских властей, так и правительства Богдо-гэгэна, решил вернуться в свои владения, воспользовавшись амнистией, дарованной ему китайскими властями еще в октябре 1912 г. Он скончался в собственных владениях в 1920 г. в возрасте 61 года [Белов 1996: 44].

Несмотря на то, что целью публикуемой записки было улаживание проблемы, связанной с долгами князя Удая перед российскими властями, и основное ее содержание посвящено именно данному вопросу, она содержит весьма интересные сведения, касающиеся особенностей международно-правового положения Внутренней Монголии, один из хошунов которой и возглавлял автор записки. Он достаточно подробно, с приведением конкретных фактов, описыва-

ет ситуацию, складывавшуюся в этом регионе в конце XIX – начале XX в., включая изменения в статусе Внутренней Монголии в результате восстания ихэтуаней и Русско-японской войны. Большинство сведений о положении региона в рассматриваемый период содержится в официальной документации (прежде всего, китайской и российской), записках иностранных современников, посетивших Внутреннюю Монголию с разными целями — дипломатическими, разведывательными, торговыми, научными и пр.². Ценность информации князя Удая состоит в том, что она представляет собой характеристику международно-правового положения региона, так сказать, «изнутри», глазами его собственного представителя, обладающего, к тому же, определенными властными полномочиями и, как можно судить на основании содержания записки, достаточно широким кругозором.

Насколько нам известно, этот документ не только не публиковался, но и не привлекал внимание исследователей. Поэтому ниже мы публикуем русский перевод запи-

ски (и сопроводительного письма к ней) и ее историко-правовой анализ, соотнося сведения Удая со сведениями других современников — в частности, иностранных дипломатов и путешественников, побывавших во Внутренней Монголии в рассматриваемый период. Целью исследования, таким образом, является выяснение, насколько полно и объективно монгольский правитель представлял себе особенности международно-правового положения региона, роль в международной политике различных иностранных держав и самих монгольских князей.

Ниже мы приводим русский перевод письма и записки Удая современным шрифтом, но с сохранением особенностей написания отдельных слов и терминов переводчиком, снабдив текст собственными комментариями и исследованием. К записке также прилагаем русский перевод сопроводительного письма Удая [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 69, 71–75об.]. Оригинальный монгольский текст письма и записки занимают, соответственно, л. 70 и 76 дела № 712 [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 70, 76].

Письмо князя Удая²

/л. 69/ Письмо маньчжурского подданного, цзюнь-вана 6-й степени Удая, управляющего Хорчинским цзасаком [правитель хошуна]³, имеющего пребывание в Хянь-чин Мане при Чжиримском сейме⁴, а также кавалера ордена Анны 2-й степени с мечами⁵, пожалованного от ВЫСОЧАЙШЕГО, Всесильного Белого Царя.

Осмеливаюсь доложить без страха и выяснить к подножию трона Всесильного Белого Царя⁶, заботящегося и защищающего живые существа всех 4 стран, подобно тенгриам [небожители] нижеследующее: во время минувшей русско-японской войны я, князь Удай, живя поблизости от владений Всесильного Белого Царя, до некоторой степени содействовал ему своею помощью, за что и был награжден орденом Анны 2-й степени с мечами, каковой я и принял почтительно. Повернувшись к северу [монголы часто называют русские владения севером], я коленопреклоненно возблагодарил тенгриев за такую милость. В силу этого я, презренный [выражение вежливости и скромности] Удай, осмеливаюсь послать указанное письмо за печатью Хошуна к Верховному Сановнику Столыпину, облеченному полномочиями от Великого Богатыря, Всесильного Белого Царя, как отличенный им. Вместе с этим письмом, за печатью Хошуна, я осмеливаюсь приложить к нему особую докладную записку. Все это я отправляю с ламою по имени Мэргэн-Цорчи Тоин-Ширету Бухубуян⁷. 28 числа среднего месяца первого зимнего года под циклическим знаком «вода».

² Анализ этих сведений проводился нами ранее [Почекаев 2017; Почекаев 2019].

³ Здесь и далее в публикуемых документах в квадратных скобках помещены примечания переводчика.

⁴ Чжеримский сейм (чуулган) — административно-территориальная единица на востоке Внутренней Монголии, объединявшая четыре хошуна — Хорчин (которым и управлял Удай), Джарут, Дэрбэт и Горлос.

⁵ Мечи на данном ордене означали, что он вручается за боевые заслуги.

⁶ Имеется в виду Николай II (1868–1918), российский император (1894–1917).

⁷ Брат Удая, активный участник восстания 1912 г., после подавления которого вместе с братом бежал в Ургу, участвовал в его переговорах с российскими властями.

Записка князя Удая

/л. 71/ Докладная записка маньчжурского подданного цзюнь вана⁸ [князя] 6-й степени Удая, управляющего Хорчинским цзасаком [княжеством], имеющего пребывание в Хянь-чин Мане при Чжиримском сейме, а также кавалера ордена Анны 2-й степени с мечами к обличенному доверием Верховного Всесильного Белого Царя, премьер-министру русского народа г. Столыпину⁹. Сущность указанной бумаги заключается в следующем: вот уже около десяти лет между двумя народами существует освященные обычаем дружественные отношения и продолжают непрерывно до сих пор. Свидетельством этих добрых отношений служит взаимная готовность обоих народов действовать строго в духе национальных и государственных законов. Только в 27 году прошлого правления [1900-й год] китаец Тун¹⁰ с оружием в руках производил разбой и беспорядки, в то время как между русскими и дайцинским¹¹ [китайцы] народом существовали мир и согласие. Что касается правителей самой Монголии, то я один почти из них решил поддерживать во что бы то ни стало прежние добрые отношения между двумя народами [китайцами и русскими]. Кроме того, я старался помогать и действовать согласно со взглядами русских сановников, по воле Верховного Всесильного русского Царя имевших пребывание в Маньчжурии, а особенно со стоявшим во главе их наместником Алексеевым¹², за что получал от них одобрение. Таким-то образом, в силу моей чистосердечной, самоотверженной деятельности постепенно упрочивались дружелюбные отношения. В настоящее время все эти сановники, как то: Алексеев, Гродеков¹³ и Орхонский [рукопись неразборчива. — *переводчик*] уехали из Маньчжурии, а генерал Линевиц¹⁴ и Покотилов¹⁵ умерли. Сколько бы ни было в Маньчжурии та/л. 71об./ких сановников, я с каждым из них был знаком и был в дружеских отношениях. Только по вопросу железнодорожной политики и некоторых других я с ними расходился во мнении. То, к чему я дошел своим скудным умом и теперь без страха хочу доложить в настоящей докладной записке Вам, высшему сановнику Столыпину, как близко стоящему к престолу Белого Царя, заключается в следующем: в настоящее время китайцы, не щадя своей жизни, всякие сведения [в деле политики русского народа] собирают для того, чтобы доносить Маньчжурскому хану [Китайскому Императору]¹⁶. Несколько лет тому назад, когда китайцы хотели отнять у маньчжуров трон [дословно правление], то и эту свою коварную мысль они ложью и обманом хотели осуществить за счет европейцев [желая побудить китайцев к войне с ними]¹⁷. В виду того, что этот вопрос еще недостаточно [для Вас] выяснен, то я позволю себе сказать, как это произошло в 27 году прошлого правления [в 1900 г.]: «у иностранцев постепенно стали возникать недоразумения с Маньчжурским домом [Китайским Императором]. Воспользовавшись этим, китайцы стали натравливать маньчжуров на европейцев. Маньчжуры появились было уже в Монголии с

⁸ Так в переводе.

⁹ Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) — председатель Совета министров и министр внутренних дел Российской империи (1906–1911).

¹⁰ Тун Чжэнь-шэнь — один из предводителей восстания ихэтуаней.

¹¹ Имеется в виду Да Цин, т. е. «Великая Цин» — маньчжурская императорская династия (1644–1911).

¹² Алексеев Евгений Иванович (1843–1917) — вице-адмирал, главный начальник Квантунской области (1899–1905), наместник на Дальнем Востоке (1903–1905), главнокомандующий сухопутными и морскими войсками в начале Русско-японской войны (1904).

¹³ Гродеков Николай Иванович (1843–1913) — приамурский генерал-губернатор (1898–1902), главнокомандующий на Дальнем Востоке (1906).

¹⁴ Линевиц Николай Петрович (1838–1908) — командующий русского корпуса и фактический главнокомандующий союзных войск во время подавления восстания ихэтуаней (1900–1901), командующий Приамурского военного округа (1903–1904), главнокомандующий сухопутными и морскими войсками на последнем этапе Русско-японской войны и после нее (1905–1906).

¹⁵ Покотилов Дмитрий Дмитриевич (1865–1908) — дипломат, предприниматель и востоковед, агент Министерства финансов в Китае (1897–1905), российский посол в Китае (1905–1908).

¹⁶ В период, к которому относятся события, описанные в записках, императорами Цин были Гуаньсун (1875–1908) и Пу И (1908–1911).

¹⁷ Имеется в виду восстание ихэтуаней (1898–1901).

целью вербовать войска и издали указ о том, чтобы сразиться с русскими и другими и¹⁸ европейцами, находящимися в Маньчжурии. Тогда наши монголы разузнали про эту коварную ложь и решили, что простые недоразумения с иностранцами отнюдь не должны вести к войне. После такого оборота дела Маньчжурский Император издал соответствующий указ об отмене войны, где, между прочим, говорится: „если поразмыслить, то оказывается, какие ничтожные идеи легли в основу /л. 72/ китайского восстания 1900 года; между тем, как мне пришлось узнать от монголов, они могли их ввести в столь опасное заблуждение“». О таком указе знали жившие в Маньчжурии сановники — Алексеев и Гродеков. Я, со своей стороны, и присоединившиеся ко мне единомышленники сообщили Маньчжурскому повелителю следующее: «после раскрытия злых умыслов китайцев в 1900 г. русские вступили с монголами в более дружелюбные отношения. Подобно этому [желательно было бы], если бы и Маньчжурский дом сделал бы то же самое». Китайцы всегда неприязненно относились к русским, да и к маньчжурскому дому они питали такую же вражду. Затем, в прошлый раз, китайцы самыми недостойными средствами побудили Маньчжурского Императора издать вышеупомянутый указ. Кроме того, китайцы начали возделывать пашни в нашем хошуне, собирали урожай и вообще вели себя по отношению к монголам вызывающе. В 28 году прошлого правления [1900 г.] я застал таких китайцев в своем хошуне на том самом месте, где с давних пор обрабатывали землю около тысячи монгольских кибиток. После подчинения наших монголов Маньчжурскому дому среди нас начало усиливаться стремление к объединению всех монгольских хошунов на почве национальных интересов и обычаев. Поэтому, задумавши выгнать китайцев, отнявших у нас пахотную землю, нами было решено поселить там кочующих монголов моего и других хошунов. Занявши у русского наместника 200 000 рублей казенных денег, я начал скупать у китайцев за малую плату землю и наделил ею монголов. Выкупив окончательно на взятые деньги эти земли, я сделался, таким образом, зависимым от русских. Китайцам же после этого я запретил доступ в мой хо/л. 72об./шун, который находится от железной дороги в 108 верстах. В ширину он имеет протяжение, равное участку железно-дорожной¹⁹ линии от Амура до Хингана. На юге через мой хошун проходит великий Сибирский путь. Поэтому мои владения являются смежными с русскими. Об этом обстоятельстве также знали русские чиновники, жившие в Маньчжурии. При разделе земель после удаления китайцев большая часть земли моего хошуна была дана монголам. После 27 года²⁰ прошлого правления японцы стали посещать нашу монгольскую страну. В особенности они проникали в Монголию от железнодорожной линии. Вследствие симпатии монголов к русским они почти не имели возможности найти удовлетворение своим намерениям. Только поблизости от великой китайской стены японцы открыли школы и стали в них преподавать военные науки по европейской программе. В то время, когда между двумя странами — русскими и японцами началась война²¹, эти последние целыми отрядами тайно направились с юга в Цицикар и Хайлар, по направлению железной дороги. Когда им не удалось дальнейшее движение, они вторглись в наши монгольские хошуны. В силу таких обстоятельств наши монголы были в недоумении и не знали как им вести себя по отношению к японцам. Тогда японцы переоделись в чужеземные костюмы и монгольских лам. Двигаясь с одного места на другое, они распускали всякого рода ложные слухи. Некоторые из них, впрочем, успели бежать, другие в пути сами поумирали, некоторых из них монголы наших хошунов убили. Спаслись только те из них, которые достигли границы нашего хошуна с хошуном дзалайтским²². После этого к нам пришел русский начальник, полковник Богданов²³ со свитой и отдал приказание монголам моего хошуна, чтобы они не пуска/л. 73/ли через свои земли не только японцев, но и китайцев и каждый раз задерживали бы их. Я, со своей стороны, опу-

¹⁸ Так в переводе.

¹⁹ Так в переводе.

²⁰ Слово «года» в переводе вставлено сверху строки.

²¹ Русско-японская война 1904–1905 гг.

²² Хошун Джарут.

²³ Богданов Александр (ум. 1904) — полковник Генерального штаба, военный комиссар Цицикарской провинции, убит хунхузами [Сергеев 2010: 212].

бликовал это распоряжение среди монголов в таких выражениях: «через мой хошун может пролетать только птица. Если же кто-либо из людей не моего хошуна явится в наши края, то, отправивши такого человека в канцелярию цзасака, нужно допросить его, в случае чего-либо подозрительного немедленно выгнать». После опубликования такого приказа китайцы чиновники²⁴, сторонники японцев, обратились ко мне с просьбой отменить это распоряжение. Я же, следуя монгольским традициям, никогда не отменял того, что было мной приказано. Когда через мои владения прошел однажды полководец Кедров²⁵, японцы немедленно узнали об этом от шпионов. Во время дальнейшего хода сражений, когда японцы стали слабеть, а русские крепнуть силами и даже заставили противника отступить, китайцы стали нам передавать о своих беспокойствах. Наши монголы все время продолжали получать сведения о месте расположения японских войск. Одно время прошел слух через Бинкту-вана [один из военных монгольских чинов]²⁶, что японцы были совершенно разбиты уже после того сражения, которое происходило под Мукденом²⁷. Когда военные действия окончились, наши монголы еще не знали об этом. О своих потерях не знали также и японцы, продолжая вести себя надменно. По окончании войны китайские чиновники, изменив расположение ко мне Богдыхана²⁸, вели усиленную пропаганду против тех из нас, которые во время войны действовали заодно с русскими и оказывали им всяческое содействие. Вследствие этого мне пришлось очень пострадать. Во время моих страшных /л. 73об./ мучений само небо милостивое пришло мне на помощь. Несмотря на то, что Монголия не входила в число мест для театра военных действий, тем не менее, китайские чиновники в Монголии распространяли разные ложные слухи, оказывая японцам тайную помощь. Слухи эти были такого рода: японцы оттеснили русских к северу от озера Байкал. Если они узнают, что вы, монголы, оказываете помощь русским, то они вас сильно накажут. Так-то китайцы запугивали нас. Мне лично тоже неоднократно присылались письма из Мукдена, где говорилось, чтобы я не позволял русским жить в своем хошуне. Если же я не исполню этого приказа и буду позволять русским поселяться в своих владениях, то я получу строгие кары. Поэтому я, задумавшись над такого рода положением дел, встретил Линевица и после разговора с ним решил разъяснить монголам о лживых слухах и обманах китайцев. Когда я разговаривал с Линевицем, то я просил его о следующем: «Я, цзюнь-ван, для нужд своего хошуна занимал деньги. Теперь не можете ли Вы, генерал, помочь мне достать денег для того, чтобы упрочить свой авторитет в глазах Богдыхана несением расходов на дворцовые нужды, собираемые китайцами со всех подданных». На такую мою просьбу я просил этого генерала дать мне ответ, а сам, тем временем, начал действовать более решительно и, поселив русских в своем хошуне, доставлял им помощь пищею и другим средствами. Также и русским войскам продавал я скот и пищу из нашей местности. Когда окончились военные действия, вновь стали распространяться слухи о том, будто японцы окончательно разбили русских. Нужно отдать справедливость, что русские городов не разоряли, несмотря /л. 74/ на то, что военные действия у них с японцами [к концу войны] происходили на суше. За то, что я помогал русским, мне сулили тяжкие наказания. Я же, со своей стороны, добрался до главной квартиры главнокомандующего всеми русскими войсками и просил его оказать мне помощь²⁹. Хотя от этого сановника и был

²⁴ Так в переводе.

²⁵ Хитрово Александр Дмитриевич (1860 – после 1916) — офицер для поручений при начальнике Заамурского военного округа, участник подавления восстания ихэтуаней, участник Русско-японской войны. В 1906 г. был командирован для ведения переговоров с Далай-ламой XIII, пребывавшим в это время в Халхе.

²⁶ Вероятно, имеется в виду хошунный правитель Бинту-ван, в 1916–1917 гг. назначенный китайскими властями «умиротворителем Монголии» [Кузьмин 2018: 4, 7; см. также: Tsai 1983: 73–75].

²⁷ Сражение под Мукденом (17 февраля – 10 марта 1905 г.), ставшее самым масштабным в Русско-японской войне и завершившееся победой японских войск, понесших однако настолько тяжёлые потери, что они практически не смогли далее вести боевые действия.

²⁸ Император Гуаньсюй.

²⁹ По всей видимости, Н. П. Линевица.

получен отказ, я обратился к посредству Кедрова, Хорвата³⁰ и князя Даниила³¹, и, когда объяснил им положение своих дел, тогда они выдали мне 90 000 рублей. Получивши деньги, я отправился в столицу с тем, чтобы устроить некоторые свои дела. Хотя я и обещался уплатить эти взятые деньги к определенному сроку, но по воле Неба урожай в том году был очень плохой, я не мог собрать земельные арендные платы. Когда я разъяснил все это Хорвату и князю Даниилу, они настойчиво стали требовать с меня долги. Даже Кедров, явившийся посредником между мною и этими сановниками, воочию убедился, что такое требование доходит до бесстыдства. Чтобы не оконфузиться, я довольно подробно обдумывал свое положение и решил обратиться к Китайскому Императору. Император отнесся сочувственно к моему положению и приказал выдать мне 300 000 лан для уплаты моего долга. Удостоившись такой милости, я доложил об этом Кедрову. Этот последний приказал своим чиновникам уведомить меня, чтобы я не беспокоился о долге. После этого я отправился в Харбин, чтобы привести в исполнение некоторые дела. В это время Китайского Императора не было в столице. Китайские чиновники, которым было поручено мое дело, хотя и получили приказание выдать мне деньги, но все-таки они всеми мерами меня притесняли и доставляли различного рода страдания. Они уго/л. 74об./варивали меня не платить долг русским в количестве 200 000 рублей, так как платежу пришел срок. Я же, внимая голосу совести, не мог пойти на такое дело и, восстановив долговые обязательства, выдал их русским чиновникам, с непоколебимым желанием уплатить весь долг в 290 000 рублей русскому Правительству, несмотря на недействительность долговых обязательств³² и на то, что без денег пашни моего хошуна не могли обрабатываться. Помимо этого, китайские чиновники убеждали меня порвать хорошие отношения с русскими, а также высказывали неудовольствия по поводу моих отдельных поступков. Я же, продолжая дружить с русскими, решил действовать осторожнее по отношению к³³ китайским властям, твердо памятая³⁴, что после бури бывает всегда хорошая погода³⁵. В столь трудных обстоятельствах, по совету домашних, я решил обратиться к Далай-Ламе³⁶ и доложить ему обо всем. Когда я дошел до Мукдена, китайские чиновники, заметив нас и узнавши, что я желаю представиться Далай-Ламе, заподозрили меня в желании раскрыть ему политические тайны и, пользуясь дружбой с русскими, заключить с ним союз в целях объединения Тибета и Монголии. Хотя они и хотели помешать мне достигнуть этой цели, я все же отправил своего брата Бухубуяна к Далай-Ламе. Когда он достиг монастыря Гум Бум³⁷, то, представившись Далай-Ламе, подробно доложил ему о положении дел. Далай-Лама сказал следующее: «если вы желаете дружить с русскими и пользоваться их милостынями, то не верьте лстивым словам китайцев». Мы — монгольские цзасаки и нойоны [князья] так и по-

³⁰ Хорват Дмитрий Леонидович (1858–1937) — руководитель строительства и управляющий КВЖД (1903–1918), генерал-майор. После революции 1917 г. — участник Белого движения на Дальнем Востоке, затем — фактический глава русской эмиграции в Китае.

³¹ Личность идентифицировать не удалось. Судя по контексту упоминаний вместе с Д. Л. Хорватом, речь может идти о князе Степане Николаевиче Хилкове (1866–1916), активном участнике строительства, затем — помощнике управляющего КВЖД.

³² Вероятно, имеется в виду озвученное еще в 1907 г. предложение Гродекова простить долг Удаю и тем самым завершить с ним финансовые отношения. Однако самому князю это было невыгодно, и он предпочел запросить дополнительный заем с обещанием вернуть, в конце концов, всю сумму [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 12–12об.].

³³ «К» вставлено сверху строки.

³⁴ Так в переводе — должно быть «памятуя».

³⁵ Монгольская поговорка, существующая в различных вариациях, напр.: «После пыли — дождь», «В конце страдания — радость» и т. п. [Личная консультация д-ра филол. наук И. В. Кульганек; 11.08.2020].

³⁶ Далай-лама XIII (1876–1933) — духовный и светский глава Тибета (1895–1933). После оккупации Тибета англичанами нашел убежище сначала в Монголии (1904–1906), затем в Китае (1906–1909). В 1910 г. вновь был вынужден покинуть Тибет из-за вторжения цинских войск, эмигрировал в Британскую Индию.

³⁷ Монастырь в Амдо, где Далай-лама останавливался на длительный отдых по пути из Пекина обратно в Тибет в 1909 г.

ступаем, твердо ожидая помощи с севера [от русских]. В этой помощи мы так уверены, как стрела, /л. 75/ пущенная вперед, уже не возвращается. Только некоторые из князей, в увлечении собственным спокойствием, поступали легкомысленно [в отношении нашей программы] в роде, например, Карчинского³⁸ вана [князя], который только и заботился [не об общих интересах,] но о личной славе и известности в столице, да и был притом сторонником японцев. Что касается нынешнего маньчжурского правления, то оно, находясь в руках китайских чиновников, окончательно подавлено ими. Так как Богдыхан милостиво относится к нам, монголам, то он вникает во все наши дела. Китайцы же, наоборот, со злым умыслом уговаривали меня, мой хошун и других монголов порвать с русскими всякие сношения. Хотя у меня в хошуне имеются ценные земли, но будучи страшно затруднен в денежных делах, я отправился в Китай, чтобы получить назначенные мне для платежа русским 300 000 рублей³⁹. Меня там опутали китайские чиновники в тот момент, когда получали долговые обязательства. Всем известно, какие китайцы взяточники. Они всегда берут с нас взятки и подарки, собирают ли подати или совершают какие-либо дела с нами. Хотя в деле взяточничества китайские чиновники и установили определенную таксу, но на деле этого им бывает недостаточно. Озабоченный миром и благоденствием своего хошуна, я потробоно⁴⁰ выяснил все эти неприятности Богдыхану. Потративши значительную часть выделенных мне денег на взятки и другие необходимые издержки, я обратился к сановникам русских, живших раньше в Маньчжурии: Линевицу, Алексею, Гродекову, с просьбой походатайствовать за меня, нельзя ли отсрочить платеж одной трети или половины моего долга русским, я был /л. 75об./ уверен в успехе моей настоящей просьбы. При всех стараниях русские сановники не могли ничего сделать. В виду такого тяжелого для меня положения дел я решился обратиться к Вашему Превосходительству с тем, чтобы вы доложили об этом Всесильному Белому Царю, нельзя ли мне оказать великую милость и позволить отсрочить одну треть или половину моего долга русским на неопределенное время. С самого вступления Великого Белого Царя на престол монгольский народ питал к нему особенные дружелюбные чувства, а установление русского народного правления [Госуд. Дума] еще более упрочило узы дружбы нашего народа с русскими [разумеются избирател. права в Госуд. Думу для монгольских единоплеменников — бурят и калмыков]. Что же касается меня, то я все свои взоры и мольбу о милости с твердою надеждою на успех посылаю Вам, великому сановнику Белого Царя. Теперь я уже не стану скрывать, что в настоящее время в Маньчжурии начинаются волнения. Китайская чернь и правительство относятся к нам, монголам, очень недружелюбно и особенно под давлением японцев стремятся тайно побуждать Китай к войне с русскими. Подвластные мне сановники были против настоящего моего обращения к Вашему Превосходительству. Я же, много пострадав за это время, на свой риск решил отправить указанный доклад со своим братом, главным Ламою при дворцовом храме Цорчжи-Тоин-Бухубуяном. Отправив его в столицу России, я вручил ему этот доклад за печатью цзасака и сделал его своим уполномоченным для решения и обсуждения всяких дел с приказанием ожидать ответа на этот мой доклад. После того, как я получил через покойного посла на/л. 77⁴¹/шей резиденции [Пекин] Покотилова орден с мечами от Всемогущего Белого Хана, я осмеливаюсь покорнейше просить Ваше Превосходительство довести до сведения Верховного Повелителя России о воодушевляющих чувствах монгольского народа по отношению к Великому [русскому] народу с желанием вечного благоденствия. Я же, порадованный великою милостью и наградой, благоговейно, от всего сердца, поручаю посланному преподнести былый ходак⁴¹ [платок — обычный подарок монголов]. Кроме этого, я, презренный князь, осмеливаюсь беспокоить Вас, имя и слава которого известны на весь мир, просьбою не оставить Вашим попечением моего брата, Бухубуяна, во время его пребывания в столице Вашей. Когда Бухубуян возвратится на родину, то он подробно поведаст мне о приеме и чувствах обоюдной дружбы.

28 числа среднего зимнего месяца первого года, под циклическим знаком «Вода».

³⁸ Харачинского.

³⁹ Так в переводе, хотя выше был «лан».

⁴⁰ Так в переводе.

Историко-правовой анализ

В приведенной записке характеризуются особенности международно-правового положения Внутренней Монголии, правители которых в описываемый им период поддерживали связи как с властями империи Цин, так и с соседними державами — Российской империей и Японией.

Весьма красноречиво описана в записке политика маньчжурских властей по интеграции Внутренней Монголии в имперское пространство, нашедшая отражение как в административных, так и в социально-экономических преобразованиях. Главной целью властей империи Цин стало «сращивание» Внутренней Монголии с соседними китайскими провинциями, которого они старались достичь путем массового переселения китайских крестьян-колонистов на монгольские земли.

Согласно сведениям иностранных путешественников, стихийно этот процесс начался еще в конце XVIII в., когда первые китайцы-колонисты стали появляться на землях Внутренней Монголии. Формально маньчжурские власти, исходя из «Лифаньюань цзе-ли» («Уложения Китайской палаты внешних сношений»), запрещали подобные переселения, затем ограничивали число поселенцев [Гурьев 1910: 6–9; Tsai 1983: 37–38]. Со временем китайская колонизация стала принимать столь угрожающие масштабы, что местные князья на своих сеймах раз за разом единогласно принимали решения об отказе в предоставлении китайским поселенцам даже «пустопорожних земель» [Роборовский 1949: 327, 338; David 1975: 160]. Однако маньчжурские власти «из корысти» продавали китайским мандаринам земли в юго-восточной Монголии, которые формально были «приписаны к дворцу Жехо», т. е. считались государственной собственностью [Фрицше 1873: 257]. Прямым следствием таких решений стал захват монгольских владений с использованием особой «системы», по сути, сочетавший в себе «обман и насилие» [Давидов 1911: 46; Морозов 1912: 286]. По сведениям некоторых путешественников, происходили и открытые вооруженные захваты китай-

цами монгольских земель, их распашка и возведение каменных домов [David 1975: 167, 168]. В результате уже в конце XIX в. в Южной Монголии насчитывались десятки монгольских и даже чисто китайских деревень [Потанина 1895: 86–87; Палибин 1901: 42–43; Hedley 1910: 133, 158].

Формально маньчжурские власти объясняли подобную политику стремлением приобщить к земледелию самих монголов. Оно оказалось успешным: уже в середине XIX в. многие народности Южной Монголии (харачины, тумэты и др.) уже перешли к земледельческому хозяйству [Васильев 1857: 161, 163]. Массовые переселения китайцев во Внутреннюю Монголию не давали возможности самим монголам полноценно заниматься земледелием на территории собственных хошунов, в результате чего представители отдельных племен переселялись на земли других. С этой проблемой и столкнулся автор записки — князь Удай.

В 1891–1892 гг. на территории Северо-Восточного Китая вспыхнуло восстание секты «Цзинь-дань-дао», участники которого, выступив сначала против христианских миссионеров и обращенных ими китайцев, вскоре обратили оружие и против коренного населения Внутренней Монголии. Монголы племени харачин выступили против восставших и нанесли им ряд поражений. В результате благодарные маньчжурские власти в 1893 г. позволили части племени переселиться в хошун Хорчин, а Удаю заставили уступить им значительное количество земли по символической цене [Фрозе 1911: 106; см. также: Златкин 1957: 130–131; Алтанцэцэг 1981: 38–39; Кузьмин 2016: 63].

После подавления восстания ихэтуаней в 1901 г. империя Цин, обеспокоенная тем, что Россия, принявшая активное участие в разгроме восставших, распространит свое влияние на Маньчжурию и Монголию, официально провозгласила политику интеграции монголов в имперское пространство, тем самым открыв возможности для массовых переселений в монгольские земли для китайских колонистов и представителей монгольских народностей, уже к этому времени воспринявших оседлый образ жизни [Фрозе 1911: 94, 108, 122; см. также: Tsai 1983: 94–95]. В период с 1903 по 1907 гг. князю Удаю пришлось уступить колони-

⁴¹ Л. 76 — это оригинал докладной записки на монгольском языке, представляющий собой свиток с текстом и семью печатями.

⁴² Так в переводе.

стам впятеро больше земель, чем в 1893 г.: на них поселились те же харачины, а также тумэты, китайцы и маньчжуры [Болобан 1910: 69].

В связи с притоком в хошун Хорчин большого количества населения из «внутренних» китайских областей цзянь-цзюнь (генерал-губернатор) Мукдена направил представление о формировании во владениях князя Удай чисто китайской административно-территориальной единицы. В результате в 1903 г. в хошуне была образована китайская область с центром в городе Тао-нань-фу, включавшая в себя 3 уезда [Ландезен 1909: 152–153; см. также: Курас 2016: 133]. При этом самому же Удаю пришлось финансировать возведение во вновь созданном областном центре здания «колониционного бюро», т. е. ведомства, распределявшего земли в его улусе между колонистами. В результате самим же хорчинам, желавшим осесть на землю, приходилось покупать участки земли, ранее считавшейся их общим владением, через эту китайскую контору [Г. П. 1909: 123]!

Именно эти события описаны (хотя и сравнительно кратко) в его записке, когда он излагает причины обращения к российским властям с целью получения в долг денежной суммы в размере 200 тыс. руб., чтобы выкупить обратно земли. Однако взятие этой суммы в долг не позволило Удаю выкупить земли — и не только в связи с тем, что одолженные деньги были потрачены им «на собственные нужды» (да и сам он в записке признавался, что значительные средства были потрачены им на путевые расходы и на взятки маньчжурским чиновникам). После Русско-японской войны, пользуясь ослаблениями позиций России на Дальнем Востоке, цинские власти продолжили заселение региона китайцами. Маньчжурская администрация предложила хорчинскому князю погасить его долг, предложив под обеспечение принадлежащего ему скота и оставшихся земель выделить денежные средства в размере 300 тыс. лан серебра [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 75].

В результате в 1907 г. Удай был вынужден подписать так называемые «Правила для урегулирования положения дел в хошуне Цзасакту-вана», состоявшие из 15 пунктов, реализация которых фактически лишила его возможности распоряжаться зе-

мельными владениями в собственном уделе [Г. П. 1909: 126, 127; см. также: Tsai 1983: 89–92]. В начале 1910-х гг. китайские власти стали регулярно отправлять чиновников для проведения «инструментальной съемки» земель Внутренней Монголии с целью их дальнейшей колонизации [Третьяк 1912: 104, 116–117]. Наряду с колонистами-крестьянами в регионе в большом количестве стали появляться и наемные рабочие-кули, свободно перемещавшиеся по территориям, еще сравнительно недавно закрытым для китайцев [Pereira 1911: 262].

Поэтому неудивительно, что Удай, подобно многим другим князьям Внутренней Монголии, крайне негативно относился к династии Цин и выступал за сохранение традиционной государственности, правовых и социально-экономических отношений [Москвитин 1908: 16–17; Жамцарано 1913: 52–53; см. также: Курас 2016: 131; Цыбенков, Юй 2018]. Тем более что (как он отмечает в своей записке) стремления монголов к независимости и самостоятельному пути развития поддержал также Далай-лама XIII, одобрявший также и контакты правителей Внутренней Монголии с российскими властями [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 74об.].

Однако почему же Удай считал возможным обратиться за поддержкой именно к России? Дело в том, что еще со времени появления российских войск в Маньчжурии и Монголии для подавления восстания ихэтуаней, т. е. с 1900 г., хорчинский князь стал поддерживать тесные контакты с администрацией русского Дальнего Востока: упоминаемые им в записке контакты с руководителями этой администрации А. Е. Алексеевым, Н. П. Линевицем, Н. И. Гродековым, Д. Л. Хорватом и др. отражали реальное положение дел [Белов 1996: 39]. Наладив связи с российскими властями, Удай воспользовался их слабым знанием ситуации во Внутренней Монголии и вскоре превратился в главного посредника между российской администрацией и монгольскими князьями — своими родичами, хотя фактически его влияние в монгольских землях было не столь значительным, как он старался внушить русским чиновникам. Неслучайно один из участников событий тех лет несколько лет спустя писал: «Мы сами окружили Удай ореолом какого-то

особого влияния его среди князей и создали ему репутацию богатого и сильного в Чжеримском сейме» [Г. П. 1909: 127].

Однако было бы несправедливым считать, что Удай в отношениях с русскими ограничивался пустыми обещаниями, а сами имперские администраторы с легкомысленным доверием воспринимали его слова. В годы Русско-японской войны хорчинский князь сумел продемонстрировать на практике свою симпатию к русским. Как сам он упоминает в записке, накануне начала боевых действий в его владениях побывали российские военные агенты полковники А. Богданов и А. Д. Хитрово, сумевшие убедить его оказать поддержку русским в обеспечении безопасности КВЖД [Сергеев 2010: 106], что также нашло отражение в публикуемой записке. В результате во время войны Удай, во-первых, блокировал проход через свои владения японских войск и нанятых японцами монголов и китайцев-хунхузов, во-вторых, поставлял российским войскам скот⁴³ [Белов 1996: 40]. Его заслуги, оказанные в военное время, впоследствии подтвердили и представители российской администрации Дальнего Востока, что нашло отражение и в материалах дела № 712 [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 6 и др.]. Неудивительно, что он был награжден орденом св. Анны (о чем также упоминает в письме) и вопрос о предоставлении ему ссуды обсуждался на уровне высших органов власти Российской империи [Россия и Тибет 2005: 102].

Однако после поражения России в 1905 г. князь Удай, как он сам пишет в своей записке, подвергся преследованиям со стороны маньчжурских властей за оказание поддержки русским. В административном отношении это выразилось в том, что пограничные маньчжурские администраторы стали всячески препятствовать его контактам с русскими, в частности запрещая ему поездки в Харбин. Вместе с тем маньчжуры всячески поощряли взаимодействие Удая с

японскими представителями, имевшими резиденцию в Мукдене, а также принятие им японских эмиссаров в собственных владениях [Г. П. 109: 128–129].

Представители Японии стали активно действовать во Внутренней Монголии уже в конце XIX в. — особенно после поражения империи Цин в китайско-японской войне 1894–1895 гг. [Алтанцэцэг 1981: 18; Мажинский 2014: 38]. Поначалу речь шла только о японских торговцах, затем наряду с ними во Внутреннюю Монголию стали проникать и представители разведки, занимавшиеся сбором сведений о деятельности не только маньчжурской администрации и монгольских князей, но и других иностранных держав в регионе, в частности России и США.

Примеры такой деятельности и приводит в своей записке Удай, упоминая японских учителей, секретных агентов, передевавшихся в торговцев и буддийских лам и т. д. Правда, сам он относит деятельность японских шпионов к событиям русско-японской войны [РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 72об.], тогда как, согласно документам российской разведки, она имела место уже в послевоенный период [Кузьмин 2014: 29–31; Курас 2016: 133]. Дело в том, что после войны, в 1907 г., было подписано русско-японское соглашение, в секретном приложении к которому сферой влияния России признавалась Северная Монголия (Халха), а Японии — Внутренняя Монголия [Дудин 2014: 12]. Именно по итогам этого соглашения японцами было создано специальное разведочное бюро, в составе которого были подразделения, отвечавшие за работу в Маньчжурии и Внутренней Монголии. Полагаем, что Удай, относя действия японских агентов к периоду военных действий, старался подчеркнуть в глазах российских имперских властей свои заслуги, оказанные им в 1904–1905 гг.

Тем не менее, несмотря на «хронологический сдвиг», хорчинский князь в целом верно описывает сложившуюся ситуацию, связанную с ослаблением влияния России в Южной Монголии и с политикой маньчжурских властей, видевших в японском влиянии во Внутренней Монголии противовес влиянию Российской империи. В результате японские представители сумели привлечь на свою сторону и некоторых монгольских князей — что также упоминает Удай в сво-

⁴³ Тем самым князь Удай нарушал запрет на торговлю монголов с иностранцами, в том числе и с русскими, который издавна действовал на территории как Халхи, так и Внутренней Монголии, соблюдение которого в мирное время контролировали представители китайских таможенных структур [Бичурин 1828: 30; Виноградов 1909: 163–164].

ей записке [см. также: [Шахновский 1906: 49](#)]. Вероятно, именно в это время японские эмиссары стали формировать себе базу, на основе которой уже в начале 1930-х гг. сумели создать «марионеточные» государства под своим контролем: Маньчжоу-го в Маньчжурии и Мэнцзян во Внутренней Монголии [см. подробнее: [Дудин 2014; Мажинский 2014: 60–88](#)].

При этом сам Удай, несмотря на периодические контакты с японцами, продолжал придерживаться пророссийской ориентации, что не могли не оценить власти Российской империи. Это нашло отражение в решении по его прошению, которому и посвящено дело № 712: по итогам ряда межведомственных совещаний с участием представителей МИДа, Минфина, Военного министерства и дальневосточной администрации было принято решение простить Удаю его долги в размере 285 тыс. руб.⁴⁴ (правда, при этом — отклонить его просьбу о предоставлении новой ссуды).

Вероятно, это решение российских властей убедило князя Удаю в том, что русские и впредь будут готовы оказывать ему поддержку⁴⁵, в результате чего он и поднял в августе 1912 г. вышеупомянутое восстание, завершившееся скорым поражением и бегством самого князя в Халху.

В заключение обратим внимание на то, что князь Удай в своей записке ничего не упоминает о деятельности во Внутренней Монголии американских и европейских (в частности немецких) торговых компаний, действовавших в регионе с конца XIX в. [[Алтанцэцэг 1981: 20–21](#)]: вероятно, князю не приходилось иметь с ними дел.

⁴⁴ А не 290 тыс., как он сам указывает в записке.

⁴⁵ Именно по поводу этой поддержки вел переговоры Ширэту-лама, направленный Удаем в Санкт-Петербург с публикуемым письмом и запиской [[РГИА. Ф. 1276. Оп. 3. Д. 712. Л. 81об.](#)].

Заключение

Итак, записка князя Удаю является весьма ценным документом о непростом международно-правовом положении Внутренней Монголии, оказавшейся на рубеже XIX–XX вв. объектом устремлений могущественных держав, соперничавших за контроль над Дальневосточным регионом — империи Цин (собственного сюзерена монголов), а также России и Японии. В документе весьма подробно характеризуются колонизационная политика Цинской империи во Внутренней Монголии, усилия японцев по укреплению своего влияния в регионе, ориентация монгольских князей на союз с Россией, в котором они видели залог сохранения своей самобытности.

Безусловно, записка отражает весьма субъективный взгляд на ситуацию: Удай подчеркивает перед адресатом собственную значимость на международной арене, постоянно акцентирует внимание на том, что он — едва ли не единственный из князей Внутренней Монголии, кто является сторонником России. Однако сравнение его сведений с информацией иностранных современников позволяет сформировать достаточно объективное представление независимых друг от друга участников событий о положении Внутренней Монголии на рубеже XIX–XX вв. и особенностях ее взаимоотношений с другими участниками международных отношений в регионе.

Анализ международно-правового положения Внутренней Монголии, охарактеризованного в записке князя Удаю, таким образом, отражает существенной изменение расстановки сил в Восточной Азии к концу первого десятилетия XX в., впоследствии приведшее к дальнейшему усилению Японии и образованию в регионе «марионеточных» государств — таких как Мэнцзян и Маньчжоу-Го.

Источники

РГИА — Российский государственный исторический архив.

Sources

Russian State Historical Archive.

Литература

- Алтанцэцэг 1981 — *Алтанцэцэг Н.* «Внутренняя Монголия» во второй половине XIX – начале XX вв. / под ред. Ч. Далай. Уланбатор: Ин-т востоковедения АН МНР, 1981. 61 с.
- Батсайхан 2018 — *Батсайхан О.* Последний великий хан Монголии Богдо Джебцундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды / пер. Н. Баяр. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2018. 406 с.
- Белов 1996 — *Белов Е. А.* Антикитайское восстание князя Удай во Внутренней Монголии (1912 г.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 1996. № 3. С. 39–45.
- Белов 1999 — *Белов Е. А.* Россия и Монголия (1911–1919 гг.). М.: Ин-т востоковедения РАН, 1999. 239 с.
- Бичурин 1828 — Записки о Монголии, сочиненные монахом Иакинфом. Т. I. СПб.: Тип. К. Крайя, 1828. XII+339 с.
- Болобан 1910 — *Болобан А.* Северо-Восточная Монголия и ее хлеба // Вестник Азии. 1910. № 5. С. 68–94.
- Васильев 1857 — *Васильев В. П.* Выписки из дневника, веденного в Пекине // Русский вестник. 1857. Т. 9. С. 145–200.
- Виноградов 1909 — *Виноградов [М. Н.]* Описание пути от г. Хайлара до г. Калгана, пройденного в течение лета и осени 1906 г. // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. LXXXII. СПб.: Военная тип., 1909. С. 151–184.
- Г. П. 1909 — *Г. П.* Наши торговые интересы в Монголии // Вестник Азии. 1909. № 1. С. 122–135.
- Гурьев 1910 — *Гурьев Б.* Территориальная неприкосновенность Монголии по уложению Лифань-юаня // Вестник Азии. 1910. № 6. С. 6–13.
- Давидов 1911 — *Давидов Д. А.* Колонизация Маньчжурии и С.-В. Монголии (области Тао-Нань-Фу). Владивосток: Изд-во Восточного ин-та, 1911. VIII+185 с.
- Дудин 2014 — *Дудин П. Н.* Политическая история Мэнцзяна. Улан-Удэ: Изд-во Бурятского гос. ун-та, 2014. 300 с.
- Жамцарано 1913 — Поездка в Южную Монголию в 1909–1910 гг. Отчет Ц. Жамцарано // Известия Русского Комитета для изучения Средней и Восточной Азии в историческом, археологическом, лингвистическом и этнографическом отношениях. Сер. II. 1913. № 2. С. 44–53.
- Златкин 1957 — *Златкин И. Я.* Очерки новой и новейшей истории Монголии. М.: ИВЛ, 1957. 300 с.
- Коростовец 2004 — *Коростовец И. Я.* От Чингис хана до советской республики (Краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени). Улан-Батор: Эмгэнт, 2004. 560 с.
- Кузьмин 2014 — *Кузьмин Ю. В.* Иркутские архивные материалы о деятельности японской разведки в Монголии и Маньчжурии в начале XX в. // Сибирь в войнах начала XX века. Мат-лы Сибирского исторического форума (Красноярск, 3–6 декабря 2013 г.). Красноярск: Резонанс, 2014. С. 28–31.
- Кузьмин 2016 — *Кузьмин С. Л.* Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века. М.: Тов-во научных изданий КМК, 2016. 496 с.
- Кузьмин 2018 — *Кузьмин С. Л.* Положение повстанцев Внутренней Монголии после смерти их лидера Бавужава в 1916 г. // Oriental Studies. 2018. Vol. 11. №. 6. С. 2–14. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-2-14
- Кузьмин, Батсайхан 2019 — *Кузьмин С. Л., Батсайхан О.* Об указе императора Хунтайджи (Абахая) о восстановлении независимости монголов после падения Цинской династии // Восток (Oriens). 2019. № 5. С. 200–217.
- Курас 2016 — *Курас Л. В.* Внутренняя Монголия в составе империи Цин // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2016. Т. 15. С. 126–136.
- Ландезен 1909 — *Ландезен А. фон.* Новейшие данные для культурно-экономического описания городов Маньчжурии и Монголии // Вестник Азии. 1909. № 2. С. 152–164.
- Мажинский 2014 — *Мажинский С. В.* Социально-экономическое и политическое развитие Внутренней Монголии в контексте модернизации Китая (1911–1976 гг.): дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 214 с.
- Морозов 1912 — *Морозов И. М.* Бюджет монгольского хозяйства и перспективы русско-монгольской торговли // Московская торговая экспедиция в Монголию. М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1912. С. 280–291.
- Москвитин 1908 — [*Москвитин Ф. С.*] Заметки о Монголии // Туркестанский сборник. Т. 470. Ташкент: [б. и.], 1908. С. 115–117.
- Палибин 1901 — *Палибин И. В.* Предварительный отчет о поездке в восточную Монголию и застенный Китай // Известия Императорского

- Русского Географического общества. Т. XXXVII. 1901. Географические известия. С. 1–58.
- Полумордвинов 1912 — *Полумордвинов М.* Историческая справка // Вестник Азии. 1912. № 11–12. С. 1–20 + I–IV.
- Потанина 1895 — *Потанина А. В.* Из путешествий по Восточной Сибири, Монголии, Тибету и Китаю. М.: Тип. Елизаветы Гербек, 1895. XLII+296 с.
- Почекаев 2017 — *Почекаев Р. Ю.* Традиционное право Монголии под властью империи Цин в записках российских путешественников XIX – начала XX века // Сибирский юридический вестник. 2017. № 3. С. 14–21.
- Почекаев 2019 — *Почекаев Р. Ю.* Правовые реалии Монголии XVIII – 1-й пол. XIX в. глазами российских путешественников (опыт юрико-антропологического анализа) // Вестник Российского университета Дружбы народов. Сер.: Юридические науки. 2019. Т. 23. № 4. С. 602–621.
- Роборовский 1949 — *Роборовский В. И.* Путешествия в восточный Тянь-Шань и в Нань-Шань. Труды экспедиции Русского географического общества по Центральной Азии в 1893–1895 гг. / ред., вступ. ст. и коммент. Б. В. Юсова. М.: ОГИЗ, 1949. 402 с.
- Россия и Тибет 2005 — Россия и Тибет: сборник русских архивных документов, 1900–1914 / отв. ред. Е. А. Белов. М.: Вост. лит., 2005. 231 с.
- Сергеев 2010 — *Сергеев Е. Ю.* Военная разведка России в борьбе против Японии, 1904–1905 гг. М.: Т-во научных изданий КМК, 2010. 219 с.
- Сизова 2015 — *Сизова А. А.* Консульская служба России в Монголии (1861–1917). М.: Наука, Вост. лит., 2015. 295 с.
- Третьяк 1912 — *Третьяк И. А.* Дневник. Путешествия вокруг Хингана (Результаты командировки в 1908 и 1909 гг.). Хабаровск: Тип. канцелярии приамурского генерал-губернатора, 1912. 175 с.
- Фрицше 1873 — *Фрицше [Г. А.].* Путешествия по Монголии // Известия Императорского Русского Географического общества. 1873. Т. IX. 1873. Отд. II. С. 255–259.
- Фрозе 1911 — *Фрозе Б.* Восточная Монголия и ее колонизация // Вестник Азии. 1911. № 10. С. 90–136.
- Цыбенков, Юй 2018 — *Цыбенков Б. Д., Юй Шан.* Буддизм и национализм во Внутренней Монголии в первой четверти XX в. // Известия Иркутского государственного университета. Сер. «История». 2018. Т. 26. С. 109–118.
- Шахновский 1906 — *Шахновский И. К.* Очерк деятельности Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи в период минувшей русско-японской войны (1904–1905 гг.). СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1906. 144. с.
- David 1975 — *David A.* Voyage en Mongolie // Bulletin de la Societe de Geographie. Ser. 6. T. IX. 1975. P. 131–177.
- Hedley 1910 — *Hedley J.* Tramps in dark Mongolia. London; Leipsic: T. Fisher Unwin, 1910. XII+371 p.
- Pereira 1911 — *Pereira G.* A journey across the Ordos // The Geographical Journal. 1911. Vol. 37. No. 3. P. 260–264.
- Tsai 1983 — *Tsai Sheng-luen.* Chinese settlement of Mongolian lands: Manchu policy in Inner Mongolia (A case study of Chinese migration in Jerim League). Ph. D. Thes. Provo: Brigham Young University, 1983. VI+173 p.

References

- Altantsetseg N. 'Inner Mongolia': Mid-19th – Early 20th Centuries. Ch. Dalai (ed.). Ulaanbaatar: Institute of Oriental Studies (Mongolian Academy of Sciences), 1981. 61 p. (In Russ.)
- Batsaikhan O. 8th Bogdo Jebtsundamba Khutukhtu: The Last Great Khan of Mongolia. Life and Legends. N. Bayar (transl.). Moscow: KMK, 2018. 406 p. (In Russ.)
- Belov E. A. (ed.) Russia and Tibet: Collected Russian Archival Documents, 1900–1914. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2005. 231 p. (In Russ.)
- Belov E. A. Russia and Mongolia: 1911–1919. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1999. 239 p. (In Russ.)
- Belov E. A. The 1912 Anti-Chinese Rebellion of Prince Uday in Inner Mongolia. *Oriens*. 1996. No. 3. Pp 39–45. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. Notes on Mongolia Written by Ven. Hyacinth. Vol. I. St. Petersburg: K. Kray, 1828. XII+339 p. (In Russ.)
- Boloban A. Northeastern Mongolia and Its Crops. *Vestnik Azii*. 1910. No. 5. Pp. 68–94. (In Russ.)
- David A. Voyage en Mongolie. *Bulletin de la Societe de Geographie*. Ser. 6. 1975. Vol. IX. Pp. 131–177. (In Fr.)

- Davidov D. A. Colonization of Manchuria and Northeastern Mongolia: Tao-Nang-Fu Province. Vladivostok: Eastern Institute, 1911. VIII+185 p. (In Russ.)
- Dudin P. N. The Political History of Mengjiang. Ulan-Ude: Buryat State University, 2014. 300 p. (In Russ.)
- Fritsche [G. A.]. Voyages across Mongolia. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. 1873. Vol. 9. Part 2. Pp. 255–259. (In Russ.)
- Froze B. Eastern Mongolia and its colonization. *Vestnik Azii*. 1911. No. 10. Pp. 90–136. (In Russ.)
- G. P. Our trade interests in Mongolia. *Vestnik Azii*. 1909. No. 1. Pp. 122–135. (In Russ.)
- Guryev B. Territorial inviolability of Mongolia according to a Statute of the Lifan Yuan. *Vestnik Azii*. 1910. No. 6. Pp. 6–13. (In Russ.)
- Hedley J. Tramps in Dark Mongolia. London; Leipzig: T. Fisher Unwin, 1910. XII+371 p. (In Engl.)
- Korostovets I. Ya. From Genghis Khan to the Soviets: A Brief History of Mongolia with Special Account of Modern Times. Ulaanbaatar: Emgent, 2004. 560 p. (In Russ.)
- Kuras L. V. Inner Mongolia as part of the Empire of the Great Qing. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'History'*. 2016. Vol. 15. Pp. 126–136. (In Russ.)
- Kuzmin S. L. Guerillas of Inner Mongolia after the death of their leader Babujab in 1916. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 40. No. 6. Pp. 2–14. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-2-14
- Kuzmin S. L. Theocratic Statehood and Buddhist Church in Mongolia: Early 20th Century. Moscow: KMK, 2016. 496 p. (In Russ.)
- Kuzmin S. L., Batsaikhan O. On the decree of the Hong Taiji (Abahai) Emperor on the restoration of independence of the Mongols after the fall of the Qing Dynasty. *Oriens*. 2019. No. 5. Pp. 200–217. (In Russ.)
- Kuzmin Yu. V. Irkutsk archival materials on the activity of Japan intelligence in Mongolia and Manchuria at the beginning of the 20th c. In: *Siberia in Wars of the Early 20th Century. Forum Proceedings* (Krasnoyarsk; December 3–6, 2013). Krasnoyarsk: Rezonans, 2014. Pp. 28–31. (In Russ.)
- Landesen A. von. Latest data for cultural and economic description of Manchurian and Mongolian cities. *Vestnik Azii*. 1909. No. 2. Pp. 152–164. (In Russ.)
- Mazhinsky S. V. Socioeconomic and Political Development of Inner Mongolia in the Context of China's Modernization: 1911–1976. Cand. Sc. (history) thesis. Tomsk, 2014. 214 p. (In Russ.)
- Morozov I. M. The scale of Mongolian economy and prospects of Russian-Mongolian trade. In: *Moscow Trade Expedition to Mongolia*. Moscow: P. Ryabushinsky, 1912. Pp. 280–291. (In Russ.)
- [Moskvitin F. S.] Notes on Mongolia. *Turkestanskiy sbornik*. 1908. Vol. 470. Pp. 115–117. (In Russ.)
- Palibin I. V. Preliminary Report on the trip to the Eastern Mongolia and wall-mounted China. *Izvestiya Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva*. 1901. Vol. 37. Geographic News. Pp. 1–58. (In Russ.)
- Pereira G. A Journey Across the Ordos. *The Geographical Journal*. 1911. Vol. 37. No. 3. Pp. 260–264. (In Eng.)
- Pochekaev R. Yu. Legal realities of Mongolia in 18th — first half of 19th c. as seen by Russian travelers (attempt of analysis from legal anthropology point of view). *RUDN Journal of Law*. 2019. Vol. 23. No. 4. Pp. 602–621. (In Russ.)
- Pochekaev R. Yu. Traditional law of Mongolia under the power of Qing Empire as it described by Russian travelers of the end of the 19th — beginning of the 20th cc. *Siberian Law Herald*. 2017. No. 3. Pp. 14–21. (In Russ.)
- Polumordvinov M. Historical note. *Vestnik Azii*. 1912. No. 11–12. Pp. 1–20 + I–IV. (In Russ.)
- Potanina A. V. Across Eastern Siberia, Mongolia, Tibet and China: Excerpts from Travel Notes. Moscow: E. Herbeck, 1895. XLII+296 p. (In Russ.)
- Roborovsky V. I. Travels to the Eastern Tian Shan and Nan Shan. Transactions of the Expedition by Russian Geographic Society across Central Asia, 1893–1895. B. Yusov (ed.). Moscow: OGIZ, 1949. 402 p. (In Russ.)
- Sergeev E. Yu. Struggling against Japan: Military Intelligence of Russia, 1904–1905. Moscow: KMK, 2010. 219 p. (In Russ.)
- Shakhnovsky I. K. Trans-Amur Circuit, Independent Corps of Frontier Guards: An Essay on Its Activities during the Recent Russo-Japanese War of 1904–1905. St. Petersburg: Energiya, 1906. 144. p. (In Russ.)
- Sizova A. A. Consular Service of Russia in Mongolia: 1861–1917. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 2015. 295 p. (In Russ.)

- Tretyak I. A. Diary of Travels around Khingan: Results of 1908 and 1909 Missions. Khabarovsk: Chancellery of Amur Governor-General, 1912. 175 p. (In Russ.)
- Tsai Sheng-luen. Chinese Settlement of Mongolian Lands: Manchu Policy in Inner Mongolia (A Case Study of Chinese Migration in Jerim League). PhD thesis. Provo: Brigham Young University, 1983. VI+173 p. (In Eng.)
- Tsybenov B. D., Yui Shan. The Buddhism and nationalism in Inner Mongolia in the first quarter of the XX Century. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series 'History'*. 2018. Vol. 26. Pp. 109-118. (In Russ.)
- Vasilyev V. P. Extracts from the Beijing diary. *Russkiy vestnik*. 1857. Vol. 9. Pp. 145–200. (In Russ.)
- Vinogradov [M. N.] Description of the way from Hailar City to Kalgan City passed during the summer and autumn of 1906. In: *Collected Geographic, Topographic and Statistical Materials on Asia*. Vol. 82. St. Petersburg: Military Press, 1909. Pp. 151–184. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Zh. [Trip to Southern Mongolia in 1909–1910. *Izvestiya Russkogo Komiteta dlya izucheniya Sredney i Vostochnoy Azii v istoricheskoy, arkheologicheskoy, lingvisticheskoy i etnograficheskoy otnosheniye*. Series 2. 1913. No. 2. Pp. 44–53. (In Russ.)
- Zlatkin I. Essays on Modern and Contemporary History of Mongolia. Moscow: Publ. House of Oriental Literature, 1957. 300 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1513–1523, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1513-1523
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 39

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1513-1523

Photographs of Mongolian *tsam*-related artefacts taken by Czechoslovak researchers in the 1950s and 1960s: re-opening an old file

Veronika V. Kapišovská¹

¹ Charles University (1/2, nám. J. Palacha, 116 38 Praha 1, Czech Republic)

Ph. D. (Mongolian Studies), Assistant Professor

 0000-0003-1802-7087. E-mail: uvs@seznam.cz

© KalmSC RAS, 2020

© Kapišovská V., 2020

Abstract. *Introduction.* This paper deals with two sets of colour photographs of Mongolian *tsam* masks taken by Czechoslovak archaeologist Lumír Jisl (1921–1969) and art photographer Werner Forman (1921–2010) in Mongolia during the period of 1956–1963. Werner Forman's photographs appeared in *Lamaistische Tanzmasken*. This unpretentious, slim volume, with a text composed by B. Rinchen (with the apparent assistance of a former *tsam* ceremony master, giving it unequivocal authenticity) holds a unique position: it was published 32 years after the last eye-witness description of the Mongolian *tsam* given by Shastina in 1935 (including black-and-white photographs), and some two decades before the series of *tsam* mask photographs featured in Tsultem's *Mongolian Sculpture and Iskusstvo Mongolii* 'Mongolian Art'. In contrast, Lumír Jisl's photographs, apart from the few that were published during his lifetime, were preserved in a family archive for more than fifty years. The goal of this paper is to describe the circumstances under which these colour photographs came into being. A brief account is given of the visits to Mongolia undertaken by Lumír Jisl and Werner Forman. The general background of Czechoslovak-Mongolian cooperation in its first decade after the establishment of diplomatic relations between the two countries is also sketched out. At that time, *tsam* masks were stored in the Choijin Lama Temple, one of the very few monastic complexes to survive the antireligious campaign of the late 1930s; the temple became shelter to many religious artefacts. In addition to photographing this temple complex, Lumír Jisl photographed the *tsam* masks during research trips to at least three regional museums. This paper also describes the different goals and visions of both Lumír Jisl and Werner Forman when photographing the *tsam* masks, resulting in differing modes of execution. In *conclusion*, I examine the changes in perspective of the Buddhist monks following the general atmosphere of mistrust and fear engendered by the antireligion campaigns and repressions of the late 1930s, as well as the subsequent partial easing of these repressions. Not only were Forman and Jisl both invited to take photographs of religious artefacts, but they also received assistance in doing so. The Mongolian monks who helped Forman and Jisl had to accept, however,

the drastically changed status of these artefacts: once sacred items used in religious ritual dance, they were now objects of Mongolian artistic heritage.

Keywords: Mongolia, Czechoslovakia, *tsam*, mask, photography, Lumír Jisl, Werner Forman

Acknowledgements. I would like to express my gratitude to the heirs of Lumír Jisl for making his photographic archive available for research, Sergei Pancheshnyi for sharing his experience concerning both the artistic details and technical aspects of *tsam* masks, Ragchaagiin Byambaa for his invaluable comments on religious life in Mongolia and the identification of monks, Martin Wagner for the technical editing of Lumír Jisl's negatives, and Rachel Mikos for her patience in proofreading this paper. The article was presented at the International scientific online conference 'Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II' funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Kapišovská V. Mongolian *tsam*-related photographs taken by Czechoslovak researchers in the 1950s and 1960s: re-opening the old file. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1513–1523. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1513-1523

УДК 39

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1513-1523

Фотографии артефактов монгольского цама, сделанные чехословацкими исследователями в 1950-х и 1960-х гг.: новый взгляд на старые документы

Вероника Капишовска¹

¹ Карлов университет (1/2, ул. им. Я. Палаха, 116 38 Прага 1, Чехия)

Ph. D. (Монголоведение), доцент

 0000-0003-1802-7087. E-mail: uvs@seznam.cz

© КалмНЦ РАН, 2020

© Капишовска В., 2020

Аннотация. Введение. В данной статье рассматриваются два набора цветных фотографий монгольских масок цама, сделанных чехословацким археологом Лумиром Йислом (1921–1969) и художником-фотографом Вернером Форманом (1921–2010) в Монголии в период 1956–1963 гг. Фотографии В. Формана были опубликованы в книге «Ламаистские танцевальные маски» в 1967 г. Эта книга с текстом, составленным Б. Ринченом (с очевидной помощью бывшего мастера церемонии цам, что придает ему недвусмысленную аутентичность), уникальна: она была опубликована через 32 года после последнего описания очевидца монгольского цама, данного Н. П. Шастиной в 1935 г. (включавшего черно-белые фотографии), и примерно за два десятилетия до серии фотографий с масками цама, представленных в альбоме монгольской скульптуры Н. Цултэма и альбоме «Искусство Монголии». Фотографии Л. Йисла, за исключением нескольких опубликованных при его жизни, хранились в семейном архиве более пятидесяти лет. **Цель** данной статьи — описать обстоятельства, при которых появились эти цветные фотографии монгольского цама. **Результаты.** Даны краткие сведения о поездках в Монголию Л. Йисла и В. Формана. Обрисована общая история чехословацко-монгольского сотрудничества в первое десятилетие после установления дипломатических отношений между двумя странами. В то время маски цама хранились в храме Чойджин-ламы, одном из немногих монастырских комплексов, переживших антирелигиозную кампанию конца 1930-х гг. — храм стал убежищем для многих религиозных артефактов. Помимо фотографий храмового комплекса, Л. Йисл сделал фотографии масок цама во время исследовательских поездок как минимум в три региональных музея. В статье также описываются различные цели и видения Л. Йисла и В. Формана при фотографировании масок цама, которые приводили к различным способам исполнения. Анализируются изменения во взглядах буддийских монахов после общей

атмосферы недоверия и страха, порожденной антирелигиозными кампаниями и репрессиями конца 1930-х гг., а также последующее частичное ослабление этих репрессий. В. Форман и Л. Йисл не только были приглашены фотографировать религиозные артефакты, но и получили в этом важном деле содействие с монгольской стороны. Однако монгольским монахам, которые помогали В. Форману и Л. Йислу, пришлось смириться с резко изменившимся статусом этих артефактов: когда-то священные предметы, использовавшиеся в религиозных ритуальных танцах, теперь стали объектами монгольского художественного наследия.

Ключевые слова: Монголия, Чехословакия, цам, маска, фотография, Лумир Йисл, Вернер Форман

Благодарность. Выражаю признательность наследникам Лумира Йисла за предоставление его фотоархива для исследования, Сергею Панчешному — за то, что он поделился своим опытом, касающимся как художественных деталей, так и технических аспектов масок цам, Рагчаагийн Бямбе — за его бесценные комментарии о религиозной жизни в Монголии и идентификации монахов, Мартина Вагнера — за техническое редактирование негативов Лумира Йисла и Рэйчел Микос — за ее терпение при редактировании этой статьи. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития-II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Капишовская В. Фотографии артефактов монгольского цам, сделанные чехословацкими исследователями в 1950-х и 1960-х гг.: новый взгляд на старые документы // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 6. С. 1513–1523. (На англ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1513-1523

Introduction. Mongolian *tsam* is a specific ritual dance of Tibetan and initially of Indian origin, performed by the masked characters of the Buddhist pantheon and local spirits with the aim of suppressing antireligious and anti-human evil powers and pleasing the “Buddhas of the ten directions.” It is certainly one of the most spectacular tantric Buddhist ritual performances and as such it enjoyed tremendous popularity among the Mongols, as well as historically drawing the attention of foreign travellers, scholars and residents, once allowed to enter Mongolian territory. This vivid performance of masked deities in richly decorated garments is mentioned or thoroughly described in numerous travelogues and scholarly treatises [Pozdneev 1887: 392–403; etc.]. Moreover, beginning in the early 20th century, as photographic cameras became available to researchers and travellers to Mongolia, black-and-white photographs of *tsam* and masked deities became invaluable components of their accounts [Haslund-Christensen 1934; Forbáth 1934; Shastina 1935; etc.].

The *tsam* dance, as well as its related rituals, has been described in detail in Shastina

[Shastina 1935], Majer [Majer 2008], Majer – Teleki [Majer, Teleki 2014], Kimura [Kimura 1997], and others. Tsendina [Tsendina 2018] relates in detail the history of *tsam* and its introduction to Mongolia in the 18th century. Apart from Tsültem’s volume on Mongolian art history [Tsültem 1986: 86–89], not much space has been given to the description of the masks themselves, the garments, accessories, or their comparative analysis.

Despite the limited data, it can be assumed that the masks were most likely produced in the artisan shops established at the larger monasteries. Sometime around 1910, a group of masters from all over Mongolia under the leadership of the famous artist and *tsam* ceremony master (*chambon*) Puntsog-Osor (or Puntsogosor) was entrusted with the creation of new masks, robes and attributes for more than one hundred *tsam* figures [Tsültem 1986: 88; Damdinsüren 1995: 54–55; Gangaa 2003: 42–43]. Both the old and new masks were in use until the antireligious campaign and subsequent repressions which eventually resulted in a total ban on religious life in Mongolia in 1938.

Czechoslovak researchers in Mongolia.

At the end of April 1950, slightly more than a decade had passed since the antireligious campaign and repressions of the late 1930s. At this time, Mongolia established diplomatic relations with the six European countries of the so-called Eastern bloc,¹ Czechoslovakia being among them. This provided an official basis for mutual cooperation between the two countries in various fields. Priority was given to industry, trade and geology with the goal of contributing to Mongolia's economic development. Czechoslovak experts in various fields and researchers were dispatched to Mongolia as part of this project. Cultural cooperation (including education) began with the exchange of cultural delegations. The first recorded and official visit of poet, writer and literary historian Ts. Damdinsüren and filologist S. Luvsanvandan took place in 1953.² This was followed by the visit of a group of Czechoslovak writers and poets to Mongolia in the autumn of 1953; subsequent individual visits were made by other writers.³ At first, cultural, educational, and scientific cooperation was set up in a mutually agreed annual plan. This enabled Pavel Poucha (1905–1986), a scholar of Asian languages and founder of Czechoslovak Mongolian studies, to spend four months in Mongolia in 1955 travelling, conducting research and consulting with his Mongolian colleagues. The result of this visit was the first travelogue, published in 1957, solely focused on Mongolia and full of insight into its culture, history, language and literature. Poucha's colleague, the eminent Mongolian scholar Byambyn Rinchen (1905–1977), during his short visit to Prague as a representative of the Scientific institute (*Shinjekh ukhaany khüreele*)⁴ in 1956, suggested initiating joint research in Mongolia, with a particular empha-

sis on archaeology. The plan was submitted by both Poucha and Rinchen to the directorship of the Czechoslovak Academy of sciences (ČSAV), and the agreement between the scientific institutions of both countries was signed. This was also included in the Cultural Relation Plan for both 1957 and 1958 with a focus on joint archaeological expeditions⁵. Lumír Jisl (1921–1969), an archaeologist specializing in the Orkhon Turks, an outstanding ethnographer following in the tradition of Hans Leder⁶, and a candidate nominated by the ČSAV (Institute of Archeology), could not be a better choice for director of the expedition.

It was also important to acquire and generate materials for the mutual promotion of the both countries, as well as for their promotion in the wider (non-socialist) world. There was a regular exchange of photographic materials intended for exhibitions held on occasions such as the anniversaries of significant political or historical events, or the presentation of economic progress. Radio recordings and films were also exchanged. In addition, the state-owned Artia Publishing house⁷ sent art photographers to Mongolia, as they intended to publish a series of books illustrating the most important artistic artefacts and monuments of the so-called people's democracies, i.e. China, Mongolia, Korea and Vietnam.⁸ The broth-

⁵ For details, see [Bělka 2014: 9–13].

⁶ Hans Leder (1843–1921) was a Czech-born Austrian traveller to Central Asia, as well as a collector of Buddhist artefacts. For more details, see [Lang 2013: 9–24].

⁷ Artia Publishing house (1953–1990) was a part of the Artia foreign trade enterprise, focused on trade and the promotion of cultural assets to foreign countries. Artia Publishing house provided high-quality books in foreign languages for export ([Slovník české literatury]. On: <http://www.slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=1821>).

⁸ According to archival sources, this trip was originally planned as joint trip to China and Mongolia in 1955, but permission was not granted by the Czechoslovak authorities for technical reasons. The trip to China took place in 1956 at the request of the Chinese authorities [Dossier; Letter from] (Dossier “China 8 — trip of 2 art photographers”, typed documents, dossier dated June 21, 1955. National Archives of the Czech Republic, Box 341, Nr. 560; Letter from Artia to the Ministry of Culture dated May 21, 1956. Typed document. National Archives of the Czech Republic, Box 327, Nr. 548).

¹ The Eastern Bloc generally refers to the satellite states of the Soviet Union during the Cold War (app. 1947–1991).

² Archive of MFA of the Czech Republic, Folder 157/368, typed doc. dated November 16, 1953.

³ For details and analysis of such reports, see [Slobodník 2018: 39–59].

⁴ The predecessor of the Academy of Sciences functioned under this name from 1930 to 1957 [The Mongolian Academy of Sciences 2011: 45–70]. In Russian it was referred to as *Uchkom* (abbr. of *Uchonyy komitet*) or *NIK* (abbr. of *Nauchno-issledovatel'skiy komitet*).

ers Werner (1921–2010) and Bedřich Forman (1919–1985) were appointed to this mission in 1959 as well-known photographers who had also developed their own innovative technique of capturing artistic objects.

Lumír Jisl: photo-documentation of *tsam* masks. Lumír Jisl conducted three extensive expeditions in Mongolia, each with a different goal [Bělka 2014: 10–11]. The first one took place in 1957 as part of a study trip to the USSR, Mongolia and China. In Mongolia, Jisl's task was to evaluate overall conditions and select sites appropriate for the Czechoslovak-Mongolian joint archaeological expedition, as well as to propagate Czechoslovak archaeological methods, more advanced at the time. A second expedition took place in 1958; based in Khöshöö Tsaidam, a truly outstanding discovery — the stone head of the Turkic prince Kül Tegin [Bělka 2014: 11], now exhibited in the National Museum of Mongolia — had been made. During his third expedition in 1963, Jisl spent almost a month with his Mongolian colleague Namsrain Ser-Odjav (1923–1990) conducting field research mainly in northern Mongolia [Bělka 2018]. For Jisl, photography was an important method of documenting his trips and research. Jisl always carried two cameras — a twin lens reflex Flexaret and a folding medium-range format Iconta with a Zeiss lens [Kapišovská 2014: 15]. Given Jisl's personal interest and background in religious studies, ceremonies, monasteries, temples, home altars, objects of Buddhist art, and monks were his most frequently photographed topics.⁹

Only couple of days after Jisl had arrived in Ulaanbaatar for the first time, he visited Gandantegchenlin Monastery where he was granted an audience with the abbot; he met with other monks as well. In Choijin Lama Temple, he was guided through the temples by the caretaker Luvsanbaldan [LJ: Lobsan Baldan] who lived in the yurt in the temple yard. Jisl impressed him with his knowledge of Buddhist deities and their names. Luvsanbaldan invited Jisl into his yurt, where they continued their discussion about Jisl's research. Luvsanbaldan showed Jisl his drawing of a *tsam*-masked monk in full garments with banners and details

in gold; he told Jisl he could take pictures of the artefacts in the temple, as well as the temple buildings [Jisl 1957–1958: 19]. The *tsam* masks displayed in Choijin Lama Temple immediately caught Jisl's attention, and he was to document them extensively. In his photographic archive there are a total of 28 colour photographs of *tsam* masks, in addition to one black-and-white photograph, dating from 1963,¹⁰ showing the black mask of the protector *Gombo/Mahākāla* from Erdene-Zuu monastery; there are also two other colour photographs documenting a bone apron (Mon. *rüüjin*) [108 Images of Mongolia, 2014: 23 (pict. 8)] with silken boots and bone ornaments, photographed in 1957 in the Arvaikheer museum and in Choijin Lama Temple respectively. Masks were photographed at different times during Jisl's visits to Mongolia, and in different locations, although the vast majority are from the Choijin Lama Temple. In addition to the latter, there is a photograph of the masks of the benefactor *Khashin khaan* (< Chin. *he shang* 'Buddhist monk', Tib. *shyin bdag*) and three of his children taken in the Zuunmod museum (Central aimag) in 1963, a photograph of the mask of the Indian teacher Azar (Tib. *a tsarya/a tsa ra*, Skt. *ācārya*) [Jisl 1960: pict. 91] taken in 1957 in the Arvaikheer museum (Uvurkhangai aimag) at the same time as the above-mentioned bone apron, and a mask of the guardian of Sor (Tib. *zor*), which is a triangular wooden construction decorated with flames for absorbing evil forces, photographed in the Undurkhaan museum (Khentii aimag) in 1963 (See Photo 3).¹¹

Jisl's approach to the objects he photographed was primarily a documentary one; his techniques were the same as those used by archaeologists or ethnographers. Apart from a few masks (for example, the bodhisattva *Ochirvaani* (Skt. *Vajrapāṇi*), the red aspect of the Lord of Death or the Underworld *Erleg Nomun Khan* or *Choijoo*¹² (see Photo 1) and his messenger the Deer deity (Mon. *buga, shiva*, Tib. *shi ba*) installed inside the temple museum, most artefacts were photographed outside

⁹ For a classification of his photographs by topic, see [Kapišovská 2014]; for the identification of monks in Lumír Jisl's photographs, see [Byambaa 2018: 27–64].

¹⁰ Mon. *gombo*, Tib. *mgon po*. This is possibly the same mask that is mentioned in Kotwicz's description of *tsam* in Erdene Zuu in 1912 [Kotwicz 2012: 164, 177].

¹¹ For details, see Majer [Majer 2008: 109, 112, 93].

¹² *Nandub Choijoo/Choiжил*, Tib. *chos rgyal*, Skt. *Yama*.

in order to ensure enough light. They were either displayed on the table in the 16-column pavilion at the entrance to the Main Temple, in the temple yard, or outside the museum building. His acquaintance with M. Gombojav (1904–?), the official photographer of the Scientific Institute, gave Jisl the opportunity to obtain around forty historical photographs of *tsam* dating from the early 1930s in exchange for several roles of Agfacolor film — a hard-to-obtain item in socialist countries at that time [Jisl 1957–1958: 39, 65]. A photo lab had been set up in the Scientific Institute as early as in 1924 [The Mongolian Academy of Sciences 2011: 22], and according to the annual reports of the Institute,¹³ its members often took photographs of *tsam*, the Maitreya circumambulation and other religious ceremonies mostly in Ulaanbaatar and its surroundings. Many of these photographs are indicated as having been taken by M. Gombojav [Teleki 2015: 251–296], as were those given to Jisl, all bearing the date 1934. Some were published in Shastina's work on *tsam* in the Züün khüree Monastery [Shastina 1935: ill.].

Jisl's collection of research materials was very thorough. He occasionally included pictures of *tsam* masks in his works on Mongolian Buddhist art (see, for instance, [Jisl 1960; Jisl 1961] etc.). In 1964, however, in his letter to the Artia Publishing House [Letter 1964],¹⁴ he proposed a monograph devoted to Mongolian *tsam* and *tsam* masks. The monograph was to include more than 30 colour photographs of *tsam* masks and accessories, in addition to 10 black-and-white historical photographs and 30 photographs (both colour and black-and-white) of *tsam*-figures in the collection of Hans Leder.¹⁵ The textual part would describe the masks and their attributes as well as that of the ritual dances. Jisl's offer was unfortunately rejected. Presumably, the publisher was aware

¹³ Yearly report of the activities of the photography department, list of photographs (1931) National Archives of Mongolia, fund 23, file 1, unit 280.

¹⁴ See footnote 7 above.

¹⁵ The collections of *tsam*-figures ordered by Leder in Urga (a former name of the capital Ulaanbaatar) in 1902. Today, these figures are located in several European museums. Jisl photographed some of them during his research trip to Vienna in 1964. For more about Leder's collections of *tsam*-figures, see Teleki [Teleki 2013: 76–83].

that a volume with Werner Forman's photographs on the same topic was already being prepared: foreign-language publishing, as well as communications with foreign presses was thoroughly centralized those days, limited as it was to a few state-owned companies.

Werner Forman: masked deities in dance. Unlike Jisl, the Forman brothers¹⁶ visited Mongolia only once, spending a month there from October 11th to November 10th, 1959 [Teluch, Nemazal 1960: 1]. For the most part, they worked in Ulaanbaatar. Although they were supposed to spend time in the countryside photographing trees and game animals to promote Mongolian tourism, the trip was officially cancelled due to poor weather.

According to the official report submitted by the embassy, the Forman brothers were the first to photograph numerous artefacts in the State Museum, as well as in the museum and library of the Scientific Institute. This included the priceless sutra of 120 volumes written in gold with richly decorated silver plate-covers (possibly the Mongolian version of the Ganjuur, Tib. *Kangyur* 'The Translation of the Word') [Ibid.]. Moreover, photographic documentation of all the paleontographical exhibits in the museum was undertaken at the request of the department of paleontology. From this collection, a photograph of a girl sitting on a table, in front of a giant skull of *Tarbosaurus*, became very popular.¹⁷

The Forman brothers spent several days working in Gandan Monastery and the Antireligious Museum (i.e. Chojin Lama

¹⁶ The Prague-born art photographer Werner (1921–2010) and his brother Bedřich (1919–1985), a graphic designer, worked as a team. Their work was very popular thanks to a series of photographs of Asian art artefacts in the magazine *Nový Orient* (*New Orient*) and in exhibitions for Prague Náprstek museum. A special volume on Chinese art in the Czechoslovak collections, published in 1954 with accompanying text by the Asian art historian Lubor Hájek was a great success; a visit to China followed in 1956 (see footnote 8). Throughout their career, the Forman brothers documented not only Asian art artefacts (Indian, Chinese, Japanese etc.), but also those of ancient Greece and Egypt [Survey 1955: 1–2]. For more details about Werner Forman, see Werner Forman Obituary [Werner Forman Obituary 2010: 84].

¹⁷ Nr. 328LA0035B in Werner Forman Archive (WFA) collection [Werner Forman Archive].

Photo 1. Nandub Chojjoo, the red aspect of Lord of Death or Underworld Erleg Nomun Khan/Chojjoo/Chojjil (tib. chos rgyal, Skt. Yama). Photographed by Lumír Jisl in Chojjin Lama Temple, 1957

Photo 2. The Indian teacher Azar (tib. a tsarya/a tsa ra, Skt. ācārya). Photographed by Lumír Jisl in Chojjin Lama Temple, 1957

Photo 3. The Guardian of Sor, which is a triangular wooden construction for absorbing evil forces for absorbing evil powers. This mask was created by the former monk Gombojantsan († 1961) from Ömnödelger somon in Khentii aimag. Photographed by Lumír Jisl in Undurkhaan museum (Khentii aimag), 1963

Temple). According to Barbara Heller, the curator of the Werner Forman Collection, it was a former *chambon* (Tib. ‘*cham dpon*, *tsam* ceremony master) who suggested they photograph the *tsam* masks [Jackson 2014]. The masks were stored in the same place where Lumír Jisl had found them, in the Main Temple of the Choijin Lama Temple complex. The temple complex, located to the south of the city centre of present-day Ulaanbaatar, was built between 1904 and 1908 for Luvsankhaidav (Tib. *blo bzang mkhas grub*, 1872–1918), the state oracle and a younger brother of the 8th Jebtsundamba khutuktu (1869–1924).¹⁸ The *tsam* had been performed in the Choijin Lama Temple since 1916 [Dashdulam, Naranchimeg 2011: 164]. Religious services “for the sake of state and religion” continued in the temple complex until 1936; in 1938, it was closed as a result of the nationwide antireligious purges [Dashdulam, Naranchimeg 2011: 212]. And yet the Choijin

Lama Temple was not destroyed as were most other monasteries and temples in Mongolia. Thanks to the intervention of a group of scholars from the Scientific Institute, the temple complex was made a branch of the National Museum under the auspices of the Scientific Institute, while certain artefacts were registered as having been transferred to the Library [Protocol 1938; List 1938]. From 1942 to 1962, it served as a museum, closed to the public but accessible to “special” (i.e. foreign) guests.

Werner Forman had the idea of capturing the masks as if in motion, with full garments to create the illusion of a genuine *tsam* performance. The photographs were taken on sunlit days outside the temple, but with the temple buildings in the background. Thus, posed in this sacred architectural setting, there is the wrathful deity Namsrai (Tib. *rnam (thos) sras*, Skt. *Vaiśravaṇa/Kubera/Kuvera*) as seen through a doorway, the Deer deity (Mon. *buga*, *shiva*, Tib. *shi ba*) dancing with the Bull deity (Mon. *bukh*, *makhe*, Tib. *ma he*), the deity Chadraabal (Tib. *zhing skyong*, Skt. *Kṣetrapāla*), the companion spirit of the

¹⁸ For a brief description of the complex, see Teleki [Teleki 2015: 23], a detailed historical account is given in Dashdulam and Naranchimeg [Dashdulam, Naranchimeg 2011].

wrathful deity *Gombo/Mahākāla*, dancing with a hooked-knife in his hand in the sixteen-column pavilion in front of the Main Temple entrance [Forman, Rinchen 1967: 53, 80–81, 107], and the two lords of the cemetery, i.e. skeletons *Khokhimoi* (Tib. *dur khrod (kyi) bdag po*, Skt. *Citipati*) standing as if in conversation. Many other masks are captured resting against the wall or hanging on the wooden columns. The companions of the coral-hued *Jamsran*, i.e. *Dogshin ulaan sakhius*, the ‘Red Wrathful Protector’ (Tib. *lcam sring*, Skt. *beg tse*), the two red-faced Ditogjads (Tib. *sde brgyad*) and one Jamshid are arranged below him in a group, indicating that these characters belong to Jamsran’s retinue [Forman, Rinchen 1967: 99]. Werner Forman also paid careful attention to the mask details, as well as to the deities’ accessories, robes, bone aprons and richly embroidered silken boots.

Several days of intensive photographic work in the Chojjin Lama Temple and Gandantegchenlin Monastery provided Forman with ample material “that would easily make a separate book” [Teluch, Nemazal 1960: 1]. Yet it took a few more years until the book was actually produced. Sometime in 1963, through the auspices of the Czechoslovak state-owned publishing agency, Werner Forman approached the German publishers Koehler & Amelang, based in Leipzig, with the idea of creating a book about *tsam* masks. He planned on including 38 colour pictures of the masks, in addition to about ten other pictures, most of them portraits of monks who had been photographed in Ulaanbaatar in 1959.¹⁹ A letter written by Dr. Faensen, the head of the publishing house, to Byambyn Rinchen reveals that Werner Forman had arranged for the text to be assigned to Rinchen [Letter 1963], who himself was urged to enlist the assistance of the *chambon* of Gandantegchenlin Monastery. In this manner, the authenticity of the book ultimately published under the title “Lamaistische Tanzmasken” in 1967 was assured [Forman, Rinchen 1967].

Conclusion: From votive objects to Buddhist art. Both Lumír Jisl’s and Werner Forman’s photographs of Mongolian *tsam* masks were pioneering in many respects: they were the first colour photographs of the

tsam masks ever made and, to my knowledge, the first such photographs taken after the repressions of the late 1930s. As such, they document the conditions of the masks and the way they were handled and stored. But there is much more that can be seen behind them.

These photographs capture the *tsam* masks during a crucial moment, as they were being transformed from their role as integral components of the *tsam* dance into artistic artefacts of Buddhism. In addition, the reports of both photographers of how the monks not only permitted, but in fact called upon them to take these pictures tells us that the attitudes of Mongolian monks had changed since the anti-religious campaign and repressions of the late 1930s. Before the anti-religious purges, it would be difficult to imagine laymen being allowed to touch such sacred objects as *tsam* masks: a consecration ceremony had to be performed [Majer 2008: 98] before they could even be used in the *tsam* dance. In earlier decades, however, with the establishment of the Scientific Institute in 1921 — initially named the Institute of Sutras and Texts, *Sudar bičgiin khüreele*n — certain monks were engaged in academic work and as translators from Tibetan. They were also librarians of Tibetan books and xylographs, as well as serving as consultants for religion-related issues. Later on, after the harshest wave of the anti-religious campaign had abated, they were persuaded by prominent scholars such as B. Rinchen or Ts. Damdinsüren to adapt to the new situation: this meant placing Buddhism firmly in the context of national cultural and art heritage, and promoting it as such.²⁰ Hence, Lumír Jisl and Werner Forman were eagerly assisted in the arrangement of the masks for photography, and the latter even had the *tsam* characters revived in dance in front of his camera lens.

Archival sources

Koehler & Amelang — Documents of the publishing house Koehler & Amelang (Leipzig) concerning the publication of the book ‘Lamaistische Tanzmasken’. At: Sächsisches Staatsarchiv. File no. 16. Inv. 22378 Koehler & Amelang, Leipzig. (In Germ.)
Dossier — ‘China 8 — Trip of Two Art Photographers’. Typed documents. Dossier of

¹⁹ For details of monks in Werner Forman’s photographs see Byambaa [Byambaa 2018].

²⁰ Ragchaa Byambaa, a Buddhist monk. Personal communication, November 2020.

- June 21, 1955. At: National Archives of the Czech Republic. Box 341. No. 560. (In Czech)
- Letter 1963 — Letter from Koehler und Amelang Publishers (Leipzig) to B. Rinchen [written as Rin Čen], of August 22, 1963. 1 p. Typed document. At: Sächsisches Staatsarchiv. File no. 16. Inv. 22378 Koehler & Amelang, Leipzig. (In Germ.)
- Letter 1964 — Letter from Lumír Jisl to Artia Publishers (Prague) of August 18, 1964. 1 p. Typed document. At: Archive of Lumír Jisl. (In Czech)
- Letter from — Letter from Artia Publishers to the Ministry of Culture of May 21, 1956. Typed document. At: National Archives of the Czech Republic. Box 327. No. 548. (In Czech)
- List 1938 — List of items delivered for display in the museum from confiscated belongings of high ranking and ordinary monks and nobles. At: National Archives of Mongolia. 1938. Fund 23. File 1. Unit 231. 52 p. (In Mong.)
- Protocol 1938 — Protocol of transfer of monastery

and temple documents, as well as books, in possession of M. I. Tubyanskii, along with deities and religious artefacts of the Choijin Lama Temple to the library. At: National Archives of Mongolia. 1938. Fund 23. File 1. Unit 522. 89 p. (In Mong.)

Survey 1955 — Survey of the professional activities of W. and B. Forman. 1955. Typed document. At: National Archives of the Czech Republic. Coll. of the Ministry of Education and Culture. Box 341. No. 560. (In Czech)

Teluch, Nemazal 1960 — Cultural contacts with the Mongolian People's Republic in the second half of 1959. Prepared by J. Nemazal, signed by J. Teluch. January 1, 1960. 3 p. Typed document. At: National Archives of the Czech Republic. Coll. of the Ministry of Education and Culture. Box 72. No. 35. (In Czech)

Yearly report 1931 — Yearly report of the activities of the Photography Department. List of photographs (1931). At: National Archives of Mongolia. Fund 23. File 1. Unit 280.

Internet sources

- Jackson 2014 — Jackson, J. First Travels by Werner Forman. August 11, 2014. On: American Society of Picture Professionals. Website. Available at: <http://aspp.com/first-travels-werner-forman/> (In Eng.)
- Slovník české literatury [Dictionary of Czech Literature]. Available at: <http://www.slovníkceskeliteratury.cz/showContent.jsp?docId=1821> (accessed: September 29, 2020). (In Czech)

Werner Forman Archive. Available at: <http://www.wernerforman-archive.com/eyewitness.html>. (In Eng.)

Werner Forman Obituary 2010 — Werner Forman. Photographer of artefacts and monuments of ancient civilizations whose work was published in many books and in several languages. *The Times*. 2010, February 26. P. 84. Available at: <http://www.werner-forman-archive.com/WFTimes.pdf> (In Eng.)

References

- 108 Images of Mongolia 2014 — 108 Images of Mongolia. The Photographs of Czechoslovak Archaeologist Lumír Jisl, 1957–1963. Ulaanbaatar: Admon. 80 p. (In Eng.)
- Bělka 2014 — Bělka L. The life and work of Lumír Jisl. In: 108 Images of Mongolia: The Photographs of Czechoslovak Archaeologist Lumír Jisl, 1957–1963. Ulaanbaatar: Admon, 2014. Pp. 9–13. (In Eng.)
- Bělka 2018 — Bělka L. The Second Czechoslovak Mongolian archaeological expedition to Mongolia 1963: Lumír Jisl and Namsrain Ser-Odjav's exploration of Khentii Aimag. *Mongolica Pragensia*. 2018. Vol. 11/2. Pp. 7–25. (In Eng.)

Byambaa 2018 — Byambaa R. My teachers and some other monks in photographs taken in Mongolia by the Czechoslovak experts. *Mongolica Pragensia*. 2018. Vol. 11/2. Pp. 27–64. (In Eng.)

Dashdulam, Naranchimeg 2011 — Dashdulam D., Naranchimeg J. Main Temple of Protector Choijon in Niislel Khüree: Or the Land of Wrathful Deities. Ulaanbaatar, 2011. 253 p. (In Mong.)

Damdinsüren 1995 — Damdinsüren D. Famous Artists of Ikh Khüree. Ulaanbaatar: Mongolpress, 1995. 94 p. + 33 ill. (In Mong.)

Forbáth 1934 — Forbáth L. The New Mongolia. Budapest: Franklin – Társulat, 1934. 239 p. (In Hung.)

- Forman, Rintschen 1967 — Forman W., Rintschen B. Lamaistische Tanzmasken. Leipzig: Koehler & Amelang, 1967. 143 p. (In Germ.)
- Gangaa 2003 — Gangaa D. Tsam Dance in Ikh Khüree. Ulaanbaatar: Admon, 2003. 55 p. (In Mong.)
- Haslund-Christensen 1934 — Haslund-Christensen H. Tents in Mongolia (Yabonah). London: Paul, Trench, Trubner, 1934. 366 p. (In Eng.)
- Jisl 1957–1958 — Jisl L. Private Travel Diary of the First Journey to Mongolia: August 3, 1957 – February 19, 1958. Unpublished manuscript, 1957–1958. (In Czech)
- Jisl 1958a — Jisl L. Report on a Study Trip to the Mongolian People's Republic, Chinese People's Republic, and the Soviet Union: August 3, 1957 – February 19, 1958. Unpublished and undated typescript. Prague. (In Czech)
- Jisl 1958b — Jisl L. Report of the Czechoslovak-Mongolian Archaeological Expedition to the Mongolian People's Republic in 1958. Unpublished typescript. November 12, 1958, Prague. (In Czech)
- Jisl 1960 — Jisl L. The Mongolian Journey. Prague: Artia – Batchworth Press. 144 p. (In Eng.)
- Jisl 1961 — Jisl L. Old Mongolian Art. Prague: Státní nakladatelství krásné literatury a umění, 1961. 35 p. + 104 ill. (In Czech)
- Kapišovská 2014 — Kapišovská V. The Mongolian photographs of Lumír Jisl. In: 108 Images of Mongolia. The Photographs of Czechoslovak Archaeologist Lumír Jisl 1957–1963. Ulaanbaatar: Admon, 2014. Pp. 15–16. (In Eng.)
- Kimura 1997 — Kimura A. A Comparative Study of Mongolian Khüree Tsam and Tsam Dance in Other Countries. Ph. D. thesis. Ulaanbaatar: National University of Mongolia, 1997. (In Mong.)
- Kotwicz 2012 — Kotwicz W. In the Heart of Mongolia: 100th Anniversary of W. Kotwicz's Expedition to Mongolia in 1912, Studies and Selected Source Materials. J. Tulisow, O. Inoue, A. Bareja-Starzyńska, E. Dziurzyńska (eds.). Cracow: Polish Academy of Arts and Sciences, 2012. 361 p. (In Eng.)
- Lang 2013 — Lang M.-K. The Collector and the collections. In: Lang M.-K., Bauer S. (eds.). The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder. Vienna: Austrian Academy of Sciences, 2013. Pp. 9–35. (In Eng.)
- Majer 2008 — Majer Zs. A Comparative Study of the Ceremonial Practice in Present-Day Mongolian Monasteries. Ph. D. thesis. Budapest: Eötvös Loránd University, 2008. 285 p. (In Eng.)
- Majer, Teleki 2014 — Majer Z., Teleki K. Reviving the Cam Dance Tradition in Mongolia. In: Birtalan Á. (ed.) Traditional Mongolian Culture II. Budapest: Eötvös Loránd University, 2014. 72 p. (In Eng.)
- Pozdneev 1887 — Pozdneev A. M. Essays on the Life of Buddhist Monasteries and Clergy in Mongolia, and Their Relation to the People. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1887. 492 p. (In Russ.)
- Shastina 1935 — Shastina N. P. Religious mystery tsam in Züün Khuree Monastery. Sovremennaya Mongolia. 1935. No. 1. Pp. 92–113. (In Russ.)
- Slobodník 2018 — Slobodník M. 'Goddesses made of gold lasciviously copulate on altars' — perceptions of Mongolia in Czechoslovak travel writing from the 1950s. Mongolica Pragensia. 2018. Vol. 11/1. Pp. 39–59. (In Eng.)
- Teleki 2013 — Teleki K. The Khüree-tsam and its relations with the tsam figures of the Leder Collections. In: Lang M.-K., Bauer S. (eds.) The Mongolian Collections. Retracing Hans Leder. Vienna: Austrian Academy of Sciences, 2013. Pp. 76–83. (In Eng.)
- Teleki 2015 — Teleki K. Introduction to the Study of Urga's Heritage. Ulaanbaatar: Admon Print, 2015. 496 p. (In Eng.)
- The Mongolian Academy of Sciences 2011 — Enkhtuvshin B., Ochir A., Chuluun S. (eds.) The Mongolian Academy of Sciences. Ulaanbaatar: Admon, 2011. 424 p. (In Mong.)
- Tsendina 2018 — Tsendina A. D. A History of Tsam in Mongolia by the Abbot of Gandan Monastery Ka-Chu Erdenipel. Oriental Studies. 2018. Vol. 11. No. 3. Pp. 61–67. (In Russ.)
- Tsültem 1986 — Tsültem N. Mongolian Art: From Ancient Times to the Early 20th Century. Moscow: Izobrazitelnoye Iskusstvo, 1986. 232 p. (In Russ.)
- Tsültem 1989 — Tsültem N. Mongolian Sculpture. Ulaanbaatar: State Publishing House, 1989. 30 p. + 262 ill. (In Eng.)
- Ulaanbaatar 1957–1963 2015 — Ulaanbaatar, 1957–1963: The Testimony of Lumír Jisl. Ulaanbaatar: Admon, 2015. 96 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1525–1536, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1524-1536
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 294.321+930.253

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1524-1536

Семь десятилетий ойратоведения в КНР (1949–2019 гг.)

Алтан-Очир¹, Баазр Александрович Бичеев²

¹ Институт приграничных территорий Китайской академии общественных наук (д. 1, Гуоцзя тиюй чан бэйлу, район Чаоян, 100101 Пекин, КНР)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-6419-0531. E-mail: altan.ochir@yandex.ru

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор философских наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Алтан-Очир, Бичеев Б. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Ойраты Китая исторически расселены на территории Синьцзяна, в провинциях Цинхай, Ганьсу, а также в западной части Внутренней Монголии. Некоторая часть олетов (потомков джунгаров) проживает в степной части Эмин-гола Хулун-Буирского аймака Внутренней Монголии, в уезде Фуюй провинции Хэйлунцзян, а также в г. Чэнду провинции Хэбэй. По сложившейся в исторической науке Китая традиции вплоть до середины XX в. ойратов не выделяли из основной части китайских монголов, а потому их история, культура и язык не были предметами отдельных исследований. Лишь после образования в 1949 г. КНР ойратоведение начинает обретать зримые черты как важная составная часть монголоведения и в целом исторической науки Китая. *Цель* статьи — дать общий обзор становления и развития ойратоведческих исследований в Китае за прошедшие семь десятилетий (1949–2019), определить историческую парадигму ойратоведческих исследований и перспективы ее развития. *Основной метод* исследования — историко-хронологический анализ. Несмотря на семь десятилетий существования ойратоведения как составной части монголоведческой науки, анализ ее исторического развития не осуществлялся. Данная работа носит обзорный характер, и в ней прослеживается процесс развития ойратоведческих исследований и наиболее важные достижения в изучении истории и культуры ойратов Китая. Отмечается значение периодических научных всекитайских конференций, посвященных исследованию истории и культуры ойратов, а также научного журнала «Baraγun mongγol sudulul» (“Journal of the Western Mongolian Studies”), оказавших влияние на развитие перспективных направлений ойратоведческих исследований. *Результаты.* Ойратоведение как составная часть монголоведения и исторической

науки Китая начало обретать реальные черты в период после образования в 1949 г. Китайской Народной Республики. В качестве отдельной научной дисциплины ойратоведение было создано несколькими поколениями ученых разных национальностей (ханьцев, монголов и самих ойратов). Важное значение в развитии ойратоведения имело создание Синьцзянской ассоциации ойратоведов, под эгидой которой осуществлялись периодические научные конференции и издание научного журнала «Baraγun mongγol sudulul» (“Journal of the Western Mongolian Studies”). *Заключение.* Анализ ойратоведческих исследований за прошедшие семь десятилетий позволил раскрыть историческую парадигму ойратоведческих исследований и перспективы ее дальнейшего развития.

Ключевые слова: ойраты Китая, история и культура ойратов, становление и развитие ойратоведения, ассоциация ойратоведов, ойратоведческие конференции, научные журналы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Академии общественных наук Китая в рамках научного проекта № 20-512-93002. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Алтан-Очир, Бичеев Б. А. Семь десятилетий ойратоведения в КНР (1949–2019 гг.) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1524–1536. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1524-1536

UDC 930.85+930.24

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1524-1536

Seven Decades of Oirat Studies in China: 1949–2019

Alatengaoqier¹, Baazr A. Bicheev²

¹ Institute of Chinese Borderland Studies, Chinese Academy of Social Sciences (1, Goujia tiyu chang beilu, Chaoyang Distr., Beijing 100101, People's Republic of China)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-6419-0531. E-mail: altan.ochir@yandex.ru

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate

 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Alatengaoqier, Bicheev B. A., 2020

Abstract. *Introduction.* Historically, the Oirats of China mainly live in the territory of Xinjiang, in the provinces of Qinghai, Gansu, and in the Western part of Inner Mongolia. Some of the Olets (descendants of Dzungars) live in the steppe part of the Emin Gol of the Hulun Buir Aimag of Inner Mongolia, in Fuyu County of Heilongjiang Province, and in Chengdu, Hebei Province. In the modern historical science of China, until the mid-20th century the Oirats were not distinguished from the bulk of China's Mongols, and, consequently, their history, culture and language were not subjects of individual studies. Only after its formation in 1949, Chinese Oirat studies started gaining visible features as an important part of Mongolian studies and the historical science of China as a whole. At the same time, Oirat studies as a historical direction were created by several generations of scientists of different nationalities (Han Chinese, Mongols, and Oirats themselves). *Goals.* The article aims to provide a general overview and scientific analysis of the formation and development of Oirat studies in China over the past seven decades (1949–2019), and to identify the historical paradigm of conducted researches and prospects of further development. *Methods.* The main research method is

historical and chronological analysis. Despite Oirat studies have been existing as an integral part of Mongolian science for seven decades, no analysis of its historical development was ever carried out. *Results.* This work fills the gap and highlights the most important achievements in the study of China-based Oirats' history and culture. A prominent attention in this study is given to the materials of ten scientific conferences that have the status of 'all-China' ones and were devoted to the study of the history and culture of the Oirats, as well as the scientific journal '*Barayun mongyol sudul*' ('Journal of Western Mongolian Studies'), which plays an important role in the development and determination of promising areas of Oirat studies. *Conclusion.* The analysis of Oiratological research over the past seven decades has revealed the historical paradigm of Oirat studies and prospects for their further development.

Keywords: Oirats of China, history and culture of Oirats, formation and development of Oirat studies, Association of oiratologists, Oirat conferences, scientific journals

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR and CASS, research project no. 20-512-93002. The article was presented at the International scientific online conference 'Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II' funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Alatengaoqier, Bicheev B. A. Seven Decades of Oirat Studies in China: 1949–2019. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1524–1536. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1524-1536

Ведение

В многонациональном Китае, согласно результатам переписи населения 2010 г., насчитывается 56 народностей, в число которых входят монголы и ойраты. Поскольку официально ойраты Китая считаются монголами, то точных данных о численности ойратов нет. Основная масса ойратов Китая исторически расселена на территории Синьцзяна (СУАР), в провинциях Цинхай, Ганьсу и в западной части Внутренней Монголии. Некоторая часть олетов (потомков джунгаров) проживают в степной зоне Эмин-гола Хулун-Буирского аймака Внутренней Монголии, в уезде Фуюй провинции Хэйлунцзян, а также в г. Чэндэ провинции Хэбэй.

В период существования Китайской Республики (1911–1949 гг.) изучение истории ойратов находилось в зачаточном состоянии. Исследования в этом направлении велись в аспекте других проблем, касавшихся в основном политики Цинского двора в приграничных территориях и китайско-русских отношений. В течение указанного периода было опубликовано около 70 работ, которые характеризуются следующим.

Во-первых, ойраты упоминаются при описании Синьцзяна и Тибета с точки зрения покорения этих территорий Империей

Великая Цин (1644–1912) или рассматривается политика Цинского двора по отношению к ойратам с точки зрения ее господства в этих приграничных территориях.

Во-вторых, история ойратов раскрывается при исследовании истории ранних китайско-русских отношений, затрагиваются вопросы о роли и статусе ойратов в китайско-русских переговорах на фоне ранних китайско-русских отношений.

В-третьих, в период Китайской Республики некоторыми учеными были проведены антропологические исследования в районах поселений ойратов (хошуты и торгуты) в Синьцзяне, Цинхае, Ганьсу и Внутренней Монголии. Были опубликованы отчеты о социальной истории и современном состоянии ойратов в вышеупомянутых регионах, серия статей, охватывающих многие аспекты их социокультурной жизни, а также историю, политическую систему, административно-территориальное деление, обряды жизненного цикла (рождение, свадьба, похороны), религию, язык и др.

В-четвертых, история ойратов рассматривается как предмет исследования с точки зрения этнической истории. Тем не менее следует отметить, что опубликованные в тот период работы Ван Цзиньфу и Субэйхая, посвященные изучению истории

и современного положения торгутов, оказали заметное влияние на последующие ойратоведческие исследования.

Еще одним фактом, предшествующим становлению ойратоведческих исследований, стала публикация архивных материалов. В связи с изданием в 1930-х гг. «Цин ши лу» («Правдивые записи о династии Цин»), «Дунхуа Лу», а также ряда архивных документов из Дворцового музея, в которых содержатся и документы о джунгарах (наиболее ранний из которых датирован 1636 г., а наиболее поздний — 1909 г.) открылись новые данные для изучения истории ойратов.

Однако следует отметить, что изучение истории ойратов в этот период как с точки зрения сбора архивных данных, так и с точки зрения тематических исследований во многом зависело от других дисциплин и не имело систематического характера.

Становление и развитие ойратоведения в Китае

Научное становление и развитие ойратоведческих исследований в рамках исторической науки Китая берет свое начало в середине XX в. После образования в 1949 г. Китайской Народной Республики изучение истории монголов в Китае в основном было сосредоточено на обсуждении их этнического происхождения, социального устройства и исторических личностей. При этом изучение истории монголов в Китае в основном было сосредоточено на истории восточных монголов, при почти полном игнорировании истории западных монголов или ойратов. К примеру, в 50–60-х гг. XX в. были опубликованы всего лишь две монографии, посвященные истории ойратов [Лай Цзяду, Ли Гуанби 1954; Дун Чжэнцзюнь 1952]. За этот же период было опубликовано лишь 8 статей по ойратской тематике. Статьи Чэн Фугуана [Чэн Фугуан 1957] и Цзин Цицзуна [Цзин Цицзун 1964] касаются важных фактов китайско-джунгарских отношений. Статья Чэн Фугуана является первой статьей, посвященной изучению посольства Мантая в Торгутское ханство в период правления пятого маньчжурского императора Цзин Юнчжэна (1678–1735).

После 60-х гг. XX в. благодаря актуализации исследований по истории отношений Китая и царской России изучение истории

ойратов стало постепенно входить в сферу интереса китайских историков. Однако в целом изучение истории ойратов в этот период все еще не привлекало широкого внимания со стороны историков и не стало еще самостоятельным направлением исследований. Но начиная с 1976 г. публикуется ряд статей, касающихся взаимоотношений ойратов и России. Таким образом, можно сказать, что начиная с 1977 г. исследование истории ойратов в Китае вступило в интенсивную фазу, которая впоследствии продолжала сохранять свою динамику и поражать своими научными результатами.

Начиная с 80-х гг. XX в. продолжается интенсивная публикация научных статей и монографий, посвященных ойратской тематике. Среди них следует отметить ряд работ, имевших большое значение для развития ойратоведения как отдельной исторической отрасли Китая. Это, прежде всего, «Сборник статей по истории ойратов» [Ма Жухэн, Ма Дачжэн 1984] и коллективная монография «Краткий очерк истории Джунгарии» [Чжунь га эр 1985]. Этот труд стал первым большим академическим исследованием по изучению истории ойратов в Китае. Ценность этой работы и ее влияние на развитие исторической науки общепризнаны научным сообществом Китая. Недаром ее называют «учебником и руководством для последующих поколений исследователей истории Монголии» [Чэн Чундэ 2019: 22]. Члены авторского коллектива Ду Жункунь, Ма Дачжэн, Цай Цзяи, Цай Чжичунь и Бай Цуйцин считаются сегодня авторитетными специалистами в области ойратской истории.

Среди других исследований, появившихся во второй половине 1980-х гг. и первой половине 1990-х гг., следует назвать труд Ван Хунцзюня и Лю Жучжуна «История и культурные памятники Джунгарии» [Ван Хунцзюнь, Лю Жучжун 1987], работы Бай Цуйцина «Исследование истории западных монголов», «История ойратов» [Бай Цуйцин 1991], а также две работы патриарха китайского ойратоведения Ма Дачжэна, написанные в соавторстве с Цай Цзяи и Ма Жухэном — «Введение в историю ойрат-монголов» [Ма Дачжэн, Цай Цзяи 1989], «Народ, скитающийся по чужбине: торгуты в XVII–XVIII вв.» [Ма Жухэн, Ма Дачжэн 1991].

Следует указать и на работы, опубликованные историками монгольского происхождения — «Qoşuud Tobčiyar» («Краткий очерк истории хошутов») [Uyunbilig 1990], «Dörben oyirad-un teüke» («История дербен-ойратов») [Namsarai 1993] и «Jegünar qaγan-tu ulus-un teüke» («История Джунгарского ханства») [Namsarai 1996]. В первой половине 1990-х гг. вышла в свет двухтомная «Краткая история ойрат-монголов», которая также получила заслуженное признание научного сообщества [Краткая история I 1992; Краткая история II 1996].

Таким образом, появление этих работ не только стало своеобразным свидетельством развития ойратоведения в рамках исторической науки Китая, но и определило ее соответствующий исследовательский уровень и научный потенциал. Вышеуказанные работы стали научным фундаментом для становления ойратоведения как самостоятельной исторической дисциплины и основой для дальнейшего развития изучения истории и культуры ойратов на междисциплинарном уровне.

Новый XXI в. ознаменовался в Китае не только высокими экономическими достижениями, но и широким развитием науки. На фоне происходивших в стране преобразований был открыт доступ к архивным материалам. Публикация большого количества документов на маньчжурском, китайском и монгольском языках, особенно архивных документов на «ясном письме», дала новый импульс ойратоведческим исследованиям. За последние двадцать лет был опубликован ряд новых монографий, посвященных истории ойратов. Приведем названия лишь тех работ, которые получили признанную известность среди монголоведов Китая, Монголии, Японии и других стран: Лиджа Г. «Исследование по истории и культуре хошутов» [Лиджа 2002]; Басана На., Ли Кай, Лю Кунли «История хошут-монголов» [Басан, Ли Кай, Лю Кунли 2004]; Улаана М. «Письменные памятники и историография ойратов: Исторические памятники на „ясном письме“» [Улаан 2012]; Цэвэгджав «Буддийские монастыри монголов Синьцзяна» [Цэвэгджав 2014]; Эрдэмта «Ойратский Рабджамба Зая Пандита» [Эрдэмт 2012]; Лян Лися «Алашаньские монголы» [Лян Лися 2005]; Бату Ц. «Лексикографическое исследование монголо-ойратских за-

конов „Великого Уложения“» [Batu 2006]; «Язык монголо-ойратских законов „Великого Уложения“» [Batu 2012]; «Текстологическое исследование монголо-ойратских законов „Великого Уложения“» [Batu 2016]; Д. Мёнкя «Древние монгольские топонимы Западного края» [Möngke Do. 2013]; Хэй Луна «Исследование по истории взаимоотношений между Джунгарией и Цинским двором. 1672–1697» [Хэй Лун 2014]; Алтан-Очира «Посольство Тулишения и его записки „И-Юй-Лу“» [Алтан-Очир 2015].

Успехи, достигнутые ойратоведением за последние два десятилетия, несомненно, связаны и с политикой китайского государства в области подготовки научных кадров. Благодаря государственной поддержке в этот период выросло молодое поколение исследователей-монголоведов, свободно владеющих английским, русским и японским языками, способных использовать в своей работе не только китайские, но и маньчжурские и тибетские исторические памятники и документы. За последние годы выросло число монографий и научных статей, публикуемых не только на монгольском, но и на китайском языке.

В период с 1980-х гг. ойратоведение в Китае охватило почти все аспекты исследования истории и культуры ойратов и количественно превзошло объем всех работ предыдущих периодов.

Сбор и публикация документов

Начиная с конца 70-х гг. XX в. постепенное и углубленное изучение истории монголов, Цинской династии, Центральной Азии, китайско-российских отношений привело к тому, что исследование истории ойратов получило значительное развитие и обрело статус самостоятельного научного направления, что повлекло за собой появление значительного количества научных статей и монографий. Важной составной частью ойратоведческих исследований последних двух десятилетий стало развитие источниковедения и историографии. Выявление и публикация архивных документов исторического содержания значительно расширили само поле исследования и способствовали повышению качества публикуемых научных работ. Архивные источники стали основой новых исторических исследований. Публикация архивных материалов стала

свидетельством становления источниковедческой дисциплины в ойратоведении Китая.

Углубленное исследование истории ойратов вызвало необходимость поиска и публикации архивных источников и документов. В первой половине 1980-х гг. выходят в свет «Сборник избранных материалов по истории ойратов из „Мин ши лу“» [Сборник 1982] и «Сборника избранных материалов по истории Джунгарии из „Цин ши лу“» [Сборник 1986].

Как известно, основными источниками по истории ойратов являются Цинские документированные записи, «Высочайше утверждённое описание усмирения земель к северу от пустыни» и «Высочайше утверждённое описание усмирения джунгаров». Эти сборники документов были повторно опубликованы издательствами Чжунхуа шущэнь [Цин ши лу 1986], Чжунго шудянь [Цинь чжэн 1994] и Научно-исследовательским центром тибетологии Китая [Пин дин чжуньгаэр 1990]. В 2019 г. профессор Цэнгэл подготовил к изданию двухтомный «Сборник источников по истории кукунорских монголов из «Цин ши лу» [Цэнгэл 2019].

Публикация этих архивных материалов открыла исследователям широкий доступ к историческим материалам по истории ойратов. Параллельно с этим велась работа по обнаружению и исследованию памятников исторического содержания на «ясном письме». Публикация текстов исторических летописей «Oirad tüükiyin surbulji bičig» («Ойратские исторические летописи») [Altanorgil, Badai, Erdeni 1985], «Oyirad čaγaγa» («Ойратские законы») [Doronatib 1985], «Zay-a Bandida» («Заяпандита») [Norbu 1999], «Oyirad teüke-yin durasqal-uud» («Исторические памятники ойратов») [Altanorgil, Badai, Erdeni 1992], «Mongyol kitad qaričayuluysan todo üseg-ün oirad mongyol-un teüke-in surbulji bičig-üüd» («Ойратские источники на „ясном письме“ по истории отношений Монголии и Китая») [Dambipiljid, Lijei 2009; Dambipiljid, Lijei 2014], а также сборника архивных материалов по истории ойратов Цинхая и Хулун-Буира «Сборник источников по истории монголов Цинхая» [Хэ Лин, Чжан Чжаоюнь 2005] и публикация маньчжурских и монгольских документов в сборнике «Kökenayur-un čiyulγan-u čaγaγa-yin bičig»

(«Законы кукунорских сеймов») [Čerenbal, Čenggel 2009] открыли доступ к использованию исторических памятников и архивных документов на «ясном письме».

Первым сборником маньчжурских архивных документов по истории ойратов в Китае являются «Китайские переводы маньчжурских документов из фонда „Торгутские дела“» [Маньвэнь туэр 1988]. В него вошли 145 единиц документов, касающихся прикочевки торгутов в XVIII в. на территорию Китая, их размещения и разделения кочевий, родословные торгутских нойонов и др. Публикация данного сборника сыграла положительную роль в актуализации исследований по истории торгутов в Китае.

Китайскими учеными также были составлены и опубликованы такие сборники архивных документов по истории ойратов, как «Китайские переводы маньчжурских докладов периода правления императора Канси» [Канси 1998], «Китайские переводы маньчжурских докладов периода правления императора Юнчжэн» [Юнчжэн 1998], «Китайские переводы маньчжурских документов по Джунгарии из фонда „Военного ведомства и совета“» [Цзуньцзи 2009], «„Маньчжурские документы по делам паломничества из фонда „Военного ведомства и совета“» [Цзуньцзи 2010], «Сборник документов по истории Эцзинского хошуна» [Эцзина 2014], «Избранные монгольские документы Алашань-Хошутского хошуна периода Цин» [Циндай Алашань 2015], «Сборник документов по истории кукунорских монголов периода династии Цин» [Циндай Цинхай 1994], и др.

Синьцзянская ассоциация ойратоведов и ее деятельность

В 1988 г. была основана организация «Синьцзянская ассоциация ойратоведов» (ойр. «Шинжаны ойрад монголын судлалын нийгэмлэг», далее — CAO) — общественная организация со статусом независимого юридического лица, основной деятельностью которой является координация ойратоведческих исследований, определение основных направлений исследования, проведение регулярных научных мероприятий, издание научных трудов и сборников архивных документов, подготовка научных кадров и популяризация научных исследований.

Со дня своего основания САО добила-сь заметных результатов в деле изучения исто-рии и литературы ойратов, в частности в изучении героического эпоса «Джангар» и фольклора ойратов. Следует отметить, что с момента своего основания САО сыг-рала важную роль в развитии и расширении исследований по истории и культуре ойра-тов Китая. Эта деятельность проводилась в двух основных направлениях. Во-первых, САО проводила координацию работы по организации «Всекитайской конференции по изучению истории и культуры ойратов». Во-вторых, САО также взяла на себя задачу по финансированию публикации ойратских исторических памятников и других научных работ. Начиная с 2009 г. при финансовой поддержке САО было опубликовано более 40 книг в научной серии «Oyirad mongyol-un teüke soyol-un čubural bičig» («Научная се-рия „История и культура ойратов“»).

Организация научных конференций

Первая «Всекитайская конференция по изучению истории и культуры ойратов» была проведена в августе 1986 г. в г. Бор-тала, Синьцзян-Уйгурский автономный район КНР. Конференция была организо-вана Синьцзянским педагогическим универ-ситетом и Педагогическим университетом Внутренней Монголии. В последующем ос-новные организаторы первой конференции стали ключевыми членами САО. Благодаря решению САО Всекитайская конференция по изучению истории и культуры ойратов стала регулярной и проводится через каж-дые два года.

Следует отметить, что САО на протяже-нии 30 лет постоянно занималась организа-цией и проведением Всекитайской конфе-ренции по изучению истории и культуры ойратов, что способствовало развитию ой-ратоведения в Китае. За прошедшее время были проведены и изданы материалы де-сяти конференций. 11-я Всекитайская кон-ференция по изучению истории и культуры ойратов прошла с 18 по 20 сентября 2020 г. в Северо-Западном университете нацио-нальностей (г. Ланьчжоу).

Публикация научных серий

Кроме координации ойратоведческих исследований и организации конференций, САО проводит работу по публикации исто-

рических памятников ойратов и различных видов научных работ. С 2009 г. ассоциаци-ей было организовано и профинансировано издание 40 книг в рамках научной серии «История и культура ойратов». Перечислим только некоторые из них: «Исторические памятники „ясного письма“ с китайским переводом» [Dambipiljid, Lijei 2009], «Пе-чати владельцев торгутских хошунов эпохи Цинской династии» [Dorji, Batubayar, Lijei 2009], «Исследование старописьменной литературы ойрат-монголов» [Dambipiljid 2013], «Исследование „Джангара“ об-ласти Хар Усун» [Taya 2013], «Древние монгольские топонимы Западного края» [Möngke Do. 2013], «Антология текстов на „ясном письме“: тексты наставлений и воскурения-сангов» [Galdan Do. 2013], «История и культура захчинов» [Batubayar Ba. 2013], «Ученики Зая-пандиты» [Dosan, Ünir 2013], «Сравнительный анализ неко-торых слов „Сокровенного сказания мон-голов“ с ойратскими соответствиями» [Čebeg, Bayandelger 2013], «Исторические памятники „ясного письма“ с китайским переводом» [Dambipiljid, Lijei 2014], «Гео-графия в „Джангаре“ (представления древ-них монголов о географии)» [Taya 2014], «Анализ традиционной культуры и литера-туры ойратов» [Bonda 2014], «Сравнитель-ное исследование „Джангара“, „Илиады“ и „Рамаяны“» [Narasu, Lingli. 2014], «Срав-нительное исследование „Джангара“ и эпоса других кочевых народов» [Sodogerel, Sečen 2014], «Традиция и обряды исполне-ния „Джангара“» [Taya 2015], «История и культура хошутов Синьцзяна» [Nim-a, Lijei 2015], «Системы форпостов, ямских стан-ций и монгольские топонимы Синьцзяна в период Цинской династии» [Möngke 2015], «Столичный город Джунгарского ханства» [Erdei 2016], «Карашарские монголы: со-циальное и административное состояние» [Khara Šar-a-yin 2009].

Издание научных журналов

Научный периодический журнал «Barayun mongyol sudulul» («Journal of the Western Mongolian Studies», «Журнал запад-номонгольских исследований») начал изда-ваться с 1989 г. Со времени выхода в свет журнал стал играть важную роль в опре-делении и развитии новых направлений в ойратоведческих исследованиях. Сначала

он назывался «Oyirodiyin sudulul» («Oirat Studies», «Ойратоведческие исследования»). Издавался ежеквартально (4 номера в год). В нем публикуются результаты академических исследований на монгольском и китайском языках. С момента создания в 1989 г. вышло 82 номера. С 2008 г. журнал был переименован в «Barayun mongyol sudulul» («Journal of the Western Mongolian Studies», «Журнал западномонгольских исследований»).

В настоящее время «Barayun mongyol sudulul» уже имеет стабильный авторский коллектив и большую читательскую аудиторию, а его влияние выходит за рамки национальных границ. Журнал хорошо знаком монголоведам Монголии, России, его читают и в странах Европы, в США и Японии. Его постоянными подписчиками являются частные лица и университеты Китая.

Несмотря на широкий диапазон тематики, охватывающий вопросы истории, литературы, языка, фольклора и эпоса, журнал

имеет самые высокие академические стандарты и оказывает большее влияние на характер и содержание ойратоведческих исследований.

Заключение

Обзор ойратоведческих исследований за прошедшие 70 лет свидетельствует о том, что ойратоведение как научная дисциплина и составная часть монголоведения обрела реальные черты после образования в 1949 г. Китайской Народной Республики. Ойратоведение как отдельная научная дисциплина была создана несколькими поколениями ученых разных национальностей (ханьцев, монголов и самих ойратов). Важную роль в развитии ойратоведения оказало создание CAO, под эгидой которой осуществлялись периодические научные конференции и издание научного журнала «Barayun mongyol sudulul» («Journal of the Western Mongolian Studies», «Журнал западномонгольских исследований»).

Литература

- Алтан-Очир 2015 — *Алтан-Очир*. Цин чао тули чэнь шитуань юй И-Юй-Лу яньцзю (= Посольство Тулишения и его записки «И-Юй-Лу»). Гуйлинь: Гуанси шифань дасюэ чубаньшэ, 2015. 523 с. (На кит. яз.).
- Бай Цуйцин 1991 — *Бай Цуйцин*. Вала ши (= История ойратов). Цзилинь: Цзилинь цзяюй чубаньшэ, 1991. 251 с. (На кит. яз.).
- Басан, Ли Кай, Лю Кунли 2004 — *Басан На., Ли Кай, Лю Кунли*. Хэшотэ мэngu ши (= История хошут-монголов). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2004. 616 с. (На кит. яз.).
- Ван Хунцзюнь, Лю Жучжун 1987 — *Ван Хунцзюнь, Лю Жучжун*. Чжунь га эр дэ лиши юй вэньву (= История и культурные памятники Джунгарии). Синин: Цинхай жэньминь чубаньшэ, 1987. 186 с. (На кит. яз.).
- Ду Жункунь, Бай Цуйцин 1986 — *Ду Жункунь, Бай Цуйцин*. Си мэngu ши яньцзю (= Исследование по истории западных монголов). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1986. 264 с. (На кит. яз.).
- Дун Чжэнцзюнь 1952 — *Дун Чжэнцзюнь*. Цзюй Янь Хай (= Цзюйяньское море). Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1952. 162 с. (На кит. яз.).
- Канси 1998 — Канси чао маньвэнь чжупи зоучжэ цюань и (= Китайские переводы

маньчжурских докладов периода правления императора Канси). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1998. 1727 с. (На кит. яз.).

Краткая история I 1992 — Вэй ла тэ мэngu цзяньши (= Краткая история ойрат-монголов). Т. I. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1992. 366 с. (На кит. яз.).

Краткая история II 1996 — Вэй ла тэ мэngu цзяньши (= Краткая история ойрат-монголов). Т. II. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1996. 452 с. (На кит. яз.).

Лай Цзяду, Ли Гуанби 1954 — *Лай Цзяду, Ли Гуанби*. Минчао дуй вала дэ чжаньчжэн (= Война династии Мин против ойратов). Шанхай: Дунхуа жэньминь чубаньшэ, 1954. 58 с. (На кит. яз.).

Лиджа 2002 — *Лиджа Г.* Хошуудын түүх соелын судлал (= Исследование по истории и культуре хошутов). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2002. 436 с. (На монг. яз.).

Лян Лися 2005 — *Лян Лися*. Алашань мэngu янь цзю (= Алашаньские монголы). Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2005. 355 с. (На кит. яз.).

Ма Дачжэн, Цай Цзяи 1989 — *Ма Дачжэн, Цай Цзяи*. Вэй ла тэ мэngu ши жу мэнь (= Введение в историю ойрат-монголов). Синин: Цинхай жэньминь чубаньшэ, 1989. 270 с. (На кит. яз.).

- Ма Жухэн, Ма Дачжэн 1984 — *Ма Жухэн, Ма Дачжэн*. Элүтэ мэнгү ши лунцзи (= Сборник статей по истории ойрат-монголов). Синин: Цинхай жэньминь чубаньшэ, 1984. 279 с. (На кит. яз.).
- Ма Жухэн, Ма Дачжэн 1991 — *Ма Жухэн, Ма Дачжэн*. Пяолю июй дэ миньцзу — 17 чжи 18 шицзи дэ ту эр ху тэ мэнгү» (= Ски-тающийся по чужбне народ: торгут-монголы в XVII–XVIII вв.). Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубаньшэ, 1991. 258 с. (На кит. яз.)
- Маньвэнь туэр 1988 — Маньвэнь туэр хутэ данань и бянь (= Китайские переводы маньчжурских документов из фонда «Торгутские дела»). Пекин: Минцзу чубаньшэ, 1988. 247 с. (На кит. яз.).
- Пин дин чжуньгаэр 1990 — Пин дин чжуньгаэр фанлюэ (= Высочайше утвержденное описание усмирения джунгаров). Т. 1. Пекин: Научно-исследовательский центр тибетологии Китая, 1990. 172 цзюань. (На кит. яз.).
- Сборник 1982 — «Мин ши лу» вала цзыляо чжайбянь (= Сборник материалов по истории ойратов, избранных из «Мин ши лу»). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1982. 293 с. (На кит. яз.).
- Сборник 1986 — «Цин ши лу» чжуньгаэр цзыляо чжайбянь (= Сборник материалов по истории Джунгарии, избранных из «Цин ши лу»). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1986. 658 с. (На кит. яз.).
- Улаан 2012 — *Улаан М.* Вэйлатэ мэнгү вэньсянь юй шисюэ: и тотэ вень вэньсянь яньцзю вэй чжунсинь (= Письменные памятники и историография ойратов: Исторические памятники «на ясном письме»). Пекин: Чжун-ян минцзу дасюэ чубаньшэ, 2012. 248 с. (На кит. яз.).
- Хэ Лин, Чжан Чжаоюнь 2005 — *Хэ Лин, Чжан Чжаоюнь*. Цинхай мэнгүзу шилиао цзи (= Сборник источников по истории монголов Цинхая). Синин: Цинхай жэньминь чубаньшэ, 2005. 561 с. (На кит. яз.).
- Хэй Лун 2014 — *Хэй Лун*. Чжуньгаэр мэнгү юй Цинчао гуаньси яньцзю (= Исследование по истории взаимоотношений между Джунгарией и Цинским двором. 1672–1697). Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2014. 274 с. (На кит. яз.).
- Чжунь га эр 1985 — Чжунь га эр ши люэ (= Краткий очерк истории Джунгарии). Пекин: Жэньминь, 1985. 326 с. (На кит. яз.).
- Чэн Фугуан 1957 — *Чэн Фугуан*. 18 шицзи чу цинтин цзингун чжуньгаэр шици ди и цы дао эшу цзи эцзин дэ цжунго шицзе (= Первый китайский посланник, прибывший в Россию и ее столицу во время экспансии Цинского двора на Джунгарию в начале XVIII в.) // Юнь нань дасюэ сюэ бао (= Вестник Юньнаньского университета). 1957. № 2. (На кит. яз.).
- Чэн Чундэ 2019 — *Чэн Чундэ*. Ма Дачжэн сяньшэн юй вэй ла тэ мэнгү ши яньцзю (= Ма Дачжэн и его исследование по истории ойрат-монголов) // Си бу мэнгү луньтань (= Западномонгольские исследования). 2019. № 2. С. 22–34. (На кит. яз.).
- Цин ши лу 1986 — Цин ши лу (= «Правдивые записи о династии Цин»). Т. 1–60. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 1986. (На кит. яз.).
- Циндай Алашань 2015 — Циндай Алашань хэ-шотэ ци мэнгү вэнь дан ань сюянь бянь (= Избранные монгольские документы Алашань-хошутовского хошуна периода Цин). В 5 тт. Пекин: Гоцзя тушугуань чубаньшэ, 2015. Т. 1. 642 с. Т. 2. 686 с. Т. 3. 638 с. Т. 4. 698 с. Т. 5. 772 с. (На кит. яз.).
- Циндай Цинхай 1994 — Циндай Цинхай мэнгүзу дан ань шилиао цзибянь (= Сборник документов по истории кукунорских монголов периода династии Цин) / сост. Чжэцан Цайжан. Синин: Цинхай жэньминь чубаньшэ, 1994. 209 с. (На кит. яз.).
- Цинь чжэн 1994 — Цинь чжэн пиндин шомо фанлюэ (= Высочайше утверждённое описание усмирения земель к северу от пустыни). 48 цзюань. Т. 1–48. Пекин: Чжунго шудянь, 1994. (На кит. яз.).
- Цзин Цизун 1964 — Цзин Цизун. Цинчао цян-ци вэйлатэ мэнгү хэ чжунюань дэ хуши (= Торговля ойратов со срединной равниной в начальный период Цинской династии) // Нэй мэнгү дасюэ сюэ бао (= Вестник Университета Внутренней Монголии). 1964. № 2. С. 79–97. (На кит. яз.).
- Цзуньцзи 2009 — Цзуньцзи чу маньвэнь чжуньгаэр ши чжэ дан и бянь (= Китайские переводы маньчжурских документов по Джунгарии из фонда «Военного ведомства и совета») / сост. Чжао Линчжи, Го Мэйлань. В 3-х тт. Пекин: Чжун-ян минцзу дасюэ чубаньшэ, 2009 г. 2851 с. (На кит. яз.).
- Цзюньцзи 2010 — Цзюньцзи чу маньвэнь аоча дан (= Маньчжурские документы по делам паломничества из фонда «Военного ведомства и совета»). В 2-х тт. Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2010 г., 964 с. (на кит. яз.).

- Цэвэгджав 2014 — *Цэвэгджав*. Синьцзян мэнгу зу занчуань фоцзяо сымяо (= Буддийские монастыри монголов Синьцзяна). Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2014. 170 с. (На кит. яз.).
- Цэнгэл 2019 — «Цин ши лу» Цинхай мэнгу-зу шиляо ошлу (= Сборник источников по истории кукунорских монголов из «Цин ши лу») / сост. Цэнгэл. Т. I–II. Пекин: Миньцзу чубаньшэ, 2019. 484 с. (На кит. яз.).
- Юнчжэн 1998 — Юнчжэн чао маньвэнь чжупи зоучжэ цюань и (= Китайские переводы маньчжурских докладов периода правления императора Юнчжэн). I, II. Хэфэй: Хуаншань шушэ, 1998. 2934 с. (На кит. яз.).
- Эрдэмт 2012 — *Эрдэмт*. Вэй ла тэ гаосэн Лабу циньба Зая баньдида яньцзю (= Ойратский Рабджамба Зая-пандита). Пекин: Шехуэй кэсюэ чубаньшэ, 2012. 285 с. (На кит. яз.).
- Эцзина 2014 — Эцзина ци лиши дан ань зыляо (= Сборник документов по истории Эзэнского хошуна) / сост. Ли Цзин. В 2-х ч. Хайлар: Нэймэнгу вэньхуа чубаньшэ, 2014. 900 с. (На кит. яз.).
- Altanorgil, Badai, Erdeni 1985 — *Altanorgil, Badai Qo., Erdeni*. Oirad tüüki-in surbulji bičig (= Ойратские исторические летописи). Urumci: Singjiang arad-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 441 с. (На ойр. яз.).
- Badai, Altanorgil, Erdeni 1992 — *Badai Qo., Altanorgil, Erdeni*. Oyirad teüke-yin durasqal-uud (=Памятники по истории ойратов). Urumci: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1992. 496 с. (На монг. яз.).
- Badmavangčïn 2013 — *Badmavangčïn Galjud*. Qülünbüir-ün yurban ayımaу-un uу eken-ü bičig (= Описание трех аймаков Хулун-Буира). Köke-Qota: Öbör mongyol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 2013. 403 с. (На монг. яз.).
- Batu 2006 — *Batu Č.* Mongyol-oyirad-un čaуаја-yin bičig-ün üge kelelge-yin sudulul (=Лексикографическое исследование монголо-ойратских законов «Великого Уложения»). Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2006. 353 с. (На ойр. яз.).
- Batu 2012 — *Batu Č.* Mongyol-oyirad-un čaуаја-yin bičig-ün kele sudulul (= Язык монголо-ойратских законов «Великого Уложения»). Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2012. 353 с. (На ойр. яз.).
- Batu 2016 — *Batu Č.* Mongyol-oyirad-un yeke čaуаја-yin bičig-ün surbulji bičig sudulul (= Текстологическое исследование монголо-ойратских законов «Великого Уложения»). Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2016. 734 с. (На ойр. яз.).
- Batubayar 2013 — *Batubayar Ba.* Jaqačïn-u teüke soyol-un sudulul (История и культура захчинов). Urumci: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2013. 261 с. (На ойр. яз.).
- Bonda 2014 — *Bonda Č.* Oyirad mongyol-un ulamjılaltu soyol kiged udq-a jokiya-un qaričayan-u sudulul (= Анализ традиционной культуры и литературы ойратов). Urumci: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2014. 265 с. (На ойр. яз.).
- Čebeg, Bayandelger 2013 — *Čebeg B., Bayandelger P.* Mongyol-un niуuča tobčiyān-daki jarim üges-i oyirad ayalyu-tai qaričayuluуsan sudulul (= Сравнительный анализ некоторых слов «Сокровенного сказания монголов» с ойратскими соответствиями). Urumci: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2013. 223 с. (На ойр. яз.).
- Čerenbal, Čenggел 2009 — *Čerenbal, Čenggел*. Kökenayug-un čiyulyan-u čaуаја-yin bičig (= Законы кукунорских сеймов). Begejing: Ündüsüten-ü keblel-ün qoriy-a, 2009. 521 с. (На ойр. яз.).
- Dambipiljid 2013 — *Dambipiljid*. Oirad mongyol-un erten-ü udq-a jokiya-un sinjilege (= Исследование старописьменной литературы ойрат-монголов). Urumci: Singjianggiyin aradiyin keblel-in хоро, 2013. 366 с. (На ойр. яз.).
- Dambipiljid, Liјei 2009 — *Dambipiljid, Liјei Ge.* Mongyol kitad qaričayuluуsan todo üsüg-ün oyirad mongyol-un teüke-yin surbulji bičig-üüd (= Исторические памятники «ясного письма» с китайским переводом). Urumci: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2009. 269 с. (На ойр. яз.).
- Dambipiljid, Liјei 2014 — *Dambipiljid P., Liјei Ge.* Mongyol kitad qaričayuluуsan todo üseg-ün oyirad mongyol-un teüke-yin surbulji bičig-üüd (jalıamji) (= Ойратские источники на «ясном письме» по истории отношений Монголии и Китая). Urumci: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2014. 462 с. (На ойр. яз.).
- Dorji, Batubayar, Liјei 2009 — *Dorji, Batubayar Ba., Liјei Ge.* Čing ulus-in üye-in torıud qošuud-in tamıa-in sudulul (= Печати владельцев торгутских хошунов эпохи Цинской династии). Urumci: Singjiang-giyin aradiyin keblel-in хоро, 2009. 153 с. (На ойр. яз.).
- Doronatib 1985 — *Doronatib*. Oyirad čaуаја. Köke-Qota: Öbör mongyol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1985. 316 с. (На монг. яз.).

- Dosan, Ünir 2013 — *Dosan Ja., Ünir Č. Zai-a Bandida-in šabinar* (= Ученики Зая-пандиты). Urumči: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2013. 345 с. (На ойр. яз.).
- Erdei 2016 — *Erdei U. Jegünγar qayantu ulus-un neyisel qota-yin tuqai sudulul* (= Столичный город Джунгарского ханства). Urumči: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2016. 186 с. (На ойр. яз.).
- Galdan 2013 — *Galdan Do. Suryal silüg kiged sang takil. Todo üseg-ün erten-ü durasqal bičig-ün sungγuburi* (= Антология текстов на «ясном письме»: тексты наставлений и воскрешений-сангов). Urumči: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2013. 378 с. (На ойр. яз.).
- Khara Šar-a-yin 2009 — *Khara Šar-a-yin mongγolčuud-un neyigem-ün bayiγulal bolun ĵasay ĵakirγan-u bayiγulal-un sudulul* (= Карашарские монголы: социальное и административное состояние). Urumči: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2009. 152 с. (На ойр. яз.).
- Möngke 2013 — *Möngke Do. Barayun kiγiyar-un erten-ü mongγol ĵaγar-un ner-e-yin tobči toltu — mongγol surbulji bičig-ün ĵišiyen deger-e* (= Древние монгольские топонимы Западного края). Urumči: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2013. Т. I. 390 с. Т. II. 450 с. (На ойр. яз.).
- Möngke 2015 — *Möngke Do. Čing törö-yin üi-e-yin Sinjiyang-un qarayul, cerig-ün örtege, Ying Tang-un bayiγululta, ularil qubisul ba mongγol ĵaγar-un ner-e-yin sudulul* (= Системы форпостов, ямских станций и монгольские топонимы Синьцзяна в период Цинской династии). Urumči: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2015. 466 с. (На ойр. яз.).
- Namsarai 1993 — *Namsarai. Dörben oyirad-un teüke* (= История Дербен-ойратов). Köke-Qota: Öbör mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1993. 176 с. (На монг. яз.).
- Namsarai 1996 — *Namsarai. Jegünγar qayan-tu ulus-un teüke* (= История Джунгарского ханства). Köke-Qota: Öbör mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1996. 318 с. (На ойр. яз.).
- Narasu, Lingli 2014 — *Narasu, Lingli. Jangγar bolun Iliyat Ramayan-a-yin qaricayuluγsan sudulul* (= Сравнительное исследование «Джангара», «Илиады» и «Рамаяны»). Urumči: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2014. 255 с. (На ойр. яз.).
- Nim-a, Liĵei 2015 — *Nim-a Mo., Liĵei Ge. Sinjiyang-un Qoşud-un teüke soyol* (= История и культура хошуты Синьцзяна). Urumči: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2015. 300 с. (На ойр. яз.).
- Norbu 1999 — *Norbu Si. Zay-a Bandida* (= Зая-пандита). Köke-Qota: Öbör mongγol-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 1999. 266 с. (На монг. яз.).
- Sodogerel 2014 — *Sodogerel, Sečen keü. Jangγar kiged busud negüdelčin ündüsüten-ü tuuli-yin qaricayuluγsan sudulul* (= Сравнительное исследование «Джангара» и эпоса других кочевых народов). Urumči: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2014. 248 с. (На ойр. яз.).
- Taya 2013 — *Taya D. Gür Qarusun-u Jangγar-un ulamjilal-un sudulul — Jangγar-un aman ulamjilal-un bayural doroyital-un uçir* (= Изучение традиции «Джангара» Гур Харсуна: причины угасания традиции устного исполнения «Джангара»). Urumči: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2013. 323 с. (На ойр. яз.).
- Taya 2014 — *Taya D. Jangγar-un tuuli ĵaγarjui sudulul — erten-ü mongγolčud-un ĵaγarjui-yin üjelte-yin mördel* (= География в «Джангаре» — представления древних монголов о географии). Urumči: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2014. 411 с. (На ойр. яз.).
- Taya 2015 — *Taya D. Jangγar ulamjilaqu ĵang üile-yin sudulul* (= Традиция и обряды исполнения «Джангара»). Urumči: Singjiang-un arad-un keblel-ün qoriy-a, 2015. 306 с. (На ойр. яз.).
- Uyunbilig 1990 — *Uyunbilig Borjigidai. Qoşuud Tobčiγan* (= Краткий очерк истории хошуты). Hulunbuyir: Öbör mongγol-un soyol-un keblel-ün qoriy-a, 1990. 345 с. (На кит. яз.).

References

- A Brief Essay on the History of Dzungaria. Beijing, 1985. 326 p. (In Chin.)
- A Brief History of Oirat Mongols. Vol. I. Urumchi, 1992. 366 p. (In Chin.)
- A Brief History of Oirat Mongols. Vol. II. Urumchi, 1996. 452 p. (In Chin.)
- Altan-Ochir. The Embassy of Tulishen and His Travel Notes. Guilin, 2015. 523 p. (In Chin.)
- Altanorgil, Badai Qo., Erdeni. Oirat Historical Manuscripts. Urumchi, 1985. 441 p. (In Oir.)
- Alxa Heshoute Banner of the Qing Era: Selected Mongolian Documents. In 5 vols. Beijing, 2015. Vol. 1, 642 p. Vol. 2, 686 p. Vol. 3, 638 p. Vol. 4, 698 p. Vol. 5, 772 p. (In Chin.)

- Badai Qo., Altanorgil, Erdeni. Monuments in the History of Oirats. Urumchi, 1992. 496 p. (In Mong.)
- Badmavangčin Galjud. A Description of Three Hulun Buir Aimags. Hohhot, 2013. 403 p. (In Mong.)
- Basan Na., Li Kay, Lyu Kunli. History of Khoshuud Mongols. Urumchi, 2004. 616 p. (In Chin.)
- Batu Č. The Great Code of Laws of Oirat Mongols: A Lexicographic Study. Beijing, 2006. 353 p. (In Oir.)
- Batu Č. The Great Code of Laws of Oirat Mongols: A Textual Insight. Beijing, 2016. 734 p. (In Oir.)
- Batu Č. The Great Code of Laws of Oirat Mongols: Language Surveyed. Beijing, 2012. 353 p. (In Oir.)
- Batubayar Ba. The Zakhchin: History and Culture. Urumchi, 2013. 261 p. (In Oir.)
- Bay Tsuytsin. A History of the Oirats. Jilin, 1991. 251 p. (In Chin.)
- Bonda Č. Analyzing Traditional Culture and Literature of Oirats. Urumchi, 2014. 265 p. (In Oir.)
- Čebeg B., Bayandelger P. The Secret History of the Mongols and Oirat Sources: A Comparative Analysis. Urumchi, 2013. 223 p. (In Oir.)
- Čerenbal, Čenggel. Laws of Koko Nor Congresses. Beijing, 2009. 521 p. (In Oir.)
- Chen Chunde. Ma Dazheng and his study in the history of Oirat Mongols. *Si bu mengu lun'tan*. 2019. No. 2. Pp. 22–34. (In Chin.)
- Chen Fuguan. The 18th-century Qing invasion of Dzungaria and the first Chinese ambassador to Russia and its capital. *Yun' nan' dasyue syue bao*. 1957. No. 2. (In Chin.)
- Chzhao Linchzhi, Go Meylan (comps.) Manchu Documents from the Collection of 'Military Chamber and Council': Chinese Translations. In 3 vols. Beijing, 2009. 2851 p. (In Chin.)
- Chzhetsan Tsayzhan (comp.) History of Koko Nor Mongols in the Qing Era: Collected Documents. Xining, 1994. 209 p. (In Chin.)
- Dambipiljid P., Liĵei Ge. Historical Monuments in 'Clear Script', Supplemented with Chinese Translations. Urumchi, 2014. 462 p. (In Oir. and Chin.)
- Dambipiljid, Liĵei Ge. Historical Monuments in 'Clear Script', Supplemented with Chinese Translations. Urumchi, 2009. 269 p. (In Oir. and Chin.)
- Dambipiljid. A Study in Old Written Literature of Oirat Mongols. Urumchi, 2013. 366 p. (In Oir.)
- Dorĵi, Batubayar Ba., Liĵei Ge. Torghut Banners of the Qing Dynasty: Seals of Rulers. Urumchi, 2009. 153 p. (In Oir.)
- Doronatib. Oyirad čayaĵa. Hohhot, 1985. 316 p. (In Mong.)
- Dosan Ja., Ünir Č. Disciples of Zaya Pandita. Urumchi, 2013. 345 p. (In Oir.)
- Du Zhunkun, Bay Tsuytsin. A Study in the History of Western Mongols. Urumchi, 1986. 264 p. (In Chin.)
- Dun Chzhentszyun. The Sea of Tszyuy Yan. Beijing, 1952 g. 162 p. (In Chin.)
- Erdei U. Capital City of the Dzungar Khanate. Urumchi, 2016. 186 p. (In Oir.)
- Erdemt. Rabjampa Zaya Pandita of the Oirats. Beijing, 2012. 285 p. (In Chin.)
- Galdan Do. Anthology of 'Clear Script' Texts: Texts of Precepts and Incense Offerings. Urumchi, 2013. 378 p. (In Oir.)
- Karashar Mongols: Social and Administrative Conditions. Urumchi, 2009. 152 p. (In Oir.)
- Khe Lin, Chzhan Chzhaoyun. History of Qinghai Mongols: Collected Sources. Xining, 2005. 561 p. (In Chin.)
- Khey Lun. Dzungaria and the Qing, 1672–1697: A Study in the History of Relations. Shanghai, 2014. 274 p. (In Chin.)
- Li Tszin (comp.) History of Ejin Banner: Collected Documents. In 2 vols. Hailar, 2014. 900 p. (In Chin.)
- Lija G. The Khoshuud: A Study in the History and Culture. Urumchi, 2002. 436 s. (In Mong.)
- Lyan Lisyā. Mongols of Alashan. Beijing, 2005. 355 p. (In Chin.)
- Ma Dachzhen, Tsay Tszyai. An Introduction to the History of Oirat Mongols. Xining, 1989. 270 p. (In Chin.)
- Ma Zhukhen, Ma Dachzhen. History of Oirat Mongols: Collected Articles. Xining, 1984. 279 p. (In Chin.)
- Ma Zhukhen, Ma Dachzhen. The Itinerant People: Torghut Mongols, 17th–18th Centuries. Beijing, 1991. 258 p. (In Chin.)
- Manchu Documents from the Collection of 'Torghut Files': Chinese Translations. Beijing, 1988. 247 p. (In Chin.)
- Manchu Documents on Pilgrimage Affairs from the Collection of 'Military Chamber and Council'. In 2 vols. Shanghai, 2010. 964 p. (In Chin.)
- Manchu Reports of the Kangxi Emperor's Era: Chinese Translations. Beijing, 1998. 1727 p. (In Chin.)
- Manchu Reports of the Yonzheng Emperor's Era: Chinese Translations. Vols. I, II. Hefei, 1998.

- 2934 p. (In Chin.)
- Möngke Do. Ancient Mongolian Toponyms of Northwest China. Urumchi, 2013. Vol. I, 390 p. Vol. II, 450 p. (In Oir.)
- Möngke Do. System of Outposts, Yam Stations, and Mongolian Toponyms of Xinjiang in the Qing Era. Urumchi, 2015. 466 p. (In Oir.)
- Namsarai. A History of Dörben Oirats. Hohhot, 1993. 176 p. (In Mong.)
- Namsarai. A History of the Dzungar Khanate. Hohhot, 1996. 318 p. (In Oir.)
- Narasu, Lingli. The Jangar, Iliad, and Ramayana: A Comparative Study. Urumchi, 2014. 255 p. (In Oir.)
- Nim-a Mo., Liĵei Ge. The Khoshuud of Xinjiang: History and Culture. Urumchi, 2015. 300 p. (In Oir.)
- Norbu Si. Zaya Pandida. Hohhot, 1999. 266 p. (In Mong.)
- Sodogerel, Sečen keü. The Jangar and Epic Traditions of Other Nomadic Peoples: A Comparative Study. Urumchi, 2014. 248 p. (In Oir.)
- Taya D. Gür Qarusun-u Jangyar-un ulamĵilal-un sudulul — Jangyar-un aman ulamĵilal-un bayural doroyital-un učir. Urumči, 2013. 323 p. (In Oir.)
- Taya D. The Jangar, Geography, and Related Ideas of Ancient Mongols. Urumchi, 2014. 411 p. (In Oir.)
- Taya D. The Jangar: Performance Tradition and Rites. Urumchi, 2015. 306 p. (In Oir.)
- The Imperially Established Description of Dzungar Pacification. Vol. 1. Beijing, 1990. 172 scrolls. (In Chin.)
- The Imperially Established Description of Pacification across Lands to the North of the Desert. 48 scrolls. Vols. 1–48. Beijing, 1994. (In Chin.)
- The Ming Dynasty's War against Oirats. Shanghai, 1954. 58 p. (In Chin.)
- The Ming Shilu: Selected Materials in Oirat History. Urumchi, 1982. 293 p. (In Chin.)
- The Qing Shilu. Vols. 1–60. Beijing, 1986. (In Chin.)
- The Qing Shilu: Collected Materials in the History of Dzungaria. Urumchi, 1986. 658 p. (In Chin.)
- Trade between Oirats and the North China Plain in the early Qing. *Ney mengu dasyue syue bao*. 1964. No. 2. Pp. 79–97. (In Chin.)
- Tsengel (comp.) The Qing Shilu: Collected Sources in the History of Koko Nor Mongols. Vols. I–II. Beijing, 2019. 484 p. (In Chin.)
- Tsevegjav. Buddhist Monasteries of Xinjiang Mongols. Urumchi, 2014. 170 p. (In Chin.)
- Ulaan M. Written Sources and Historiography of Oirats: 'Clear Script' Historical Monuments. Beijing, 2012. 248 p. (In Chin.)
- Uyunbilig Borjigidai. History of the Khoshuud: A Brief Essay. Hulun Buir, 1990. 345 p. (In Chin.)
- Van Khuntszyun, Lyu Zhuchzhun. Dzungaria: History and Cultural Monuments. Xining, 1987. 186 p. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 6, pp. 1537–1545, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1537-1545
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 947. 084.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1537-1545

Национальные движения восточных регионов России в 1918–1919 гг.: степень и формы вовлечения в конфликты внутри антибольшевистского лагеря

Александр Дмитриевич Казанчиев¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
РАН (д. 71, пр. Октября, 450077 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0003-4574-4970. E-mail: kazan1965@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Казанчиев А. Д., 2020

Аннотация. *Введение.* Во второй половине 1918 г. – начале 1919 г. восточные регионы России были ареной жесткого военно-политического противостояния. В это противоборство были вовлечены и национальные движения. *Цели и задачи исследования.* В статье мы ставим цель выявить роль национальных движений в общероссийской расстановке политических сил. *Материалы и методы.* Материалами исследования являются документы Национального архива Республики Башкортостан, Государственного архива Российской Федерации, статьи в прессе периода Гражданской войны, опубликованные мемуаристика. *Результаты.* Показана позиция национальных движений по важнейшим противоречиям антибольшевистского лагеря. Выявлены сходство и различия между различными течениями внутри национальных движений, их взаимоотношения с различными группировками антибольшевистского лагеря. Сделаны выводы относительно места национальных движений в общероссийской расстановке политических сил.

Ключевые слова: гражданская война, национальные движения, восток России, директория, Учредительное собрание, Уфимское государственное совещание

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Казанчиев А. Д. Национальные движения восточных регионов России в 1918–1919 гг.: степень и формы вовлечения в конфликты внутри антибольшевистского лагеря // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1537–1545. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1537-1545

UDC 947. 084. 2

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1537-1545

National Movements across Russia's East, 1918–1919: The Degree and Forms of Involvement in Processes within Anti-Bolshevik Forces

Alexander D. Kazanchiev¹

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450077, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 0000-0003-4574-4970. E-mail: kazan1965@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Kazanchiev A. D., 2020

Abstract. *Introduction.* From mid-1918 to mid-1919, Russia's East was a scene of tough military-political confrontation. National movements were also involved in this confrontation. *Goals.* The article aims to show the place of national movements in the all-Russian alignment of political forces. *Materials and Methods.* The materials investigated are documents from the National Archive of Bashkortostan, State Archive of the Russian Federation, articles from periodicals issued during the Russian Civil War, other published sources and memoirs. *Results.* The paper shows the position of national movements on the most important issues of the anti-Bolshevik camp, reveals the similarities and differences between different currents within national movements, their relationships with various groups of the anti-Bolshevik camp. Conclusions are drawn regarding the place of national movements in the all-Russian alignment of political forces.

Keywords: civil war, national movements, East of Russia, governments, parties, conference, directory, power, All-Russian Constituent Assembly

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Kazanchiev A. D. National Movements across Russia's East, 1918–1919: The Degree and Forms of Involvement in Processes within Anti-Bolshevik Forces. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1537–1545. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1537-1545

Введение

Во второй половине 1918 г. на востоке России имели место крайне важные события военно-политического характера. Это и образование множества региональных правительств, и попытки создания центральной антибольшевистской власти, и окончательный разрыв между левым и правым флангами антибольшевистского лагеря. Все эти процессы отразились на развитии национальных движений. В качестве источников при написании статьи послужили документы Национального архива Республики Башкортостан (далее — НА

РБ), Государственного архива Российской Федерации (далее — ГАРФ), статьи в прессе периода Гражданской войны, опубликованные источники и мемуаристика. В данной статье мы ставим задачу показать позицию национальных движений как по вопросам национального строительства, так и по целому ряду проблем, вызвавших серьезные разногласия внутри антибольшевистского лагеря. На основании выше-сказанного будут сделаны выводы относительно места национальных движений в расстановке политических сил в общероссийском масштабе.

Материалы и методы

Важнейшим источником при написании статьи послужили архивные документы, извлеченные из фондов НА РБ и ГАРФ. Существенным дополнением источниковой базы являются статьи в прессе периода Гражданской войны. Кроме того, использованы опубликованные источники и мемуаристика. Методологической основой исследования являются принципы историзма и объективности научного исследования, а также системный подход, позволившие совместить различные способы анализа исторических фактов и явлений.

Антибольшевистские правительства стремились к координации своих действий. Переговоры между представителями правительства Башкортостана известными деятелями Башкирского национального движения А. Валидовым и С. Магазовым и Временным сибирским правительством (далее — ВСП) начались сразу же после образования последнего в первых числах июля 1918 г. Со стороны ВСП были заданы вопросы относительно признания правительством Башкортостана верховной власти существующего Всероссийского Учредительного собрания, необходимости борьбы за возобновление его работы и создания единой армии усилиями всех регионов России. На все предложения Башкирское правительство ответило положительно [Касимов 1997: 100–101].

В Комитет членов Всероссийского учредительного собрания (далее — Комуч) вошли лидеры национальных движений: Г.-А. Р. Фахретдинов (от группы башкир-федералистов), Ф. Н. Тухватуллин (от татаро-башкирской группы), М. Г. Ахмеров и Г. Х. Терегулов (от группы Мусульманского национального совета). Все вышеназванные лидеры национальных движений входили в состав Национального отдела при Комуче. Задачами отдела были урегулирование межнациональных отношений, привлечение в Народную Армию представителей иных, кроме русской, национальностей и содействие утверждению комучевской власти в среде национальных меньшинств [НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 5об.]. В августе 1918 г. Комуч признал выделение Малой Башкирии в «самостоятельную административную единицу» [Указ Комуча о при-

знании Башкирского Правительства 1918]. Несмотря на вполне понятную в сложных условиях того времени тактику лавирования, Башкирское правительство все же тяготело к Комучу и воспринимало его в качестве правительства всей России [Валиди 1994: 252].

Хотя все правительства признавали право на автономию башкир, при переводе этого вопроса в конкретную плоскость возникали серьезные разногласия. Проблема была в правовой неопределенности границ. Территория современной Республики Башкортостан была под влиянием Башкирского правительства, ВСП, Комуча и Правительства Оренбургского казачьего войска (далее — ПОКВ) [18 февраля 1919 г.: материалы и документы... 1923: 4].

Начиная с лета 1918 г. важнейшей задачей антибольшевистских сил было создание единого военно-политического центра, ибо таковой отсутствовал у них, но был у большевиков. Член Учредительного собрания от Уфимской губернии по списку от Национального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири Г. Терегулов в июле 1918 г. призывал к «созданию твердой и единой власти, опирающейся на организованную и дисциплинированную народную армию» [Интервью с Г. Терегуловым 1918]. Не было разногласий и по поводу способа создания единой антибольшевистской коалиции: ее предполагалось организовать на Государственном совещании в Уфе. Однако представляется закономерным, что у различных группировок было и различное видение будущей власти. В значительной степени это обстоятельство определило состав Госсовещания.

Уфимское государственное совещание (далее — УГС) проходило с 8 по 23 сентября 1918 г. В работе УГС приняли участие делегации правительств Алаш-Орды, Туркестана, Башкортостана, а также представители Национального управления мусульман тюрко-татар внутренней России и Сибири. Всего было пять пленарных заседаний. На них представители различных делегаций читали доклады, в которых отражались их представления по устройству государственной власти. Кроме того, работала комиссия по вопросам организации власти, известная также как согласительная комиссия, или Совет Старейшин. Ее задача-

ми были выработка приемлемых для всех предложений и их вынесение на пленарные заседания.

Основным спорным вопросом, как писал позднее председатель Уфимской директории Н. Д. Авксентьев, «была не программа власти, не форма ее и даже не состав Директории, а вопрос об Учредительном собрании» [Письмо Авксентьева... 1921: 4]. Действительно, иначе и быть не могло по объективным причинам. Ведь директория должна была через некоторое время отчитываться перед тем или иным представительным органом. Последний, кроме того, окончательно должен был решать вопрос об исполнительной власти. Следовательно, им и определялось послевоенное будущее России. В «старом» Учредительном собрании преобладали левые эсеры, и они рассчитывали играть ведущую роль и в послевоенной России, что было неприемлемо для правых.

Первоначально правые настаивали на ответственности директории перед Учредительным собранием нового созыва, позднее они выступали за ответственность перед Госсовещанием. Наиболее аргументированное обоснование позиции правых представил кадет Л. Кроль. По его мнению, директория должна была быть ответственной перед Госсовещанием, так как именно им учреждалась новая всероссийская власть. Кроме того, выборы в Учредительное собрание проходили с многочисленными нарушениями. И, наконец, Учредительного собрания фактически не существовало, так как из него вышли большевики, левые эсеры и представители образовавшихся национальных республик.

Левые считали все вышеперечисленные аргументы непринципиальными. А. Валидов на Совете Старейшин расценил ответственность перед Учредительным собранием нового созыва как безответственность. Позднее со схожим заявлением от имени четырех мусульманских делегаций на пленарном заседании выступил и представитель Туркестана М. Чокаев [НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 73, 87].

По вопросу о составе директории на Совете Старейшин разгорелась дискуссия по методу конструирования правительства. Позиция национальных правительств отличалась от позиций всех других делегаций.

М. Чокаев предложил метод делегирования крупнейшими группировками своих представителей в правительство. Он отметил в качестве преимущества этого метода «большую авторитетность и осведомленность делегированных лиц» [НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 83]. А. Валидов заявил, что «разрозненную Россию может спасти только коалиция классов и национальностей» [НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 83]. Национальные лидеры понимали, что только метод делегирования может гарантировать их представительство в правительстве. Однако эти предложения вызвали критику не только справа, но и слева. Меньшевик Б. Кибрик заявил, что «желание каждой группы иметь своего представителя в центральном правительстве разделяет Россию, а не соединяет ее» [НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 83]. В итоге большинством голосов было решено образовать правительство «по персональному деловому признаку» [НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 83].

На УГС была принята и программа директории. Значительные разногласия вызвало положение программы о форме государственного устройства России. Правая часть совещания не выступала против идеи федеративного устройства категорически. Часть правых относилась к федеративному устройству к отдаленному будущему, большая часть — к компетенции послевоенного Учредительного собрания. По их мнению, УГС не имело полномочий решать подобные вопросы. Эсер М. Гендельман призвал учитывать фактическое существование региональных правительств. Позицию всех мусульманских правительств озвучил А. Букейханов (Алаш-Орда), заявивший, что они «мыслят себя только частью единой России», но России федеративной. А. Валидов на Совете Старейшин заявил о том, что «Россию можно собрать только на основе федеративности» [НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 71–73]. В принятой резолюции провозглашались «широкие автономии для отдельных областей» [НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 78–79]. Автономия допускалась при наличии географических, экономических и этнических признаков. Допускалось и «культурно-национальное самоопределение» [НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 90]. Окончательное решение этого, как впрочем и иных важнейших вопросов,

откладывалось на послевоенное время и относилось к компетенции Учредительного собрания [НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 71–73, 78–79, 90].

Директория получила на УГС право упразднить и вообще все областные и национальные правительства. Согласно постановлению директории от 4 ноября 1918 г., «с образованием органов центрального управления всероссийской власти на ближайший период времени все без исключения областные правительства и областные представительные учреждения должны прекратить свое существование» [ГАРФ. Ф. 192. Оп. 1 Д. 9. Л. 3–4]. Директория также направила указы об упразднении всем региональным правительствам.

Реакция на указ директории среди региональных правительств была неоднозначной. Дало согласие на упразднение правительство Алаш-Орды. Однако оно направило директории ходатайство, где говорилось о желательности учреждения при Главноуполномоченном коллегии — в качестве совещательного органа по национальным делам. Директория постановила создать комиссию при Совмине «для разрешения всех вопросов, связанных с национальными особенностями народностей, объединившимися в Алаш-Орду» [Постановление Временного Всероссийского Правительства относительно правительства Алаш-Орды 1918: 1]. Следует отметить, что ВСП вообще было против выделения Алаш-Орды в «самостоятельную область». Об этом заявил еще 27 сентября на заседании директории Сапожников, подчеркнув, что на территории Алаш-Орды «живет много русских, и население в общем мыслит себя в сибирской ориентации» [ГАРФ. Ф. 192. Оп. 1. Д. 29. Л. 2].

Конфликтная ситуация возникла с Советом управляющих ведомствами Комуча (далее — Совет), который незадолго до занятия Самары Красной Армией переехал в Уфу. В Уфе его состав радикально сократился в связи с сокращением подконтрольной ему территории. Вместо 12 управляющих ведомствами осталось только 5, которые поделили между собой все «портфели». Остальные выехали в Омск в распоряжение директории. В уфимский период председателем Совета был член ЦК ПСР В. П. Филипповский. Первое время

Совет ставил сроки своего существования в зависимости от воли директории [История Башкортостана 2004: 110]. Однако когда 4 ноября директория издала указ об упразднении Совета, он упраздняться решительно отказался. В телефонном разговоре 12 ноября 1918 г. между представителями директории и Советом один из членов последнего заявил, что «необходимо оставить хоть небольшой уголок территории, где бы демократия могла хоть чуточку дышать полной грудью» [НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 100].

Нежелание Совета упраздняться мы объясняем обстановкой, которая сложилась в описываемый период в антибольшевистском лагере. Как известно, левые были недовольны рядом уступок директории правым. Поэтому левые считали, что продолжение существования остатков Комуча восстановит в какой-то степени равновесие сил. В результате наиболее серьезное противодействие своим планам директория встретила на территории, где, казалось бы, отсутствовала почва для сепаратизма (областного или национального).

Кроме Совета, на Востоке России продолжило свое существование и правительство Башкирии. Подход правительства Башкирии к существованию автономий был диаметрально противоположным позиции директории. Если директория выступала за упразднение всех региональных правительств до окончания Гражданской войны, не отрицая федеративного устройства послевоенной России, то правительство Башкирии в своем послании Совету высказалось за временную передачу всем национальным правительствам полномочий по управлению подконтрольной им территории до принятия федеральной конституции послевоенным Учредительным собранием. Совет согласился с позицией правительства Башкирии [НА РБ. Ф. 1832. Оп. 4. Д. 394. Л. 133, 145].

После установления колчаковской диктатуры события развивались следующим образом. Комучевский Совет признал новую власть незаконной и потребовал восстановить директорию. 2 декабря Совет предполагал организовать в Уфе собрание делегаций, представленных на УГС. Предполагалось создание территориального образования для противостояния пере-

вороту. Совет направлял телеграммы своим потенциальным союзникам в борьбе с колчаковским переворотом. В телеграмме Башкирскому правительству в Баймак Совет предполагал принять «меры для подавления мятежа» [НА РБ. Ф. Р-987. Оп. 1. Д. 1. Л. 131]. Совет попытался организовать и вооруженное сопротивление перевороту, рассчитывая на части Народной Армии Комуца, чехословаков и башкирские войска.

Правительство Башкирии в лице А. Адигамова указало на нарушение соглашений, достигнутых на УГС, и заявило, что в этом вопросе оно едино с «русской демократией», ибо без ее помощи башкиры и киргизы «не могут добыть себе свободу» [Интервью с А. Адигамовым 1918: 2]. Вскоре после переворота во время телефонных переговоров с А. Колчаком А. Валидов заявил, что «башкирский народ и его военные силы, руководимые правительством, будут сохранять во всех случаях принцип строгой коалиции и будут бороться со всякой политической авантюрой и со всякими стремлениями к диктатуре, добиваясь лишь скорейшего созыва Учредительного собрания, установления в стране правопорядка на основе соблюдения принципа строгой коалиции народов и классов» [Касимов 1997: 110].

Башкирское правительство координировало свои действия с Советом и пыталось противостоять А. Дутову, занявшему сторону А. В. Колчака. В ходе поездки на Актюбинский фронт, 6 и 25 ноября, А. Валидов вел переговоры «по усилению борьбы против Дутова» с сочувствующими эсерам командующим фронтом полковником Ф. Махиным и атаманом Уральского казачества Е. Каргиным. В результате, как пишет А. Валидов, было решено создать объединенное правительство. Башкирские полки должны были разоружить казачьи части, захватить ряд стратегических объектов и освободить из тюрем эсеров и других учредилковцев. Однако А. Дутов был предупрежден о заговоре своим осведомителем и принял контрмеры [Валиди 1994: 273–274].

Согласно воспоминаниям члена Башкирского правительства Ю. Бикбова, сторонник А. Дутова генерал И. Акулинин

вывел 4-й хорошо вооруженный башкирский полк из Оренбурга. Поэтому заговорщикам пришлось выступить раньше намеченного срока. Башкирские части вступили в перестрелку с казаками и заняли ряд зданий. Тем не менее в штабах и на квартирах никого не было, ибо А. Дутов и его командование выехали из Оренбурга под прикрытие верных частей. Кроме того, Ф. Махин отказался идти на кровопролитие [НА РБ. Ф. П-1832. Оп. 4. Д. 399. Л. 66].

Часть национальных лидеров оказалась по другую сторону баррикад. В частности, сотрудничал с колчаковцами А. Букейханов. Он вошел даже в аппарат Главноуполномоченного по управлению территорией Алаш-Орды. Проколчаковская позиция А. Букейханова, на наш взгляд, объясняется его либеральными взглядами: до образования партии «Алаш» в июле 1917 г. он состоял в кадетской партии [Политические деятели России... 1993: 48–50].

Вполне закономерным представляется и активное участие представителей правого фланга башкирского национального движения Г. и М.-Г. Курбангалиевых в гражданской войне на стороне колчаковцев. Башкиры Давлетбаевской волости Челябинского уезда приняли 25 ноября 1918 г. на собрании представителей Давлетбаевской волости резолюцию, в которой утверждалось, что «только беспартийная твердая власть и передача таковой Верховному правителю в данный момент развала является единственным спасением Родины от внешних и внутренних врагов» [Национально-государственное устройство Башкортостана 2002: 330].

Сотрудничало с антибольшевистской армией и мусульманское духовенство. В апреле 1919 г. на должность главного военного муллы был назначен в Перми мулла А. Салимгареев. При правительстве А. В. Колчака существовала комиссия по вопросам формирования мусульманских добровольческих отрядов, в которой активную роль играли Курбангалиевы и их сторонники. Комиссия призывала к войне против большевиков и поддержке правительства А. В. Колчака, рассматривая это как «священный долг мусульман» [Константинов 1997: 206]. Мусульманское

и православное духовенство координировали свои действия в области пропаганды. В апреле 1919 г. из Омска в район Уфы для агитации в армии прибыл «летучий» проповеднический православный отряд. В тех частях, где было много мусульман, агитация велась муллой Стерлитамакского полка [Агитация в частях 1919: 3].

На стороне колчаковцев сражался и 16-й мусульманский полк, входивший в 4-ю Уфимскую дивизию и состоявший из татар Бирского уезда. Одной из его успешных операций был рейд по тылам красных с 14 по 24 апреля 1919 г. Рейд был успешным: красным был перерезан путь отступления по линии Волго-Бугульминской железной дороги [Шушпанов 1997: 13, 33–34]. Полк был создан и долгое время возглавлялся бывшим председателем Белебеевской уездной земской управы М. Бигловым. Будучи депутатом Государственной думы второго созыва, он поддерживал кадетскую фракцию [Мусульманские депутаты... 1998: 284].

Примечательным является и факт поддержки еврейскими общинами правого фланга антибольшевистского лагеря. В частности, Уфимская еврейская община занималась сбором средств в пользу колчаковской армии. В мае 1919 г. во время визита А. В. Колчака в Уфу состоялась примечательная встреча его с депутацией от Уфимской еврейской общины во главе с кадетом, гласным думы С. Меклером. Последний, выразив удовлетворение общей деятельностью колчаковского правительства, указал на наличие «целых групп и отдельных лиц», придерживавшихся антисемитских взглядов. А. В. Колчак объяснил межнациональные трения «общим нервозным настроением страны» и выразил уверенность в разрешении этих проблем «с общим успокоением» [Визит Верховного Правителя в Уфу 1919: 1].

Заключение

В исследуемый период перед национальными движениями стояли две задачи: решение проблем своих народов и территорий и участие в общероссийских событиях и переменах. Следует отметить, что эти две задачи были тесно взаимосвязаны. В частности, взаимоотношения между башкирским национальным движением и теми

или иными общероссийскими силами в значительной степени зависели от отношения последних к идее автономии. В то же время башкирское национальное движение не осталось в стороне от решения таких общероссийских проблем, как проблемы Учредительного собрания, колчаковской диктатуры, Советского правительства. Башкирское национальное движение и башкирский народ в целом не были едины в отношении к данным проблемам. В национальном движении можно выделить три крыла: пробольшевистское, проэсеровское и проколчаковское. В период, когда в национальном движении превалировали антибольшевистские настроения, наиболее сильным было второе крыло, ибо ему удалось создать властные структуры. Тем не менее, своя идеология и вооруженные сторонники были и у двух других крыльев. Заметим, что правая часть башкирского национального движения (ориентированная на Курбангалеевых), равно как и татарского, казахского, всегда занимала сторону общероссийских правых группировок.

Причиной российской гражданской войны стали не межнациональные и религиозные конфликты, не противостояние между центром и регионами или между федералистами и унитаристами. Это был конфликт за верховную власть между общероссийскими политическими группировками: левыми радикалами и умеренными. Поэтому лидеры национальных движений делали свой выбор в зависимости от тяготения к той или иной общероссийской группировке. Расстановка сил среди национальных движений ничем принципиально не отличалась от расстановки сил в общероссийском масштабе.

После разгрома белых режимов и краха идеи «мировой революции» союзники большевикам стали не нужны. Национальные лидеры, находившиеся на определенном этапе гражданской войны в стане противников большевиков, разделили судьбу всей бывшей «демократической контрреволюции»: аресты, вынужденное изгнание либо безоговорочный переход на сторону большевиков. Причем, даже последнее далеко не всегда спасало их от недоверия властей, что привело в конце 1930-х гг. к новой волне репрессий.

Источники

ГАРФ — Государственный архив Российской Федерации.
 НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.

Литература

18 февраля 1919 года: материалы и документы... 1923 — 18 февраля 1919 года: материалы и документы по истории перехода Башкирии на сторону Советской власти: к четырехлетию перехода (Труды Общества по изучению быта, истории и культуры Башкирии. Вып. 3). Уфа: Типо-лит. «Октябрьский натиск», 1923. 66, [2] с.
 Агитация в частях 1919 — [Агитация в частях: заметка] // Великая Россия (Уфа) 1919: печатный орган штаба Западной армии (А. Колчака). 1919. 11 апр. С. 3.
 Валиди 1994 — Валиди А. З. Воспоминания: в 2 кн. Кн. 1. Уфа: Китап, 1994. 400 с.
 Визит Верховного Правителя в Уфу 1919 — Визит Верховного Правителя в Уфу // Великая Россия (Уфа): печатный орган Восточно-русского культурно-просветительского общества. 1919. 14 мая. С. 1.
 Интервью с А. Адигамовым 1918 — Интервью с [членом Башкирского правительства] А. Адигамовым // Народ (Уфа): печатный орган Уфимского губернского комитета партии социалистов-революционеров. 1918. 28 нояб. С. 2.
 Интервью с Г. Тергуловым 1918 — Интервью с [членом Всероссийского учредительного собрания] Г. Тергуловым // Вестник комитета членов Всероссийского Учредительного собрания (Самара). 1918: 19 июля. С. 4.
 История Башкортостана 2004 — История Башкортостана. 1917–1990-е годы: в 2 тт. / отв. ред. Р. Н. Сулейманова. Т. 1: 1917–1945. Уфа: Гилем, 2004. 400 с.
 Касимов 1997 — Касимов С. Ф. Автономия Башкортостана: становление национальной государственности башкирского народа (1917–1925 гг.). Уфа: Китап, 1997. 351 с.
 Константинов 1997 — Константинов С. И. Вооруженные формирования противо-

Sources

State Archive of the Russian Federation.
 National Archive of the Republic of Bashkortostan.

большевистских правительств Поволжья, Урала и Сибири в годы гражданской войны. Екатеринбург: ИРА УТК, 1997. 314 с.
 Мусульманские депутаты... 1998 — Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 гг.: сб. документов и материалов / сост. Л. А. Ямаева. Уфа: Китап, 1998. 384 с.
 Национально-государственное устройство Башкортостана 2002 — Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925 гг.): документы и материалы: в 4 тт. / сост. Б. Х. Юлдашбаев. Т. 2. Ч. 1. Уфа: Китап, 2002. 677 с.
 Письмо Авксентьева 1921 — Письмо Авксентьева к социалистам-революционерам Юга России // Пролетарская революция (Москва). 1921. № 1. С. 4.
 Политические деятели России... 1993 — Политические деятели России. 1917: биографический словарь / гл. ред. П. В. Волобуев. М.: БРЭ, 1993. 432 с.
 Постановление Временного Всероссийского Правительства относительно правительства Алаш-Орды — Постановление Временного Всероссийского Правительства относительно правительства Алаш-Орды от 12 ноября 1918 г. // Вестник Временного Всероссийского Правительства (Омск): печатный орган Уфимской дирекции. 1918. 13 нояб. С. 1.
 Указ Комуча о признании Башкирского Правительства 1918 — Указ Комуча о признании Башкирского Правительства от 15 августа 1918 г. // Народное дело (Уфа): печатный орган Уфимского губернского комитета партии социалистов-революционеров. 1918. 16 авг. С. 1.
 Шушпанов 1997 — Шушпанов С. Г. Забытая дивизия // Белая армия. Белое дело. Исторический научно-популярный альманах. Екатеринбург, 1997. № 3. С. 7–37.

References

Agitation campaigns in military units. *Velikaya Rossiya (Ufa) 1919: pechatnyy organ shtaba Zapadnoy armii (A. Kolchaka)*. 1919, April 11. P. 3. (In Russ.)

Decree of the Provisional All-Russian Government On Alash-Orda Government of 12 November 1918. *Vestnik Vremennogo Vserossiyskogo Pravitel'stva (Omsk): pechatnyy organ Ufimskey direktorii*. 1918, November 13. P. 1. (In Russ.)

- February 18, 1919: Materials and Documents on the History of Bashkiria's Transition to the Soviets. Celebrating the 3rd Anniversary. Ser.: Transactions of the Society for the Study of Household Life, History and Culture of Bashkiria. Vol. 3. Ufa: Oktyabrskiy Natisk, 1923. 66, [2] p. (In Russ.)
- Interview with A. Adigamov. *Narod (Ufa): pechatnyy organ Ufimskogo gubernskogo komiteta partii sotsialistov-revolutsionerov*. 1918, November 28. P. 2. (In Russ.)
- Interview with G. Teregulov. *Vestnik komiteta chlenov Vserossiyskogo Uchreditel'nogo sobraniya (Samara)*. 1918, July 19. P. 4. (In Russ.)
- Kasimov S. F. Autonomy of Bashkortostan: The Shaping of Bashkir National Statehood, 1917–1925. Ufa: Kitap, 1997. 351 p. (In Russ.)
- Konstantinov S. I. Anti-Bolshevik Governments of the Volga, Urals, and Siberia: Paramilitary and Militant Groups. Yekaterinburg: IRA UTK, 1997. 314 p. (In Russ.)
- N. Avksentiev's letter to Socialist Revolutionaries of Southern Russia. *Proletarskaya revolyutsiya (Moskva)*. 1921. No. 1. P. 4. (In Russ.)
- Order of the Committee of Members of the Constituent Assembly On the Recognition of the Bashkir Government of 15 August 1918. *Narodnoe delo (Ufa): pechatnyy organ Ufimskogo gubernskogo komiteta partii sotsialistov-revolutsionerov*. 1918, August 16. P. 1. (In Russ.)
- Shushpanov S. G. The forgotten division. *Belaya armiya. Beloe delo* (historical almanac). 1997. No. 3. Pp. 7–37. (In Russ.)
- Suleymanova R. N. (ed.) History of Bashkortostan: 1917–1990s. In 2 vols. Vol. 1: 1917–1945. Ufa: Gilem, 2004. 400 p. (In Russ.)
- Validi A. Z. Memoirs. In 2 vols. Ufa: Kitap, 1994. Vol. 1. 400 p. (In Russ.)
- Vizit of Supreme leader to Ufa. *Velikaya Rossiya (Ufa): pechatnyy organ Vostochno-russkogo kul'turno-prosvetitel'skogo obshchestva*. 1919, May 14. P. 1. (In Russ.)
- Volobuev P. V. (ed.) Political Leaders of Russia, 1917: A Biographical Dictionary. Moscow: BRE, 1993. 432 p. (In Russ.)
- Yamaeva L. A. (comp.) Muslim Deputies to the Russian Imperial Duma, 1906–1917: Collected Documents and Materials. Kh. Usmanov (ed.). Ufa: Kitap, 1998. 384 p. (In Russ.)
- Yuldashbaev B. Kh. (comp.) National and State Structure of Bashkortostan, 1917–1925: Documents and Materials. In 4 vols. Vol. 2. Part 1. Ufa: Kitap, 2002. P. 677. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1546–1557, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1546-1557
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 39

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1546-1557

Об этнической идентификации ойратов и калмыков в тибетской религиозной традиции: мицаны Дрепунг Гоманг

Эльза Петровна Бакаева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, заместитель директора, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

Аннотация. *Введение.* В калмыковедении остается недостаточно исследованным ряд вопросов, связанный с периодом формирования калмыцкого этноса, среди которых — вопрос об отражении идентичности предков современных калмыков в материалах, относящихся к религиозной традиции. *Цель* статьи — выявить связь между идентичностью калмыков и ойратов и земляческими общинами в монастыре Дрепунг Гоманг на ранних этапах истории буддизма у монгольских народов. *Результаты.* Выявлена специфика идентификации ойратов и калмыков в призме религиозной монастырской тибетской традиции и показана историческая смена терминов идентификации в ней. В настоящее время в Дрепунг Гоманге насчитывается 16 землячеств-канценов, разделяющихся на 22 мицана — локальных землячества. Представители Монголии, а также студенты из российских республик Бурятия и Тувы включаются в канцен Самло (*bSam-blo Khang-tshan*), в этот канцен в числе 10 мицанов входит и мицан Khalkha (Халха). При этом калмыцкие студенты включаются в объединение Хардонг (или Хамдон, *Hargdong Khang-tshan*), в котором из 9 мицанов к ойратам, южным монголам и калмыкам имеют отношение: Tsokha (Цока), Joorchе (Чжорче или Чжурче), Thorgo (Торгут). Возникновение торгутского и цокаского мицанов связано с историей ойратов и калмыков. Автор приходит к выводу, что название мицана «Торгут» связано с идентичностью калмыцких монахов, особенно прославившихся в истории монастыря Дрепунг Гоманг, и до конца XVIII в. означало общину выходцев из Калмыцкого ханства. После расселения откочевавших из Поволжья калмыков в Сибирь в торгутском мицане Гоманга преобладающее число учеников было связано с этими этническими калмыками-торгутами. В результате исторических трансформаций могли произойти изменения в составе мицанов в связи с этнической идентичностью входящих в них ойратов и калмыков.

Ключевые слова: этническая идентичность, ойраты, калмыки, монастырь Дрепунг Гоманг, канцены, мицаны

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Бакаева Э. П. Об этнической идентичности ойратов и калмыков в тибетской религиозной традиции: митсаны Дрепунг Гоманга // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 6. С. 1546–1557. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1546-1557

UDC 39

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1546-1557

Ethnic Identities of Oirats and Kalmyks in the Tibetan Religious Tradition: Mitsangs of Drepung Gomang Monastery

Elza P. Bakaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilshkin St., Elista, 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Deputy Director, Leading Research Associate

 0000-0002-5188-1202. E-mail: bakaevaep@kigiran.com

Abstract. *Introduction.* Contemporary Kalmyk studies are characterized by that there are still a number of insufficiently explored issues dealing with the shaping of the Kalmyk ethnos, including that of identities of their ancestors within materials related to the religious tradition. *Goals.* The article seeks to reveal the ties between identities of Kalmyks and Oirats — and fellow countrymen communities of Drepung Gomang Monastery at earliest stages of Buddhist history among the Mongolic peoples. *Results.* The work clarifies the specific features of identifying Oirats and Kalmyks through the prism of the Tibetan monastic tradition, and shows the historical changes of identity-related terms. Currently, Drepung Gomang comprises a total of 16 countrymen communities-*kangtsens* (Tib. *khang-tshan*) further divided into 22 *mitsans* (Tib. *mi-tshang*), i. e. local communities. Representatives of Mongolia and students from Russia's Buryatia and Tyva are included in Samlo Kangtsen (Tib. *bSam-blo Khang-tshan*), and the latter's ten mitsans comprise one referred to as Khalkha Mitsan. As for Kalmyk students, they are affiliated to Hardong Kangtsen (Tib. *Har-gdong Khang-tshan*) that numbers nine mitsans, and those related to Oirats, Southern Mongols and Kalmyks are Tsokha, Joorche, and Thorgo (Torghut) ones. The emergence of Thorgo and Tsokha Mitsans is closely tied to the history of Oirats and Kalmyks. The paper concludes the name of Thorgo Mitsan is historically related to the identity of prominent Kalmyk monks within Drepung Gomang Monastery, and up to the late 18th century served to denoted the community of monks from the Kalmyk Khanate proper. After the exodus of Kalmyks from the Volga and their resettlement across Xinjiang, Thorgo Mitsan was largely inhabited by the newly arrived ethnic Kalmyks of Torghut descent. Such historical transformations may have introduced structural changes within mitsans, which resulted from ethnic identities of Oirat or Kalmyk monks admitted.

Keywords: ethnic identity, Oirats, Kalmyks, Drepung Gomang monastery, kangtsen, mitsan

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project 'Sociopolitical and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes' (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5).

For citation: Bakaeva E. P. Ethnic Identities of Oirats and Kalmyks in the Tibetan Religious Tradition: Mitsangs of Drepung Gomang Monastery. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1546–1557. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1546-1557

Введение

Как известно, одна из характеристик, определяющих специфику этнической истории калмыков, — сложение народа на основе разных этнических групп ойратов, откочевавших в XVII в. из Центральной Азии, и одновременное распространение буддизма. Из свидетельства очевидца событий XVIII в. [Бакунин 1995: 22] следует, что к середине этого века общая этническая идентичность — «калмыки» — еще не была принята всеми группами, и разные этнические группы принимали этот этноним постепенно.

Вопросы этнической истории в период формирования калмыцкого народа исследовались в ряде работ [Авляев 2002; Батмаев 1993; Батмаев 2002; Эрдниев 1970; Калмыки 2010; и др.]. Но остается недостаточно исследованным ряд вопросов, связанный с периодом формирования калмыцкого этноса, среди которых — вопрос об отражении идентичности предков современных калмыков в материалах, относящихся к религиозной традиции. Отдельные аспекты этой большой темы нами были затронуты в одной из работ [Бакаева 2019]. Цель статьи — продолжить исследование в этом направлении и выявить связь между идентичностью калмыков и ойратов и земляческими общинами в монастыре Дрепунг Гоманг на ранних этапах истории буддизма у монгольских народов.

Дрепунг Гоманг — монастырь, где об- учаются монголы

Основанный в 1416 г. Дрепунг (тиб. *'Bras spungs gling*; *'Bras-spungs dGon-pa*) — один из главных тибетских монастырей, он всегда отличался большой монашеской общиной. В нем традиционно обучались монгольские ученики, называвшие монастырь «Брайбун хийд» (монг. *Brayibung keyid*).

В Дрепунге после его основания образовались семь дацанов: Гоманг (тиб. *sGo-mang*), Лоселлинг (тиб. *Blo-gsal gling*), Деянг (тиб. *bDe-dbyangs*), Шагкор (тиб. *Shag-skor*), Гьелва (тиб. *rGyal-ba*) или Тхосамлинг (тиб. *Thos-bsam gling*), Дулва (тиб. *'Dul-ba*) и Нгагпа (тиб. *sNgags-pa*) [Добум Тулку]. Через некоторое время дацаны Дул-

ва, Шагкор и Гьелва объединили с другими [Добум Тулку].

Дж. Дрейфус на основе анализа текста Сангье Гьяцо «История традиции гелук» (1698 г.) пишет, что Шагкор и Гьелва стали частью Лоселлинга, а дацан Виная (т. е. Дулва) — частью Гоманга [Dreyfus 2006].

Гоманг (полное название — Таши Гоманг) и Лоселлинг «стали специализироваться на изучении и практике сутры, Нгагпа — в основном на тантре, а в Деянге практиковали и то, и другое», но даже когда три объединенные с другими дацаны не были уже самостоятельным, «их настоятелей — держателей линии тронов» продолжали назначать либо от Гоманга, либо от Лоселлинга» [Добум Тулку].

Важно отметить: в современной литературе зачастую дацаны называются колледжами или факультетами, но, как отмечает Дж. Дрейфус, такое название статуса вводит в некоторой мере в заблуждение, так как предполагает, что они являются просто подразделениями Дрепунга, но во многих отношениях такие подразделения, как Гоманг и Лоселлинг, являлись скорее монастырями, что отражено в тибетской терминологии: Дрепунг описывается как «денса», то есть место, где проходят обучение, а не как «дацан» (в значении «монастырь»); он называется также «гонпа», но этот термин шире, он означает и монастырь, и обитель отшельников. «На самом деле, похоже, что Дрепунг в том виде, в каком он существовал с середины XVI в. до середины XX в., был скорее местом, в котором собирались монахи, чем монастырем в строгом и институциональном смысле этого термина. Лоселлинг и Гоманг лучше всего описывать как монастыри»¹ [Dreyfus 2006]. Основные аспекты монашеской жизни решались внутри этих монастырей. В каждом из дацанов имелись свой монашеский устав, здания, административные и дисциплинарные структуры, набор ритуалов, учебных программ и

¹ Дж. Дрейфус — ученый, имеющий буддийскую ученую степень геше лхарамба, и потому его выводы терминологического характера, касающиеся истории тибетского буддизма, особенно показательны.

учебных пособий, а также хозяйство и внутренние подразделения — общины (землячества) канцены и составляющие их более мелкие мицаны [Dreyfus 2006].

Дрепунг являлся резиденцией Далай-лам в период правления второго — пятого религиозных иерархов. «В то время некоторые называли Далай-ламу, или Гьелву Ринпоче (*rGyal-ba Rin-po-che*), Дрепунгом Тулку (*'Bras-spungs sPrul-sku*). <...> Даже название тибетского правительства — Ганден пходранг (*dGa'-ldan pho-brang*) — происходит от названия резиденции Далай-ламы в Дрепунге» [Добум Тулку]. Далай-лама V начал строительство дворца Поталы и перенес резиденцию в Лхасу после того, как стал не только религиозным, но и светским правителем. Это произошло при содействии ойратов, объединенное войско которых завоевало Тибет, после чего возглавлявший войско хошутский Гуши-хан передал полноту правления Далай-ламе V [Пагсам-джонсан 1991: 48; История Хо-Öрлөка 2016: 34].

В ойратском старописьменном памятнике говорится: «великое войско, выступив [в поход], вошло в Тибет. Дойдя до тех мест, где главенствовали засевающие в Дашилүмбө Замба-хан, Бэри-нойон и Царигту² тайджи, оно подавило „красную веру“ и возвысило „желтую веру“» [История Хо-Öрлөка 2016: 34].

Сумба-кханбо пишет о событиях 1642 г., что дхарма-раджа Гуши-хан не только способствовал процветанию Тибета, но и «объединил монголов и тибетцев» [Пагсам-джонсан 1991: 48]. Такое активное участие монголов и ойратов в политической и религиозной жизни Тибета XVII в. отразилось на интенсивности взаимосвязей между монголами и Тибетом.

В тибетских монастырях, прежде всего в монастыре Дрепунг, обучалось много выходцев из монгольских и ойратских кочевий, причем из всех дацанов Дрепунга (Брайбуна) с монгольскими народами обычно связывают именно Гоманг: «Все монголы и буряты, поступившие на обучение в Брайбунский монастырь, непременно причислялись к Гоман дацану» [Доржиев 2003: 73].

В «Биографии Зая-пандиты» говорится, что молодой хубилган Зая-пандиты (обнаруженный в 1665 г.) учился в монастырской школе Гоманг [Норбо 1999: 106].

Известно, что в Дрепунг Гоманге обучались такие известные калмыцкие монахи, как Шакур-лама (?–1736), Анджата-лама (кон. XVII – нач. XVIII в.), лхарамба Боован Бадма (1880–1917), который возглавлял после Агвана Доржиева первую школу цаннид в Калмыкии и являлся автором поэмы «Услада слуха», и другие. Самыми известными калмыцкими монахами, обучавшимся в XX в. в Дрепунг Гоманге, являются геше Вангъял (1901–1983) и Шаджин-лама Калмыкии Тэло Тулку Ринпоче. С 1990-х гг. начался новый период в осуществлении связей между калмыцкой буддийской сангхой и Дрепунг Гомангом, в нем прошли курс обучения ряд монахов, ныне работающих в хурулах Калмыкии.

Канцены и мицаны Дрепунг Гоманга как отражение этнической идентичности

В тибетских монастырях общины, формируемые по принципу происхождения (земляческому принципу), назывались «канцен» (*khang-tshan*), в них выделялись подгруппы также по принципу одной идентичности — мицаны (*mi-tshan*). Всего в Дрепунг Гомане насчитывается 16 землячеств-канценов, разделяющихся на локальные общины — 22 мицана.

Все 16 канценов разделяются на три категории (большие, средние, малые). Больших канценов четыре — Хардон (или Хамдон, *Har-gdong*), Самло (*bSam-blo*), Гунгру (*Gung-ru*) и Дхати (*Pra sti*); средние канцены — Лубум (*Klu-'bum*), Тайон (*rTa-'on*, *rTa-dbon*), Шунгпа (*Gzhung pa*) и Нгари (*mNga'-ri*), Зунгчу (*Zung-chu*), Дханий (*Bra nye*), Чепа (*'Chad pa*) и Джадал (*Bya bral*). К малым канценам относятся Гегшинг (*'gag shing*), Рибца (*reb tsa*), Чусанг (*chu bzang*) и Тхепо (*The-po*). В канцен Хардонг входят 9 мицанов (Цоха, Вашул, Джорче, Хор, Торго, Ценпо, Гонлунг, Ламо и Бери); в канцен Самло — 10 мицанов (Халха, Гонлунг, Тангри, Ценпо, Бхидхо, Лубум, Дхосанг, Бачо, Ланхати и Лампа). Кроме этих 19 мицанов, есть Ньенпо мицан в канцене Зунгчу и отдельные (самостоятельные) мицаны Бодшунг и Гадонг [Khensur Rinpoche 2012].

² Цогту-тайджи.

Принадлежность монахов к определенным мицанам и канценам отражала этническую и локальную идентичность. При поступлении на учебу будущий монах был волен избрать монастырь, однако, придя в монастырь, он обязательно причислялся к определенному канцену и мицану, в соответствии с его происхождением. Таким образом, система канценов и мицанов отражает этническую идентичность монахов.

В этой связи вызывает интерес вопрос отражения идентичности ойратов и калмыков в системе их распределения по мицанам Гоманга.

По свидетельству Г. Ц. Цыбикова, «Относительно монголов существуют следующие, строго соблюдаемые правила: халхасцы, в том числе и наши забайкальские буряты и южные монголы, должны причисляться к монастырям Сэра и Брайбуну, сообразно с установившимся прежде обычаем причисления своих однохошунцев <...> Галдан из чувства уважения к основателю его оставлен доступным для всякого. Поступив в тот или иной монастырь, монголы должны непременно причислиться в Брайбуне к гоманскому дацану, в Сэра — к дацану Чжеба и в Галдане — к Чжян-цзэ. Затем в этих дацанах халхасцы должны причислиться к камцану³ — Самло, а остальные монголы — к Хамдон. В сих последних халхасцы составляют отдельный мицан — халхаский, а остальные монголы составляют три мицана: торгоуты — торгоутский, остальные олэты⁴ — цохаский, а южные монголы — чжурчед, то есть маньчжурский» [Цыбиков 1991: 155].

Исследователь определил «камцан» как «землячество», а «мицан» — как «более мелкое, как бы родовое, подразделение» [Цыбиков 1991: 154].

В тот период, как и ныне, буряты причислялись к Самло-канцену: так, Г. Ц. Цыбиков пишет о том, что при приближении паломников «по обычаю» посылали ламу из соответствующего мицана «для указания квартир знакомых, если таковые есть <...> или отвода общественной квартиры, если нет вовсе земляков» [Цыбиков 1991: 72]; он сам остановился у знакомого, снимавшего комнату в Самло-канцене, а на следующий

день состоялось угощение им халхаского мицана [Цыбиков 1991: 176].

Вызывает вопрос определение этнической идентичности монахов, составлявших мицаны *цока* и *торгут*: как обозначение этнических групп ойратского происхождения соотносилось с этнической идентичностью калмыков. В этой связи рассмотрим сведения о двух известных монахах-калмыках, являвшихся настоятелями в Дрепунге: поскольку большая часть торгутов откочевала в XVII в. в пределы Российского государства, то основание торгутского мицана в конце XVII в. или начале XVIII в. могло быть связано с каким-либо религиозным деятелем из волжских калмыков, конкретно торгутом; настоятели монастыря, будучи администраторами, могли способствовать основанию мицана.

Шакур-лама — глава монастыря Дрепунг Шагкор

Среди настоятелей монастырей в Дрепунге в XVII–XVIII вв. были монахи, прибывшие из калмыцких кочевий и получившие здесь образование. Известны имена буддийских учителей, которые воспринимались как личные имена, в то время как их происхождение связано с титулом, обретенным в этом монастыре.

Шакур-лама являлся верховным ламой⁵ в последние годы жизни хана Аюки и годы правления его преемника Церен-Дондука. В. М. Бакунин (1700–1766), лично знавший многих из калмыцкой знати и принимавший активное участие в важных событиях социально-политического характера, писал: «Того ж 1718 года прибыл в калмыцкие улусы чрез Сибирь от Далай-ламы, по прошению хана Аюки, отправленный знатный их духовной, называемый Шакур лама <...> Оной Шакур Лама был природою торгоутских калмык, зайсангский сын из Табун-Отокова улуса, и в прошлых годах при посланцах калмыцких, к Далай-ламе посланных, будучи от роду десяти лет отправлен был туда для наук и тамо, будучи слишком 20 лет, — обучился <...> и был ламой в тамошнем одном монастыре, называемом Шакур, и губернатором над провинциею, тому монастырю подчиненною. А таковых монастырей <...> находится семь, по которым и народ <...> разделяется на семь про-

³ Так в источнике. Речь идет о канцене.

⁴ Имеются в виду ойраты, об этом свидетельствуют другие упоминания термина *олет* [Цыбиков 1991: 38, 52].

⁵ Шакур-лама прибыл в Калмыцкое ханство в 1718 г., умер в 1736 г.

винций, а оными не токмо в духовных, но и в светских делах управляют яко губернаторы духовные их ламы, из каковых и тот Шакур-лама был» [Бакунин 1995: 32].

В этом свидетельстве прослеживается упоминание семи дацанов Дрепунга, в которых верховные ламы (входившие вместе с рядом других монахов в высший совет Дрепунга [Dreyfus 2006]) осуществляли руководство жизнью монастыря и его подвластных. Поэтому предположение А. А. Курапова о том, что «Шакур-лама являлся <...> настоятелем монастыря Дрепунг, обладая высоким духовным и светским статусом» [Курапов 2018: 128–129], необходимо уточнить: Шакур-лама являлся главой монастыря (дацана) Дрепунг Шагкор.

Факт направления тибетскими лидерами от имени Далай-ламы VII (1708–1757) Шакур-ламы для назначения верховным ламой Калмыцкого ханства свидетельствует как о его высоком статусе, так и о том, что он выполнял особую миссию. К тому же известно, что в 20-х гг. XVIII в. его деятельность была направлена на осуществление откочевки на восток [Курапов 2018: 124], и только с активизацией внешней политики России на востоке и строительством укрепленной линии от Урала до Алтая «реализация планов восточной откочевки и создания ойратского теократического союза оказалась под угрозой» [Курапов 2018: 130]. Таким образом, статус Шакур-ламы в Дрепунге и задачи, поставленные перед ним, свидетельствуют о большом авторитете калмыцкого монаха в тибетском монастыре⁶.

⁶ Отдельным вопросом является следующий: назначен ли был Шакур-лама главой монастыря Шагкор в период его самостоятельного существования или после слияния с Дрепунг Лоселлингом? Дж. Дрейфус пишет о том, что неизвестна точная дата слияния трех монастырей (Шагкор, Виная (Дулва), Гьелва) с Гомангом и Лоселлингом, по крайней мере в начале XVIII в. они еще были самостоятельными. Но свидетельство В. М. Бакунина [Бакунин 1995: 32], лично общавшегося с Шакур-ламой, можно считать основой для утверждения, что до возвращения Шакур-ламы в Калмыцкое ханство его монастырь Шагкор еще был самостоятельным, так как он управлял им «яко губернатор» над своей «провинцией», то есть не только монастырем, но и территориями, на которых проживали и вели хозяйство подданные монастыря.

В целом для темы статьи вышеприведенные данные о влиятельном калмыцком монахе (потомке зайсанга из торгутского табун-отокова улуса) Шакур-ламы важны, однако он являлся настоятелем другого дацана (не Гоманга), хотя и мог оказать влияние на принятие решения об открытии отдельного мицана. Необходимо также рассмотреть более раннюю историю в целях выяснения взаимосвязи этнической идентификации группы калмыцких учеников и мицана.

Шакур-ламу стали называть именем, образованным по названию монастыря Дрепунг Шагкор. Таким же образом образовано имя и другого известного в истории калмыцкого и ойратского буддизма монаха — Гоман-ламы (Дондуб Гьяцо (?–1710), который был в числе первых представителей Калмыцкого ханства в Дрепунге и являлся настоятелем Гоманга в 1673–1676 гг.). Рассмотрим сведения о его деятельности в аспекте решения вопроса о времени возникновения торгутского мицана.

Гоман-лама и торгутский мицан

Калмыцкий монах по имени Дондуб Гьяцо обучался в Дрепунг Гоманге, куда прибыл из кочевий торгутов примерно в середине XVII в. Это время, когда дважды в Тибет совершал паломничество главный тайша калмыков Шукур-Дайчин и когда формировалось Калмыцкое ханство. Дондуб Гьяцо известен под именем Торгут Гоман-лама: в 1673 г. был избран настоятелем Таши Гоманга. Происхождение ламы было высоким: он был родственником торгутской кереитской знати Калмыцкого ханства. В «Биографии Чжамьян Шадбы I» говорится, что после настоятеля Лодой Чжамцо главой Гоманг дацана стал «великий бодхисаттва Тор-гуд Дондуб Чжамцо, [о котором] было известно, [что он] достиг Пути Применения на стезе спасения» [Гончок Чжигмэд-Ванбо 2008: 102].

Насколько авторитетным являлся Дондуб Гьяцо в Тибете, говорит следующий отрывок из биографии Чжамьян Шадбы: «Исходя из указаний махасаттвы Дондуб-Чжамцо, трёх его напоминаний, нижайших просьб многих других мудрейших, [Владыка (т. е. Чжамьян Шадба)] написал построчные комментарии на „Ламрим“...» [Гончок Чжигмэд-Ванбо 2008: 151].

Н. В. Цыремпиллов пишет: «Тиб. *thor god don grub rgya mtsho*. Первая часть этого имени означает, что этот человек был выходцем из ойратского племени торгутов (монг. *toryuyud*). Дондуб Чжамцо являлся основателем амдоского монастыря Галдан Дамчойлин⁷ (тиб. *dGa' ldan dam chos gling*). 48-й престольный настоятель Галдана. Влиятельная политическая фигура в Центральном Тибете конца XVII – начала XVIII века» [Гончок Чжигмэд-Ванбо 2008: 102], он основал в 1649 г. тантрический факультет амдоского монастыря Цэн-по (Тиб. *btsan po dgon*), другое название которого Гоман Сэрхог (тиб. *sgo mang gser khog*) [Гончок Чжигмэд-Ванбо 2008: 133].

Можно предположить, что в то время в тибетских монастырях обучалось большое количество калмыцких монахов: ведь известно, что главный тайша Шукур-Дайчин совершил два длительных паломничества (в 1646–1647 и в 1653–1654 гг.) в Тибет (имеются сведения, что Далай-лама даровал ему грамоту и печать на ханство) [Норбо 1999: 47–50, 74; Лунный свет 2003: 188] в сопровождении приближенных, что по традиции имело следствием появление учеников в дацанах, которые посещали паломники. Осуществление административных полномочий в Гоманге Дондубом Гьяцо в этом случае должно было способствовать основанию мицана для земляков.

В 1676 г. Гоман-лама вернулся в Калмыцкое ханство, где распространял буддийское учение, при нем укреплялась власть Аюки-хана, а в конце XVII в. с разрешения Аюки-хана прикочевал в Тибет со своим уделом — шабинарами числом около 600 семей [Natsagdorj 2015: 14], примерно 3 тыс. человек. Они идентифицировали себя как подданные хана Аюки. Представитель его хошуна Мэргэн-цорчжи позже отмечал, что среди них имеются «трое тайджи родственников Аюки хана и двенадцать тайджи родственников нашего Гоман-ламы. <...> Все мы являемся людьми торгутского государства», при этом «подданные Мэргэн-цорчжи, считая себя выходцами из Калмыцкого

ханства, не желали кому-либо подчиняться»⁸ [Нацагдорж 2015: 167, 173].

После возвращения в Тибет Дондуб Гьяцо Гоман лама делает большие подношения монастырям Лхасы — столь крупные подношения он мог сделать в связи со своим высоким статусом и возможностями ханского посланника, правителя целого хошуна. Затем он был назначен настоятелем Литанского монастыря и в этой должности находился до 1708 г. [Нацагдорж 2015: 154]. Насколько крупными были подношения Гоман-ламы, мы узнаем из биографии Чжамьян Шадбы, где упоминается, как прибыл «махасаттва Дондуб-Чжамцо торгудский и пожаловал на каждого двух послушников по кирпичу чая, серебряной монете и большое количество всего необходимого для чаепития, порадовав послушников этим безгранично уважительным подношением необходимых для жизни вещей <...> торгудский [лама] преподнес большие дары и Владыке <...> Торгудский Владыка решил возвести несколько новых учебных зданий, но Владыка попросил: „Это может помешать учебному процессу. Было бы лучше получить монастырские поместья для поддержки учащихся-

⁸ Судьба подвластных Гоман-ламы оказалась сложной. В 1724 г. его подданные вынуждены были прикочевать в западную Халху. Поскольку они считали себя подвластными «Торгутского государства» (правитель которого Аюка-хан дал Гоман-ламе разрешение управлять его подданными и проживать в любом месте) и не желали никому подчиняться, то в 1728 г. был создан отдельный торгутский хошун. В 1731 г. во время джунгаро-халхаского конфликта его жители присоединились к джунгарам, в результате в 1732 г. они были переселены в Джунгарию в местность Эмиль Зайр. Во время разгрома Джунгарии Цинами в 1758 г. или раньше подданные Гоман-ламы, по предположению Б. Нацагдоржа, могли откочевать в Калмыцкое ханство, а в 1771 г. они возвратились обратно [Нацагдорж 2015: 168–191]. В составе сейма Унэн-суцзукту «старых торгутов», организованного цинскими властями в 1771 г. после прихода калмыков-торгутов в Или, в составе одного из пяти хошунов имелся сомон «Гэгэни-шабинар» — подданных перерожденца Гоман-ламы — Гоман-гегена, который являлся верховным ламой в Карашаре: его резиденция располагалась в храме Балган-тайн-шара-суме [Natsagdorj 2015: 3; Нацагдорж 2015: 190–191].

⁷ Но Сумба-хамбо об основавшем в 1651 г. монастырь Цзанпо-Галдан-Дамчойлин пишет, что он был уроженцем Сур-Ронбо [Пагсам-джонсан 1991: 131].

ся⁹. Тогда торгудский [лама] преподнес большие дары правительству, и двадцать земельных участков Чжэрэ были переданы факультету⁹. И то, что с тех пор странствующим послушникам довольствие — милость Владыки. В те времена учебное здание старших [курсов] было очень тесным и собравшиеся не помещались [в нем]. Тогда Владыка обратился к торгудскому [ламе], который, преподнеся богатые дары [общинам] Гунру и Сунчжу, присоединил к факультету [их] земельные участки» [Гончок Чжигмэд-Ванбо 2008: 167].

Таким образом, Дондуб Гьяцо совершает щедрые подношения хуvaraкам Гоман-дацана и добивается выделения участков земли под постройку жилища хуvaraкам и странствующим ламам [Гончок-Чжигмэд-Ванбо 2008: 166–167]. Этот факт позволяет предположить, что если в бытность его настоятелем в Гоманге и не существовал отдельный мицан, в котором собирались монахи-калмыки (называвшие себя торгутами), то в период его прибытия в конце XVII в. такой мицан вместе с построенными жилищами для монахов должен был появиться: ведь ученики из числа прикочевавших с ламой тысяч подданных впоследствии обучались бы по традиции в Гоманге, и им необходимо было иметь «свой дом». При этом необходимо учитывать, что этническая идентификация для подданных Гоман-ламы была весьма важна, они не желали быть смешанными с халха или олетами (ойратами Джунгарии). Так, Мэргэн-цорджи (по предположению Б. Нацагдоржа, племянник Гоман-ламы) писал позже цинскому правительству: «Мы же все люди Торгутского государства. И действительно не имеем желание подчиниться добровольно кому-то из халхасских и олетских дзасаков. Не осмеливаемся обмануть августейшего владыку. Думали, что точно распределит нас отдельно»¹⁰ [Нацагдорж 2015: 172]. Можно сделать вывод, что подобная позиция разграничения разных

объединений монголов и ойратов была характерна и для его старшего родственника и наставника Дондуба Гьяцо. Последнее является свидетельством того, что в монастыре Гоманг при Гоман-ламе торгутском существовал или был основан отдельный мицан, в котором собирались монахи, для этнической идентичности которых была характерна идентификация «торгуты», и являлись они выходцами из Калмыцкого ханства. Вполне вероятно, что события, связанные с расширением территории для учащегося монастыря Гоманг, большие подношения, сделанные Дондуб Гьяцо, могли стать основой формирования отдельного мицана «торгут», расширяющего возможности для обучения его соплеменников и подвластных в монастыре и отмечающего вклад ламы в развитие монастыря. Однако мицан мог существовать и ранее, хотя пока не обнаружены источники, свидетельствующие об этом.

О том, что в то время, когда главой Дрепунг Гоманга был Чжамьян Шадба I Нгаванг Цондуй (1648–1721) — с 1700 по 1708 (или 1707) гг., в нем уже был торгутский мицан, имеется свидетельство в письменном памятнике «Происхождение линии преемственности учения в стране торгутов, благотворной, блаженной и всеочищающей» («The Origin of the Dharma-lineages in the country of the Torguts, beneficent, blissful, and all-clarifying» [Gibson 1990: 83])¹¹.

В тексте говорится, что в этот период прибыли два ученика: 1) из «Торгутской

⁹ В цитате словом *факультет* переведен тибетский термин *дацан*. Речь идет о дацане Гоманг.

¹⁰ Автор цитирует документ из Национального центрального архива Монголии (НЦА Монголии. М-1. Д-1. хн-2492. Л. 6) и отмечает, что документ является неполным, в нем нет начала и конца.

¹¹ Транслитерация тибетского текста и перевод на английский язык опубликованы Т. Гибсоном [Gibson 1990], перевод на русский язык опубликован в приложении к книге [Китинов 2004: 153]. Текст письменного памятника написан в 1806 г. по указанию Лобсана Тудоба (Blo-bzang Mthu-stobs) — настоятеля монастыря Самтен Чойлинг (в котором ранее был настоятелем калмык Анджатан-лама) и передавался по линии главы этого монастыря. Работа никогда не публиковалась до ее передачи для содействия в публикации и переводе настоятелем монастыря Лудрупом представительнице торгутской аристократии (из рода керейт) Дева Нимбо — племяннице знаменитой принцессы Нирджидмы (1907–1983) и дочери Минджур-Доржи-Ванга (1903–1975), прямому потомку торгутского Хо-Урлюка по линии Шукур-Дайчина и Бамбаранойна.

страны Иджил¹²» (т. е. Калмыцкого ханства на Волге) — монах, ставший известным затем как рабджамба мава Лобсан Гелек «(или), на торгутском, Анчитан» (т. е. Анджата) [Gibson 1990: 88]; 2) из правящего рода из «района Или ойратских джунгар¹³» [Gibson 1990: 84] — монах, ставший известным как лхасунпа лхарамба Лобсан Пунцок «(или), на монгольском, нойон Кемпотан» [Gibson 1990: 88].

Б. У. Китинов считает, что упоминание торгутского мицана в этом манускрипте «говорит о значительно ранних традициях обучения этого ойратского племени в Тибете (конкретно — в монастырях Гелук), что и позволило выделить их в самостоятельную единицу» [Китинов 2004: 132].

Но, поскольку в этом источнике говорится о конкретном времени прибытия учеников¹⁴, когда во главе Гоманга был Джетсун Чжамьян Шадба Нгаванг Цонду, то у нас имеются две возможные датировки появления мицана «торгут»: либо период, когда настоятелем Гоманга был Чжамьян Шадба и когда Гоман-лама увеличил территории и способствовал строительству зданий, либо период, когда сам Гоман-лама возглавлял Дрепунг Гоманг и, осуществляя административные полномочия, мог основать отдельный «дом» (мицан) для своих соотечественников.

Заключение. Ойраты и калмыки: цока и торгут мицаны

Упоминание торгутского мицана в отношении периода с 1700 по 1708 гг. в письменном памятнике свидетельствует и о бытовании ойратского мицана, потому что ойраты Джунгарии и калмыки (торгуты) Калмыцкого ханства, как свидетельствуют документы [Нацагдорж 2015: 167; и др.], настаивали на самостоятельной идентичности и отделении групп друг от друга. Ойратский мицан существовал отдельно, и время его возникновения необходимо уточнять. В памяти монахов Гоманга сохраняются сведения о том, что в период конфронтации с Лхасан-ханом ойраты-джунгары распола-

гались в Дрепунг Гоманге — в этот более поздний период также существовал ойратский мицан, тем более что в это время в Гоманге был настоятелем Гоман Лазу Лобсан Пунцок (нойон Кемпотан) [Gibson 1990: 88], сын джунгарского правителя Пунцок-Даши (согласно его биографии, ему пришлось бежать в Джунгарию после событий 1717 г. [Natsagdorj 2018: 45]).

Существование торгутского мицана наряду с ойратским в Дрепунг Гоманге свидетельствует о том, что на факт его организации повлияли представители ойратов/калмыков-торгутов и формирование торгутского мицана не связано с ойратами Джунгарии, так как тибетские источники четко разделяли представителей разных этнических групп ойратов, а сами они настаивали на своей идентичности, не желая включаться в иной мицан (в религиозной жизни) или хошун (в мирской жизни).

Таким образом, в конце 1690-х — начале 1700-х гг., когда из Калмыцкого ханства была направлена группа молодых монахов для обучения, они могли учиться, подобно Шакур-ламе и Анджата-ламе, в Дрепунг Гомане, так как уже имелся торгутский мицан. Документы свидетельствуют, что выходцы из Калмыцкого ханства идентифицировались как прибывшие из «Торгутской страны» и добивались, чтобы их идентифицировали как самостоятельную группу, отличную от ойратов Джунгарии. Соответственно уже в конце XVII — начале XVIII в., по-видимому, уже существовали в Дрепунг Гоманге мицаны *цока* и *торгут*, в которых находились олеты (джунгары) и торгуты (калмыки).

Однако дальнейшие события оказали существенное влияние на расселение ойратов и их идентичность. В 1758 г. цинские войска разгромили Джунгарское ханство, большая часть населения которого была уничтожена. В 1771 г. из Калмыцкого ханства на восток откочевали калмыки (торгуты и в малой части хошуты) во главе с наместником ханства Убаши, до территории бывшей Джунгарии добралась лишь их часть, и они были расселены на территории новой административной единицы Китая — Синьцзяна.

В. М. Бакунин писал в 1761 г., в тот период «хошоуты и зенгорцы сами себя и торгоутов калмыками и доныне не называют,

¹² «a disciple from the Torgut country of Ichil» [Gibson 1990: 84].

¹³ «a disciple from the ruling family of the Ili (River) Oirat Dzhungar» [Gibson 1990: 84].

¹⁴ Б. Нацагдорж предполагает, что Лобсан Пунцок прибыл в Гоманг в 1698 г. [Natsagdorj 2018: 45].

а называют <...> ойрот. Торгоуты же как себя, так и хошоутов и зенгорцев калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не свойственно их языку» [Бакунин 1995: 22]. Расселившиеся в Синьцзяне калмыки по-прежнему именовали себя торгоутами, так как изменилась социальная и этническая ситуация, а они окончательно еще не сменили идентичность на калмыцкую. После прикочевки торгоутов большинство населения в Синьцзяне стала составлять эта группа, так как олетское население являлось малочисленным и оставалось в отдельных районах. В торгоутском мицане стали появляться ученики из группы калмыков-торгоутов, уже расселившиеся на территории Синьцзяна. В этот же период связи оставшихся на Волге калмыков с Тибетом стали весьма затруднены, как по причине ликвидации Калмыцкого ханства, так и по причине ограничительной политики, проводившейся правительственными структурами. Таким образом, в конце XVIII в. торгоутский мицан объединял уже выходцев из хошунов торгоутов Синьцзяна¹⁵. Цокаский мицан, соответственно, стал малочисленным. Среди потомков прибывших их Калмыцкого ханства [калмыков] торгоутов продолжены были линии перерожденцев Гоман-ламы и Анджата-ламы [Китинов 2016].

В Хардонг-канцене Дрепунг Гоманга в настоящее время по-прежнему есть мицаны калмыцкий, ойратский и внутренних монголов, они соответственно называются *цока*, *торгут*, *чжурче*. В интервью калмыцким журналистам монах С. Мукубенков, отмечая поддержку земляков в отношении калмыцких студентов, отмечал, что «есть у них и свой мицан — общежитие в землячестве Хардон Канцен. Называется оно Цока-мицан. Его построили также благодаря спонсорской помощи центрального хурула» [Эрендженова 2012].

Таким образом, в современной практике калмыцким считается цока мицан, ойратским — торгоут мицан. Изменилась ситуация с этническим составом, произошли и трансформации в идентификации монахов — представителей разных ойратских

по происхождению групп. Определение же этнической идентичности монахов, составивших мицаны цока и торгоут, в исторической ретроспективе оказалось сложным вопросом, на который у самих монастырских монахов не было ответа.

Исторические факты свидетельствуют о том, что бытование торгоутского мицана в Дрепунг Гоманге связано с монахами, прибывавшими из калмыцких степей. Но миграция большей части калмыков из Калмыцкого ханства на территорию современного Синьцзяна привела к тому, что этноним *торгут* закрепился за той частью ойратов, которые расселились в Синьцзяне. Вероятно, с конца XVIII в. к торгоутскому мицану причислялись ученики из числа синьцзянских торгоутов — ведь именно в это время ограничиваются контакты калмыцких буддистов с Тибетом, в том числе и осложняется процесс получения религиозного образования в тибетских монастырях. Такие исторические трансформации в истории калмыков и ойратов не могли не отразиться и на системе причисления их представителей в мицаны. В результате в настоящее время связь «цока — калмыки» и «торгут — ойраты СУАР» отражает изменившиеся исторические условия.

Литература

- Авляев 2002 — Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Бакаева 2019 — Бакаева Э. П. Этническая идентичность калмыков и конфессиональные связи с Тибетом (к прочтению малоизвестных источников) // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 891–925. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925.
- Бакунин 1995 — Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступки их ханов и владельцев: Соч. 1761 г. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.
- Батмаев 1993 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 382 с.
- Батмаев 2002 — Батмаев М. М. Социально-политический строй и хозяйство калмыков в XVII–XVIII вв. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 400 с.
- Гончок Чжигмэд-Ванбо 2008 — Гончок Чжигмэд-Ванбо. Повествование о жизни всеведущего Чжамьян-Шадбий-Дордже «Брод,

¹⁵ Хотя название *Торгутское ханство* по отношению к Калмыкии в грамотах Далай-ламы встречается вплоть до начала XX в. [Бакаева 2019].

- ведущий к удивительно благому делу» [электронный ресурс] / введ., пер., комм. Н. Цыремпилова. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2008. 312 с. URL: <http://abhidharma.ru/A/Guru%20Mahasiddhi/0001.pdf> (дата обращения: 01.05.2018).
- Добум Тулку — *Добум Тулку Л. Т.* Монастыри гелуг: Дрепунг // Study Buddhism by Berzin Archives / Пер. А. Берзина и Кхамлунга Ринпоче [электронный ресурс] // URL: <https://studybuddhism.com/ru/prodvintuyuroven/istoriya-i-kultura/monastyri-v-tibete/monastyri-gelug-drepung> (дата обращения: 10.10.2020)
- Доржиев 2003 — *Доржиев А.* Занимательные заметки: Описание путешествия вокруг света (Автобиография) / пер. с монг. А. Цендиной; transl., предисл, коммент., глоссарий и указ. А. Г. Сазыкина и А. Д. Цендиной. М.: Вост. лит., 2003. 160 с.
- История Хо-Өрлөка 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков / сост., перев. со старописья монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. С. 13–48.
- Калмыки 2010 — Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с.
- Китинов 2004 — *Китинов Б. У.* Священный Тибет и воинственная Степь: буддизм у ойратов (XIII–XVII вв.). М.: Тов-во науч. изд. КМК, 2004. 190 с.
- Китинов 2016 — *Китинов Б. У.* Лама Анджата: инкарнация учителя // Вестник РУДН. Сер. Всеобщ. история. 2016. № 2. С. 27–35.
- Курапов 2018 — *Курапов А. А.* Российское государство и буддийская церковь на юге России: этапы эволюции социально-политического взаимодействия в XVII – начале XX вв. Астрахань: Сорокин Р. В., 2018. 464 с.
- Лунный свет 2003 — Лунный свет. Калмыцкие историко-литературные памятники / ред.-сост. А. В. Бадмаев. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 475 с.
- Нацагдорж 2015 — *Б. Нацагдорж Цонгоол.* Калмыцкий хошун в Халхе в начале правления Юнчжена (1728–1731 гг.) // Трансграничные миграции в пространстве монгольского мира: история и современность. Вып. 3. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2015. С. 152–195.
- Норбо 1999 — *Норбо Ш.* Зая-пандита. Материалы к биографии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1999. 335 с.
- Пагсам-джонсан 1991 — Пагсам-джонсан: история и хронология Тибета / пер. с тибет. яз., предисл., коммент. Р. Е. Пубаева. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1991. 260 с.
- Цыбиков 1991 — *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета // Г. Ц. Цыбиков Избранные труды. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1991. 255 с.
- Эрендженова 2012 — *Эрендженова Т.* Санал Мукубенов: «Нужно знать буддийское учение и истинную цель монаха» [электронный ресурс] // Известия Калмыкии. 12 марта 2012 г. URL: <http://savetibet.ru/2012/03/12/sanal-mukubenov-nuzhno-znat-buddiyskoe-uchenie-i-istinnuyu-cel-monaha.html> (дата обращения: 01.05.2018).
- Эрдниев 1970 — *Эрдниев У. Э.* Калмыки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 312 с.
- Dreyfus 2006 — *Dreyfus G.* Drepung: An Introduction [электронный ресурс] // The Tibetan and Himalayan Library. 2006. URL: <http://www.thlib.org/places/monasteries/drepung/intro.php#!essay=/dreyfus/drepung/intro/s/b3> (дата обращения: 01.11.2020).
- Gibson 1990 — *Gibson T. A.* Manuscript on Oirat Buddhist History // Central Asiatic Journal. 1990. Vol. 34. No. 1/2. Pp. 83–97.
- Khensur Rinpoche 2012 — *Khensur Rinpoche Tenpa Tenzin.* A Cursory Sketch of the Historical Background of Drepung Gomang Monastic University [электронный ресурс] // A Rambling Refugee. Dedicated for Thank You India: Tibet experiences 50 years in exile (Re-post/Updated Version of the same post at the beginning of this blog in 2009). December 24, 2012. Transl. by Norsang. June 17, 2009. <https://tibnorten.blogspot.com/2012/12/a-cursory-sketch-of-historical.html> (дата обращения: 10.10.2020)
- Natsagdorj 2015 — *Natsagdorj B. Tsongol.* On the Torgud (Kalmyks of the Volga Region) Banner in Western Qalqa during the Middle Years of the Yongzheng Reign (1728–1731) // Saksaha. 2015. Vol. 13. Pp. 1–24. DOI: <http://dx.doi.org/10.3998/saksaha.13401746.0013.001>
- Natsagdorj 2018 — *Natsagdorj B. Tsongol.* The Oyirad Translation of the Tibetan Biography of the Dzungar Noyon Khambo Gomang Lama Lobsang Puntsog called yeke mkanpo očir bariqči blobzang puncoq dpalbzang poyin touji zalbaril süzüqteni edegëküi emkemëkü orošibo // Oyirad Studies. Budapest, 2018. № 4. Pp. 42–86.

References

- Avlyayev G. O. Origins of the Kalmyk People. 2nd ed., rev. Elista: Kalmyk Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)
- Badmaev A. (comp.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Monuments. Elista: Kalmyk Book Publ., 2003. 475 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Ethnic identity of the Kalmyks and

- confessional ties with Tibet: a case study of some little-known sources. *Oriental Studies*. 2019. No. 5. Pp. 891–925. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-891-925.
- Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.) *The Kalmyks*. Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords. Writings. 1761. Elista: Kalmyk Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. *The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Events, People, Everyday Life*. Elista: Kalmyk Book Publ., 1993. 382 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. *The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Sociopolitical and Economic Systems*. Elista: Dzhangar, 2002. 400 p. (In Russ.)
- Doboom Tulku L. T. *Gelug Monasteries: Drepung. On: Study Buddhism by Berzin Archives*. A. Berzin, Khamlung Rinpoche (transl.). Available at: <https://studybuddhism.com/ru/prodvintutyuroven/istoriya-i-kultura/monastyri-v-tibete/monastyri-gelug-drepung> (accessed: October 10, 2020). (In Russ.)
- Dorzhiiev A. *The Interesting Notes: A Description of One Journey round the World. (Autobiography)*. A. Tsendina (transl.); A. Sazykin, A. Tsendina (translit., foreword, etc.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 160 p. (In Russ.)
- Dreyfus G. *Drepung: An Introduction*. On: *The Tibetan and Himalayan Library*. 2006. Available at: <http://www.thlib.org/places/monasteries/drepung/intro.php#!essay=/dreyfus/drepung/intro/s/b3> (accessed: November 1, 2020). (In Eng.)
- Erdniev U. E. *The Kalmyks*. Elista: Kalmyk Book Publ., 1970. 312 p. (In Russ.)
- Erendzhenova T. Sanal Mukubenov: ‘It is urgent to learn the Buddhist Teaching and understand the true goal of a monk’. On: *Izvestiya Kalmykii*. Website. Posted on March 12, 2012. Available at: <http://savetibet.ru/2012/03/12/sanal-mukubenov-nuzhno-znat-buddiyskoe-uchenie-i-istinnuyu-cel-monaha.html> (accessed: May 1, 2018). (In Russ.)
- Gibson T. A. Manuscript on Oirat Buddhist history. *Central Asiatic Journal*. 1990. Vol. 34. No. 1/2. Pp. 83–97. (In Eng.)
- Gonchok Jigme Wangpo. *The Biography of the Omniscient Jamyang Zhepa Dorje Titled ‘The Ford towards a Magnificently Virtuous Cause’*. N. Tsyrempilov (foreword, transl., etc.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2008. 312 p. Available at: <http://abhidharma.ru/A/Guru%20Mahasiddhi/0001.pdf> (accessed: May 1, 2018). (In Russ.)
- Khensur Rinpoche Tenpa Tenzin. A cursory sketch of the historical background of Drepung Gomang Monastic University. In: *A Rambling Refugee. Dedicated for Thank You India: Tibet Experiences, 50 Years in Exile (re-post/updated version of the same post at the beginning of the blog in 2009)*. December 24, 2012. Norsang (transl.) on June 17, 2009. Available at: <https://tibnorten.blogspot.com/2012/12/a-cursory-sketch-of-historical.html> (accessed: October 10, 2020). (In Eng.)
- Kitinov B. U. Lama Andzhatan: reincarnations of Teacher. *RUDN Journal of World History*. 2016. No. 2. Pp. 27–35. (In Russ.)
- Kitinov B. U. *The Holy Tibet and the Militant Steppe: Buddhism among the Oirats, 13th–17th Centuries*. Moscow: KMK, 2004. 190 p. (In Russ.)
- Kurapov A. A. *The Russian Government and Buddhist Church in Southern Russia: Stages in the Evolution of Sociopolitical Interaction, 17th – Early 20th Centuries*. Astrakhan: R. Sorokin, 2018. 464 p. (In Russ.)
- Natsagdorj Tsongol B. On the Torgud (Kalmyks of the Volga Region) Banner in Western Qalqa during the middle years of the Yongzheng reign (1728–1731). *Saksaha*. 2015. Vol. 13. Pp. 1–24. (In Eng.) DOI: <http://dx.doi.org/10.3998/saksaha.13401746.0013.001>
- Natsagdorj Tsongol B. The Oyirad translation of the Tibetan biography of the Dzungar Noyon Khambo Gomang Lama Lobsang Puntsog called *yeke mkanpo očir bariqči blobzang puncoq dpalbzang poyin touji zalbaril süzüqteni edegēkūi emkemēkūi orošibo*. In: *Oyirad Studies*. Budapest, 2018. Vol. 4. Pp. 42–86. (In Eng.)
- Natsagdorj Tsongol B. *Kalmyk Banner in Khalkha during the early Yongzheng era (1728–1731)*. In: *Cross-Border Migrations within the Mongolian World. Past and Present*. Vol. 3. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2015. Pp. 152–195. (In Russ.)
- Norbo Sh. *Zaya Pandita: Biographical Materials*. Elista: Kalmyk Book Publ., 1999. 335 p. (In Russ.)
- Pag Sam Jon Zang: *History and Chronology of Tibet*. R. Pubaev (transl., foreword, etc.). Novosibirsk: Nauka, 1991. 260 p. (In Russ.)
- Sanchirov V. P. (comp.) *The Story of Kho-Örlök: Written Sources in Oirat History, 17th–18th Centuries*. V. Sanchirov (transl., etc.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. Pp. 13–48. (In Russ. and Oir.)
- Tsybikov G. Ts. *A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet*. In: *Tsybikov G. Ts. Selected Works*. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 1991. 255 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1558–1567, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1558-1567
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 294.321+39

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1558-1567

О новом источнике «устной истории» бурят о паломничестве по Внутренней Азии в начале XX в.

Саяна Баировна Намсараева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-4670-9448. E-mail: sn444@cam.ac.uk

© КалмНЦ РАН, 2020

© Намсараева С. Б., 2020

Аннотация. *Введение.* В научной литературе по буддийскому паломничеству основное внимание уделяется объектам паломничества — известным монастырям, биографиям выдающихся буддийских деятелей и линиям перерождений, основанных ими, в то время как действующие субъекты (*акторы*) паломничества — сами паломники-миряне (монг. *хара хүн*) зачастую остаются вне поля зрения исследователей. Имеющиеся письменные источники в жанре религиозных «хождений» к буддийским святыням Внутренней Азии были написаны по большей части духовными лицами — ламами. Тем не менее часть пласта «устных историй» бурят о хождениях в Тибет в начале прошлого века была записана позже подвижниками, к числу которых относятся Б. Б. Барадийн и другие энтузиасты. *Цель* данной статьи — введение в научный оборот одну из таких записей, сделанную сельским учителем и краеведом Б. Б. Намсараевым в 1968 г. на бурятском языке, по устным историям старейшины села Судунтуй Читинской области Бато Бадмаева о его путешествии к святыням Тибета в 1901–1904 гг. *Результаты.* Рассказ мирянина о его паломничестве, изложенный в стиле *намтар* («автобиография»), является уникальным источником сведений о широкой практике бурятского паломничества к буддийским святыням Внутренней Азии, рассказанных самим участником — актором паломничества. Несмотря на незамысловатость повествования и фольклорный характер с полуфантастическими элементами (встреча со снежным человеком йети), эти рассказы несут в себе ценные сведения, которые были упущены в путевых дневниках других профессиональных путешественников и хождениях лам. В силу опыта именно пешего паломничества рассказы Бато описывают инфраструктуру, возникшую вдоль трансграничного маршрута, призванную обслуживать как пеших паломников, так и караваны: те самые семьи монголов и тибетцев, которые обеспечивали паломников берестяными коробами с шестами, прутьями, емкостями для воды для перехода пустыни и т. д. Переиздание рассказов Бато Бадмаева о хождениях в Тибет и Монголию дало

возможность ввести в научный оборот этот уникальный источник и сделать его доступным широкой публике.

Ключевые слова: «устные истории», жанр «хождений» в Тибет, бурятское паломничество, паломники-миряне, снежный человек йети, Урга, Лхаса, Забайкалье, Богдо-геген

Благодарность. Автор благодарит Ц. П. Ванчикову за помощь в работе с фондами ЦВРК ИМБТ СО РАН. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Намсараева С. Б. О новом источнике «устной истории» бурят о паломничестве по Внутренней Азии в начале XX в. // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 6. С. 1558–1567. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1558-1567

UDC 294.321+39

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1558-1567

Buryat Oral Histories on Inner Asian Pilgrimage: Introducing a New Source

*Sayana B. Namsaraeva*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-4670-9448. E-mail: sn444@cam.ac.uk

© KalmSC RAS, 2020

© Namsaraeva S. B., 2020

Abstract. Introduction. Research on Buryat and Kalmyk pilgrimage to Buddhist worshiping sites in Tibet and wider in Inner Asia at the late imperial period mostly focuses on biographies and travel writings of Buddhist clergy, while experience of ordinary pilgrims — especially of the lay people (Mong. *khara khiin*) who were actors of this social phenomena — received limited attention. However, some of the Buryat ‘oral histories’ about long distance travels to Tibet were recorded later by Buryat intellectuals (e. g., B. B. Baradiin) to name but a few. **Goals.** The article aims to introduce one such record made in 1968 by a rural community school teacher and amateur historian B. B. Namsaraev. **Results.** The latter wrote down a life story (Mong. *namtar*) of Bato Badmaev, an elder from the village of Suduntui, about his pilgrimage to Tibet between 1901 and 1904. This travelogue by a lay person presents unique first-hand observations about hardships of the long distance foot pilgrimage to worshiping places in Uрга, Amdo and Tibet — a wide social phenomenon among Buryats at the beginning of the 20th century. This ‘oral history’ together with extensive information about infrastructure along the pilgrim routes (Mongolian and Tibetan families hosting pilgrims and providing meals to them, travel tips they shared of how to pass the most dangerous hostile deserts and mountain passes, encountering a *yeti* snowman (Mong. *almaz*), etc.) contain emotional remarks about things experienced and bodily hardships pilgrims faced (thirst, physical exhaustion, extreme temperatures, and so on) — aspects which are not covered in travelogues of Buddhist clergy and professional explorers (e. g., merchants, military specialists) who were in much more privileged travel conditions hiring horses and camels to carry their goods and belongings. Therefore, the recent publication (2012) of this unique travelogue made it more accessible and available to a wider audience.

Keywords: ‘oral histories’, travelogues, pilgrimage to Tibet, Buryat lay pilgrims, *yeti* snowman, Urga, Lhasa, Transbaikalian Region, Bogdo Gegeen

Acknowledgements. The author expresses gratitude to Ts. Vanchikova for the rendered assistance in exploring collections of the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs affiliated to the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (Siberian Branch of the RAS). The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’. The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Namsaraeva S. B. Buryat Oral Histories on Inner Asian Pilgrimage: Introducing a New Source. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1558–1567. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1558-1567

Введение

Изабель Шарлэ в своей недавно опубликованной книге «Кочевники в паломничестве: монголы в Утайшане (Китай), 1800–1940» («Nomads on Pilgrimage: Mongols on Wutaishan (China), 1800–1940») справедливо отметила, что в целом в научной литературе по буддийскому паломничеству больше внимания уделяется объектам паломничества — известным монастырям, биографиям выдающихся буддийских деятелей и линиям перерождений, основанных ими, в то время как действующие субъекты (*акторы*) паломничества — сами паломники — зачастую остаются вне поля зрения исследователей [Charleux 2015: XI]. У этой «несправедливости» есть свое объяснение: простые паломники-миряне (монг. *хара хун*) практически не оставляли письменных записей о своих странствиях в далекие земли, а их рассказы лишь отчасти сохранились в пластах народных преданий в жанре «устных историй». Тем не менее письменные источники в жанре религиозных «хождений» к буддийским святыням Внутренней Азии, о которых мы знаем, были написаны по большей части духовными лицами — монгольскими, бурятскими и калмыцкими монахами, оставившими свои записи в виде различных географических описаний, в основном, описаний монастырей и святынь Утайшаня и Тибета [Сазыкин 1989: 26–36], либо как жития и автобиографические сочинения (монг. *намтар*) [Дугар-Нимаев 1974: 148; Ванчикова 1995:

33–43]¹. А. Г. Сазыкин относит начало распространения сочинений географического характера на монгольском языке к периоду не ранее второй половины XVII в., а записи калмыцких и бурятских паломников начинают появляться только со второй половины XVIII в. [Сазыкин 1989: 117].

Трансграничные путешествия российских буддистов с северной периферии буддийского мира (Восточной Сибири) к буддийским святыням Монголии и Тибета начались, если судить по дневниковым записям хамбо-ламы Дамба-Доржи Заяева и «Сказанию о хождении в Тибетскую страну Мало-Дорботского База-Бакши» Менкеджиева, с середины XVIII в. К концу XIX в. проторенными тропами через Монголию в Тибет ходили уже сотни калмыцких и бурятских паломников. Как писал А. М. Позднеев, «...и теперь буряты целыми десятками ежегодно уходят в Тибет для поклонения тамошним святыням, принятия посвящений и усовершенствования в науках» [Позднеев

¹ Причем, по мнению Ц. П. Ванчиковой, «Биографические сочинения, написанные бурятскими ламами, отличаются по форме от монгольских намтаров. Их можно уже назвать биографиями в современном понимании этого слова. Они конкретно излагают действительные события жизни, в них отсутствуют такие характерные для житий элементы, как описания всевозможных чудес, предсказания и сообщения о сверхъестественных способностях буддистских монахов» [Ванчикова 1995: 35].

1897: III]. Именно в период начиная с конца XIX в. до 1917 г. было создано большинство известных нам записей в жанре хождений духовными лицами — калмыцкими и бурятскими монахами, среди которых надо назвать сочинения Агвана Доржиева, Лубсан Мицжэд-Доржэ, Чойнзон-Доржи Иролтуева, Бааза-багши Уланова и многих других. Помимо этих вышеупомянутых авторских сочинений, есть некоторое количество сочинений лам, написанных на старомонгольском языке, авторство коих еще не атрибутировано, хранящихся в фондах Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН) в Улан-Удэ и в архиве монгольского фонда Института восточных рукописей РАН в Санкт-Петербурге [Сазыкин 1988]².

Путевые записи профессиональных путешественников: европейских миссионеров, торговцев и военных на службе властей (к примеру, колониальных властей Великобритании в Индии или экспедиции под эгидой императорского Русского Географического общества, и прочее) имели свои особенности, так как имели не религиозный, светский характер и несли в себе сведения иного характера, полезные для дальнейшей имперской экспансии, к примеру, описание торговой и дорожной инфраструктуры региона, с указанием расстояний между населенными пунктами, социальное устройство местных народов, и т. д. М. Л. Пратт образно назвала эту точку зрения, которая присутствует в подобных путевых записях по дальним колониям и полуколониальным землям европейских путешественников, как «imperial eyes», что можно перевести как «имперский взгляд» [Pratt 2008]. Результаты путешествий российских географов и исследователей, таких как Б. Барадийн, П. К. Козлов, О. Норзунов, Г. Цыбиков к буддийским святыням Амдо и Тибета уже введены в научный оборот и хорошо известны.

В рамках данной статьи, восполняя пробел, отмеченный Изабель Шарлэ, остано-

вимся подробнее на характеристике нового источника — воспоминаниях одного из мирян-паломников, записанных в жанре «устных историй», о его многолетних хождениях в Монголию и Тибет в начале прошлого века, рассказанных им своим землякам-зabayкальцам по возвращении.

«Устные истории» паломника Бато Бадмаева

Бадма-Базар Намсараев, сельский учитель бурятского языка и литературы Судунтуйской средней школы Агинского района Читинской области, в 1968 г. записал рассказы местного старейшины Бато Бадмаева (на момент интервью ему было 86 лет) о его многолетнем путешествии в Монголию и Тибет, которое он совершил в молодые годы в начале XX в. в группе со своими земляками вместе с ламами Агинского дацана. Опубликованные на бурятском языке в местной газете в серии очерков, эти записи на бурятском языке были опубликованы в республиканской газете «Буряад Үнэн» лишь в 1994 г.³ Анализ текста и событий, упоминаемых в рассказе, позволяет предположить, что Бато путешествовал примерно с 1901 по 1904 гг., вернулся домой после 4-х лет отсутствия, что примерно на один-два года позже путешествия, предпринятого Гомбожабом Цыбиковым (с 1899 по 1902 гг.). Стоит упомянуть, что Б. Б. Барадийн также делал записи устных историй и воспоминаний о хождениях в Тибет, расспрашивая бурятских лам, вернувшихся из дальних странствий. Так, рассказ ламы Г.-Д. Зангияна о его путешествии в 1897–1904 гг. был записан Барадийным как «Заметки об увиденном бурятским ламой Гончок-Джап Зангияином, ходившим на поклонение в Тибет, Непал и Индию» [Сазыкин 1994: 33]. Поэтому благодаря инициативам таких подвижников, как Б. Б. Барадийн, Б.-Б. Намсараев, и других энтузиастов, устные истории простых лам и мирян обрели письменную форму и были сохранены для потомков.

К сожалению, не имея возможности привести перевод рассказа Бато Бадмаева целиком, я буду обращаться лишь к некоторым эпизодам его повествования, вызывающим особый интерес в силу интересных

² В своей более поздней статье 1994 г. А. Г. Сазыкин опубликовал имена некоторых авторов, таких как гэлун Доржи, Лубсан Лудуб Андагаев, включая имена лам, сочинения которых были утрачены [Сазыкин 1994: 26–35].

³ Записи бесед с Бато Бадмаевым были переизданы в 2012 г. в составе сборника сочинений Б.-Б. Намсараева [Намсараев 2012: 56–73].

деталей, включая полуфантастические события, случавшиеся с путешественниками в дальних краях.

Итак, Бато в девятнадцатилетнем возрасте отправился в паломническую поездку в группе тридцати лам, из коих 23 были юные послушники *хувараки*, и еще трое были мирянами, включая самого Бато. Он уже был знаком с некоторыми ламами, так как в свое время в возрасте 12–13 лет провел около года в Агинском дацане, обучаясь монгольской грамоте у *эмчи*-ламы, которому отец Бато в качестве оплаты привозил раз в месяц коровье стегно (монг. *гуй*) за обучение и постой своего сына. Интересно, как Бато описывает иерархию и организацию внутри группы пилигримов: среди лам, отправившихся в поездку, был *гэбишэ эмчи*-лама, чтобы врачевать недуги в путешествии; самым старшим был *габжа*-лама⁴, который «управлял всеми нами и наставлял» (бур. *заабарилжа*). По его наставлению паломники должны были читать молитвы во время пешего пути. Остальные пять лам должны были приглядывать за *хувараками*, распределив их по группам по количеству котлов для варки еды и чая.

Отметим, что речь идет о пешем (бур. *ябаган*) паломничестве, как наиболее добродетельном в силу тяжести физических испытаний, поэтому все вещи, необходимые для группы в путешествии: немного одежды, несколько котлов для варки еды, провизия, подношения для монастырей, российские и китайские *маняад* (искаж. 'монеты'), — все паломники несли на своих плечах, не используя вьючных лошадей, распределив груз между собой. Бато, по его словам, нес вес «более двух пудов» (около 32 кг)⁵. Включение в состав паломников нескольких молодых сильных мужчин-мирян было оправдано, так как при распределении обязанностей в походе они могли нести с собой оружие и использовать его в случае отражения нападения на группу, а также могли охотиться для пополнения запасов, что было запрещено ламам по законам *винаи*⁶.

⁴ *Габжа* лама (*гэбишэ* лама) — лама, обладающий ученой степенью в области буддийской философии.

⁵ Из текста не ясно, «два пуда» груза приходились на всю группу или на одного Бато.

⁶ *Виная* — свод правил и распорядка буддийской монашеской общины.

По словам Бато, паломники все же пользовались оказией, если кто-то мог подвезти их или хотя бы их поклажу, чтобы «сократить путь» (бур. *газараа хороожо*).

Естественно, что Бато в своих воспоминаниях уделяет много внимания физическим телесным испытаниям, которым подвергались пилигримы: как мокли под холодными дождями и студеным градом, замерзали в снежных бурях, изнывали от жары и жажды, как по несколько дней шли впроголодь, не имея возможности сварить себе горячий чай и еду. Тем не менее Бато с гордостью заключает: «Все стерпели, должны были вынести все трудности, стиснув зубы». По накалу эмоций в описании деталей перенесенных физических лишений рассказ Бато больше близок сказаниям Бааза-багши, нежели записям Г. Цыбикова, условия путешествия которого были более привилегированными, как пишет сам Г. Цыбиков, «на четырех наемных верблюдах» [Цыбиков 1991: 37], и менее изнуряющими.

Достигнув очередного монастыря после длинного пешего перехода, паломники подолгу отдыхали, вплоть до месяца и больше, набирались сил и занимались починкой истрепанной одежды и перелицовкой изношенной обуви (монг. *гутул*). Тут Бато упоминает об одной детали, которая интересна с этнографической точки зрения: еще будучи дома, он запасся несколькими парами кожаных простёганных подошв (монг. *ула*), которые он менял на прохудившихся гутулах. Поэтому пройденные расстояния он оценивает в количестве подошв, которые ему пришлось сменить в пути: «Как много подошв мы износили (бур. *элээгэ*), пока проходили широкие долины, реки, горы, покрытые белыми снегами, переходы через ущелья и низины!». Так, расстояние от Агинска до Лаврана он оценил в двенадцать пар подошв, которые он протер до дыр. Примечательно, что в контексте существования уже известных мер измерения расстояний во Внутренней Азии с использованием вьючных животных: расстояние дневного перехода на лошади, дневного перехода на верблюдах в составе каравана, на оленях, на тележке запряжённой быками и прочее, — эта субъективная мера по стертой паре обуви относится к одной из новых, ранее не

описанных в литературе о паломничестве модальностей пешего передвижения на дальние расстояния.

О другом известном способе измерения расстояния пешими паломниками — полным простираем тела по земле с вытянутыми руками (монг. *хунажа мургэхэ*) Бато упоминает в своем рассказе, в эпизоде, когда группа уже подошла ближе к Лхасе, и

«...своими глазами с восхищением мы взирали на сияющие на солнце золотые *ганжары*⁷ на крышах Поталы (бур. *Будала*) — дворца Далай ламы. Из последних сил, как бы мы ни устали, при виде Лхасы радость переполнила нас. Остаток пути уже стертыми в кровь босыми ногами мы прошли *хунажа мургэхэ* (полными простираемиями)», — как и полагалось паломникам, прибывшим на святую землю [Намсараев 2012: 61].

В Лхасе Бато и его спутники нашли своих земляков лам Агинского и Цугольского дацанов, которые жили здесь в тибетских монастырях уже долгое время. Сам Бато нашел своего родственника *дорамба-ламу*⁸, у которого он прожил около трех лет. За это время он выучил тибетский язык, научился немного читать и писать на тибетском. Из тридцати трех человек в обратный путь по прошествии трех лет назад домой отправились лишь пять человек: двое лам и трое мирян, включая самого Бато. Остальные ламы и хувараки остались с другими бурятскими ламами из агинских, хоринских и селенгинских земель, которые приходили в Тибет в те годы «многим числом учиться высшим ламским знаниям» (бур. *ламым дээдэ эрдэмтэ*).

Подытоживая свой опыт пребывания в Тибете, Бато заключает:

«Во многих дацанах и монастырях побывал на поклонении. Повидал, как живут тибетцы, как отдыхают и работают, восхитился их нравам и привычкам (бур. *ёһо занишалтай зон даа!*).

⁷ *Ганжар* — архитектурные украшения заостренной конической формы, покрытые золотом, на крышах буддийских монастырей.

⁸ *Дорамба-лама* — лама, обладающий второй степенью (дорамба) из пяти ученых степеней в системе буддийского образования.

Были и небылицы «устных историй» паломников

Особенно тепло Бато в своих рассказах отзывается о добрых людях, встретившихся на пути паломников в дальних землях: как милосердны они были в большинстве своем к странникам, как вовремя их советы помогали и даже спасали жизни чужеземцев в незнакомых краях. Так, где-то в Монголии паломники остановились у одной семьи. Хозяйка дома, второпях налив всем в пиалы домашнего напитка *тараг*⁹, поспешила к своему скоту, предложив гостям угоститься и отдохнуть в ее отсутствие. Утолив жажду и напившись досыта напитка, гости открыли шкафчик для еды (бур. *тэбишээ*), где к своей большой радости обнаружили в большой чаше куски свежесваренного мяса. Порезав мясо на мелкие кусочки, гости поделили все поровну — а речь идет о гостях общей численностью в 33 человека! — так что всем хватило положить понемногу мяса в горячий чай и насытиться. На сытый желудок гости хорошо выпались, и к вечеру, когда хозяева вернулись, путники, поблагодарив гостеприимных хозяев, вновь отправились в путь. «Да умножатся Ваши богатства, да изменится Ваша жизнь к лучшему!», — пожелал на прощание старший *габжа-лама* хозяевам.

В другом случае, свидетелем которого был Бато, обогнав одного старого ламу по дороге, один мирянин, ехавший на телеге, отказал ему в просьбе подвезти его немного и дать передохнуть его натруженным ногам. Разгневанный лама успел справить нужду на заднее колесо телеги жестокосердного мирянина. После этого, подождав, как телега, грохоча, укатилась вперед на некоторое расстояние, лама грозно взмахнул посохом и ударил им несколько раз об землю, прокричав при этом магическое заклинание (бур. *жадхын хараал*). Примкнув к бурятским паломникам, лама вместе с группой перешел через перевал, и там путники, к своему удивлению, увидели того самого возницу полностью обескураженным и подавленным, стоящим у сломанной телеги, у которой отскочило переломанное колесо — то самое колесо...

Благодаря помощи местных жителей паломники смогли перейти пустыню Гоби без

⁹ Из текста не ясно, «два пуда» груза приходилось на всю группу или на одного Бато.

потеря — они снабдили путников емкостями для воды. В Амдо в предгорьях, как повествует Бато, местные семьи зарабатывали тем, что давали передохнуть пилигримам, стирали и чинили их одежду перед тяжелым многодневным переходом через горную гряду. Так, семья кукунорских монголов, у которой остановились бурятские паломники, дала им ценные советы, как миновать опасности, подстерегавшие их на долгих горных перевалах. При этом каждый из группы получил берестяной короб и длинный шест со следующими словами:

«На перевале, когда остановитесь на ночлег, не ложитесь в ряд, а ложитесь в круг, головами внутрь круга, ногами наружу. Не шумите и не разговаривайте! К ночи появится зверь человеческого вида *алмас*, все его тело покрыто желто-коричневой шерстью сбившейся в клоchy. Он начнет обходить вас кругами и обнюхивать. В этот момент вы должны водрузить берестяной короб на деревянную палку и начать крутить с шумом, чтобы отпугнуть его. Если ляжете в ряд, то он придет назад с дубиной и забьет вас до смерти, как случалось уже много раз. Как только спуститесь с перевала, у подножия увидите небольшое поселение из двух семей, у них и оставите короба с прутьями».

Бато и его спутники сделали все точно так, как сказали хозяева: на высокой точке перевала расположившись на ночлег кругом, паломники замерли в ожидании невиданного существа *алмас*. Из-за высокогорья и разреженного воздуха (бур. *агаар шэнгэн*) люди чувствовали себя ослабленными и утомленными. Бато продолжает:

«Как нас и предупреждали, тот самый зверь появился из темноты. Замерев от страха, мы начали крутить берестяные короба на шестах. *Алмас* обошел вокруг нас несколько раз, он был так близко, что мы могли чувствовать его смрадное дыхание. Когда он удалился, мы спешно покинули место, чтобы уйти как можно дальше. Скорее всего, *алмас* ушел за дубиной, чтобы, вернувшись, прибить нас! Так мы спаслись и начали спуск вниз. Внизу у подножия горы, как нам и говорили, жили две тибетские семьи, у которых мы и оставили короба с шестами. Взамен каждому из нас вручили по два тонких прута, чтобы в дальнейшем пути мы могли

этими прутами отгонять злых тибетских псов. При этом нам объяснили, что бить этих псов по спине нельзя — прутья переломаются, а надо было, как *ташуром*-плеткой, бить по бокам. С этими прутьями в руках так мы и дошли до Лхасы. Ох, какие тибетские собаки лютые, огромные, размером с двухгодовалого теленка, скалились и бежали за нами с лаем» [Намсараев 2012: 61].

Примечательно, что паломническое путешествие Бато не ограничивается лишь Тибетом. На обратном пути он и его спутники остановились в Урге (Их Хурээ) и пробыли там почти год. Из ургинских воспоминаний примечательны два эпизода из его рассказа: благословение Богдо-хана Джебцун-Дамба-хутухты и «разоблачение» «плачущего Будды», на которых я остановлюсь подробнее.

Паломники в Урге

Паломничество в Ургу на поклон к Богдо-гегену имело широкий пан-монгольский характер и было более доступным для больших масс верующих, приходящих со всей Монголии, Внутренней Монголии, Забайкалья и Калмыкии, в отличие от долгого путешествия к монастырям Амдо (Лабран и Гумбум) или Тибета. Благодаря десяткам описаний российских и западных путешественников, торговцев, дипломатов и миссионеров середины XIX — начала XX вв. (к примеру [Тимковский 1827; Позднеев 1896, 1898; Цыбиков 1919; Жамцарано 2001; Ramstedt 1978; Andrews 1921; Geleta 1936; и др.]), а также устным преданиям перед нами предстает детально описанная картина широкого народного поклонения Богдо-гегену. Однако все эти описания представляют картину глазами сторонних наблюдателей, в то время как Бато, как непосредственный участник, описывает столпотворение у дворца Богдо-гегена:

«Три дня я пытался протолкнуться сквозь толпу в очереди за благословением к Богдо-гегену. Но меня все время оттирали и я не мог даже приблизиться. Лишь на четвертый день мне удалось получить святейшее благословение (монг. *адис*) к моему успокоению» [Намсараев 2012: 62].

Напомним, что паломников пускали к Богдо-гегену лишь в утренние часы, и

к 11 утра всех страждущих получить его благословение уже выгоняли со двора Богдо-гегена. Позже, начиная с 1910-х гг., когда уже тысячи паломников осаждали двор святейшего, было внесено одно новшество — из окна дворца был спущен короткий канат. Встав на колени, верующие должны были дотрагиваться до конца каната, искренне веря, что Богдо-геген держится за другой конец каната и тем самым дает свое прямое благословение. Бато еще не застал это новшество, так как он находился в Урге примерно в 1904–1905 гг.

В эпизоде разоблачения «плачущего Будды» Бато рассказывает, что в одном из небольших монастырей (*сүмэ*), недалеко от монастырского комплекса Гандан, был обычай вывозить на люди к паломникам большую деревянную статую Будды¹⁰. По словам Бато, верующие неистово молились и отдавали последнее, так как становились свидетелями чуда — во время объезда паломников статуя Будды начинала проливать слезы, видя множество больных, бедных страждущих паломников. Бато продолжает:

«Ламы кричали толпе: „Ваши грехи велики! Видите, бурхан плачет из сострадания к вам? Молитесь усердно и делайте щедрые подношения (бур. *үргэл мүргэл ехээ хэг-ты*). Не жалейте своего богатства [на благое дело]!“».

Молящиеся отдавали все, что было у них, вплоть до одежды, и уходили чуть ли не в исподнем (бур. *нүсэгэн тооной*). Бато и несколько из его спутников-мирян стали служить при этом храме в качестве охраны, разделенные на группы по десять человек, охранники должны были следить за порядком среди верующих и отгонять паломников по пути следования статуи. В один из дней Бато сказали охранять саму статую, то есть находиться в непосредственной близости к ней. Тут-то Бато и увидел, что внутри статуи, занавешенной длинными одеждами, сидел лама, который обильно смачивал водой глаза бурхана изнутри. Бато не стал уточнять в своем рассказе, что он сделал или сказал, увидев

такое надувательство, лишь добавил, что вскоре обман был раскрыт. И, как говорили люди, ламы-мошенники, обиравшие народ с помощью уловок, были пойманы, а одежду и подношения раздали верующим.

Путешествия и приключения Бато были далеки от завершения после нескольких лет жизни в Лхасе и Урге. Вернувшись на родину, он подрядился вместе со своими земляками участвовать в строительстве чинтинского участка железной дороги, ведущей в Харбин. Отправившись в Харбин, он оказался в разных перипетиях и опасных ситуациях, в коих участвовали разные жители Хулунбуира: китайцы, дауры, барга-монголы и русские казаки. Но этим приключениям посвящены другие рассказы Бато, где он не менее увлекательно живописует встречи с даурской шаманкой, с баргинскими бандитами, русскими фальшивомонетчиками, промышлявшими вдоль Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД). Но, пожалуй, самое большое умение, которое он приобрел за годы скитаний и путешествий по Внутренней Азии, по его словам, — это умение находить воду (бур. *уһанай худал урадхал*) с помощью лозы, которому он обучился под Харбином, случайно попав в бригаду китайцев, рывших колодцы. Эта способность стала его профессией в поздние годы во времена советской власти, за что его земляки уважительно стали называть его «Бато худагша» (Бато — искатель воды). По всем селам Агинского округа до сих пор люди пользуются колодцами с водой (*худаг*), построенными Бато, коих в общей численности около трехсот. За это умение чувствовать и видеть подземные потоки воды его особенно почитали ламы и называли Бато «живым воплощение водных божеств *луусад*» (*амиды лусад*) [[Намсараев 2012: 72](#)]. Так подытожил серию своих очерков о странствиях и приключениях Бато его интервьюер — сельский учитель Бадма-Базар Намсараев.

Заключение

Рассказы Бато, записанные в жанре «устных историй», являются уникальным источником сведений о широкой практике бурятского паломничества к буддийским святыням Внутренней Азии в начале прошлого века, рассказанные самим участником — *актором* паломничества,

¹⁰ К сожалению, мне пока не удалось идентифицировать, о каком *сүмэ* недалеко от Гандана идет речь.

а не сторонним наблюдателем. Несмотря на незамысловатость повествования и их фольклорный характер с полуфантастическими элементами, эти рассказы несут в себе ценные сведения, которые были упущены в путевых дневниках других профессиональных путешественников и буддийских священнослужителей. В силу опыта именно пешего паломничества, рассказы Бато описывают инфраструктуру, возникшую вдоль трансграничного

маршрута, призванную обслуживать как пеших паломников, так и караваны: те самые семьи монголов и тибетцев, которые обеспечивали паломников берестяными коробами с шестами, прутьями, емкостями для воды для перехода пустыни и т. д. Переиздание рассказов Бато Бадмаева о хождениях в Тибет и Монголию дало возможность ввести в научный оборот этот уникальный источник и сделать его доступным для широкой публики.

Литература

- Ванчикова 1995 — *Ванчикова Ц. П.* Монголы-язычные биографии бурятских лам // Средневековая культура Центральной Азии: письменные источники. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. С. 33–43.
- Дугар-Нимаев 1974 — *Дугар-Нимаев Ц. А.* О жанре хождений в бурятской литературе XIX века // Проблемы алтаистики и монголоведа. Вып. 1. Сер. литературы, фольклора и истории. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 147–159.
- Жамцарано 2001 — *Жамцарано Ц.* Путевые дневники: 1903–1907 гг. / отв. ред. Ц. П. Ванчикова, сост.: В. Ц. Лыскокова, Ц. П. Ванчикова, И. В. Кульганек. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2001. 382 с.
- Намсараев 2012 — *Намсараев Б.-Б.* Худагша Батын ушаралта ябадалнууднаа // Минии шүлэг — бодолойм хүлэг, минии нутаг — наһанайм түшэг. Улаан-Удэ: Буряда гүрэнэй университетэй хэблэл, 2012. С. 56–73. (На бур. яз.)
- Позднеев 1897 — *Позднеев А. М.* Сказание о хождении в тибетскую страну Малодербетского База-бакши. СПб., 1897. XVIII+260 с.
- Позднеев 1896 — *Позднеев А. М.* Монголия и монголы. Результаты поездки в Монголию, исполненной в 1892–1893 гг. А. Позднеевым. [В 2 тт.]. Т. 1. Дневник и маршрут 1892 года. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1896. XXX, 697 с. Т. 2. Дневник и маршрут 1893 года. СПб.: Тип. Имп. Академии наук, 1898. XXX, 517 с.
- Сазыкин 1988 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии Наук СССР. Т. I / отв. ред. Д. Кара. М.: ГРВЛ, 1988. 508 с.
- Сазыкин 1989 — *Сазыкин А. Г.* Описание Тибета, составленное в XVIII в. бурятским паломником Дамба-Доржи Заяевым // Страны и народы Востока. Вып. XXVI. Средняя и Центральная Азия (География, этнография, история). М.: Наука, ГРВЛ, 1989. С. 117–125.
- Сазыкин 1994 — *Сазыкин А. Г.* Описание путешествий в литературном наследии монгольских народов // Страны и народы Востока. Вып. XXVIII. География. Этнография. История. Культура. СПб.: Центр «Петербургское востоковедение», 1994. С. 26–35.
- Тимковский 1827 — *Тимковский Е. Ф.* Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 годах Е. Ф. Тимковского [Атлас] [Voyage a Peking, a travers la Mongolie, en 1820 et 1821, par M. Timkovski. Atlas]. Paris: A la librairie orientale de Dondey-Dupre pere et fis, 1827. 32 p. (На франц. яз.)
- Черемисов 1972 — *Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь / гл. ред. К. М. Черемисов. М.: Сов. энциклопедия, 1972. 803 с.
- Цыбиков 1991 — *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета // *Цыбиков Г. Ц.* Избранные труды. Т. 1. Новосибирск: Наука, 1991. 256 с.
- Цыбиков 1919 — *Цыбиков Г. Ц.* Буддист-паломник у святынь Тибета. Издание Русского Географического Общества. Петроград, 1919. 482 с.
- Andrews 1921 — *Andrews R. Ch.* Across Mongolian Plains: A Naturalist's Account of China's "Great Northwest". D. Appleton and Company New York: London, 1921. 304 p.
- Charleux 2015 — *Charleux I.* Nomads on Pilgrimage: Mongols on Wutaishan (China), 1800–1940. Vol. 33. Leiden: Brill's Inner Asian Library, 2015. 472 p.
- Geleta 1936 — *Geleta J.* The new Mongolia. London, Toronto: W. Heinemann Ltd., 1936. 276 p.
- Pratt 2008 — *Pratt M. L.* Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. Second ed. New York: Routledge, 2007. 276 p.
- Ramstedt 1978 — *Ramstedt G. J.* Seven Journeys Eastward 1898–1912. Among the Cheremis, Kalmyks, Mongols and in Turkestan and to Afghanistan. Bloomington: The Mongolia Society, 1978. 277 p.

References

- Andrews R. Ch. Across Mongolian Plains: A Naturalist's Account of China's 'Great Northwest'. New York, London: D. Appleton and Company, 1921. 304 p. Available at: <https://library.um.edu.mo/ebooks/b28020868.pdf> (accessed October 1, 2020). (In Eng.)
- Charleux I. Nomads on Pilgrimage: Mongols on Wutaishan (China), 1800–1940. Ser.: Brill's Inner Asian Library, 2015. Vol. 33. 472 p. (In Eng.)
- Cheremisov K. M. (ed.) Buryat-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1972. 803 p. (In Bur. and Russ.)
- Dugar-Nimaev Ts. A. The genre of pilgrimage memoirs in 19th-century Buryat literature. In: Issues of Altaic and Mongolian Studies. Vol. 1. Ser.: Literature, Folklore and History. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1974. Pp. 147–159. (In Russ.)
- Geleta J. The New Mongolia. London, Toronto: W. Heinemann Ltd., 1936. 276 p. (In Eng.)
- Namsaraev B.-B. Khudagsha Batyn usharalta yabadalnuudhaa. In: Minii shyleg — bodoloyim khyleg, mini nyutag — nahanaym tysheg. Ulan-Ude: Buryat State University, 2012. Pp. 56–73. (In Bur.)
- Pozdneev A. M. Mongolia and the Mongols: Summarizing Results of the 1892-1893 Journey to Mongolia. In 2 vols. Vol. 1: Diary and Route of the Year 1892. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1896. XXX, 697 p. Vol. 2: Diary and Route of the Year 1893. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1898. XXX, 517 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. The Story of Ven. Baga Dorbet Baza Bakshi's Pilgrimage to the Land of Tibet. St. Petersburg, 1897. XVIII+260 p. (In Russ.)
- Pratt M. L. Imperial Eyes: Travel Writing and Transculturation. 2nd ed. New York: Routledge, 2007. 276 p. (In Eng.)
- Ramstedt G. J. Seven Journeys Eastward, 1898–1912: Among the Cheremis, Kalmyks, Mongols and in Turkestan and to Afghanistan. Bloomington: The Mongolia Society, 1978. 277 p. (In Eng.)
- Sazykin A. G. Description of Tibet made by the Buryat pilgrim Ven. Damba-Dorzhi Zayaev in the 18th century. In: Countries and Peoples of the East. Vol. XXVI: Soviet and Foreign Central Asia. Geography, Ethnography, History. Moscow: Nauka – GRVL, 1989. Pp. 117–125. (In Russ.)
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Vol. I. D. Kara (ed.). Moscow: Nauka – GRVL, 1988. 508 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. Pilgrimage memoirs in the literary heritage of Mongolic peoples. In: Countries and Peoples of the East. Vol. XXVIII: Geography, Ethnography, History, Culture. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1994. Pp. 26–35. (In Russ.)
- Timkovsky E. F. Voyage a Peking, a travers la Mongolie, en 1820 et 1821, par M. Timkovski. Atlas (E. Timkovsky's Travel to China via Mongolia in 1820 and 1821). Paris: A la librairie orientale de Dondey-Dupre pere et fis, 1827. (In Fr.)
- Tsybikov G. Ts. A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet. Edition by the Russian Geographical Society. Petrograd, 1919. 482 p. (In Russ.)
- Tsybikov G. Ts. A Buddhist Pilgrim at the Shrines of Tibet. In: Tsybikov G. Ts. Selected Works. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 1991. 256 p. (In Russ.)
- Vanchikova Ts. P. Mongolian-language biographies of Buryat clerics. In: Medieval Culture of Central Asia. Written Sources. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 1995. Pp. 33–43. (In Russ.)
- Zhamtsarano Ts. Travel Diaries: 1903–1907. Ts. Vanchikova (ed.), V. Lyksokova, Ts. Vanchikova, I. Kulganek (comps.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2001. 382 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 6, pp. 1568–1578, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1568-1578
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.1

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1568-1578

Семантика, генезис и аспекты бытования культовой лексики в традиционной культуре бурят

Элеонора Аллековна Неманова¹

¹ Восточно-Сибирский государственный институт культуры (д. 1, ул. Терешковой, 670031 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-5784-0161. E-mail: elnem@inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Неманова Э. А., 2020

Аннотация. *Введение.* Одним из наиболее перспективных аспектов работы в исследованиях культовой традиции бурят является исследование понятий «культы» и «сакрального». *Цель.* Анализ проблемы применения категории «священного», разработанной европейской религиоведческой наукой, к лексическому материалу, связанному с категорией сакрального в традиционной культуре бурят. *Материалы.* Этимологические и историко-генетические исследования в области культовой традиции и шаманизма бурят. *Результаты.* Описание сферы применения понятия «сакрального» в бурятской культуре, а также семантический анализ необходимы во избежание неадекватного толкования и экстраполяции при его использовании. Представления, отмечающие корреляцию «священного» и «сверхъестественного», особенно в плане воздействия божеств / предков отражают дихотомию сакрального и профанного локуса, взаимодействие и коммуникацию которых следует признать основной канвой и сюжетом «религиозного» мышления бурят. В силу своей консервативности обрядовые термины содержат неоценимые свидетельства культурно-исторического прошлого, сохраняют ту ценную информацию, которая позволяет реконструировать этнографию прошлого народа, его социальную организацию общества, духовной культуры, в том числе и культовой традиции.

Ключевые слова: иерофания, адорация, сакральность, культ, теофания, божество, душа, судьба

Для цитирования: Неманова Э. А. Семантика, генезис и аспекты бытования культовой лексики в традиционной культуре бурят // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1568–1578. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1568-1578

UDC 398.1

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1568-1578

Cult Vocabulary in Buryat Traditional Culture: Semantics, Genesis, and Aspects of Functioning

*Eleonora A. Nemanova*¹

¹ East-Siberian State Institute of Culture (1, Tereshkova St., Ulan-Ude 670031, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-5784-0161. E-mail: elnem@inbox.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Nemanova E. A., 2020

Abstract. One of the most promising aspects of research into the cult tradition of the Buryats is the study of the concepts of ‘cult’ and ‘sacred’. *Goals.* The paper aims to analyze the issue of applying the category of ‘sacred’ developed by European religious studies to the lexical material associated with the category of the sacred in the traditional culture of the Buryats on the basis of etymological and historical-genetic research. *Results.* Description of the scope of application of the concept of ‘sacred’ in Buryat culture, as well as semantic analysis are necessary to avoid inadequate interpretations and extrapolations while using respective lexemes. By virtue of their conservatism, ritual terms contain invaluable evidence of the cultural and historical perspectives, preserve the valuable information that allows us to reconstruct the ethnography of the past, its social structures, spiritual culture, including the cult tradition.

Keywords: hierophany, adoration, sacrality, the cult, theophany, deity, soul, destiny

For citation: Nemanova E. A. Cult Vocabulary in Buryat Traditional Culture: Semantics, Genesis, and Aspects of Functioning. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1568–1578. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1568-1578

Введение

В религиоведческой науке «культ религиозный» (от лат. *cultus* — ‘поклонение, почитание’) как важнейший вид религиозной деятельности определяется в качестве «установленных традицией действий, путем которых достигается помощь сверхъестественных сил» [Религиозные верования 1993: 113]. Как отмечает О. М. Фрейденберг, «под культом принято понимать всю систему адорации, но, главным образом, обрядовый институт почитания и поклонения» [Фрейденберг 1998: 148]. Таким образом, основной чертой «культа» является адорация — обрядовое поклонение.

Однако что дефинирует его именно как «религиозный», т. е. как важнейший вид религиозной деятельности, учитывая, что существуют культы нерелигиозные? По замечанию О. М. Фрейденберг, «основной

чертой «религиозного культа» являются его особая *священность* и *сакрамент*» [Фрейденберг 1998: 148]. В свою очередь, согласно построениям М. Элиаде, «любая религиозная форма в традиционном обществе имеет три основных структурных компонента: а) *иерофания* (букв. «проявление / явление священного»); б) мифологические, социальные и моральные представления, связанные с данной иерофанией; в) соответствующий индивидуально-психологический опыт» (цит. по: [Островский 1997: 19]). Ключевое в концепции М. Элиаде понятие «иерофания» трактуется как «манифестация сакрального в ментальном мире тех, для кого оно таковым является» [Элиаде 2000: 26].

В плане конкретизации данного понятия исследователь предложил понимать под соответствующими манифестациями явления и объекты (природные или рукотворные),

непосредственно выявляющие сакральное (от лат. *sacer, sacri* ‘священный, святой’). Понятие «иерофания» не содержит «никакого дополнительного значения, выражая лишь то, что заключено в нем этимологически — нечто священное, представляющее перед нами» [Элиаде 2000: 255].

Соответственно адорация обуславливается изначальной сакральностью персонажа, под «культом религиозным» следует понимать почитание тех или иных объектов (исторических и мифологических персонажей, их изображений, различных живых существ, предметов, элементов ландшафта и т. д.), которые рассматриваются в той или иной религиозной традиции как сакральные. Впрочем, здесь следует заметить, что, как считает Е. А. Торчинов, мера или степень «сакральности» (в рамках дихотомии «сакральное ~ профанное») не является устойчивой [Торчинов 1998: 18–19]. По его мнению, мера сакральности обуславливается глубинными психологическими трансперсональными переживаниями, в том числе перинатально-архетипическими. Например, под ритуалом, область которого настолько близка с культом, что порой их трудно разграничить, следует понимать «совокупность определенных актов, имеющих сакральный смысл и направленных или на воспроизведение того или иного глубинного переживания, или на его символическую репрезентацию» [Торчинов 1998: 67]. И, наоборот, «утрата ритуалом связи с глубинным переживанием ведет к его формализму и утилитарности, соответственно — к профанизации сакрального» [Торчинов 1998: 69].

Однако в связи с этим возникает проблема применения категории «священного», разработанной европейской религиоведческой наукой, относительно к традиционной культуре бурят. По нашему мнению, перенесение и применение данной категории в исследования по традиционному мировоззрению и верованиям вызывает определенные затруднения, но, как кажется, не лишено смысла. Поэтому важно конкретизировать сферу применения данного понятия в бурятской культуре, в связи с чем, во избежание неадекватного толкования и экстраполяции при его использовании, следует уделить внимание семантическому анализу лексического материала, связанного с категорией сакрального.

Мүргэл

В бурятском языке адорацию выражает термин *мүргэл*, который в «Бурят-монгольско-русском словаре», составленном К. М. Черемисовым, переводится со следующими значениями:

1. ‘поклонение, земной поклон’;
2. ‘молебен, религиозный обряд’; *мүргэлгэ* ‘поклонение’ [БМРС 1951: 325].

По мнению И. М. Манжигеева, *мүргэл* «общее название всех видов поклонения духам, в том числе земной поклон, обряд жертвоприношения» [Манжигеев 1978: 59]. Например, этим термином (*мүргэл* или *мүргэжэ*) обозначался свадебный обряд «кормления» невесткой онгонов (предков) семьи / рода жениха у предбайкальских бурят.

Арюун

Понятие «сакрального» выражает слово *арюун* ‘священный, святой, негреховный’ [Манжигеев 1978: 20]. Но оно также переводится и как ‘чистый’ (в халхаском *ариун* означает ‘священный’ и ‘чистый’). В «Бурят-монгольско-русском словаре» термину *арюун* даются следующие определения:

1. ‘чистый, ясный светлый, прозрачный’ (о воде);
2. ‘чистоплотный, опрятный, красивый’;
3. ‘чистый, честный, священный, святой’ [БМРС 1951: 68].

Показательно в связи с этим, что производным от *арюун* является термин *арюулха*, обозначающий обрядовое действие очищения огнем перед контактом с божествами / духами в ритуалах жертвоприношения или в обряде посвящения шамана. Ритуальное очищение заключалось в том, что перед основной частью жертвоприношения участник — мужчина рода — должен был очиститься путем обнесения себя огнем и окуривания можжевельником (арса), богородской травой (ая-ганга) или веткой пихты (жодоо). «...Запах священных растений выполнял важнейшую функцию преобразования „чужого“ в „свое“, наделяя земных людей сверхъестественными качествами и способностями» [Содномпилова 2020: 39].

Отметим в связи с этим, что обряд *арюулха* — очищения являлся константным элементом всех обрядов. Более того, по данным О. Н. Шаглановой, очищающее окуривание или обнесение огнем в этом ритуале дополнялось символическим омытием (таримдаха) участников аршаном — водой

из священного источника [Шагланова 2002: 221]. «Во многих эпических произведениях и преданиях окуривание священными растениями является неотъемлемой частью процесса воскрешения мертвого героя, наряду с омытием водой бессмертия» [Содномпилова 2020: 40].

Идея ритуальной чистоты выражалась в ряде запретов и ограничений для «чужих» в ритуальной деятельности социума. Так, шаманы («черные») могли участвовать (как члены рода) в обрядах тайлгана, но, имея «чужое» (*хари*) *удха*, не могли проводить их или руководить ими. Безусловным был запрет на присутствие в этих обрядах женщин — «чужих»¹. Обеспечение «ритуальной чистоты» также было связано с запретом на участие в тайлгане «загрязнившихся» / «осквернившихся» (*бузардаха*) и в обязательном «очищении» (*арюулха*) всех, кто допускался к участию в обряде, что отчетливо выявляет «нечистоту» человеческого / «профанного» локуса по отношению к миру сакрального.

«Символическое» поведение, формируемое на основании выделенных семантических рядов, конкретизирующих сферы «сакрального» и «нечистого», реализуется преимущественно в ритуальной практике. Его «стратегия», например, выявляется в локативном коде обрядов, где важное значение играет пространственная оппозиция: *правое ~ левое* (запад ~ восток или юг ~ север). Но, главным образом, «стратегия» символического поведения находит выражение в концепции ритуальной чистоты (перед и во время контакта с почитаемыми духами и божествами), являющейся парадигматической для традиционной обрядности бурят, что особенно показательно в контексте семантической корреляции «священного» и «чистого».

Подобные этические представления порождали многочисленные запреты, последствия которых в силу их соблюдения

¹ Категория «нечистого» в бурятской культуре включала в себя, главным образом, женщин в период беременности или менструаций, причем роженица уравнивалась с покойником, а также мужчин, соприкасавшихся с ними, и др. Например, роженица могла привести к сокращению «сакральности», из-за чего она в течение трех дней после родов не могла перешагивать порог юрты, чтобы не уничтожить «благодать дома» (*гэрын хэшэг*) [Нацов 1995: 35].

или, наоборот, нарушения, подчеркивают их архаический магический контекст. Нарушение их, главным образом, ритуальной чистоты, рассматривалось как *сээр* — грех и приводило к неминуемому наказанию со стороны божеств. Как отметил Т. М. Михайлов, у бурят «принцип „сээртэй“» или «будет плохо впоследствии, в потомстве» действовал эффективно» [Михайлов 1987: 150].

Онго(н)

Другой термин, связанный с категорией сакрального в бурятской культуре, — *онго(н)*. В «религиозном» (культовом) аспекте *онгон* — это, во-первых, почитаемый „дух“ предка, во-вторых, его изображение, являющееся вместилищем данного „духа“» [Жуковская 1994: 255]. В монгольской традиции *онгон*, по определению Б. Я. Владимирцова, понимается как: 1) «душа» — *sünesü sülde* почитаемого предка; 2) *ayula-yin ejed* — «владыки гор»; 3) *sütüge* — изображения разных *sakiysün* — «хранителей» [Владимирцов 1926: 25].

В бурятской традиции *онгоны* — особый класс божеств-покровителей, хотя и очень разнородный по своему составу. Так, согласно И. М. Манжигееву, *онгон* — это:

- 1) «дух-хозяин» отдельных участков земли и воды;
- 2) дух предка;
- 3) душа / дух умершего шамана, воина, охотника, отличившегося при жизни и т. д.;
- 4) душа трагически умершего в молодости человека; какой-либо почитаемый дух или божество, по отношению к которому существует табу, запрещающее произносить его собственное имя вслух, а также образные персонификации различных видов производственной деятельности, атмосферных явлений и т. д. [Манжигеев 1978: 64–65].

В силу гетерогенности персонажей, составляющих данную категорию божеств, существовали семейные *онгоны*, производственные *онгоны*, *онгоны* особых шаманских «поколений» (их изображения выступали своеобразным маркером-символом «шаманской наследственности»), родовые *онгоны*, улусно-общинные и даже, как отметил С. П. Балдаев, «племенные *онгоны* булагатов, хонгодоров, хоринцев и эхиритов» [Балдаев 1970: 10–13]. В целом термин *онго(н)* имеет значения ‘чистый, священный,

первоначальный, девственный? [Жуковская 1994: 255].

В связи с этим лексико-семантическое поле данного термина в бурятском языке формируют следующие значения: 1) изображение какого-либо божества; дух, гений, идол; 2) священный [БМРС 1951: 369]. В монгольском языке (халхаский диалект): 1) гений-хранитель места (местности); 1) «дух» предка; 3) чистый, священный [Санжеев 1947: 156]. Таким образом, термин *онго(н)*, обозначая сверхъестественного персонажа или его изображение, трактуемое как «вместилище» или замещающий символ божества или «духа» предка, одновременно является и обозначением «священного» в традиции. В плане обозначения «священного» показательны следующие примеры употребления этого термина, которые приводит И. М. Манжигеев: *онгон сагаан үһэн* досл. «священные седины волос» — «эпитет древнебурятского патриархального культа предков»; *онго нуур* «священное озеро»; *онго хирбээ дайда* досл. «священные девственные просторы» [Манжигеев 1978: 64].

Таким образом, с одной стороны, понятие «священного» в бурятском языке образует единое семантическое поле с понятием «чистый», имеющим ритуализированный контекст. В плане соответствующей семантической корреляции, особенно в связи с полисемантической термином *онгон*, весьма репрезентативным представляется материал о *юһэнгуут'ах* — 9 помощниках шамана в обряде *шанар* (посвящение шамана) у хори-бурят, символизирующих 9 (*юһэн*) сыновей Неба. «Кандидаты в *юһэнгууты*, выбираемые из улусной молодежи, должны были быть *беспорочными, нравственно и физически здоровыми и чистыми*. После тщательного отбора избранные проходили ритуальное очищение, затем их одевали во все *белое (чистое)* и шаман вселял в них «души» (*онго*) детей неба. После этого они превращались в живых *онгонов* и помогали шаману в проведении обряда» (курсив мой. — Э. Н.) [Дугаров 1991: 172].

С другой стороны, семантика термина *онго(н)*, обусловленная набором его лексических значений, позволяет считать, что категория «священного» в бурятской культуре в определенной мере сближается с теологической концепцией сакральности как принадлежности и причастности к идее бога [Религиозные верования 1995: 183],

что, очевидно, не отрицает и семантика термина *арюун*.

В целом в культовом («религиозном») аспекте понятие *онгона* находится в тесной корреляции с категорией «сверхъестественного»². Здесь следует особо подчеркнуть, что в архаическом социуме (шире — в традиционном, сохранявшем многие черты архаичного) «при невозможности абстрактного обобщения и при необходимости обобщения образного бог, *principium volens*, представляется конкретной личностью. Образ этот не плоский, а разносторонний, не исключающий противоречивости. Отсюда полнокровность богов, их неподверженность какой-то идеализации и не сводимости к абстрактным функциям» [Дьяконов 1990: 105]; более того, божества, обладавшие, таким образом, волей и, тем самым, разумом, представлялись «вполне телесно» [Дьяконов 1990: 63–64].

По замечанию Т. М. Михайлова, «культовая деятельность бурят-шаманистов никогда не была абстрактной. Почитаемые объекты или силы, от которых зависело якобы благополучие человека, мыслились конкретно — в образе тэнгэри, хана, эжина, заяана» [Михайлов 1987: 65]. При этом каждый из почитаемых сверхъестественных персонажей обладал собственной достаточно проработанной «биографией», отраженной как в мифологических преданиях, быличках, так и в обрядовых текстах — в «призываниях» (см.: [Неманова 2018: 101]).

В свою очередь реальность локуса сверхъестественного, как и реальность его ощущения, реализовывалась в традиционном мировоззрении бурят в его конкретной топонимической привязке. Таким образом, сфера сверхъестественного в традиционном мировоззрении бурят не имела отвлеченного экстраполирующего понятия, а всегда

² Например, священное озеро *онго нуур*, по И. М. Манжигееву, это: «1) почитаемое шаманистами озеро, олицетворяющее дух местного шамана (шаманки), имевшего по преданию, какое-либо отношение к данному озеру; 2) озеро, в котором шаманисты купали домашних животных по случаю какого-либо эпизоотического заболевания» [Манжигеев 1978: 64]. Сверхъестественные возможности последнего и вытекающая из этого его «священность», маркируемое термином *онго*, обуславливается тем, что это озеро является местопребыванием особого «духа-хозяина» — онгона.

связывалась с конкретным образом — «духом» или божеством (см. например: [Бакаева и др. 2016]). Соответственно, иерофания как «манифестация священного» в религиозной традиции бурят (в ритуальной практике), конкретизируется более как теофания («богоявление»).

В этой связи в контексте соответствующих дефиниций категории сакрального в бурятской культуре наиболее репрезентативным представляется почитание *онгонов* — изображений (иконических, аниконических, статуарных, животных) почитаемых персонажей, также обозначаемых соответствующим термином. «Священность (*онго*) обуславливалась тем, что они выступали ‘вместилищами’ соответствующего почитаемого божества или предка или, как считалось, в них присутствует его дух — *онго*, благодаря чему обеспечивалось ‘сверхъестественное’ благополучие их владельцев» [Жуковская 1994: 255]. Животные *онгоны* у бурят и монголов аналогичны, как уже отмечалось в исследовательской литературе, *ыдыкам* / *ызыхам* — «посвященным» различным божествам домашним животным у тюркоязычных народов, название которых переводится как ‘священный, чистый’.

Таким образом, *онгон* — это не только сверхъестественный персонаж — божество / предок или его «изображение-вместилище», но и активная нематериальная субстанция, изофункциональная почитаемому божеству / предку, и в силу этого ассоциируемая с ним. Именно она, по нашему мнению, обуславливает «сверхъестественные» возможности *онгонов*, ее «аккумулирующих», благодаря чему собственно и проявляется активность сверхъестественного персонажа, опосредованная различными материальными формами адорации.

Наряду с этим в монгольской традиции *онгон* — это *sünesü sülde* почитаемого предка. Аналогичный феномен у бурят — *hүнэһэ хүлдэ*, или «хорошая душа» (*хайн хүнэһэн*) — одна из трех душ человека, «которая после смерти своего обладателя поднимается на небо и возвращается обратно в виде «духа» предка» [Манжигеев 1978: 96].

Сүлдэ

Для обозначения феномена *сүлдэ* традиционно использовались анимистические категории «дух», «душа» и т. д., что, по замечанию Т. Д. Скрынниковой, стало общим

местом в исследованиях [Скрынникова 1997: 149–150]. Впервые их использовал Д. Банзаров, употребивший термин «бесмертная душа» [Банзаров 1997: 46]. По его мнению, «первоначальное простое почтение к предкам подверглось искажению и породило *онгонов*. Так называют монголы души умерших людей, сделавшиеся предметом уважения или страха народного» [Банзаров 1997: 47].

В монгольской традиции представления о «душе», будь то в естественном или символическом языке, не одинаковы для различных ситуаций. Так, в исследовательской литературе с понятием «души» соотносятся термины *сүнэсүн* / *hүнэһүн* и *амин*, связанные с витальностью человека (их семантическими коррелятами выступают кровь и дыхание), а также *сүлдэ* / *хүлдэ*. По мнению Т. Д. Скрынниковой, «использование термина «душа» в отношении *сүлдэ*³ неадекватно реальности, поскольку в данном

³ Наиболее репрезентативным, по замечанию Т. Д. Скрынниковой, является материал по «сүлдэ» (халх. *сүлд*, бур. *хүлдэ*). В исследовательской литературе *сүлдэ* / *хүлдэ* традиционно дефинировалась как «жизненная сила» человека [Манжигеев 1978: 94], «жизненность» или «душа-судьба» [Галданова 1987: 59–73]. Например, по определению В. А. Михайлова, «сүлде — первоначальная причина; та сила, от которой зависит существование силы в вещах» [Михайлов 1996: 62]. При этом исследователи почти единодушно дифференцировали ее от *сүнэсү(н)* / *hүнэһүн* — «души»-«двойника» человека. «Исчезновение *сүлдэ*, как полагали, не вызывает смерти сразу. Без души человек еще достаточно долго может владеть существованием, но не жить в полном смысле этого слова. Долгое отсутствие *сүлдэ* приводит ... к уничтожению жизненности» [Галданова 1987: 71]. По замечанию С. Ю. Неклюдова, «душа», никогда не оставляющая человека (= «душа-тень», «душа-двойник») — это «телесная душа», которая считается «плохой» («дурной»); она продолжает жить в трупе (или подле него до его разложения), после чего исчезает или становится злокозненным духом [Неклюдов 1994: 174]. Противопоставляемая же ей субстанция *сүлдэ* — «бесмертная душа» или «хорошая душа» — одна из двух / трех «душ» человека (наряду с *сүнэсү*), которая довольно легко покидает тело (во время сна, болезни, у шамана — во время камлания), отлетает после смерти и становится духом или возвращается на небо [Неклюдов 1994: 174] (становится, по И. М. Манжигееву, *hүнэһэ хүлдэ* — см. выше).

случае речь идет о сакральности не только предка, но и рода, а не о витальности человека» [Скрынникова 1997б: 152].

В этой связи следует отметить, что нарицательным обозначением всех аналогичных феноменов, связанных с «сакральностью», стал австронезийский термин *мана*, введенный в широкий обиход Р. Кодрингтоном и получивший, по выражению Е. С. Новик, «права гражданства в этнографической литературе» [Новик 2004: 138]. Эта сакральная субстанция, выступающая, по мнению исследователей, в качестве важнейшей категории «сверхъестественного», имеет следующие значения: незримая сила, мощь, могущество; сила влияния, воздействия на кого-либо; удача; необыкновенное событие, чудо (в христианском смысле) — чудо как проявление *маны*⁴; сверхъестественное событие или действие; сверхъестественная сила; влияние сверхъестественного [Элиаде 2000: 25].

В трактовке С. Ю. Неклюдова она представляет собой «разумное начало в человеке», противостоящее нравственной порче, и, очевидно, в качестве такового, выступающее своеобразным ангелом-хранителем [Неклюдов 1994а: 375]. Однако более прозрачна в этом плане ее связь с «судьбой» человека, в связи с чем феномен, обозначающий как *сүлдэ* / *хүлдэ*, также маркируется термином *дзаяа* (бур. *заяа*) — «судьба» [Неклюдов 1994а: 375], при том что в монгольской традиции известен феномен *дзаяа сгүдэ*. Таким образом, «избранные» транслируют воздействие сакральной субстанции Неба или высших небесных божеств, что согласуется с медиативной функцией предков, «категория сверхъестественного оформляется в процессе развития мифологического сознания, включающего отделение человека от природы, приписывание ей враждебности по отношению к нему и уход первопредка из физического мира в мир метафизический» [Плахова 2019: 132].

Не в меньшей степени «генетический» мотив «получения свыше» характерен для

«сакральности, присущей всем», которая дается с рождением и затем обуславливает жизнь / судьбу (*дзаяа* / *заяа*) человека: *дзаяа* дается Небом (имеется в виду субстанция, равнозначная *сүлдэ*); у высших богов испрашивают *сүлдэ* детей, например, в преданиях, у Сагаан Убгена, Эсэгэ Малаана или у Хүхэ Мүнхэ тэнгри; в ритуальной традиции предбайкальских бурят — у Буха-нойона и его супруги Будан-хатун (в этом функциональном аспекте божеств выявляется связь *сүлдэ* с мотивом оплодотворения и чадородия (см.: [Содномпилова, Неманова 2019])).

Исходя из сопоставительного анализа употребления этих терминов, можно выделить следующие отличия *сүлдэ* / *хүлдэ* от *сүнесүн* / *хүнэнхүн* и *амин*:

1) воплощение в материальных объектах, почитаемых в качестве «священных» (в дереве, стреле, *онгонах*, знамени и т. д.);

2) представления о сакральной субстанции «избранных», наделенных особой исключительностью — правителей, вождей, богатырей, вообще талантливых людей;

3) семантическая связь с сакральным «центром» мира [Галданова 1987: 68; Скрынникова 1997б: 140–189; Скрынникова 1997а: 11].

Именно поэтому «сверхъестественные» возможности «культовых предметов типа *онгонов*» влиять на благополучие их владельцев или социума, выполнять охранительные функции и т. д., обусловлены не столько благодаря тому, что они являются воплощением или вместилищем духов-покровителей, сколько благодаря воплощению в них сакральной субстанции предка [Скрынникова 1997б: 99]. Именно благодаря «аккумуляции» данной субстанции в различных материальных «иерофантических» объектах и предметах, обеспечивается их сверхъестественные возможности, соответственно, «священность» последних, благодаря чему обуславливается комплекс адораций, связанных с ними (культ *онгонов*, культ *буудалов*, культ «священных» гор, культ священных деревьев и т. д.).

Вместе с тем этот полисемантический феномен можно соотнести с отмечаемой М. Элиаде «субстанцией» или «энергией» «высших» богов, использовавших ее в процессе творения и тратящих ее для поддер-

⁴ Мана, согласно верованиям меланезийцев и полинезийцев, — это некая магическая сила, устойчиво связываемая со светом или жаром и имеющая устойчивое значение «сверхъестественная сила, потенция» [Петрухин, Полинская 1994: 166–167].

жания мира и обеспечения его изобилия [Элиаде 2002: 91]. В этом аспекте особенно показательна креационная семантика термина *дзаяа* / *заяа*, поскольку, помимо маркировки «судьбы» (жизни) человека и субстанции, ее обуславливающей, *дзаяа* / *заяа* также имеет значения 'творение, созидание' / 'творец, создатель'. Возможно, что креативный момент в древности включался и в семантическое поле термина *онгон*, так как его форма *онгоруу*, рудиментно сохранившаяся в якутском языке наряду с *онгосуу* 'предназначение' (см. выше), является синонимом слова *айыы* с общим значением 'созидание, творение', а в форме *онгороочуу* соответствует *айаачыы* 'творец, создатель' [Дашиева 2001: 121].

Касаясь воздействия сакральной субстанции «извне», также хотелось бы обратиться к феномену «благодати» или «счастья» (*хэшэг*, *хутаг* / *хутуг*, *даллга* / *даланга*), призываемым в обрядах жертвоприношения⁵. Функционально они неразрывно связаны с отмечавшейся выше «сакральностью, присущей всем» — *сглдэ* / *дзая*, обуславливающей рождение человека, а затем и его жизнь (судьбу). Последняя, периодически как бы «сокращаясь», нуждается в регулярном ритуальном «восполнении» за счет «благодати» / «счастья», испрашиваемых у божеств в обрядах общественного цикла.

В свою очередь эти представления, отмечающие корреляцию «священного» и «сверхъестественного», особенно в плане воздействия сакральности божеств / предков «извне» и циркуляции *сүлдэ* человека между космологическими уровнями, наиболее прозрачно отражают дихотомию нашего / человеческого (профанного) локуса и иного / сверхъестественного (сакрального), взаимодействие и коммуникацию которых следует признать основной канвой и сюжетом «религиозного» мышления бурят.

⁵ В бурятской традиции «благодать» может связываться (в плане воздействия) как с харизмой умерших предков (или с ними соотнесенных «избранных» — вождей, нойонов, кузнецов и т. д.), сохраняющей воздействие после смерти своего суверена, так и напрямую с «субстанциональным» проявлением (теофанией) верховных божеств, рудименты адорации которых охранялись вплоть до рубежа XIX–XX вв.

Выводы

Отмечая соотнесенность в мифо-ритуальной традиции бурят категорий «сверхъестественного», формы проявления которого обуславливались субстанцией *сүлдэ* или *онго* и «сакрального», нельзя не подчеркнуть, что дефиниция последнего явно не исчерпывается соответствующей корреляцией. Как мы отметили выше, «сверхъестественное» не обязательно является «священным», притом, что, если ориентироваться на определение Е. А. Торчинова, адорацию обуславливает именно сакральность персонажа. Соответственно, в дифференциации обрядов можно, с одной стороны, видеть реализацию пресловутой меры / степени сакральности, которая находится в тесной корреляции с бинарностью пантеона: светлые (*сагаан*) добрые божества ~ темные (*хара*) злые божества; «белые» и «черные» шаманы. Следовательно, в плане конкретизации сферы сакрального в традиционной бурятской культуре мы вновь возвращаемся к семантической соотнесенности «священного» и «чистого», цветовым коррелятом которого выступает белый цвет (*сагаан*), о сакральности которого в бурятской (монгольской) мифо-ритуальной традиции написано очень много. Отсюда обряды поклонения / почитания, а не «умилостивления», в чем, как представляется, и заключен смысл адорации / религиозного культа, совершались белым / чистым, т. е. священным персонажам. В этой связи с этим хотелось бы подчеркнуть, что всякая религиозная форма (адорации) предполагает «связь» между людьми и сверхъестественными силами (божествами), что совпадает с самым общим и древнейшим смыслом термина «религия», производным от лат. термина *religio* 'связывать' [Гумилев 1994: 249].

В целом анализ специфических обрядовых терминов в бурятском языке показывает, что большинство из них своим генезисом восходят к тюркской сакральной лексике или общему тюрко-монгольскому (шире — алтайскому) лексическому фонду, что указывает на важную роль древнего и средневекового тюркоязычного компонента в этногенезе и этнической истории современных и исторических монголоязычных народов.

Литература

- Бакаева и др. 2016 — Трансграничная культура: очерки сравнительно-сопоставительного исследования традиций западных монголов и калмыков / Э. П. Бакаева, К. В. Орлова, Д. Н. Музраева, Т. И. Шараева, Н. В. Балинова, И. А. Хомякова, С. В. Мирзаева. Элиста: КалмНЦ РАН, 2016. 456 с.
- Балдаев 1970 — *Балдаев С. П.* Родословные предания и легенды бурят. Ч. 1. Булагаты и эхириты. Улан-Удэ: Бурятск. кн. изд-во, 1970. 362 с.
- Банзаров 1997 — *Банзаров Д.* Собрание сочинений. Изд. 2-е дополненное. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. 240 с.
- БМРС 1951 — Бурят-монгольско-русский словарь = Бурят-монгол-орд словарь / сост. К. М. Черемисов; под ред. Ц. Б. Цыдендамбаева. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1951. 852 с.
- Владимирцов 1926 — *Владимирцов Б. Я.* Образцы монгольской народной словесности (Северо-Западная Монголия). Л.: Ин-т живых вост. яз., 1926. 202 с.
- Галданова 1987 — *Галданова Г. Р.* Доламаистские верования бурят. Новосибирск: Наука, 1987. 113 с.
- Гумилев 1994 — *Гумилев Л. Н.* Сочинения. Конец и вновь начало. М.: ДИ-ДИК, 1994. 541 с.
- Дашиева 2001 — *Дашиева Н. Б.* Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования). М., Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2001. 299 с.
- Дугаров 1991 — *Дугаров Д. С.* Исторические корни белого шаманства (на материале обрядового фольклора бурят). М.: Наука, 1991. 300 с.
- Дьяконов 1990 — *Дьяконов И. М.* Архаические мифы Востока и Запада. М.: Наука, 1990. 247 с.
- Жуковская 1994 — *Жуковская Н. Л.* Онгоны // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1994. С. 255–266.
- Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.
- Михайлов 1987 — *Михайлов Т. М.* Бурятский шаманизм: история, структура, социальные функции. Новосибирск: Наука, СО, 1987. 290 с.
- Михайлов 1996 — *Михайлов В. А.* Религиозная мифология. Улан-Удэ: Соел культура, 1996. 111 с.
- Нацов 1995 — *Нацов Г. Д.* Материалы по истории и культуре бурят. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 156 с.
- Неклюдов 1994а — *Неклюдов С. Ю.* Дзаяачи // Мифы народов мира. Т. 1. М.: Сов. энциклопедия, 1994. С. 375.
- Неклюдов 1994б — *Неклюдов С. Ю.* Монгольских народов мифология // Мифы народов мира. Т. 2. М.: Сов. энциклопедия, 1994. С. 170–174.
- Неманова 2018 — *Неманова Э. А.* Сутра «Белый старец (Сагаан үбгэн)»: мифологические основы культа // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 25. С. 101–111.
- Новик 2004 — *Новик Е. С.* Обряд и фольклор в сибирском шаманизме: Опыт сопоставления структур. М.: Вост. лит., 2004. 304 с.
- Островский 1997 — *Островский А. Б.* Мифология и верования нивхов. СПб.: Петербургское Востоковедение, 1997. 2782 с.
- Петрухин, Полинская 1994 — *Петрухин В. Я., Полинская М. С.* О категории «сверхъестественного» в первобытной культуре // Историко-этнографические исследования по фольклору: Сборник статей памяти С. А. Токарева. М.: Вост. лит., 1994. 276 с.
- Плахова 2019 — *Плахова О. А.* Сущность мифологического сознания как интегративного элемента народного художественного сознания // Балтийский гуманитарный журнал. 2019. Т. 8. № 1 (26). С. 130–132.
- Религиозные верования 1993 — Религиозные верования. Свод этнографических понятий и терминов. М.: Наука, 1993. 239 с.
- Санжеев 1947 — *Санжеев Г. Д.* Первоначальные монгольские тексты. М.: Изд-во и стеклогр. МИВ, 1947. 107 с.
- Скрынникова 1997а — *Скрынникова Т. Д.* Традиционное мировоззрение бурят и шаманизм // Методологические и теоретические аспекты духовной культуры Востока. Вып. 2. Улан-Удэ, 1997. С. 11–19.
- Скрынникова 1997б — *Скрынникова Т. Д.* Харизма и власть в эпоху Чингис-хана. М.: Вост. лит., 1997. 214 с.
- Содномпилова 2020 — *Содномпилова М. М.* Мир запахов и ольфакторная коммуникация в традиции тюрко-монгольских народов Внутренней Азии // Известия Иркутского государственного университета. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2020. Т. 32. С. 37–47.

- Содномпилова, Неманова 2019 — *Содномпилова М. М., Неманова Э. А.* Представления о зарождении жизни и ее качестве в мировоззрении монгольских народов // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. № 11 (3). С. 465–478. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-465-478
- Торчинов 1998 — *Торчинов Е. А.* Религии мира: опыт запредельного. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 384 с.
- Фрейденберг 1998 — *Фрейденберг О. М.* Миф и литература древности. М.: Вост. лит., 1998. 800 с.
- Шагланова 2002 — *Шагланова О. М.* Общесельский тайлган у тункинских бурят // Мир Центральной Азии. Т. 1. Археология и этнология. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2002. С. 217–223.
- Элиаде 2000 — *Элиаде М.* Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М.: Ладомир, 2000. 414 с.
- Элиаде 2002 — *Элиаде М.* История веры и религиозных идей. От Гаутамы Будды до триумфа христианства. М.: Критерион, 2002. 512 с.
- Bakaeva E. P. et al. Cross-Border Culture: Essays on the Comparative Study of Traditions of the Western Mongols and Kalmyks. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2016. 456 p. (In Russ.)
- Baldaev S. P. Genealogical Traditions and Legends of the Buryats. Vol. 1: The Bulagat and Ekhirit. Ulan-Ude: Buryat Book Publ, 1970. 362 p. (In Russ.)
- Banzarov D. Collected Works. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 1997. 240 p. (In Russ.)
- Bromley Yu. V. et al. (eds.) Religious Beliefs: Collected Ethnographic Concepts and Terms. Moscow: Nauka, 1993. 239 p. (In Russ.)
- Cheremisov K. M. (comp.), Tsydendambaev Ts. B. (ed.) Buryat Mongolian-Russian Dictionary. Moscow: State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1951. 852 p. (In Bur. and Russ.)
- Dashieva N. B. Calendar In Buryat Traditional Culture: A Historical-Ethnographic and Cultural-Genetic Study. Moscow, Ulan-Ude: East Siberian State Academy of Culture and Arts, 2001. 299 p. (In Russ.)
- Dugarov D. S. Historical Roots of White Shamanism: A Case Study of Buryat Ritual Folklore. Moscow: Nauka, 1991. 300 p. (In Russ.)
- Dyakonov I. M. Archaic Myths of the East and West. Moscow: Nauka, 1990. 247 p. (In Russ.)
- Eliade M. A History of Religious Ideas: From Gautama Buddha to the Triumph of Christianity. Moscow: Criterion, 2002. 512 p. (In Russ.)
- Eliade M. Selected Works: The Myth of the Eternal Return, Images and Symbols, The Sacred and the Profane. Moscow: Ladomir, 2000. 414 p. (In Russ.)
- Freydenberg O. M. Myth and Literature of Ancient Times. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1998. 800 p. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Pre-Lamaist Beliefs of the Buryats. Novosibirsk: Nauka, 1987. 113 p. (In Russ.)
- Gumilev L. N. Essays. An End and a New Beginning. Moscow: DI-DIK, 1994. 541 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanistic and Pre-Shamanistic Terms. Moscow: Nauka, 1978. 128 p. (In Russ.)
- Mikhaylov T. M. Buryat Shamanism: History, Structure, Social Functions. Novosibirsk: Nauka, 1987. 290 p. (In Russ.)
- Mikhaylov V. A. Religious Mythology. Ulan-Ude: Soel-Kultura, 1996. 111 p. (In Russ.)
- Natsov G. D. The Buryats: Materials on History and Culture. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 1995. 156 p. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Dzayaachi. In: Myths of the World. Vol. 1. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1994. P. 375. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Mythologies of Mongolic peoples. In: Myths of the World. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1994. Pp. 170–174. (In Russ.)
- Nemanova E. A. Sutra of the White Elder (Sagaan Übgen): mythological bases of the cult. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2018. Vol. 25. Pp. 101–111. (In Russ.)
- Novik E. S. Ritual and Folklore in Siberian Shamanism: A Comparative Insight into Essential Structures. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2004. 304 p. (In Russ.)
- Ostrovskiy A. B. The Nivkh People: Mythology and Beliefs. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1997. 2782 p. (In Russ.)
- Petrukhin V. Ya., Polinskaya M. S. Category of the ‘supernatural’ in primitive cultures revisited.

- In: Historical and Ethnographic Studies of Folklore. Collected Papers Commemorating S. A. Tokarev. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1994. 276 p. (In Russ.)
- Plakhova O. A. The essence of mythological consciousness as an integrative component of folklore consciousness. *Baltic Humanitarian Journal*. 2019. Vol. 8. No. 1(26). Pp. 130–132. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. Earliest Mongolian Texts. Moscow: Moscow Institute of Oriental Studies, 1947. 107 p. (In Russ.)
- Shaglanova O. M. Taylgan of Tunka Buryats. In: The World of Central Asia. Vol. 1: Archaeology and Ethnology. Ulan-Ude, 2002. Pp. 217–223. (In Russ.)
- Skrynnikova T. D. Charisma and Power in the Era of Genghis Khan. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1997. 214 p. (In Russ.)
- Skrynnikova T. D. Traditional worldviews of Buryats and shamanism. In: Spiritual Culture of the Orient. Methodological and Theoretical Aspects. Vol. 2. Ulan-Ude, 1997. Pp. 11–19. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M. World of smells and olfactory communication in the tradition of the Turkic-Mongolian peoples of Inner Asia. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Series*. 2020. Vol. 32. Pp. 37–47. (In Russ.)
- Sodnompilova M. M., Nemanova E. A. Worldview of Mongolic peoples: representations of the beginnings of human life and its prospective quality. *Mongolian Studies*. 2019. Vol. 11. No. 3. Pp. 465–478. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-3-465-478
- Torchinov E. A. Religions of the World: Experience of the Transcendence. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1998. 384 p. (In Russ.)
- Vladimirtsov B. Ya. Images of Mongolian Folklore: Northwestern Mongolia. Leningrad: Institute of Living Oriental Languages, 1926. 202 p. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Ongons. In: Myths of the World. Vol. 2. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1994. Pp. 255–266. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1579–1593, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1579-1593
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 930

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1579-1593

Газетные фотографии: использование приема гиперболизации (на материале публикаций в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») в 1957–1961 гг.)

Виктория Васильевна Куканова¹, Александра Тагировна Баянова²,
 Лариса Бадмаевна Манджикова³

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, директор
 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 заведующий, младший научный сотрудник
 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

³ Калмыцкий научный центр Российской академии наук (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста,
 Российская Федерация).
 младший научный сотрудник
 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

Аннотация. *Введение.* Фотография является визуальным источником информации, уникальность которого была осознана разными исследователями. Фотографии, публикуемые в газетах, самом оперативном виде печатных изданий середине прошлого века, отражая повседневную жизнь, в целом передавали дух эпохи. *Целью* данной работы является анализ «содержания» фотографий за период 1957–1961 гг. в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») — на протяжении более столетия главным периодическим изданием в республике, в котором публиковались и продолжают публиковаться материалы на языке титульного народа — на калмыцком. *Материалы и методы.* Методом сплошной выборки были отобраны фотографии из газеты «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») за период 1957–1961 гг. В результате были привлечены более 4 тысяч фотографий для анализа, однако в фокусе нашего исследования находятся прежде всего снимки, сделанные местными фотографами и на территории Калмыцкой АССР. Фотографии ТАСС привлекались для отслеживания одинаковых тенденций, сравнения и сопоставления с региональными фотографиями. *Выводы.* Исследование показывает, что фотоматериалы на страницах газеты «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») отражают смешение стиля социалистического реализма и сурового стиля. В фокусе внимания фотожурналистов оказалась жизнь рядовых тружеников, не являвшихся представителями партии и власти, прежде всего ее рабочие моменты. В анализируемых фотосюжетах несомненно влияние эпохи

Н. С. Хрущева. За первые два года рассматриваемого периода фотография в калмыцкой прессе совершенствовалась в ускоренном темпе, редакционные фотографы быстро осваивали известные на тот момент в советской фотожурналистике приемы. Например те, с помощью которых достигалась гиперболизация изображаемого на снимках, востребованная советской идеологией. Гиперболизация достигалась съемкой с использованием определенных ракурсов, с помощью широкоугольного объектива и насадочных линз. Подобный анализ газетного материала необходимо продолжать в рамках изучения развития как региональной прессы, так и источника для антропологических исследований.

Ключевые слова: газета, фотография, визуальный источник, гипербола, фотожурналистика

Благодарность. Исследование проведено в рамках госзадания № АААА-А19-119090590086-0 (сбор, оцифровка материала) и при финансовой поддержке гранта в № 075-15-2019-1879 в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (подготовка статьи).

Для цитирования: Куканова В. В., Баянова А. Т., Манджикова Л. Б. Газетные фотографии: использование приема гиперболизации (на материале региональной прессы 1957–1961 гг.) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1579–1593. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1579-1593

UDC 930

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1579-1593

Hyperboles in Newspaper Photographs: A Case Study of *Khalmg Ünn*'s ('The Kalmyk Pravda') Issues, 1957–1961

Viktoriya V. Kukanova¹, Aleksandra T. Bayanova², Larisa B. Mandzhikova³

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Director

 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Head of the Alekseeva Scientific Library and Archive, Junior Research Associate

 0000-0001-7718-802X. E-mail: ale-bayanova@yandex.ru

³ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Junior Research Associate

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Kukanova V. V., Bayanova A. T., Mandzhikova L. B., 2020

Abstract. Introduction. Photography is a visual source of information, and its unique character has been recognized by numerous researchers. Newspaper photographs tend to mirror both a historical era proper and daily life of its inhabitants. **Goals.** The paper aims at analyzing the 'essential messages' of photographs published by *Khalmg Ünn* ('The Kalmyk Pravda') newspaper in 1957–1961. The periodical is an ethnic-oriented print media to have published — and still does — Kalmyk language materials. **Materials and Methods.** The continuous sampling method was employed to extract photographs from newspaper issues of 1957–1961. So, a total of 4,000 units were analyzed, but the study primarily focuses on pictures that were taken by local photographers in the territory of the Kalmyk ASSR. Photographs by TASS were involved to trace similar trends through comparison with regional photographic images. **Conclusions.** The study shows that photographic materials of *Khalmg Ünn* ('The Kalmyk Pravda') highlight different artistic trends manifested in the eclectic patterns compiled from both Socialist realism and the 'severe style' (the latter characterized by romantic

heroification of strenuous laborers). Just in two years the newspaper images rapidly evolutionized from mere shots to photographic pictures created through the use of diverse means and methods, e.g., that of hyperbolization achieved via different camera angles and glass prism techniques. Newspaper photographers turned to common laborers to show their joys and hardships, everyday life of citizens not involved in party or any other administrative activities. The Khrushchev era gave rise to most essential changes in newspaper photography and the images examined. Further analysis of newspaper materials shall facilitate the development of both regional print media and anthropological studies at large.

Keywords: newspaper, photograph, visual source, hyperbole, photojournalism

Acknowledgements. The reported study was funded by state assignment no. AAAA-A19-119090590086-0 (collection of materials, digitalization) and government grant no. 075-15-2019-1879 in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist (preparation of an article).

For citation: Kukanova V. V., Bayanova A. T., Mandzhikova L. B. Hyperboles in Newspaper Photographs: A Case Study of *Khalmg Ünn*'s ('The Kalmyk Pravda') Issues, 1957–1961. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1579–1593. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1579-1593

Введение

Фотография как явление визуальной культуры стала в последнее десятилетие объектом исследовательского интереса как антропологов, так и социологов, при этом вопрос о времени зарождения визуальной антропологии достаточно спорный. Так, например, Е. С. Данилко задается вопросом: «откуда начинать эту историю, с конца 1990-х, когда сакральное словосочетание „визуальная антропология“ вошло в наш исследовательский лексикон, или удревнить ее до послереволюционных 1920-х, когда появилась советская „этнографическая фильма“?» [Данилко, Александров 2020: 8–9]. Тот же самый вопрос можно задать о фотографии как материале для исследования повседневности и этнографических вопросов. Откуда начинать отчет: с конца 1990-х гг. или с момента изобретения фотографии? Ведь и фотографии конца XIX – начала XX в. представляют материал для исследований тех или иных научных проблем. Достаточно вспомнить, что помимо этнографического кино были еще и этнографические снимки, когда пытались через «неподвижную картинку» передать информацию о культуре того или народа.

Фотография прошла в своем развитии сложный путь, который во многом был обусловлен и развитием ее технических возможностей, и, несомненно, идеологией и «модой» той или иной эпохи. Еще в конце XIX – начале XX в. фотоаппарат был ред-

костью, и людям приходилось делать снимки в специализированных ателье, что было достаточно дорого (не каждая семья могла себе позволить эту роскошь). С конца XX в. фотосъемка стала обычным, абсолютно доступным процессом, когда можно в любое время взять в руки мобильный телефон и запечатлеть или, как говорят, «остановить» мгновение.

Создавая газетный корпус калмыцкой региональной прессы¹, мы обнаружили большое количество фотографий, опубликованных в региональных изданиях, что натолкнуло на мысль об исследовании газетной фотографии² как источника визуальной антропологии. При своей несомненной специфике фотографии, публикуемые в печати в рассматриваемый период, имели черты некоторого сходства с любительскими. Так, и те и другие с середины XIX в. и, пожалуй, до конца XX в. были отнюдь не спонтанными, а постановочными в общей своей массе³. Конечно, очевидно, что интенция профессиональной и любительской фотографии различна. Важное отличие фо-

¹ См. Газетный корпус Калмыкии [электронный ресурс] // URL: <http://biliq.ru/ethnography/> (дата обращения: 01.09.2020).

² См., например, опубликованную работу: [Куканова и др. 2019].

³ Очевидно, что среди любительских фотографий второй половины XX в. можно найти такие, которые будут обладать той или иной степенью спонтанности, но, как правило, их немного.

тографий, публикуемых в газетах, от любительских заключалось в более профессиональном исполнении. Однако, если относительно одних (например, столичных) газет можно утверждать, что среди сотрудников был, как минимум, один профессиональный фотограф, для других же, большей частью на должность фотокорреспондентов зачастую принимали тех, кто более или менее умел фотографировать, профессионалов просто не было. В 1957 г., когда калмыки вернулись из мест ссылки, приходилось создавать с нуля многое, в том числе и осваивать новые профессии. Мы предполагаем, что калмыков, как репрессированных, в местах ссылки не допускали к работе в столь важной сфере, как средства массовой информации, поскольку советская власть понимала, что они обладают огромными возможностями манипулирования сознанием. Наше предположение строится на рассказах ссыльных калмыков о негласном запрете⁴ работать преподавателями истории⁵ в силу того, что они могли в своей работе воздействовать на сознание детей [Алексеева 2019: 50; Очиров 2019: 27; Гучинова 2019: 414]. Следует отметить, что профессиональных фотографов не хватало во всей стране, редакции газет, журналов жаловались на «кадровый голод». Так, например, Л. В. Седова пишет в своей работе по истории фотожурналистики, что «на тот момент (на 1957 г. — уточнение К. В., Б. А., М. Л.) ни одно из учебных заведений не готовило кадры по специальности „фотография“» [Седова 2016: 13].

Целью данной работы является анализ «содержания» фотографий за период 1957–1961 гг. в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») — главном общественно-политическом издании в республике, выпускаемом

на калмыцком языке — языке титульного народа.

Материалы и методы

Методом сплошной выборки были рассмотрены фотографии из газеты «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») за период 1957–1961 гг., при этом анализировались не только локальные фотографии, но и те снимки, которые направлялись «центром» (ТАСС) для опубликования в средствах массовой информации⁶. В результате были привлечены более 4 тысяч единиц для анализа, однако в фокусе нашего исследования находятся прежде всего фотографии, сделанные местными фотографами и на территории Калмыцкой АССР. Фотографии ТАСС привлекались для отслеживания одинаковых тенденций, сравнения и сопоставления с региональными фотографиями. Следует оговорить, что в библиотеке КалмНИЦ РАН отсутствует подшивка за второе полугодие 1959 г., в условиях пандемии и действия ограничительных мер посетить Национальную библиотеку им. Амур-Санана не представлялось возможным, тем не менее считаем, что объем выборки достаточный, чтобы проводить качественные исследования, связанные с анализом содержания фотографий. В качестве методов исследования применяются метод анализа фотографий на различных уровнях, контент-анализ. Техническое качество изучаемых фотографий различно: часть из них четкие, с хорошей ретушью, часть — с бледным, размытым изображением. Систематизация и анализ эмпирического материала позволяет по-новому взглянуть на исследуемый материал.

Общая характеристика

В содержании публикуемых в «Хальмг үнн» фотографий в рассматриваемый период заметен рост идеологической составляющей. Если в 1957–1958 гг. на страницах газеты еще присутствуют снимки, которые отражают в той или иной степени непосредственность впечатления, по которым можно предположить «спонтанность» съемки, то

⁴ Такой же запрет существовал на учебу по специальности юриспруденция [Убушиева 2013: 50].

⁵ Хотя все же исключения из правил были, видимо, многое зависело от политики местных властей. Так, например, известный в республике археолог, этнограф У. Э. Эрдниев с 1944 г. по 1946 г. преподавал историю в школе, затем был принят на работу старшим преподавателем по курсу истории и археологии, одновременно он являлся деканом исторического факультета Новокузнецкого педагогического института, далее старшим преподавателем Кемеровского педагогического института [Кольцов 2005: 36].

⁶ Надо отметить, что количество фотографий, присланных ТАСС, стало увеличиваться с 1958 г. Если в 1957 г. было всего 5 ед., то в 1958 г. — 196 ед., а в 1959 г. — уже 611 ед. [Кучанова и др. 2019: 1111, табл. 1].

в последующие годы влияние цензуры все более явно проявляется в отборе фотографий с определенным идеологическим наполнением.

В подшивке газеты за указанный период можно найти фотографии, в которых ярко отражена этничность народа. Это снимки, герои которых одеты в национальные костюмы [Хальмг үнн 1957: № 37 (2870); Хальмг үнн 1958: № 40 (3024), № 134 (3118); Хальмг үнн 1959: № 232 (3474), № 236 (3478); Хальмг үнн 1960: № 106 (3603), № 218 (3715)], играют на национальных инструментах [Хальмг үнн 1957: № 17 (2850); Хальмг үнн 1958: № 75 (3059), № 126 (3110); Хальмг үнн 1959: № 211 (3453), № 228 (3470); Хальмг үнн 1960: № 102 (3599); Хальмг үнн 1961: № 125 (3878)]. Есть фотоочерки о мероприятиях, связанных с национальными традициями (конкурсы, спортивных состязания (например, национальная борьба): [Хальмг үнн 1958: № 85 (3069), № 158 (3164), № 181 (3165); Хальмг үнн 1960: № 130 (3484), № 149

(3646), № 177 (3674), № 191 (3688); Хальмг үнн 1961: № 73 (3827), № 87 (3841), № 176 (3930)]. В 1961 г. встречается всего одна фотография, где дается крупным планом фотография художницы П. И. Емчегировой в национальном костюме, которая увлекалась их шитьем [Батырева 2020: 1382] (см. фото 1), хотя другие фотографии, где отражаются элементы этнической идентичности, присутствуют, но уже единично.

Фотокорреспонденты в основном были любителями, среди них никто не имел профессиональных навыков, однако уровень многих фотографий был достаточно высоким. Следует назвать фамилии фотокоров тех лет: Б. Асанов, Р. Астахова, С. Ахремичев, И. Ашихмин, А. Балакаев, Н. Будников, А. Вутеро, Б. Манджиев, О. Манджиев, И. Новосельцев, Е. Поваляев, Е. Шарапов, В. Эрдниев и др.⁷ В конце 1950-х – начале 1960-х гг. передвижение по республике было еще крайне затруднительным, поэтому, добравшись до отдаленных населенных пунктов, фотографы старались сделать по

Фото 1. Художница П. И. Емчегирова (в источнике отсутствуют указание на авторство и подпись) [Хальмг үнн 1961: № 167 (3921)]

[Photo 1. Painter P. Emchegirova]

Фото 2.1. [ЗУРГТ: таңгчин больницин диетестра Булгн Манджиевна Берденова. Автор неизвестен⁸ = На снимке: диетестра⁹ республиканской больницы Булгн Манджиевна Берденова¹⁰] [Хальмг үнн 1958: № 91 (3075)]

[Photo 2.1. Bulgn M. Berdenova, a dietitian at the Republican Hospital]

⁷ Некоторые из них впоследствии стали известными писателями, например А. Балакаев, Е. Поваляев.

⁸ Здесь и далее орфография и пунктуация подписей к фотографиям приведены к нормам современного калмыцкого языка.

⁹ Медицинская сестра по диетическому питанию.

¹⁰ Здесь и далее перевод авторов статьи. — К. В., Б. А., М. Л.

Фото 2.2. Башантинск селэнэ эдл-ахун техникумд бүрдэгдсн шофермүдин курст 58 күн сурч харв, теднэс 32-нь күүкд. ЗУРГТ: Мария Иващенко маши залдж йовна. А. Балакаевин фото = На открытых на базе Башантинского сельскохозяйственного техникума курсах шоферов выучилось 58 человек, в числе которых 38 девушек. На снимке: Мария Иващенко водит машину. Фото А. Балакаева [*Хальмг үнн 1958: № 131 (3115)*]

[*Photo 2.2.* Maria Ivashchenko, a driving course attendee. Bashanta Agricultural College hosts driving courses attended by 58 citizens, including 38 young women. Photo by A. Balakaev]

Фото 2.3. «Енотаевский» совхозин (Юстин район) сээнэр көдлдг, өвс хадлһна зураһан давулж — 5,5 миңһн гектар һазрт өвс хадхин ормд 9 миңһн гектарт күргж хадсн тракторист Бембеев Сютюр. Автор неизвестен. = Лучший работник, тракторист совхоза «Енотаевский» (Юстинский район) Бембеев Сютюр, выполнивший план по заготовке сена (вместо запланированных 5,5 тыс. га довел площадь скошенных земель до 9 тыс. га) [*Хальмг үнн 1958: № 223 (3207)*]

[*Photo 2.3.* Syutuyr Bembeev, the best worker (tractor operator) of Yenotaevsky Sovkhoz (Yustinsky District) to have overfulfilled the haymaking plan (mowed 9,000 hectares of hay fields instead of the planned 5,500 hectares). Author unknown]

Фото 2.4. Үр Черхаровин һаржах Черноземельск района Полевой МЖС-н тракторн бригад эн жил зураһар кех көдлмшэн 200 процент күргж күцэв. ЗУРГТ: эн бригадин нүүрлгч тракторист үр Я. Горяев. У. Китляев цоксн зург = Тракторная бригада тов. Черхарова из полевой МЖС (машинно-животноводческая станция) Черноземельского района довела выполнение годового плана до 200 процентов. На снимке: передовой тракторист этой бригады тов. Я. Горяев. Фото У. Китляева [*Хальмг үнн 1961: № 181 (3935)*]

[*Photo 2.4.* Ya. Goryaev, a leading driver of the tractor station. Comrade Cherkharov's tractor station affiliated to the Field-Based Motorized Livestock Station of Chernozemelsky District overfulfilled the annual plan by 100 percent. Photo by U. Kitlyayev]

Фото 2.5. Сарпинск РТС-н шофер Н.Г. Тронеv кезэд болвчн көдлмшэн дигтэ-тагтаһар күцэж, коллективдэн ик тоомсрта йовна. Эн жил тэрэ хуралһна гүргү цагла эн нег үлү шунж көдлэд, кесг зун центнер будя государствин закрмур күргв. Ода эн шофер, авсн даалһвран партин XXII хург күртл күцэхэр шунж көдлжэнэ. У. Китляевин цоксн зург = Шофер Сарпинского РТС (ремонтно-техническая станция) Н. Г. Тронеv, всегда добросовестно выполняющий работу, пользуется большим уважением в коллективе. В разгар уборки урожая этого года он ударно работал и сдал в закрома родины несколько сот центнеров зерна. Сейчас шофер ударно работает, чтобы выполнить взятые обязательства до начала работы XXII съезда КПСС. Фото У. Китляева [*Хальмг үнн 1961: № 168 (3922)*]

[*Photo 2.5.* N. Tronev, a diligent and respectable driver of Sarpa Technical Service Station. In the heat of the harvesting campaign he delivered hundreds of centners of crops, and is currently working to fulfill the assumed commitments before the 22nd Congress of the CPSU begins. Photo by U. Kitlyayev]

Фото 2.6. Яшалтинск района «Победа» гидг колхозин шофер Менкенасунов Михаил Лиджанович партин XXII хургиг күч-көлснэ диилврэр тосхар гүжрж көдлжэнэ. Тэрэ хадж хуралһна цагла үр Менкенасунов комбайнас токур болн токас элеваторур 7010 центнер будя зөөв. ЗУРГТ: нүүрлгч шофер үр М. Л. Менкенасунов. В. Булановин цоксн зург = Ударно работает в социалистическом соревновании по достойной встрече XXII съезда КПСС шофер колхоза «Победа» Яшалтинского района Менкенасунов Михаил Лиджанович. Во время сбора урожая тов. Менкенасунов с комбайна на ток и с тока на элеватор перевез 7 010 центнеров зерна. На снимке: передовой шофер тов. М. Л. Менкенасунов. Фото В. Буланова [*Хальмг үнн 1961: № 161 (3915)*]

[*Photo 2.6.* M. Menkenasunov, a leading driver of Pobeda Kolkhoz (Yashaltinsky District) participating in the current Socialist competition to decently welcome the 22nd Congress of the CPSU. During the harvesting campaign, Comrade Menkenasunov transported a total of 7,010 centners of crops. Photo by V. Bulanov]

Фото 2.7. Яшкульск района 108 номертэ совхозин шофер үр М. А. Кикоть эврэннь кәдлж бәэх автомашиһәрн ясвр угаһар 80 миңһн километр кев, эн жилин һурвдгч кварталд 19 миңһн 305 километр йовб. Эн шофер кәдлмштән цевр болн дигтә, энүнә «ГАЗ-51» машин даңгин бүрн-бүтн, кәдлмшт белн бәәнә. ЗУРГТ: шофер үр М. А. Кикоть = Шофер совхоза № 108 Яшкульского района тов. М. А. Кикоть проехал 80 тыс. км на своей рабочей машине без ремонта, в третьем квартале этого года он проехал 19 305 км. Этот шофер очень аккуратен в своей работе, его «ГАЗ-51» всегда находится в хорошем состоянии и готов к работе. На снимке: шофер тов. М. А. Кикоть [Хальмг үнн 1960: № 197 (3694)]

[Photo 2.7. M. Kikot, a driver at Sovkhoz 108 of Yashkul'sky District whose vehicle has covered a total of 80,000 km without any essential breakdowns, including 19,305 km in the current third quarter. The driver is a neat worker and his GAZ-51 is always in going order]

возможности больше удачных кадров, которые затем размещали в разных номерах газет (например, одну и ту же ситуацию запечатлевали с разных ракурсов в [Хальмг үнн: 1961: № 165 (3919), № 190 (3944), № 194 (3948), № 203 (3957)]).

На страницах «Хальмг үнн», как и всякой региональной газеты в Советском Союзе, отражались не только события в республике, но также жизнь всей страны и важнейшие международные события. Об этом свидетельствует большое количество фотографий с сопроводительными текстами, присылаемых ТАСС, цель которых была отразить успехи внутренней и внешней политики Коммунистической партии, дать представление о недостатках жизни в капиталистических странах и преимуществах ее в странах социалистического лагеря. Противопоставление являлось любимым приемом советских фотожурналистов, обязанных показать превосходство социалистического образа жизни.

Фотографии отличались однотипностью композиции (например, фото 2.1–2.7), которая особенно заметна при просмотре большого количества снимков. Характерной чертой является также однотипность сюжетов. Самые распространенные сюжеты: водитель за рулем машины / трактора, доярка с ведром молока, пастух со стадом, че-

ловек (люди) за чтением книги или газеты, сбор урожая, строитель на стройке и т. д. Расхожие сюжетные штампы были в традициях советской прессы и создавали полноту образа советского труженика: герой на работе, герой в отношениях с коллегами или друзьями, герой на отдыхе.

Гиперболизация

К гиперболизации прибегали многие советские фотожурналисты, как правило, для того, чтобы показать грандиозность строительства коммунизма. Фотокорреспонденты «Хальмг үнн» следовали тем же путем. В ходе анализа материала можно выделить три варианта гиперболизации: 1) на первом плане множественные объекты, а на втором — фигура человека (людей); 2) на первом плане фигура человека (людей), а на втором — множественные объекты; 3) на первом плане человек с тем или иным предметом больших размеров. Во всех этих вариантах советские люди, запечатленные на фотографиях, демонстрируют результат своей работы, высокие показатели в процессе строительства коммунизма. В первом и третьем вариантах в изображении приоритетен не сам процесс (порой нелегкий, осложненный трудностями), а его результат: на снимках показано, как рядовые труженики радуются достигнутому результату. Во

Фото 3. Юстинск района Цаган-Амн поселкин тетклһнэ комбинатын колбас кедг цех эн жилин һурвн кварталын зураһан 145 процент күцэв. ЗУРГТ: колбас кедг цехин мастер Э. М. Сороков болн продукц хэлэжэх цагнь. А. Вутеро цоксн зург = Колбасный цех комбината обслуживания пос. Цаган-Аман Юстинского района выполнил план третьего квартала этого года на 145 процентов. На снимке: мастер колбасного цеха Э. М. Сороков во время осмотра продукции. Фото А. Вутеро [*Хальмг үнн* 1961: № 234 (3988)]

[Photo 3. E. Sorokov, a sausage making shop foreman. The sausage making shop of Tsagan Aman Public Service Center (Yustinsky District) has exceeded the product plan of the third quarter by 45 percent. Photo by A. Vutero]

Фото 4.1. Приозерн района «Ергенинский» совхозд эрдни-шишэ буудад хуралһн гүргүдэн орв. Сэн участкас 12–13-д центнер урһц авгджана. ЗУРГТ: совхозин ток деер початкс буулһлһн. В. Эрдниев цоксн зург = Сбор урожая кукурузы в совхозе «Ергенинский» Приозерного района в разгаре. С хороших участков собрано по 13–14 центнеров урожая. На снимке: разгрузка початков кукурузы на совхозном току. Фото В. Эрдниева [*Хальмг үнн* 1961: № 194 (3948)]

[Photo 4.1. Discharge of corn cobs in process. In Ergeninsky Sovkhoz (Priozerny District) cropping of maize is at its height. The best fields have yielded up to 13–14 centners per hectare. Photo by V. Erdniev]

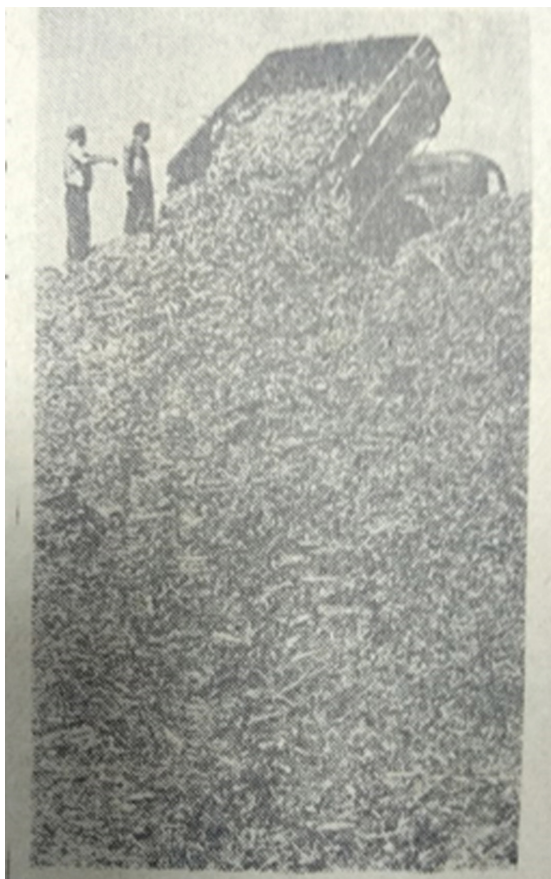

Фото 4.2. Сарпинск района «Гигант» колхозд эрдни-шишэ силослһнд шин прогрессивн эв-арһ өргэр олзлгжана. ЗУРГТ: силост дарх көк урһм-лиг ова деер самосвалар буулһжана. А. Вутерон цоксн зург = В колхозе «Гигант» Сарпинского района при силосовании кукурузы применяются новые прогрессивные методы. На снимке: зеленые растения для силосования разгружают с самосвала в кучу. Фото А. Вутеро [[Хальмг үнн 1961: № 165 \(3919\)](#)]

[Photo 4.2. To-be-ensilaged plants being discharged in a heap. Gigant Kolkhoz of Sarpinsky District employs advanced techniques to ensilage corn canes. Photo by A. Vutero]

втором варианте герои те же, но на их лицах нет уже лучезарных улыбок, наоборот, они очень серьезны и сосредоточены на своей работе. Происходит смешение стилей социалистического реализма и сурового стиля, которые сменили друг друга как раз в 60-е гг. XX в. (см. подробнее: [[Алексеева, Виницкая 2017](#); [Борев 2008](#); [Бурганова 2008](#); [Карпова 2015](#); [Некрасова 2006](#)]).

Ритмическая множественность объектов, как утверждает Л. В. Седова, является излюбленным приемом фотожурналисти-

ки начиная с 1930-х гг. [[Седова 2016: 71](#)]. Поскольку Калмыцкая АССР имела сельскохозяйственную направленность, то объекты, которые были засняты в большом количестве, относятся к животноводству и растениеводству, хотя последнее практически не характерно для республики с аридным климатом.

Приведем в качестве примера несколько газетных фотографий.

На фотографиях 4.1–4.2 отражены моменты, связанные с насаждаемой Н. С. Хрущевым повсеместной высадкой «царицы полей» — кукурузы. Нужно отметить, что на страницах газеты можно найти множество фотографий, посвященных «кукурузной кампании».

На переднем фоне фотографии 4.1 мы видим початки кукурузы, на втором — машину, на которой стоят четыре человека и сбрасывают лопатами початки на землю. Кажется, что машина утопает в кукурузе. Лиц людей не видно, но очевидно, что на снимке три женщины и один мужчина. Работают они наравне, чем подчеркивается отсутствие деления на «женскую» и «мужскую» работу, характерное для советской эпохи. Применен необычный ракурс (который называют «родченковским», по фамилии знаменитого фотографа А. М. Родченко) — съемка снизу вверх, благодаря чему создано впечатление множества, богатого урожая, над которым, на втором плане, главенствуют крестьяне (которыми, заметим, калмыки никогда не были), чем подчеркивается их роль производителей, рачительных хозяев.

На фотографии 4.2 снят момент выгрузки зеленой массы, остающейся после сбора урожая кукурузы, причем люди, которые находятся рядом с машиной, кажутся крошечными, но они приподняты на верхний уровень сгружаемой кучи. Здесь также использован ракурс снизу, который опять же подчеркивает изобилие, богатство урожая, полученного тружениками села. Примененный ракурс усиливает композицию, целью которой является показать приподнятое настроение людей в ходе выполняемой работы.

На фотографиях 5.1–5.3 на первом плане — труженики, а на втором — множество домашних животных (овец или птиц).

Фото 5.1. Городовиковск района «Южный» совхозин ах хөөч И. Светличныйин харжах бригадт сакманщик болж А. П. Сангаджиева көдлжэнэ. Өдгэ цагт хэлэжэсн хөөднь эклэд хурһлжана. Авгджах төлиг хару угаһар эрүл-менд хадһлхар сакманщиц А. Сангаджиева көдлмштэн цуг оньган өгч көдлжэнэ. ЗУРГТ: А. П. Сангаджиева. У. Китляев цоксн зург = В бригаде старшего чабана совхоза «Южный» Городовиковского района И. Светличного работает сакманщицей А. П. Сангаджиева. Начинается окот овец, за которыми она ухаживает в настоящее время. Сакманщица А. Сангаджиева уделяет все свое внимание своей работе, чтобы сохранить без потерь приплод. На снимке: А. П. Сангаджиева. Фото У. Китляева [Хальмг үнн 1961: № 235 (3988)]

[Photo 5.1. A. Sangadzhieva, a sakman attendant who works in the crew headed by I. Svetlichny, a senior shepherd at Yuzhny Sovkhoz (Gorodovikovsky District). Comrade Sangadzhieva pays utmost attention of hers to guarantee that all newborn lambs survive. Photo by U. Kitlyayev]

Используется упоминавшийся выше прием съемки множественных объектов, применяемый ради эффекта гиперболизации достигнутых труженниками результатов. В данном случае множественными объектами являются те домашние животные, которые разводились в колхозе, совхозе или на птицеферме. Цель фотографий — создать впечатление, что деятельность этих хозяйств создает блага для советского человека. Но в них уже проступают черты сурового стиля. На первый план выходит сам труженик, труд которого нелегок. Лица людей сосредоточены, они заняты своей работой, на лицах нет наигранных улыбок, нет ложного энтузиазма и пафоса. Читатель должен увидеть на фотографии не идеологизированных и мифологизированных персонажей, а реальных, обычных людей.

На фотографии 6, где изображен бригадир овощеводческой бригады, мы также наблюдаем прием гиперболизации, применяемый часто в фотоматериалах тех лет. Фотокорреспондент намеренно изображает выращенный плод свеклы крупным планом, применяя фотографирование через стекло снимает выращенный плод свеклы широкоугольным объективом. Созданный оптический эффект — некоторого увеличения изображения на переднем плане — заставляет работать данный образ в контексте описания к фото, создавая определенные эмоции, в данном случае восхищения успехами аграриев.

Выводы

Исследование показывает, что в стилистике фотографий на страницах газеты «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») отражается смешении стиля социалистического реализма и сурового стиля. За первые два года рассматриваемого периода (1957–1961 гг.) фотография в калмыцкой прессе совершенствовалась в ускоренном темпе, редакционные фотографии быстро осваивали известные на тот момент в советской фотожурнали-

Фото 5.2. Сарпинск рай-она «Степной» совхозин ПТФ-н шовуч Азыдова Ев-докия Ховыковна партин XXII хург секгдтл 885 нуһс болн 2 миңһн һуумжл асрж өскөд махнд орулж өгхәр эн жилин хаврар даалһвр авла. Ода эврәннь асржах шову-дан махнд орулж өгхд бел-дчкв. ЗУРГТ: Е. Х. Азыдова шовуд хотлжана. У. Китляе-вин цоксн зург = Птичница ПТФ (птицетоварная ферма) совхоза «Степной» Сарпин-ского района Азыдова Евдо-кия Ховыковна к открытию XXII съезда взяла повышен-ные обязательства вырастить

и сдать к лету этого года 885 уток и 2 тысячи утят. Сейчас она приготовила к сдаче на мясо выращи-ваемых птиц. На снимке: Е. Х. Азыдова кормит птиц. Фото У. Китляева [*Хальмг үнн* 1961: № 188 (3942)]

[Photo 5.2. E. Azydova, a poultry-raiser at Stepnoy Sovkhoz of Sarpinsky District, feeding ducks. Evdokia Azydova assumed enhanced commitments to raise and deliver for slaughter a total of 885 ducks and 2,000 ducklings. Photo by U. Kitlyayev]

Фото 5.3. Городовиковск района «Пролетарская победа» колхозин ах хөөч М. М. Шматкон бригад 2 460 хөөг хурвн отарт бэрж хэлэжэнэ. Зурхан күүнэс бүрдсн эн бригад хөөдөн хойр жилд хурв дэжж хурһлуллһна дамшлт сөрж хэлэсмн. Брига-дин көдлмшнь сэн ашта болв — зун хөн болһнас 224 хурһ эдн авцхав. Хөн болһнаһн зураһар 5,2 ки-лограмм ноос кирһхин ормд 5,7 килограмм ноос кирһж авб. ЗУРГТ: ах хөөч

М. М. Шмытко хөөдөн хэрүлж йовх цагнь. У. Китляевин цоксн зург = Бригада старшего чабана кол-хоза «Пролетарская победа» Городовиковского района М. М. Шматко содержит в трех отарах 2 460 овец. Бригада из шести человек планирует провести опыт получения приплода трижды за два года. Работа бригады дала положительные результаты — с каждой сотни овец получили по 224 ягненка. Вместо 5,2 кг получено 5,7 кг шерсти с каждой овцы. На снимке: старший чабан М. М. Шмытко во время пастьбы овец. Фото У. Китляева [*Хальмг үнн* 1961: № 228 (3982)]

[Photo 5.3. M. Shmytko, a senior shepherd at Proletarskaya Pobeda Kolkhoz. His crew successfully tends for a total of 2,460 sheep distributed across three flocks. The current animal yield is 224 lambs per 100 ewes; and 5,7 kg of fleece — instead of the planned 5,2 kg — per sheep. Photo by U. Kitlyayev]

Фото 6. Каспийск района «Оленичевский» совхозин негдгч номертэ һарудин бригадт бригадир болж Степан Данилович Остроухов 14 жил келдженэ. Энүнэ һардврар эн жил энд түрүн болж шикрин свекл тэргдв. Урһицнь йир сэн болж — свекл болһн 3–5 килограмм татна. ЗУРГТ: бригадир С. Д. Остроухов шикрин свекл хэлэжэх цагнь. А. Вутеро цоксн зург = В первой бригаде совхоза «Оленичевский» Каспийского района в течение 14 лет работает бригадиром Степан Данилович Остроухов. Под его руководством в этом году впервые посадили сахарную свеклу. Урожай был хорошим — каждая свекла весит 3–5 кг. На снимке: бригадир С. Д. Остроухов осматривает сахарную свеклу. Фото А. Вутеро [Хальмг үнн 1961: № 225 (3979)]

[Photo 6. S. Ostroukhov, the foreman of crew one at Olenichevsky Sovkhoz (Kaspiysky District), examining a sugar beet. Comrade Ostroukhov has been working as foreman for 14 years, and this year has witnessed the first yield of sugar beet planted by his crew, each root weighing up to 3–5 kg. Photo by A. Vutero]

стике приемы. Например те, с помощью которых достигалась гиперболизация изображаемого на снимках, востребованная советской идеологией. Гиперболизация достигалась съемкой с использованием определенных ракурсов, с помощью широкоугольного объектива и насадочных линз. В фокусе внимания фотожурналистов оказалась жизнь рядовых труже-

ников, не являвшихся представителями партии и власти, прежде всего ее рабочие моменты. В анализируемых фотосюжетах несомненно влияние эпохи Н. С. Хрущева. Подобный анализ газетного материала необходимо продолжать в рамках изучения развития как региональной прессы, так и источника для антропологических исследований.

Источники

Хальмг үнн — Хальмг үнн // НА КалмНЦ РАН. Полнотекстовая база данных газетного корпуса Республики Калмыкия. 1957–1961. // URL: <http://bilib.ru/ethnography/> (дата обращения: 01.09.2020).

Литература

- Алексеева, Виноцкая 2017 — Алексеева Т. П., Виноцкая Н. В. Образы народа и судьбы индивидуальности в живописи сурового стиля // Культурное наследие Сибири. 2017. № 3 (21). С. 40–45.
- Алексеева 2019 — Калмыки. Депортация. Возвращение / отв. ред. С. Э. Лиджи-Горяева. Элиста: ИКИАТ, 2019. 512 с.
- Батырева 2020 — Батырева С. Г. Живопись и графика П. И. Емчегировой 1930–1950-х гг. (по материалам музейных и частных коллекций) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 5. С. 1378–1388. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1378-1388
- Борев 2008 — Борев Ю. Б. Социалистический реализм: взгляд современника и современный взгляд. М.: Изд-во АСТ, 2008. 478 с.
- Бурганова 2008 — Бурганова М. А. Суровый стиль. Прямая речь // Дом Бурганова. Пространство культуры. 2008. № 1. С. 8–33.
- Гучинова 2019 — Гучинова Э.-Б. М. У каждого своя Сибирь. Две истории о депортации калмыков (интервью с С. М. Ивановым и С. Э. Нарановой) // Oriental Studies. 2019. Т. 13. № 3. С. 397–422. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422
- Данилко, Александров 2020 — Данилко Е. С., Александров Е. В. Визуальная антропология в России: от советского этнографического кино до современных исследований. Введение к специальной теме номера // Сибирские исторические исследования. 2020. № 4. С. 8–12.

References

- Alekseeva T. P., Vinitskaya N. V. Images of people and the fate of individuality in the painting severe style. *Kul'turnoe nasledie Sibiri*. 2017. No. 3 (21). Pp. 40–45. (In Russ.)
- Batyreva S. G. Painting and graphic works of P. I. Emchegirova, 1930s–1950s: a case study of museum and family collections. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 5. Pp. 1378–1388.

Sources

Khalmg Ünn. Collected newspaper issues. On: Newspaper Corpus of Kalmykia, 1957–1961. Full-Text Database. Kalmyk Scientific Center of the RAS, Scientific Archive. Available at: <http://bilib.ru/ethnography/> (accessed: September 1, 2020). (In Kalm. and Russ.)

- Карпова 2015 — Карпова К. В. Суровый стиль. Судьба направления: автореф. дис. ... канд. искусствовед. М., 2015. 22 с.
- Кольцов 2005 — Кольцов П. М. Археологические исследования У. Э. Эрдниева // Профессор У. Э. Эрдниев: научное наследие / под ред. Г. М. Борликова. Элиста: Изд-во КалмГУ, 2005. С. 35–55.
- Куканова и др. 2019 — Куканова В. В., Баянова А. Т., Дольева А. О., Каджиев А. Ю., Бадмаева М. Л. Национальная газета «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда»): опыт анализа повседневности (на материале фотографий 1957–1959 гг.) // Oriental Studies. 2019. № 6. С. 1107–1118. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1107-1118
- Некрасова 2006 — Некрасова Е. С. Социалистический реализм как культурный феномен: автореф. дис. ... канд. философ. наук. СПб., 2006. 26 с.
- Очиров 2019 — Очиров У. Б. Вместо введения // Калмыки. Депортация. Возвращение / отв. ред. С. Э. Лиджи-Горяева. Элиста: ИКИАТ, 2019. С. 12–31.
- Семова 2016 — Семова Л. В. История отечественной фотожурналистики: учебное пособие: в 3 ч. Часть III: Советская фотография 1950–1980-х гг. М.: Фак-т журн. МГУ, 2016. 264 с.
- Убушиева 2013 — Убушиева М. К. Моя жизнь, моя судьба. Элиста: ЗАОР «НПП „Джангар“», 2013. 88 с.

(In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-51-5-1378-1388

- Borev Yu. B. Socialist Realism in the Eyes of Its Contemporary: A Contemporary Perspective. Moscow: AST, 2008. 478 p. (In Russ.)
- Burganova M. A. The 'severe style'. Direct speech. *Dom Burganova. Prostranstvo kul'tury*. 2008. No. 1. Pp. 8–33. (In Russ.)
- Danilko E. S., Aleksandrov E. V. Visual

- anthropology in Russia: from Soviet ethnographic filmmaking to contemporary visual research. *Siberian Historical Research*. 2020. No. 4. Pp. 8–12. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. 'Everyone has one's own Siberia': two stories of the Kalmyk deportation (interviews with S. M. Ivanov and S. E. Naranova). *Oriental Studies*. 2019. Vol. 13. No. 3. Pp. 397–422. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-43-3-397-422
- Karpova K. V. The Severe Style: Destiny Revisited. Cand. Sc. (art studies) thesis abstract. Moscow, 2015. 22 p. (In Russ.)
- Koltsov P. M. Archaeological investigations of U. E. Erdniev. In: Borlikov G. M. (ed.) Professor U. E. Erdniev and His Scientific Heritage. Elista: Kalmyk State University, 2005. Pp. 35–55. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bayanova A. T., Doleeva A. O., Kadzhiev A. Yu., Badmaeva M. L. National newspaper *Khalmg Ünn* ('Kalmyk Pravda'): analyzing everyday life (a case study of photographs of 1957–1959). *Oriental Studies*. 2019. No. 6. Pp. 1107–1118. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1107-1118
- Lidzhi-Goryaeva S. E. (ed.) The Kalmyks. Deportation. Return. Elista: Institute for Comprehensive Studies of Arid Territories, 2019. 512 p. (In Russ.)
- Nekrasova E. S. Socialist Realism as a Cultural Phenomenon. Cand. Sc. (philosophy) thesis abstract. St. Petersburg, 2006. 26 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Instead of the Introduction. In: Lidzhi-Goryaeva S. E. (ed.) The Kalmyks. Deportation. Return. Elista: Institute for Comprehensive Studies of Arid Territories, 2019. Pp. 12–31. (In Russ.)
- Semova L. V. History of National Photojournalism. In 3 vols. Vol. III: Soviet Photography, 1950s–1980s. Moscow: Moscow State University, 2016. 264 p. (In Russ.)
- Ubushieva M. K. My Life, My Destiny. Elista: Dzhangar, 2013. 88 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1594–1612, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 903.2 (470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612

Стоянка-мастерская *Кусимово-6* — памятник эпохи среднего палеолита в Южном Зауралье

Вячеслав Георгиевич Котов¹, Никита Сергеевич Савельев², Рида Раисовна Русланова³

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
 РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0002-3510-0058. E-mail: slav1@yandex.ru

² Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
 РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-3643-2388. E-mail: sns_1971@mail.ru

³ Объединенный Национальный музей Республики Башкортостан (д. 14, ул. Советская, 450077
 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, заведующий отделом
 0000-0003-3929-9516. E-mail: ridushka@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Котов В. Г., Савельев Н. С., Русланова Р. Р., 2020

Аннотация. В 2019 г. была открыта и исследована на большой площади стоянка-мастерская *Кусимово-6* в Абзелиловском районе Республики Башкортостан. Была получена большая коллекция изделий среднего палеолита — более 2 тысяч находок. Анализ коллекции показал ее гомогенность. Нуклеусы представлены подпризматическими, с продольным скалыванием, ортогональными, радиальными и бессистемными типами. Многие ядрища имеют две и больше плоскостей скалывания. Треть сколов имеет естественные ударные площадки и спинку. Обработка бифациальных орудий в основных чертах повторяет характер обработки нуклеусов. Среди этих орудий представлены рубило, 2 заготовки бифасов, 2 остроконечника, одно острие, обушковые ножи. Двусторонней обработкой оформлялись рабочие участки и у других категорий орудий (резчиков, проколов, острий, орудий с шипом, клювовидных, выемчатых орудий, скребков). Памятник по всем признакам имеет нелеваллуазский характер и относится к индустрии тейякской традиции среднего палеолита. Наибольшее сходство стоянка-мастерская *Кусимово-6* обнаруживает с III и IV слоями с тейякской индустрией среднего палеолита грота Старые Дуруиторы на северо-западе Молдовы. Соответственно, стоянка *Кусимово-6* может датироваться первой половиной рисского времени (300–200 тыс. лет назад).

Ключевые слова: средний палеолит, тейякская традиция, технология, типология, Южное Зауралье, Восточная Европа

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: AAAA-A17-117040350082-3).

Для цитирования: Котов В. Г., Савельев Н. С., Русланова Р. Р. Стоянка-мастерская *Кусимово-6* — памятник эпохи среднего палеолита в Южном Зауралье // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 6. С. 1594–1612. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612

UDC 903.2 (470.57)

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612

Workshop Site of *Kusimovo-6* — a Middle Paleolithic Monument in the Southern Transurals

Vyacheslav G. Kotov¹, Nikita S. Savelev², Rida R. Ruslanova³

¹ Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Senior Research Associate

 00001-0002-3510-0058. E-mail: kslav1@yandex.ru

² Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-3643-2388. E-mail: sns_1971@mail.ru

³ National Museum of Bashkortostan (14, Sovetskaya St., Ufa 450077, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Head of Department

 0000-0003-3929-9516. E-mail: ridushka@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Kotov V. G., Savelev N. S., Ruslanova R. R., 2020

Abstract. In 2019, the workshop site of *Kusimovo-6* in Abzelilovsky District of Bashkortostan (Russia) was discovered and explored on a large area. A collection of Middle Paleolithic artifacts numbering over 2 thousand was obtained. *Goals.* The work attempts at an analysis of the collection. *Results.* The latter shows its homogeneity. So, nucleuses are subprismatic, with longitudinal cleavages, orthogonal, radial, and of unsystematic types. Many cores have two or more strike platforms. A third of the flakes have natural strike platforms and backrest. The producing of bifacial tools basically repeats the nucleuses' production patterns. The tools comprise a chopper, 2 blanks of bifaces, 2 taiyak points, a point, butt knives. Two-sided producing was performed on working areas of other categories of tools (carvers, punctures, points, tools with a spike, beak-shaped, notched tools, scrapers). By all indications, the site has a non-Levallois character and belongs to the industry of the Tayacian tradition of the Middle Paleolithic. The workshop site of *Kusimovo-6* reveals the greatest similarity with the 3rd and 4th layers (Tayacian industry of the Middle Paleolithic) of the Starye Durutory Grotto in Northwest Moldova. Accordingly, the workshop site of *Kusimovo-6* is dated to the first half of the Rissian period (300-200 thousand years ago).

Keywords: Middle Paleolithic, Tayacian tradition, technology, typology, Southern Transurals

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture' (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Kotov V. G., Savelev N. S., Ruslanova R. R. Workshop Site of *Kusimovo-6* — a Middle Paleolithic Monument in the Southern Transurals. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1594–1612. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1594-1612

Введение

Палеолит уральского региона изучен еще далеко недостаточно. Прежде всего, это касается памятников раннего и среднего палеолита. В этой связи большое значение для понимания процессов заселения и освоения этой территории имеет открытие в Южном Зауралье новой стоянки среднего палеолита с многочисленной коллекцией каменных изделий.

Стоянка находится у восточного подножья хребта Крыктытау, в небольшой долине между двумя хребтиками, открытой на восток к оз. Сабакты, на восточной окраине д. Кусимово Абзелиловского района Башкортостана, в 30 км к востоку от г. Магнитогорска (рис. 1, 2). До современного берега оз. Сабакты — около 1,8 км к востоку, а до известной палеолитической стоянки Мысовая (Карабалыкты VII) — 3,7 км к северо-востоку. Стоянка-мастерская приурочена к небольшому мысовидному возвышению высотой около 5 м посреди долины с размерами 60x160 м (рис. 3).

Курган *Кусимово-3* был зафиксирован в 2005 г. в ходе сплошного обследования Курортного района Якты-Куль [Котов 2008]. Палеолитический памятник был выявлен в 2019 г. в ходе раскопок каменного кургана эпохи раннего железа *Кусимово-3* (руководитель экспедиции Н. С. Савельев). Поверх кургана был заложен квадратный раскоп с общими размерами 18x18 м, общая площадь составила 238 м² [Русланова 2020].

Особенностью отложений является то, что они неоднократно перепахивались на всю глубину гумусированной толщи, с чем было связано перемешивание и перемещение археологического материала. Фрагменты неповрежденного культурного слоя эпохи палеолита небольшими участками сохранились под каменно-земляной насыпью кургана в слое серовато-коричневого легкого суглинка с доломитовой крошкой и слегка окатанной кремневой галькой мощностью до 0,2 м. В трех шурфах вблизи раскопа слой серовато-коричневого легкого суглинка или супеси с доломитовой крошкой залегает под слоем гумуса на глубине 0,5 м. Нижний край этого слоя разбит многочисленными клиньями, уходящими на глубину

до 0,5 м вглубь нижележащего желтого суглинка. На поверхности этого слоя залегает слой кремневой гальки. К краю террасы палеоозера Якты-куль-Сабакты слой гальки достигает мощности 1 м и слой серовато-коричневой супеси с доломитовой крошкой превышает 1 м. Наличие многочисленных клиньев, очевидно морозобойного происхождения, указывает на то, что они формировались во время максимума оледенения, завершившегося катастрофическими процессами резкого подъема уровня воды в палеоозере Якты-куль-Сабакты и перемещении больших масс галечного материала и кусков кремнистых пород с вершин близлежащего хребта, где находятся их выходы. Наличие отложений слоя гальки на поверхности мыса говорит о том, что мыс находился в прибойной зоне и в период существования палеолитической стоянки он являлся берегом палеоозера Якты-Куль-Сабакты. Ориентируясь на линии горизонталей, мы предварительно реконструировали границы этого палеоозера (рис. 2).

Сходная ситуация существования древних озер была выявлена и в других местах Южного Урала: на озерах Калкан, Чубтэкуль, Ургун, Талкас, Султанкул, Атавды и Култубан. Геологические исследования Пра-Атавдинской и Пра-Култубанской озерных впадин показали, что озерный режим в них существовал с раннего до первой половины среднего плейстоцена [Казаков 2017: 64; Казаков 2018]. Подтверждением существования праозера Сагылкуль около оз. Култубан (Баймакский район Башкортостана) в среднем плейстоцене являются многочисленные ашельские местонахождения (*Карышкино-11, 12, Долина-1, 11*) по берегам этого праозера [Котов 2009: 29; Котов 2015].

Каменный инвентарь

Все изделия из кремня стоянки-мастерской *Кусимово-6* (2 219 экз.) по технико-типологическим характеристикам относятся к одной эпохе, поэтому мы условно считаем стоянку однослойной и всю коллекцию рассматриваем как единый комплекс.

Расположение памятника на выходах кремневого сырья предопределило нали-

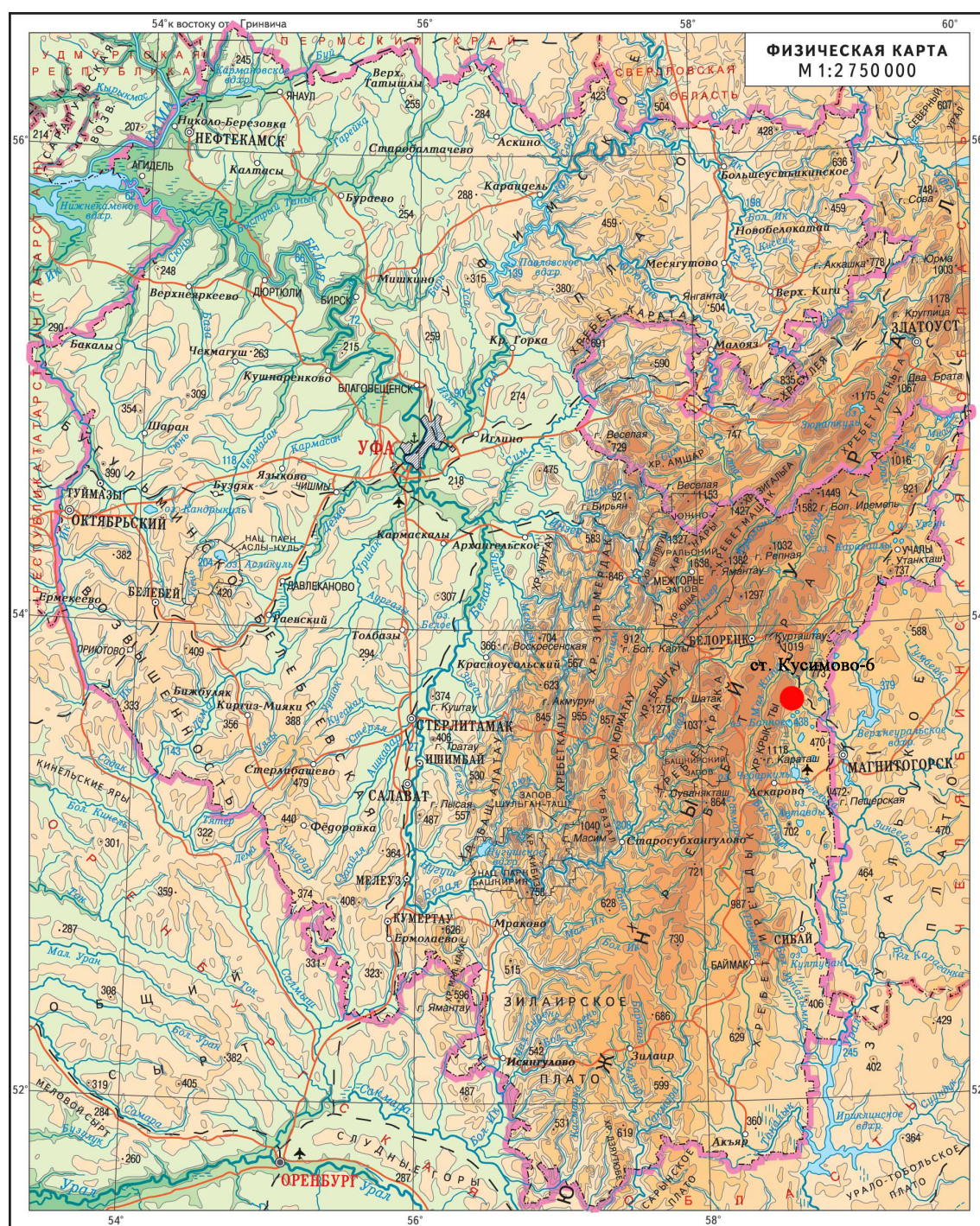

Рис. 1. Местонахождение (отмечено красной точкой) стоянки-мастерской Кусимово-6 на территории Республики Башкортостан-мастерская // Республика Башкортостан: физическая карта. Масштаб: 1 : 2 750 000. М.: Роскартография, 2013.

[Fig. 1. Location (red dot) of the workshop site of Kusimovo-6 (Bashkortostan, Russia). Physical map of Bashkortostan. Scale 1 : 2 750 000. 2013]

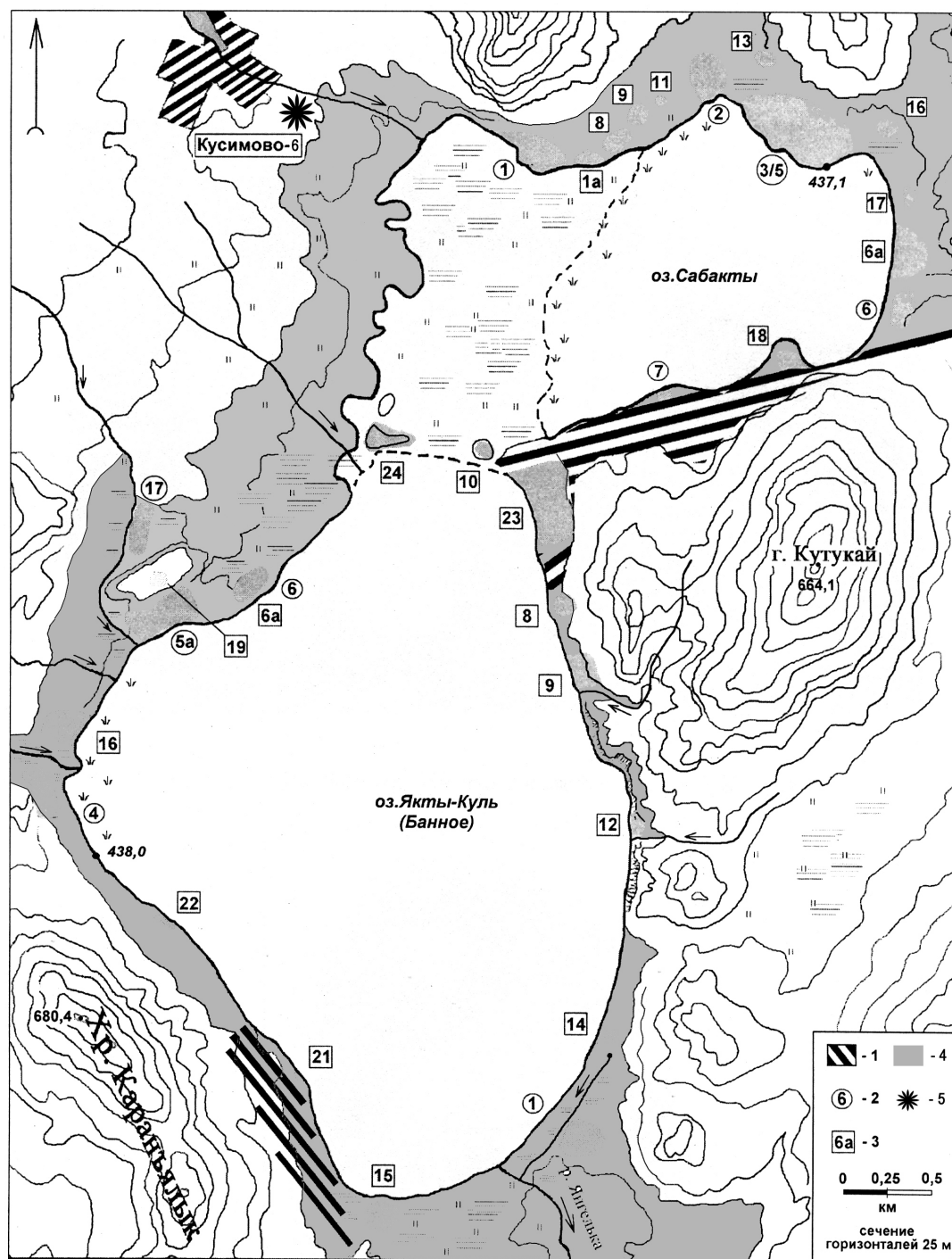

Рис. 2. Карта памятников на территории озер Банное и Сабакты. Условные обозначения: 1 — границы поселений, 2 — памятники, известные до 2004 г., 3 — памятники, открытые в 2004 г., 4 — границы трансгрессии озера Яктыкуль-Сабакты в древности, 5 — стоянка-мастерская Кусимово-6. Цифрами обозначены номера археологических памятников по берегам озер Банного и Сабакты.

Авторы: Н. С. Савельев, В. Г. Котов

[Fig. 2. Map of monuments located within (around) Lakes Bannoe and Sabakty. Legend: 1 — boundaries of settlements, 2 — monuments known before 2004, 3 — monuments discovered in 2004, 4 — boundaries of transgression of Lake Yaktykul-Sabakty in ancient times, 5 — workshop site of Kusimovo-6. Figures indicate numbers of archaeological monuments on shores of Lakes Bannoe and Sabakty. Comp. by N. Savelev and V. Kotov]

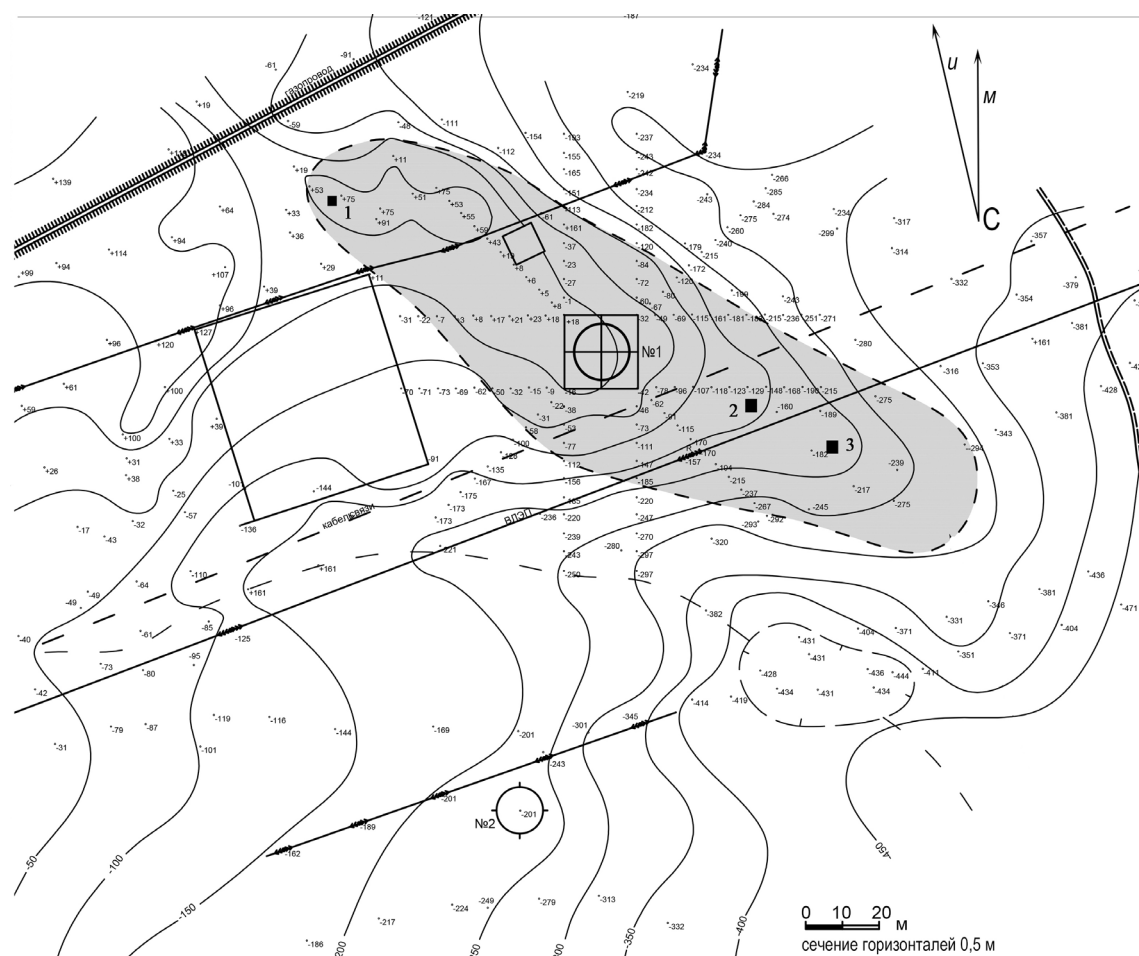

Рис. 3. Ситуационный план стоянки-мастерской *Кусимово-6* и курганного могильника *Кусимово-3*. Черными квадратами с цифрами 1, 2 и 3 обозначены шурфы. № 1 и № 2 — обозначение курганов № 1 и № 2 курганного могильника *Кусимово-3*. Авторы: Н. С. Савельев, У. О. Коршунова

[Fig. 3. Layout of the workshop site of *Kusimovo-6* and *Kusimovo-3* mound burial site. Shafts marked with black numbered squares (1, 2, 3). No. 1 and 2 stand for mounds 1 and 2 of *Kusimovo-3* mound burial site, respectively. Comp. by N. Savelev and U. Korshunova]

чие всего комплекса первичной обработки от опробования сырья до полностью сработанных нуклеусов. В качестве сырья использовались гальки или же куски фтани-та кремнистой породы, присутствующей в изобилии в окрестностях, фтани-ты имеют различный цвет — от светло-серого до черного, встречается полосчатый окрас [Мосин, Никольский 2008: 41].

Сколы. Интересную информацию предоставляет анализ сколов, которых выявлено 1 769 экз. Среди них сколов с естественными ударными площадками — 584 экз. (33 %) и галечной коркой на спинке — 630 экз. (35,6 %). Второй по численности является точечная ударная площадка — 305 экз. (17 %). На третьем месте гладкие ударные площадки, созданные одним сколом — 212 экз. (12 %). За ними по количеству следуют двугранные площадки — 106 экз. (6 %). Важно, что среди площадок имеются грубо фасетированные, то есть состоящие из 3–4 фасеток, которых насчитывается 44 экз. (2,5 %). Тонко фасетированные ударные площадки единичны. Обращает внимание тот факт, что 388 экз. сколов (22 %) имеют удаленные ударные площадки вместе с ударными бугорками. В большинстве случаев удаление производилось с помощью обломов и только небольшая часть с помощью ретуши и сколов утоньшения (рис. 5: 3, 10, 13; 6: 2, 3, 4, 6, 8, 13). Также было установлено, что у сколов отсутствовала какая-либо связь между характером ударной площадки и огранкой спинки. В коллекции присутствует 6 экз. пластин и 21 экз. пластинчатых отщепов. Большая часть пластин аморфные, и они имеют трехгранное сечение.

Орудия для производства орудий. Все негативы сколов на нуклеусах рельефные с глубокими выемками от ударных бугорков. Это свидетельствует об использовании для расщепления твердых отбойников. В коллекции присутствуют многочисленные отбойники на гальках из кремня (73 экз.) размером от 5 до 10 см длиной (рис. 7: 2). Изредка попадаются отбойники на гальках из диабазы. Небольшую серию (4 экз.) образуют ударные инструменты на гальках удлиненной формы, у которых использовались в качестве рукояток одна половина, в то время как боковые поверхности и дистальный конец употреблялись в качестве молотков

для расщепления нуклеусов и обработки бифасов.

Нуклеусы. Памятник отличается большим разнообразием нуклеусов (250 экз.). Небольшой серией (5 экз.) представлены ядрища с плоскостным продольным снятием удлиненных пластинчатых и укороченных сколов первичного и вторичного снятия. Формы нуклеусов могут быть различными, например клиновидная или же конусовидная. Встречаются подчетырехугольные уплощенные формы нуклеусов параллельного скалывания (рис. 4: 6). Следует обратить внимание на то, что мастер более мелкими сколами на этом и на ряде других нуклеусов выравнивал поверхность скалывания вблизи края ударной площадки (рис. 4: 1, 7, 8). Часто снятие сколов на нуклеусах производилось с неподготовленных площадок во встречном направлении (рис. 4: 1) или же в плоскостях, перпендикулярных основной плоскости скалывания, — такие нуклеусы были отнесены к ортогональным (15 экз.) (рис. 4: 3, 5). Нередко невозможно отличить ударную площадку от плоскости скалывания заготовок (рис. 4: 7, 8). У многих нуклеусов зафиксировано беспорядочное скалывание отщепов в различных направлениях с многочисленных ударных площадок, которыми становились негативы предшествующих снятий. Такие нуклеусы были отнесены к бессистемным — 41 экз. (рис. 4: 1).

Некоторые нуклеусы имеют две плоскости скалывания, причем на одной плоскости осуществлялось параллельное скалывание удлиненных отщепов, а на другой скалывание имеет радиальный характер.

Нуклеусов с радиальной огранкой 10 экз. (4 %). Они подразделяются на односторонние и двухсторонние. Односторонние радиальные нуклеусы были получены в процессе раскалывания уплощенной гальки черного кремня, размер: 5,3x5,0x2,8 см и 8,5x5,5x1,6 см (рис. 4: 2). Двусторонние радиальные нуклеусы преобладают. Они также были получены в ходе расщепления кремневых галек (рис. 4: 4).

Орудия. Всего в коллекции было выявлено 304 экз. орудий (это без отбойников, молотков и ретушеров). На стоянке-мастерской *Кусимова-6* было обнаружено 5 бифасов и 1 бифациальный остроконечник: бифас-рубило на гальке серого кремня

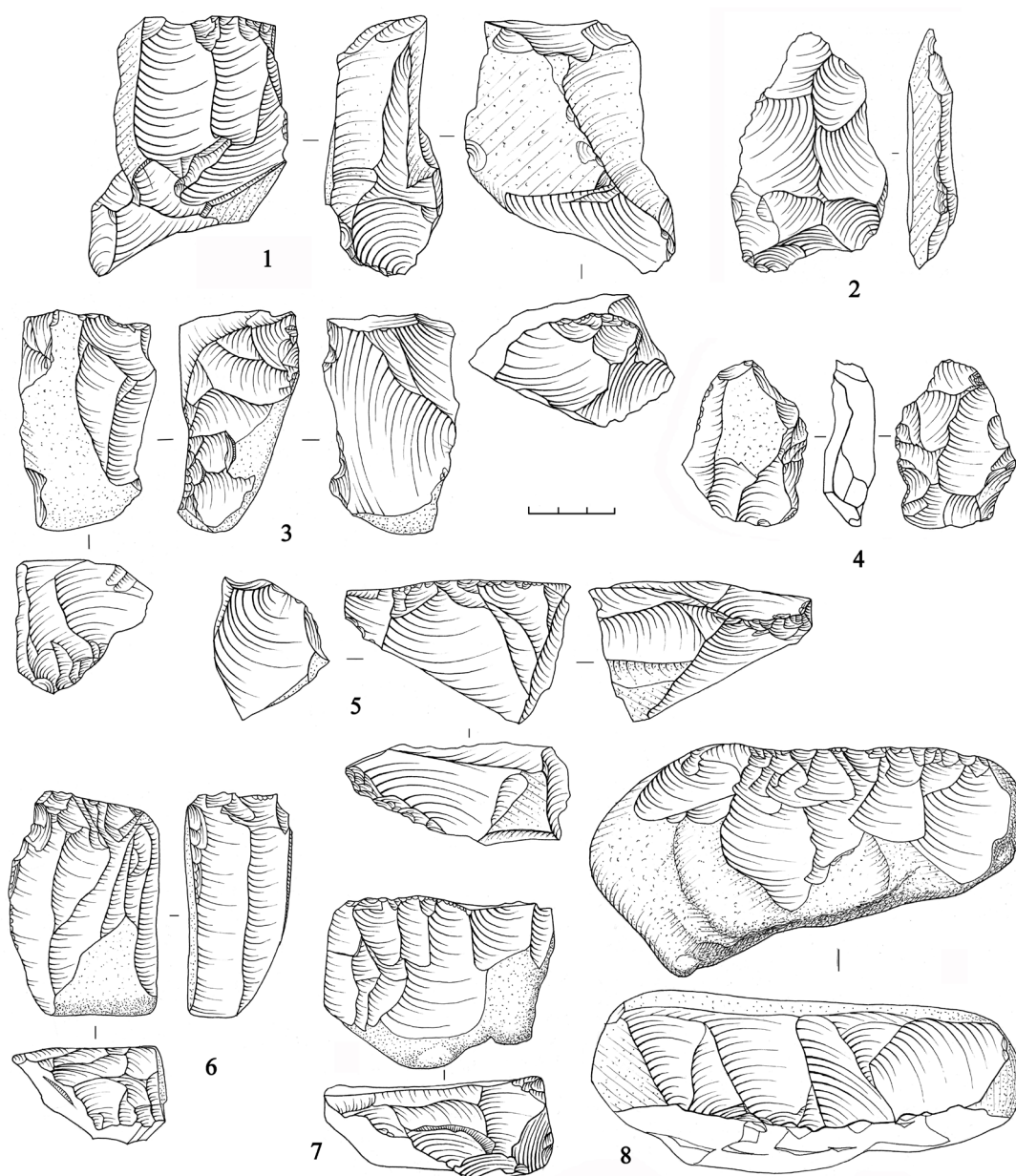

Рис. 4. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Нуклеусы: 1 — продольного снятия, 2 — радиальный односторонний, 3 — ортогональный, многоплощадочный, 4 — двусторонний радиальный, 5 — ортогональный, 6 — подчетырехугольный параллельного скалывания, 7, 8 — параллельного снятия, одноплощадочные. Кремль. Автор: В. Г. Котов

[Fig. 4. Workshop site of Kusimovo-6. Cores: 1 — longitudinal, 2 — one-sided radial, 3 — orthogonal, multi-platform, 4 — double-sided radial, 5 — orthogonal, 6 — sub-quadrangular parallel, 7, 8 — parallel, single-platform. Flint. Prep. by V. Kotov]

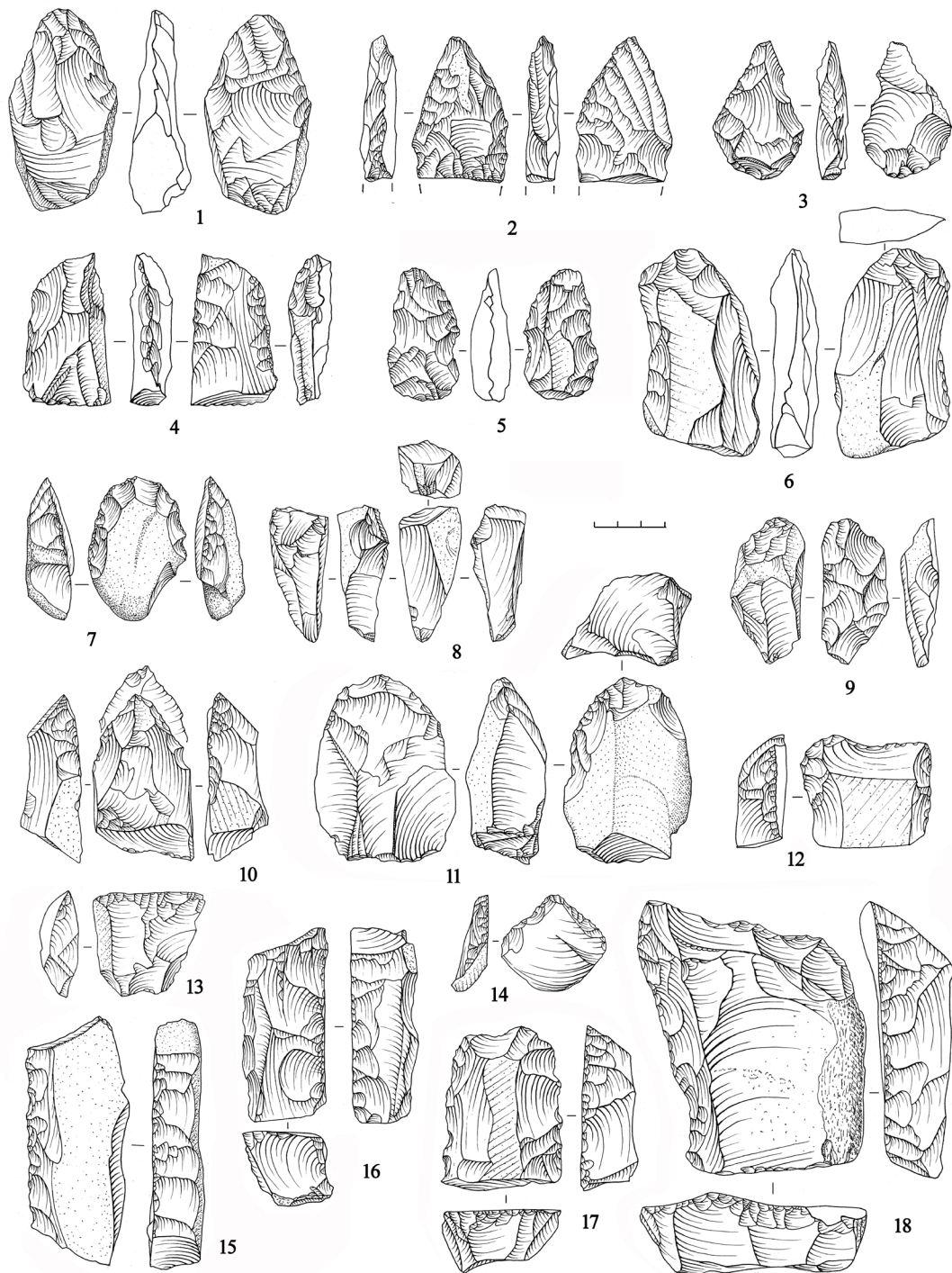

Рис. 5. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Орудия: 1, 3 — бифасы, 2 — наконечник копья, 4, 6, 9 — ножи обушковые бифациальные, 5 — нож бифациальный, 7 — скребок концевой полукруглый на первичном сколе, 8 — скребок «с носиком», 10 — скребло конвергентное, 11 — полубифас, 12 — скребок боковой, 13 — скребло поперечное прямое, 14 — скребок стрельчатый, 15, 16 — скребла, 17 — скребло двойное, прямое, 18 — скребло конвергентное прямое. Кремнь. Автор: В. Г. Котов

[Fig. 5. Workshop site of Kusimovo-6. Tools: 1, 3 — bifaces, 2 — spear point, 4, 6, 9 — backed knives, bifacial, 5 — knife, bifacial, 7 — end scraper, semicircular on the primary cleavage, 8 — end scraper 'with a nose', 10 — side scraper, convergent, 11 — partial biface, 12 — side scraper, 13 — side scraper, straight transverse, 14 — ogival end scraper, 15, 16 — side scrapers, 17 — side scraper, double straight, 18 — side scraper, convergent straight. Flint. Prep. by V. Kotov]

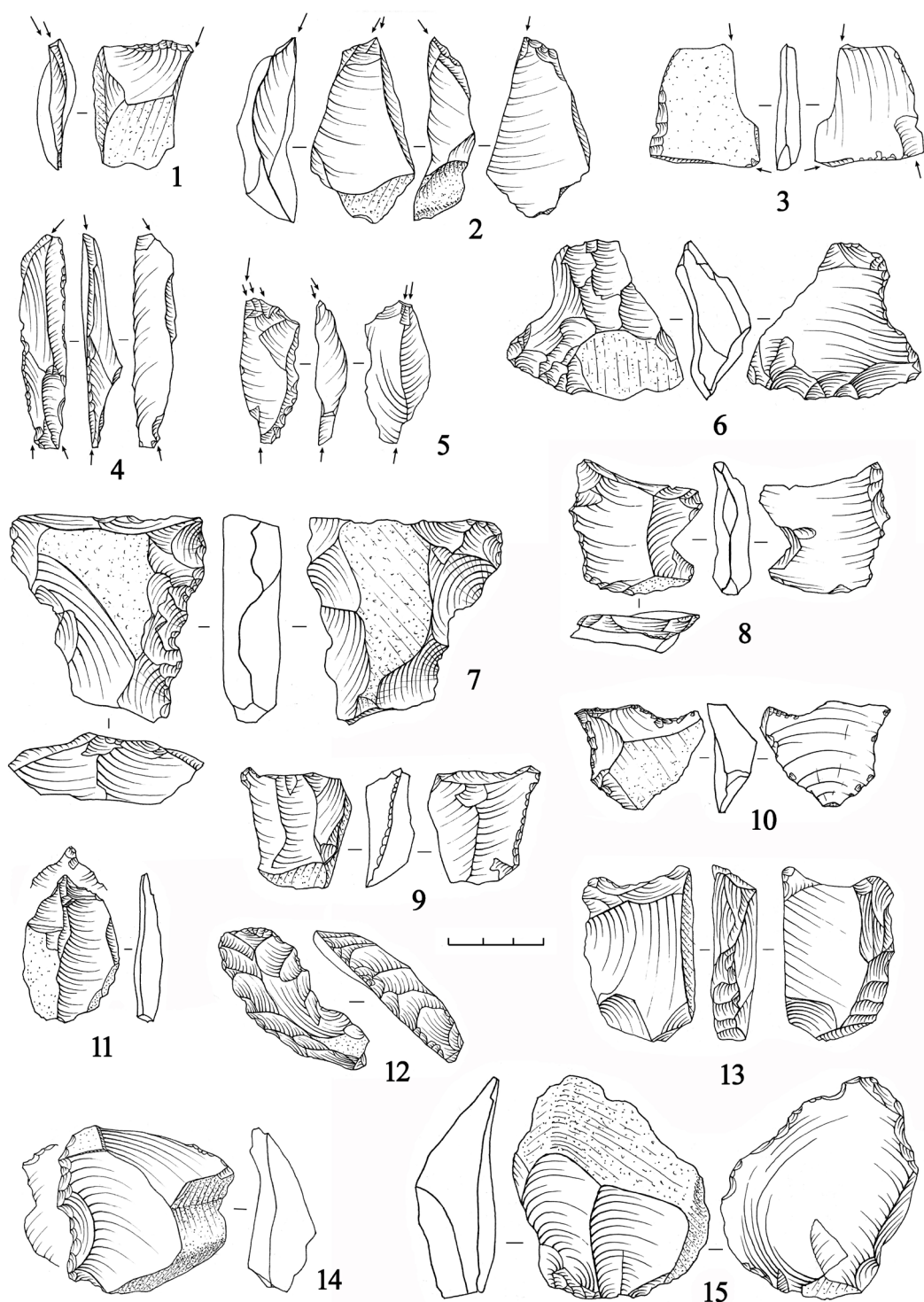

Рис. 6. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Изделия: 1 — резец боковой ретушный, 2, 4 — резцы многофасеточные, 3 — резец тройной, 5 — резец латеральный, 6, 7 — резчики бифациальные с черенком, 8, 13 — клювовидные орудия, 9 — орудие с шипом, 10, 12, 14 — выемчатые орудия, 11 — проколка, 15 — зубчатое орудие. Кремль. Автор: В. Г. Котов

[Fig. 6. Workshop site of Kusimovo-6. Tools: 1 — burin, lateral retouching, 2, 4 — multifaceted burins, 3 — triple burin, 5 — lateral burin, 6, 7 — bifacial carvers with a shank, 8, 13 — beak-shaped tools, 9 — tools with a thorn, 10, 12, 14 — notched tools, 11 — punch, 15 — denticulate piece. Flint. Prep. by V. Kotov]

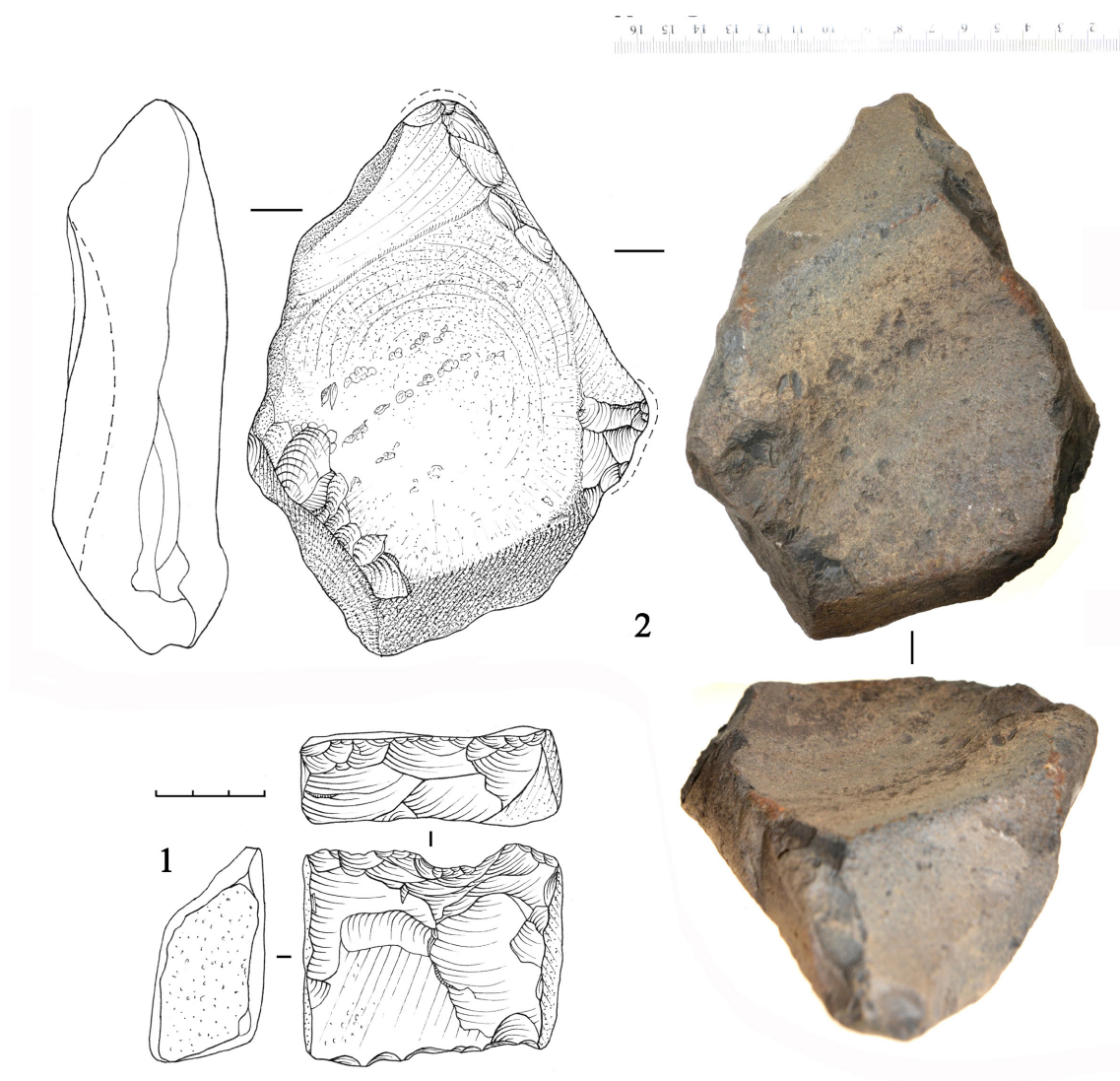

Рис. 7. Стоянка-мастерская Кусимово-6. Каменные изделия: 1 — чоппер на плитке из серого кремня; 2 — ступка-наковальня-отбойник на гальке из серого кремня. Автор: В. Г. Котов

[Fig. 7. Workshop site of Kusimovo-6. Stone products: 1 — chopper on a gray flint tile, 2 — mortar-anvil-hammerstone on a pebble of gray flint. Author Prep. by V. Kotov]

(рис. 5: 1), размер: 8,6x4,6x2,6 см; остроконечник бифациальный, ассиметричный, миндалевидной формы из черного кремня (рис. 5: 3), размер: 6x3,8x1,8 см; заготовка бифаса на гальке серого кремня, размер: 7x4,2x2,3 см; остроконечник бифациальный подтреугольной формы из черного кремня (рис. 5: 3), размер: 6x4,2x1,4 см; заготовка бифаса, похожая на двусторонний нуклеус грубо радиального скалывания на плоской гальке темно-серого кремня, Размер: 9,5x5,5x2,5 см; полубифас-рубилло на гальке серого кремня (рис. 5: 11), размер: 8x6x3,4 см.

Весьма разнообразным является набор скребел, которых обнаружено 29 экз. Скребла представлены различными типами и подтипами: конвергентными (5 экз.) (рис. 5: 10, 18), простыми продольными (7 экз.) (рис. 5: 15, 16), поперечными (2 экз.) (рис. 5: 13), двойными (рис. 5: 17) и простыми (13 экз.). Все скребла были созданы в единой технике: рабочие грани формировались крутыми крупными сколами, затем выступы и грани выравнивались средними по величине сколами, и окончательно лезвие выравнивалось крутой несистематической ступенчатой ретушью, причем оно всегда было неровное в плане. Часть скребел имеет оформленные различными техническими приемами приостренные углы или концы. У одного массивного скребла двусторонним утончением создан черенок.

Другая родственная категория орудий — это скребки (17 экз.), которые также отличаются большим разнообразием. Среди этой категории выделены следующие типы: скребок боковой (рис. 5: 12), скребок прямой, скребок полукруглый (рис. 5: 7), скребок двойной, скребок стрельчатый (рис. 5: 14), скребок-резчик, скребок-нож, скребок-острие, микроскребок, скребок «с носиком» (рис. 5: 8).

Достаточно показательной во многих отношениях является такая категория, как ножи, всего было зафиксировано 13 экз. (2,7 % от всех орудий). Все орудия типа ножей объединяет единая техника обработки и форма: поверхность изделий и рабочие участки с обеих сторон формировались крупными пологими сколами, лезвия выравнивались средними и мелкими сколами. У одних ножей лезвие завершается или закругленной режущей кромкой, или же острием

(рис. 5: 4, 5, 6, 9). В целом эта техника не отличается от обработки других орудий с бифациальной обработкой и нуклеусов.

Другой категорией режущих инструментов являются резчики — 98 экз. (20 % от всех орудий). Это изделия, у которых рабочим участком выступала режущая кромка острия, шиповидного выступа или же угла. Обычно острие выделялось пологой или полукруглой ретушью с одной стороны какого-либо скола. Встречаются орудия с двумя рабочими кромками или с бифациальной ретушью. Было замечено, что в качестве резчиков часто использовались укороченные массивные отщепы подтреугольных очертаний, концы которых подправлялись мелкой крутой ретушью. Два орудия, оформленные с применением бифациальной обработки, имеют черенки (рис. 6: 6, 7).

Всего на памятнике установлено 47 экз. орудий с резцовым сколом, это 9,8 % от всех орудий. Большая часть резцов изготовлена на отщепах, и только единичные — на осколках. Среди резцов встречаются боковые ретушные (рис. 6: 1), боковые, латеральные (рис. 6: 5), срединные, многофасеточные (рис. 6: 2, 4), клювовидные, комбинированные (рис. 6: 3).

Еще одна функционально родственная предыдущим категория — это клювовидные орудия (4 экз.). У этих орудий клювовидный выступ был создан посредством ретуширования вогнутого или прямого края. У одного изделия имеются два клювовидных выступа, концы которых были обработаны ретушью (рис. 6: 8). Аналогичные изделия были встречены в тейкских материалах грота Бом Бон во Франции [[Lumley et al. 1976: fig. 21, 9, 10](#)].

Следующая достаточно многочисленная категория — это орудия с шипом — 53 экз. (11 % от всех орудий). Она во многом сходна с предыдущей по характеру обработки: посредством крутой противоположающей, односторонней или двусторонней (рис. 6: 9, 13) ретуши выделялся шиповидный выступ.

Точно так же оформлялись орудия с выделенным острием небольшого размера, которые были отнесены к проколам (6 экз.). Посредством крутой ретуши оформлялись одна или две выемки, выделявшие острый выступ (рис. 6: 11). Встречаются экземпляры с выемками, оформленными противоположающей ретушью.

Некоторым изделиям обработкой была придана остроконечная форма, поэтому они были отнесены к остриям — 21 экз. (2 % орудий). Это могло быть достигнуто посредством ретуширования краев заготовки, ретушированием граней или же нуклеидной обработкой поверхности заготовок. Сходные острия присутствуют в тейяке Франции среди орудий в гроте Бом Бон [Lumley et al. 1976: fig. 21, 18–22].

К выемчатым орудиям были отнесены изделия с вогнутым ретушированным краем — 7 экз. В большинстве случаев это могут быть отщепы с ретушированными вогнутыми участками (рис. 6: 10, 12, 14). К подобным орудиям были отнесены изделия с регулярной ретушью, чтобы исключить сколы, у которых выемки могли образоваться в результате повреждений естественного характера.

У ряда изделий форма образована крупными, глубокими сколами, и поверхность, а также край орудий не выравнивался более тщательной обработкой. Очевидно, это являлось одним из проявлений технологии этого населения. Все это дало основание выделить ряд изделий на отщепах, которые имели разнокалиберную ретушь по краям в качестве зубчатых орудий (4 экз.). В большинстве своем это отщепы с двусторонней ретушью и зубчатым краем (рис. 6: 15).

Рубящее орудие (чоппер) на плитке прямоугольной формы из темно-серого кремня (рис. 7: 1). Размер: 6х7,5х3 см. Несколькими крупными полукруглыми сколами было сформирована пологая грань и острый прямой край. Срединная часть рабочего лезвия имеет сильные повреждения в виде ступенчатой крупной полулунной ретуши с заломами, по краю тянется прерывистая чешуйчатая ретушь. Противоположная поверхность гладкая и ровная, сохраняет естественную корку. Боковые грани также естественные. Обушковая грань обработана по всей поверхности крупными отвесными сколами и дополнительно край выровнен средними сколами и мелкой атипичной ретушью.

В ходе раскопок была обнаружена крупная галька серого кремня подтреугольной формы с одной вогнутой поверхностью (рис. 7: 2). Основой для него послужила крупная плоская галька черного кремня размером 12,3х16,7х5 см неправильной ромбо-

видной формы. Одна сторона — выпуклая, представляет собой три продольные грани, причем средняя самая широкая и прямая. Это придает устойчивое положение данному предмету. На другой стороне посредством пикетажа и продолжительного абразивного воздействия каменным инструментом с абразивным действием образовалась выемка овальной формы до 13 мм глубиной и размером 9х10,5 см. Внутренняя поверхность заглажена, выровнена. Под микроскопом при 100-кратном увеличении видны участки сильной стертости и заполировки, а также разнонаправленные царапины. По краю видны участки с параллельными царапинами и бороздами. Очевидно, эти следы указывают на использование этого предмета в качестве ступки для перетираания мягковолокнистых материалов. На концах гальки и на одном краю изделия присутствуют негативы крупной ретуши с заломами, указывающие на употреблении предмета в качестве ударного инструмента для расщепления камня уже после появления выемки. Внутри выемки присутствуют цепочки звездчатой выкрошенности и неглубоких выщербин, концентрирующиеся по периферии углубления и отсутствующие в центре. В центре эти следы были сглажены в процессе работы абразивным инструментом. Это указывает на то, что данные выщерблины появились, очевидно, от ударов каменным предметом в процессе формирования углубления. По характеру обработки и следов использования этот предмет следует отнести к разряду комбинированных орудий, таких как ступка-отбойник. Характер повреждений от использования в качестве отбойника свидетельствует о том, что изделие следует относить к среднему палеолиту.

Выводы

Анализ коллекции со стоянки-мастерской *Кусимово-б* показал ее гомогенность: все нуклеусы, сколы и орудия были изготовлены в рамках одной традиции. Расположение стоянки на выходах сырья предопределило характер коллекции: наличие и большое разнообразие нуклеусов, а также орудийных форм. В качестве сырья выступали гальки, а также слабо- или среднеокатанные куски фтанита. Изделия из яшмы красного, зеленого или же сургучно-зелено-

го цветов единичны и составляют менее 1 % от всех изделий. Отличительной чертой первичной обработки является полное отсутствие леваллуазских ядрищ. Нуклеусы представлены подпризматическими, подчетыреугольными плоскостными с продольным скалыванием, ортогональными, радиальными и бессистемными типами. Многие ядрища имеют две и больше плоскостей скалывания. Треть сколов обладают естественной ударной площадкой и спинкой. Индекс грубо фасетированных ударных площадок — 2,5 %. Тонко фасетированные площадки вообще единичны, что в совокупности с единичными атипичными леваллуазскими сколами указывает на нелеваллуазский характер индустрии. Больше четверти всех сколов имеют удаленную (22 %) или неопределимую (4,5 %) ударные площадки. Больше половины всех сколов (59 %) имеют размер меньше 30 мм, около 20 % — до 40 мм, до 50 мм — 12 %, и дальше в порядке уменьшения: до 60 мм — 4,2 %, до 70 мм — 2,6 %, остальные размеры представлены единичными экземплярами. Все это указывает на использование мелкогабаритного сырья и заготовок.

Обработка бифациальных орудий в основных чертах повторяет характер обработки нуклеусов. У всех бифациальных орудий присутствует сходная техника обработки и форма: поверхность изделий и рабочие участки формировались крупными полными сколами, лезвия выравнивались средними и мелкими сколами. Складывается впечатление, что бифациальная обработка применялась так широко для компенсации недостатков заготовок.

Среди скребел преобладают простые, с выпуклыми лезвиями, реже встречаются с прямыми продольными и поперечными лезвиями, конвергентные и двойные. Скребки также отличаются разнообразием и неустойчивостью форм, причем некоторые трудно отличить от скребел. Достаточно многочисленны разнообразные угловые и остроконечные формы орудий с режуще-прокалывающими функциями: резцы, резчики, клювовидные орудия, острия, проколки. В коллекции присутствуют 3 орудия с черенком, у нескольких орудий были оформлены насады, что с вероятностью указывает на наличие составных инструментов.

Обращает на себя внимание отсутствие тщательности в отделке большинства орудий: поверхности и края орудий не выравнивались регулярной ретушью, часто лезвия в профиль и в плане неровные, ретушь имеет разную глубину и размеры, часто обрабатывались только рабочие участки. Не случайно по характеру краевой ретуши были выделены несколько изделий с зубчатым краем. Ряд орудий имеет обработку ретушью на вентрале, у некоторых рабочий участок образован на проксимальном участке.

Архаические черты в первичной и вторичной обработке сочетаются с наличием «прогрессивных» форм: резцов, скребков, проколов и пр. Они также отличаются разнообразием и неустойчивостью форм.

Все эти особенности характеризуют коллекцию как среднепалеолитическую с ашельскими традициями. Ашельские черты проявляются как в первичной обработке (наличие нуклеусов радиального, ортогонального, бессистемного скалывания, большое количество первичных сколов и сколов с радиальной, бессистемной огранкой), так и в присутствии таких архаических форм как рубила, бифациальные остроконечники, скребла прямые с отвесной ретушью, большое количество разнообразных бифациальных орудий (острия, резчики, ножи, резцы), зубчатые орудия. Данные особенности находят аналогии на южно-уральских памятниках с карышкинской индустрией, относящиеся к тейяжской традиции раннего палеолита [Котов 2015]. Это сходство еще более усиливается в связи с наличием таких специфических типов орудий, как рубила с естественным обушком, скребла на плитках с прямым краем и отвесной ретушью, орудия с черенком, острия с бифациальной обработкой, орудия с шипом. Важно, что Тейяжский индекс ($\text{Indice taya\acute{c}ien} = \text{IT}$) равен 70, что сближает *Кусимово-6* по этому индексу со слоем 2 пещеры Ля Микок (65–70 %) и нижним слоем Ля Комбе (40–80 %) во Франции [Любин 1965: 60].

Прямой аналогией таким сложным орудийным формам, как бифациальные остроконечники и рубильца со стоянки *Кусимово-6*, являются орудия, обнаруженные на стоянке в гроте Киик-Коба в Крыму и стоянке *Ильская 1* на Северном Кавказе. В верхнем культурном слое грота Киик-Коба

присутствуют бифациальные остроконечники плоско-выпуклой формы и рубильца [Бонч-Осмоловский 1940: табл. XI; XII, 1, 2; XVII, 1, 2]. Бифациальные остроконечники и конвергентные скребла из 3-го культурного слоя стоянки *Ильская 1* внешне идентичны кусимовским изделиям [Щелинский, Кулаков 2005].

Определенное сходство в характере первичной обработки и типологическом наборе орудий есть со стоянкой им. Ч. Валиханова в горах Каратау в Южном Казахстане. Там также присутствует сочетание дисковидных и призматических нуклеусов, а среди орудий встречаются рубила, бифациальные остроконечники, конвергентные скребла, скребки высокой формы, разнообразные резцы, обушковые ножи. Отличительной особенностью стоянки им. Ч. Валиханова от других памятников является присутствие в коллекции бифациальных рубящих орудий дисковидной формы [Алпысбаев 1979: 158–176].

Наибольшее сходство стоянка-мастерская *Кусимово-б* обнаруживает с III и IV слоями с тейякской индустрией среднего палеолита грота Старые Дуруиторы на северо-западе Молдовы [Анисюткин, Кетрару, Коваленко 2017]. Аналогии проявляются по многим линиям. Например, в нижнем IV культурном слое грота Старые Дуруиторы обнаружен большой процент сколов с галечной поверхностью, причем большая их часть имеют вторичную обработку или следы использования, что является характерной чертой тейякских индустрий [Анисюткин, Кетрару, Коваленко 2017: 64]. Точно так же находит аналогии и набор нуклеусов, среди которых представлены дисковидные, ашельские одноплощадочные, многогранные, пирамидальные, атипичные (бессистемные) формы. Отсутствуют в *Кусимово-б* только шаровидные формы [Анисюткин, Кетрару, Коваленко 2017: 65–68, 87–89]. Достаточно многочисленные параллели мы находим орудийным формам молдавского памятника. Так, обработка рабочих участков скребел в гроте Старые Дуруиторы во многом повторяет орудия на стоянке-мастерской *Кусимово-б*: лезвия обработаны зубчатой, мелкой зубчатой, мелкой атипичной, крутой и грубой чешуйчатой ретушью, причем совершенно отсутствует обработка параллельной ретушью [Анисюткин, Кетра-

ру, Коваленко 2017: 73]. В собрании орудий присутствуют сходные категории: скребки, резцы атипичные, проколки, ножи со спинкой, выемчатые орудия, зубчатые орудия, резцеvidные острия (резчики), отщепы с ретушью со стороны брюшка, клювовидные орудия-резчики, клювовидные острия, долотовидные орудия, скребки на ударных площадках отщепов, бифасы [Анисюткин, Кетрару, Коваленко 2017: 71–83, 91–96]. Различается лишь процентное соотношение этих орудий. Вместе с тем в гроте Старые Дуруиторы присутствуют чопперы, тейякские остроконечники, острия «с плечиками», которые не были зафиксированы или представлены единичными экземплярами на стоянке-мастерской *Кусимово-б*, хотя эти формы немногочисленны и на тейякских памятниках Молдовы [Анисюткин, Кетрару, Коваленко 2017: 79]. Наряду с этим, в индустрии стоянки-мастерской *Кусимово-б* присутствует ряд своеобразных черт, отличающих ее от других памятников: обработка бифасов параллельными удлиненными снятиями, имеются в наличии треугольные бифациальные острия укороченных очертаний, скребла простые прямые с отвесной ретушью, скребки стрелчатые, обушковые бифациальные ножи, резчики с бифациальной обработкой и черенком, бифациальные острия, более серийно выражены резцы. Все это указывает на какую-то общую древнюю индустриальную основу обеих традиций, что не исключают возможность контактов и на горизонтальном временном уровне. Обилие клювовидных форм может указывать на сохранение в течение долгого времени нижнепалеолитических традиций, своим происхождением связанных с центрально-европейским клетоном [Анисюткин 1973: 234].

Тем не менее массив аналогий указывает на одновременность двух традиций и обоих памятников. Так культурные слои IV и III грота Старые Дуруиторы по совокупности различных данных датируются первой половиной рисского времени (300–200 тыс. лет назад) [Анисюткин, Кетрару, Коваленко 2017: 62], в таком случае и стоянка-мастерская *Кусимово-б* должна относиться к рисскому периоду. Точно так же тейякские материалы во Франции датируются рисским временем [Lumley et al. 1976: 845]. Памятники тейякской традиции в мире чрезвычайно редки и даже само выделение подобной

индустрии до настоящего времени является дискуссионным [Вишняцкий 2011]. Открытие нового тейякского памятника среднего палеолита с многочисленной и разнообраз-

ной коллекцией изделий из кремня на Южном Урале даст возможность лучше понять историю заселения региона и взаимодействие с населением других регионов.

Таблица 1. Находки со стоянки-мастерской Кусимово-6. Раскопки 2019 г.

[Table 1. Finds from workshop site of Kusimovo-6. Excavations of 2019]

№	Название изделия	Сектор 1	Сектор 2	Сектор 3	Сектор 4	Итого
1.	Отщеп	526	178	116	94	914
2.	Отщеп с ретушью	222	134	86	63	505
3.	Осколок	28	3	—	1	32
4.	Осколок с ретушью	3	4	2	—	9
5.	Пластина аморфная с ретушью	1	—	—	2	3
6.	Плитка с ретушью	1	—	—	1	2
7.	Пластина аморфная	1	1	1	—	3
8.	Отщеп пластинчатый	11	2	3	5	21
9.	Отщеп пластинчатый с ретушью	3	—	—	1	4
10.	Отщеп пластинчатый усеченный с ретушью	1	—	—	—	1
11.	Отщеп леваллуа	—	—	1	1	2
12.	Отщеп с острием	2	—	—	—	2
13.	Отщеп с подтеской	—	1	—	—	1
14.	Галька с ретушью	1	—	—	—	1
15.	Отщеп с подтеской	4	—	1	—	5
16.	Расколота галька	7	—	—	3	10
17.	Чешуйки	3	—	—	—	3
18.	Пренуклеус	—	—	1	—	1
19.	Нуклеус бессистемный	12	8	11	10	41
20.	Нуклеус аморфный	24	4	10	5	43
21.	Нуклеус продольный	—	1	2	2	5
22.	Нуклеус двусторонний	—	1	—	—	1
23.	Нуклевидное изделие	63	23	14	16	116
24.	Нуклеус многоплощадочный	1	—	—	—	1
25.	Нуклеус ортогональный	2	1	5	7	15
26.	Нуклеус перекрестного скалывания	2	1	—	—	3
27.	Нуклеус радиальный	4	4	—	2	10
28.	Нуклеус уплощенный одноплощадочный	1	—	—	2	3
29.	Нуклеус с ретушью	—	1	—	—	1
30.	Скол нуклевидный	6	1	—	—	7
31.	Нуклевидное изделие — скребло	8	1	—	—	9
32.	Нуклевидное изделие с ретушью	1	2	1	—	4
33.	Нуклевидное изделие-отбойник	—	2	—	—	2
34.	Отбойник на гальке	33	10	12	18	73

35.	Отбойник на плитке	4		1	1	6
36.	Отбойник на куске кремня	1	2	3	3	9
37.	Отбойник на сколе	—	—	—	1	1
38.	Остроконечник бифациальный	—	1	—	—	1
39.	Молоток-отбойник	1	1	—	2	4
40.	Ретушер	5	8	3	5	21
41.	Ретушер-отбойник	—	2	—	—	2
42.	Ретушер-отжимник	—	1	—	—	1
43.	Клювовидное орудие	—	1	3	—	4
44.	Резчик	40	27	16	8	91
45.	Резчик-острие	2	—	—	—	2
46.	Резчик с черенком	—	1	—	—	1
47.	Резец-резчик	3	1	—	—	4
48.	Резец	18	11	11	6	46
49.	Резец тройной	—	1	—	—	1
50.	Резец-нож	—	—	1	—	1
51.	Рубило	—	1	—	—	1
52.	Микрорезчик	1	—	—	—	1
53.	Орудие с шипом	25	12	15	1	53
54.	Орудие с шипом-резец	—	1	—	—	1
55.	Рубящее орудие двустороннее	—	—	1	2	3
56.	Рубящее орудие-скребок на нуклеусе	1	—	—	—	1
57.	Скребло	7	2	4	—	13
58.	Скребло продольное	—	—	1	6	7
59.	Скребло поперечное	2	—	—	—	2
60.	Скребло конвергентное	2	—	1	2	5
61.	Скребло скошенное	—	—	1	—	1
62.	Скребло двойное	—	—	1	—	1
63.	Скребок	1	1	—	—	2
64.	Скребок боковой	1	—	—	—	1
65.	Скребок прямой	1	—	—	—	1
66.	Скребок двойной	1	—	—	—	1
67.	Скребок-резчик	1	—	—	—	1
68.	Скребок-острие	1	—	1	—	2
69.	Микроскребок	—	1	—	—	1
70.	Наконечник копья	1	—	—	—	1
71.	Скребло на нуклеусе	1	—	—	—	1
72.	Скребло-скобель	1	—	—	—	1
73.	Скребло-резчик	1	—	—	—	1
74.	Острие с частично бифациальной обработкой	1	—	—	—	1
75.	Острие с противоположащей ретушью	—	1	—	—	1
76.	Острие	8	6	3	4	21
77.	Нож обушковый	2	7	4		13
78.	Проколка	2	2	2		6
79.	Орудие с шипом-резчик	1	—	—	—	1
80.	Нуклевидное изделие-резчик	1	—	—	—	1
81.	Выемчатое орудие	1	3	2	1	7

82.	Орудие с двусторонней обработкой	1	—	1	—	2
83.	Зубчатое орудие	1	1	—	—	2
84.	Кливер	1	—	—	—	1
85.	Комбинированное орудие	—	—	—	2	2
	Итого	1 115	478	351	275	2 219

Источники

- Котов 2008 — *Котов В. Г.* Научный отчет об археологической разведке в Абзелиловском районе Республики Башкортостан в 2005 г. Уфа, 2008 // Личный архив автора.
- Русланова 2020 — *Русланова Р. Р.* Научный отчет о начале археологических раскопок кургана № 1 курганного могильника Кусимово-3 и участка стоянки Кусимово-6 в Абзелиловском районе Республики Башкортостан по Открытому листу № 1589-2019 от 29.07.2019 г.: в 2 тт. Уфа, 2020 // Личный архив автора.

Литература

- Алпысбаев 1979 — *Алпысбаев Х. А.* Памятники нижнего палеолита Южного Казахстана (О древнейшем заселении Казахстана первобытным человеком). Алта-Ата: Наука КазССР, 1979. 208 с.
- Анисюткин 1973 — *Анисюткин Н. К.* Орудия клыковидных форм в раннем и среднем палеолите // Советская археология. 1973. № 1. С. 228–234.
- Анисюткин, Кетрару, Коваленко 2017 — *Анисюткин Н. К., Кетрару Н. А., Коваленко С. И.* Многослойная палеолитическая стоянка в гроте Старые Дуруиторы и место ее каменных индустрий в раннем и среднем палеолите Европы. СПб.: Нестор-История, 2017. 200 с.
- Бонч-Осмоловский 1940 — *Бонч-Осмоловский Г. А.* Грот Киик-Коба. Палеолит Крыма. Вып. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. 226 с.
- Вишняцкий 2011 — *Вишняцкий Л. Б.* Тейяк почти не виден // Российский археологический ежегодник. 2011. № 1. С. 657–660.
- Казаков 2017 — *Казаков П. В.* Остаточные озера N-Q палеогидросети, озерные комплексы и сопутствующие им полезные ископаемые (восточный склон Южного Урала и Зауралье) // Геология. Известия Отделения наук о Земле и природных ресурсов Академии наук Республики Башкортостан. 2017. № 23.

Sources

- Kotov V. G. 2005 Archaeological Reconnaissance in Abzelilovsky District of Bashkortostan (Russia): Scientific Report. Ufa, 2008. At: Author's Personal Archives. (In Russ.)
- Ruslanova R. R. Initial Archaeological Excavations of Kurgan 1 at the Burial Mound Site of Kusimovo-3 and Those of a Section of Kusimovo-6 Site in Abzelilovsky District of Bashkortostan (Russia), Permit No. 1589-2019 of 29 July 2019: Scientific Report. In 2 vols. Ufa, 2020. At: Author's Personal Archives. (In Russ.)

С. 63–68.

- Казаков 2018 — *Казаков П. В.* К перспективам изучения озерной котловины озера Сагылкуль в Южном Зауралье // Геология, полезные ископаемые и проблемы геоэкологии Башкортостана: XII Межрегион. науч.-практич. конф. (Уфа, 21–23 мая 2018 г. / отв. ред. В. Н. Пучков. Уфа: Институт геологии УНЦ РАН, 2018. С. 339–341.
- Котов 2009 — *Котов В. Г.* Палеолит // История башкирского народа. Т. 1 / отв. ред. М. М. Кульшарипов. М.: Наука, 2009. С. 23–53.
- Котов 2015 — *Котов В. Г.* Стоянка-мастерская Карышкино-11 — новый памятник нижнего палеолита Южного Урала // Вестник Пермского университета. 2015. № 1. С. 7–20.
- Любин 1965 — *Любин В. П.* К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий // Палеолит и неолит СССР. Т. 5. (Материалы и исследования по археологии СССР). № 131. М.; Л.: Наука, 1965. С. 7–75.
- Мосин, Никольский 2008 — *Мосин В. С., Никольский В. Ю.* Кремень и яшма в материальной культуре населения каменного века Южного Урала. Екатеринбург: УрО РАН, 2008. 196 с.
- Щелинский, Кулаков 2005 — *Щелинский В. Е., Кулаков С. А.* Ильская мустьерская стоянка (раскопки 1920-х – 1930-х годов). СПб.: Европейский Дом, 2005. 96 с.

- Lumley et al. 1976 — Lumley H., Collina-Girard J., Abelanet J., Bazile F., Meignen L. Les premières industries humaines en Languedoc méditerranéen et en Roussillon // La Préhistoire Française. Tome 1. Les civilisations Paléolithiques et Mésolithiques de la France /
- Lumley H. (dir.). Editions du Centre National de la Recherche scientifique, 1976. Pp. 777–794.
- References**
- Alpysbaev Kh. A. Lower Paleolithic Monuments of Southern Kazakhstan: Earliest Traces of Man in Present-Day Kazakhstan. Alta-Ata: Nauka (KazSSR), 1979. 208 p. (In Russ.)
- Anisyutkin N. K. Beak-shaped tolls in the Early and Middle Paleolithic. *Sovetskaya arkheologiya*. 1973. No. 1. Pp. 228–234. (In Russ.)
- Anisyutkin N. K., Ketraur N. A., Kovalenko S. I. Multilayered Paleolithic Site in Staroye Durutov Grotto, and Impact of Its Stone Industries in Europe's Early and Middle Paleolithic. St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2017. 200 p. (In Russ.)
- Bonch-Osmolovsky G. A. Paleolithic in the Crimea: Kiik-Koba Grotto. Vol. 1. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1940. 226 p. (In Russ.)
- Kazakov P. V. Basin of Proto-Lake Sagylkul in the Southern Transurals: research prospects revisited. In: Puchkov V. N. (ed.) Bashkortostan. Geology, Fossil Minerals and Issues of Geo-Ecology. Conference Proceedings (Ufa; May 21–23, 2018). Ufa, 2018. Pp. 339–341. (In Russ.)
- Kazakov P. V. Relict lakes of N-Q paleohydrosystem, lake clusters and related fossil minerals (east of the Southern Urals and Transurals). *Geologiya. Izvestiya Otdeleniya nauk o Zemle i prirodnym resursom Akademii nauk Respubliki Bashkortostan*. 2017. No. 23. Pp. 63–68. (In Russ.)
- Kotov V. G. Paleolithic. In: Kulsharipov M. M. (ed.) A History of the Bashkir People. Vol. 1. Moscow: Nauka, 2009. Pp. 23–53. (In Russ.)
- Kotov V. G. Workshop site of Karyshkino-11 — a new Lower Paleolithic monument in the Southern Urals. *Perm University Herald*. 2015. No. 1. Pp. 7–20. (In Russ.)
- Lumley H., Collina-Girard J., Abelanet J., Bazile F., Meignen L. Les premières industries humaines en Languedoc méditerranéen et en Roussillon (Earliest industries in the Mediterranean Languedoc- Roussillon). In: Lumley H. (dir.) La Préhistoire Française (Prehistory of France). Vol. 1: Les civilisations Paléolithiques et Mésolithiques de la France (Paleolithic and Mesolithic in France). French National Centre for Scientific Research, 1976. Pp. 777–794. (In Fr.)
- Lyubin V. P. Lower Paleolithic stone tools: research methods revisited. In: Paleolithic and Neolithic in the USSR. Vol. 5. (Ser.: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR. No. 131.) Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. Pp. 7–75. (In Russ.)
- Mosin V. S., Nikolsky V. Yu. Stone Age in the Southern Urals: Flint and Gem Jade in Material Culture of Indigenous Population. Yekaterinburg: Ural Branch of RAS, 2008. 196 p. (In Russ.)
- Shchelinsky V. E., Kulakov S. A. Excavating the Mousterian Site of Il'skaya, 1920s–1930s. St. Petersburg: Evropeyskiy Dom, 2005. 96 p. (In Russ.)
- Vishnyatsky L. B. The almost unseen Tayacian. *Russian Archaeological Yearbook*. 2011. No. 1. Pp. 657–660. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 6, pp. 1613–1622, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1613-1622
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 903.5+397.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1613-1622

Динамика процессов опустынивания в Республике Калмыкия с середины 1980-х гг. до настоящего времени

Мария Александровна Очир-Горяева¹, Айлин Экмайер², Виктор Вайценэггер³

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

² Мюнхенский университет им. Людвига Максимилиана (37, Луизенштрассе, 80333 Мюнхен, Германия)

профессор

 0000-0003-3053-8226. E-mail: e.eckmeier@lmu.de

³ Мюнхенский университет им. Людвига Максимилиана (37, Луизенштрассе, 80333 Мюнхен, Германия)

студент

E-mail: victor1995@gmx.de

© КалмНЦ РАН, 2020

© Очир-Горяева М. А., Экмайер Э., Вайценэггер В., 2020

Аннотация. *Введение.* Сельское хозяйство Республики Калмыкия характеризуется преобладанием скотоводства. Но массовое содержание скота привело к чрезмерной нагрузке на пастбища и деградации степного растительного покрова. *Материалы и методы.* Изучение погребенных почв, сохранившихся под насыпями археологических памятников — курганов, позволяет установить, что в эпоху позднего бронзового века и в эпоху позднего средневековья процессы опустынивания охватывали обширные участки восточноевропейских степей. Однако процессы десертификации тогда были связаны с глобальной аридизацией климата, охватившей не только степную зону, то есть имели природную основу. Современные процессы опустынивания проходят также на фоне общей аридизации климата, но масштабы и разрушительность усугубляются многокомпонентным антропогенным воздействием, то есть деятельностью человека. *Результаты и выводы.* В целях количественной оценки был составлен временный ряд снимков дистанционного зондирования датчика Landsat-TM за период с 1985 г. по 2011 г. и статистически оценены производные от него индексы NDVI и TGSi. Результат показывает увеличение растительного покрова для выбранной области исследования, несмотря на то, что годовые температуры в этот же период не снижались, а

наоборот, повышались. Таким образом, снижение темпов опустынивания не обусловлено климатически, а является результатом мероприятий по борьбе с опустыниванием.

Ключевые слова: процессы опустынивания, степи, Калмыкия, методы дистанционного зондирования земли, глобальная аридизация, палеопочвоведение

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5). Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития–II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Очир-Горяева М. А., Экмайер Э., Вайценэггер В. Динамика процессов опустынивания в Республике Калмыкия с середины 1980-х гг. до настоящего времени // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1613–1622. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1613-1622

UDC 903.5+397.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1613-1622

Desertification Processes in the Republic of Kalmykia, 1980s–2010s: Dynamics Revisited

Maria A. Ochir-Goryaeva¹, Eileen Eckmeier², Viktor Weizenegger³

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

² Ludwig Maximilian University of Munich (37, Luisenstrasse, 80333 Munich, Germany)

Professor

 0000-0003-3053-8226. E-mail: e.eckmeier@lmu.de

³ Ludwig Maximilian University of Munich (37, Luisenstrasse, 80333 Munich, Germany)

Student

E-mail: victor1995@gmx.de

© KalmSC RAS, 2020

© Ochir-Goryaeva M. A., Eckmeier E., Weizenegger V., 2020

Abstract. Introduction. In the Republic of Kalmykia, agriculture is characterized by the prevalence of livestock breeding. Still, excessive grazing has resulted in land degradation. **Materials.** Analysis of buried soils from excavated kurgans reveals that the Late Bronze Age and Late Medieval Period witnessed extensive desertification processes across vast territories of Eastern European steppes. Those trends were determined by global climate aridization traced in other ecosystems too, i.e. were caused by natural changes. **Results.** Present-day desertification also takes place in the background of universal aridization but its enormous scale and destructiveness are aggravated by multiple anthropogenic impacts, i.e. human activity. For a qualitative assessment, the paper analyzes a time-series of satellite images made by Landsat-TM Earth observing sensor from 1985 to 2011, and makes statistical estimates of related NDVI and TGSI indices. There is an increase in vegetation cover within the investigated area, and this despite the fact that yearly temperatures during the period kept increasing, too. So, the reduced desertification rates have resulted not from favorable climatic factors but rather from purposeful countervailing efforts.

Keywords: desertification processes, steppe, Kalmykia, Earth observing methods, global aridization, paleopedology

Acknowledgements. The reported study was funded by federal government subsidy — project name ‘Socio-Political and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490038-5). The article was presented at the International scientific online conference ‘Mongolian Studies at the Beginning of the 21st Century: Current State and Development Prospects – II’ funded by RFBR (project no. 20-09-22004) and Government of Russia (grant no. 075-15-2019-1879).

For citation: Ochir-Goryaeva M. A., Eckmeier E., Weizenegger V. Desertification Processes in the Republic of Kalmykia, 1980s–2010s: Dynamics Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1613–1622. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1613-1622

Введение

Опустынивание, то есть возникновение пустынных условий, затрагивает многие засушливые районы мира [Cherlet et al. 2018]. Степные экосистемы очень чувствительны к изменениям климата и землепользования. Процессы опустынивания не являются феноменом только современности, они имели место и в доисторические эпохи и в период позднего средневековья, охватывая всю степную зону. Это установлено специалистами-почвоведом, изучающими погребенные почвы под курганными насыпями в ходе их раскопок. Курганы на территории Калмыкии оказываются особенно информативными в силу расположения большинства из них на целинных участках, никогда не подвергавшихся распашке [Демкин 1997: 41]. Глобальный процесс аридизации начался, по данным палеопочвоведов, при переходе от среднего к позднему бронзовому веку (рубеж III–II тыс. до н. э.) и продлился в эпоху поздней бронзы. В западной части степной зоны процесс шел особенно интенсивно, в степях восточнее Уральских гор — в более сглаженной форме. Первая волна процесса опустынивания характеризовалась аридными условиями с нарастанием засушливости, доминированием пустынно-степных ландшафтов. Годовая норма осадков снизилась до 250 мм. Аридизация привела к заметному снижению населения в сухих степях, ее последствия все еще сказывались в эпоху раннего железа. Со II в. по IV в. н. э. наблюдался кратковременный микроплювиал, заметное увлажнение климата, с сохранением пустынно-степных условий, после которого на длительный период установились стабильные смягченные аридные условия. В эпоху развитого средневековья в XI–XIV вв. наступил климатический

оптимум с годовой нормой осадков 300–350 мм и преобладанием сухостепных ландшафтов [Якимов и др. 2007: 194–204]. Строительство и процветание городов Золотой Орды на берегах р. Волги было не в последнюю очередь обусловлено исключительно благоприятными климатическими условиями. Но уже с XV в. накатилась вторая волна глобальной аридизации климата с уменьшением количества осадков до современного (250–300 мм) и вторичным развитием пустынно-степных условий почвообразования, что продолжается и в настоящее время [Demkin et al. 2010]. Две описанные выше волны аридизации были обусловлены глобальными природными закономерностями. Но усиление процессов опустынивания, деградация почвы из-за эрозии или засоления в историческое время имеют искусственный характер и являются результатом прежде всего антропогенного воздействия.

Ярким примером указанных процессов является аридизация калмыцких степей, входящих в Понтийско-Каспийскую степную зону. Территорию Калмыкии в ландшафтно-географическом отношении можно разделить на три области: на востоке — Каспийская низменность, охватывающая северо-западное побережье Каспийского моря, расположенная она на отметках ниже уровня мирового океана; на западе — Ергенинская возвышенность, образующая водораздел между Каспийским морем и Донской речной системой (высота Ергени составляет над уровнем моря от 120–160 м на севере до 220 м на юге); на юге — Кумо-маньчская впадина — узкая низменность, разделяющая Ергенинскую и Ставропольскую возвышенности. Климат Калмыкии резко континентальный, особенной засушливостью

отличаются Прикаспийская низменность, где средние годовые осадки составляют всего 200–350 мм. Характерной особенностью этого субрегиона является высокое содержание песка в почве по причине древних отложений Каспийского моря [Zonn 1995]. Песчаная почва в значительной степени усиливает потенциал эрозионных процессов. Пастбища расположены в основном в степных районах, а также в полупустынях, песчаных и соляных пустынях Каспийской низменности [Smelansky, Tishkov 2012].

Материалы и методы

Традиционно калмыки, которые до 1930-х гг. вели кочевой образ жизни, разводили лошадей, верблюдов, овец и крупный рогатый скот. Эти виды скота были хорошо адаптированы к экосистеме. Но в ходе коллективизации после 1917 г. и вынужденного перехода к оседлости совокупное поголовье верблюдов и крупного рогатого скота калмыцкой породы было значительно сокращено (с 40 % до менее чем 7 %), и были введены тонкорунные породы овец, которые, в отличие от разводимых курдючных овец, имеют острые копыта и, таким образом, сильнее выбивают структуру почвы [Hölzel et al. 2002; Ivanov, Perera 1997]. С распадом Советского Союза поголовье скота значительно снизилось, но с 2010-х гг. начало резко возрастать.

По данным 2015 г., основная часть сельскохозяйственных угодий в Калмыкии была декларирована как пастбища. Они составили 69,8 % общей площади, составляющей без малого 7 млн гектаров. На указанных просторах в подавляющем большинстве выпасаются овцы. Доля пастбищ для выпаса крупного рогатого скота весьма незначительна [Бородычев, Дедова, Сазанов 2015].

Калмыцкая степь была и до сих пор остается жертвой (в грандиозных масштабах) хозяйственного использования, противоречащего ее почвам и климату. В конце 1980-х гг. 47,8 % площади Калмыкии были подвергнуты сильной и даже экстремально тяжелой форме почвенной деградации [Bananova, Lazareva 2014]. Основной причиной деградации естественного степного растительного покрова был перевыпас неподходящих для природных условий Калмыкии видов скота и его чрезмерное количество. Все вместе привело к тому, что

«натуральная, естественная почва» практически исчезла. Эта катастрофическая ситуация хорошо прослеживается по космоснимкам, особенно на некоторых участках севернее Кумо-Манычской впадины или на восточной части Прикаспийской низменности. На космоснимках указанного периода очень четко отображено, что растительный покров вокруг чабанских стоянок был истреблен полностью, на этих участках видны круглой формы пятна обнаженной земли и образовавшиеся песчаные дюны.

Перевыпас скота приводит к значительному обеднению вегетационного почвенного слоя. Обедненный гумусный слой легко сносится в результате ветровой эрозии. На обнаженных участках поверхность уплотняется, что усугубляет ситуацию, потому что плотность почвы снижает инфильтрационные свойства и увеличивает поверхностный сток атмосферных водных осадков. Исчезновение вегетации на обширных участках и высокий процент песка в почве приводит к возникновению и движению дюн. Дюны опасны тем, что в своем движении они покрывают песком другие, еще покрытые вегетацией, территории. Фракции плодородной почвы уносятся ветром, новый гумус не образуется, что приводит к обеднению растительного покрытия на новых площадях [Cherlet et al. 2018].

В конце 1990-х гг. масштабы деградации в Калмыкии были настолько значительны, что велась речь о «первой в Европе пустыне». Чтобы остановить дальнейшее распространение пустыни, тогдашний руководитель республики объявил ситуацию чрезвычайной — катастрофой в национальном масштабе. При поддержке Организации Объединенных Наций были проведены мероприятия по планомерной посадке растений, что привело к стабилизации движения дюн [Ivanov, Perera 1997]. В 1993 г. заповедник федерального значения «Черные земли» был включен в список ЮНЕСКО и получил статус Биосферный заповедник. Заповедники, признанные Биосферными резерватами ЮНЕСКО, находятся под охраной международного права.

Для того чтобы проследить эффективность проведенных мер, с помощью методов дистанционного зондирования были проведены наблюдения на нескольких отобран-

ных участках. Анализу были подвергнуты материалы спутниковых облетов в течение почти тридцати лет, с 1985 г. по 2011 г. Для оценки вегетационного покрова был применен Normalized Difference Vegetation Index (NDVI) — Вегетационный индекс усредненных значений. Важным было установить: как и какими темпами изменялся растительный покров на избранных для исследования участках за указанный выше период.

Методы

Область изучения изменений растительного покрова расположена в основном на юго-востоке республики. В нее входит также один небольшой участок территории Ставропольского края. Эти территории в основном используются под пастбища, но встречаются единичные участки, используемые под посевы. Для анализа были выделены три зоны: 1) зона исследования; 2) зона контрольная; 3) зона сравнительная.

В зону исследования вошли участки, наиболее пострадавшие от опустынивания, куда входит территория заповедника «Черные земли». Контрольная зона доходит до западных границ республики. Сравнительная зона, которая использовалась для сверки полученных результатов, смыкается на севере с зоной исследования и частично перекрывается последней. Сравнительная зона покрывает северо-восточную часть Калмыкии и на севере захватывает северную часть Астраханской области с руслом Волги (рис. 1).

Процессы опустынивания являются растянутыми во времени, тем не менее на них оказывают влияние сезонные колебания, которые необходимо учитывать при помощи соответствующей методики наблюдений. Для работы были использованы космические снимки ресурса Landsat-4 и Landsat-5, которые были сняты и обработаны с помощью сенсора Thematic Mapper («Тематическое картирование»). Это позволяет получить сравнение данных по относительно длительному отрезку времени с разрешением в 30 м на уровне земной поверхности. Были отобраны только снимки с коррекцией атмосферы, которые имели облачный покров менее 20 % и были записаны в надире, то есть с наиболее низкой точки.

По данным группы исследователей [Золотокрылин, Титкова, Уланова, Федорова 2013], наиболее плотный вегетационный слой наблюдался в северо-западной части Прикаспийской низменности в период с сентября 2005 г. по сентябрь 2006 г. Поэтому настоящего исследования были отобраны космоснимки указанного периода времени. Если космоснимки не отвечали выбранным критериям, они не использовались в исследовании. Для определения плотности растительного покрова использованы 31 космоснимок.

Normalized Difference Vegetation Index (NDVI) — нормализованный относительный индекс растительности отражает индекс вегетации, который охватывает показатели между -1 и $+1$ ¹. Этот показатель был привлечен для того, чтобы различать полноценную вегетацию степей ($NDVI \geq 0,2$) от полностью обнаженной земли ($NDVI < 0,2$).

Расчеты ведутся по формуле: $NDVI = (NIR - RED) / (NIR + RED)$, где Red и NIR обозначают измерения спектральной отражательной способности, полученные в красной (видимой) и ближней инфракрасной областях соответственно. Показатель Topsoil Grain Size Index (TGSI) — индекс размера зерна верхнего слоя почвы был рассчитан по формуле: $TGSI = (R - B) / (R + B + G)$, где R, B и G — красная, синяя и зеленая полосы данных дистанционного зондирования соответственно [Xiao et al. 2006]. Эти формулы расчетов были выработаны для того, чтобы исследовать динамику опустынивания в течение длительного времени. Они базируются на том обстоятельстве, что в силу ветровой эрозии в регионах опустынивания размеры почвенных фракций увеличиваются, так как мелкие фракции уносятся ветром в первую очередь. На площадях с полностью обнаженной почвой фракции значительно увеличиваются в размерах, при высоком процентном содержании песка они достигают значений 0,2 [Xiao et al. 2006].

¹ NDVI (Normalized Difference Vegetation Index) [электронный ресурс] // URL: <https://www.sentinel-hub.com/eoproducts/ndvi-normalized-difference-vegetation-index> (дата обращения: 20.09.2020).

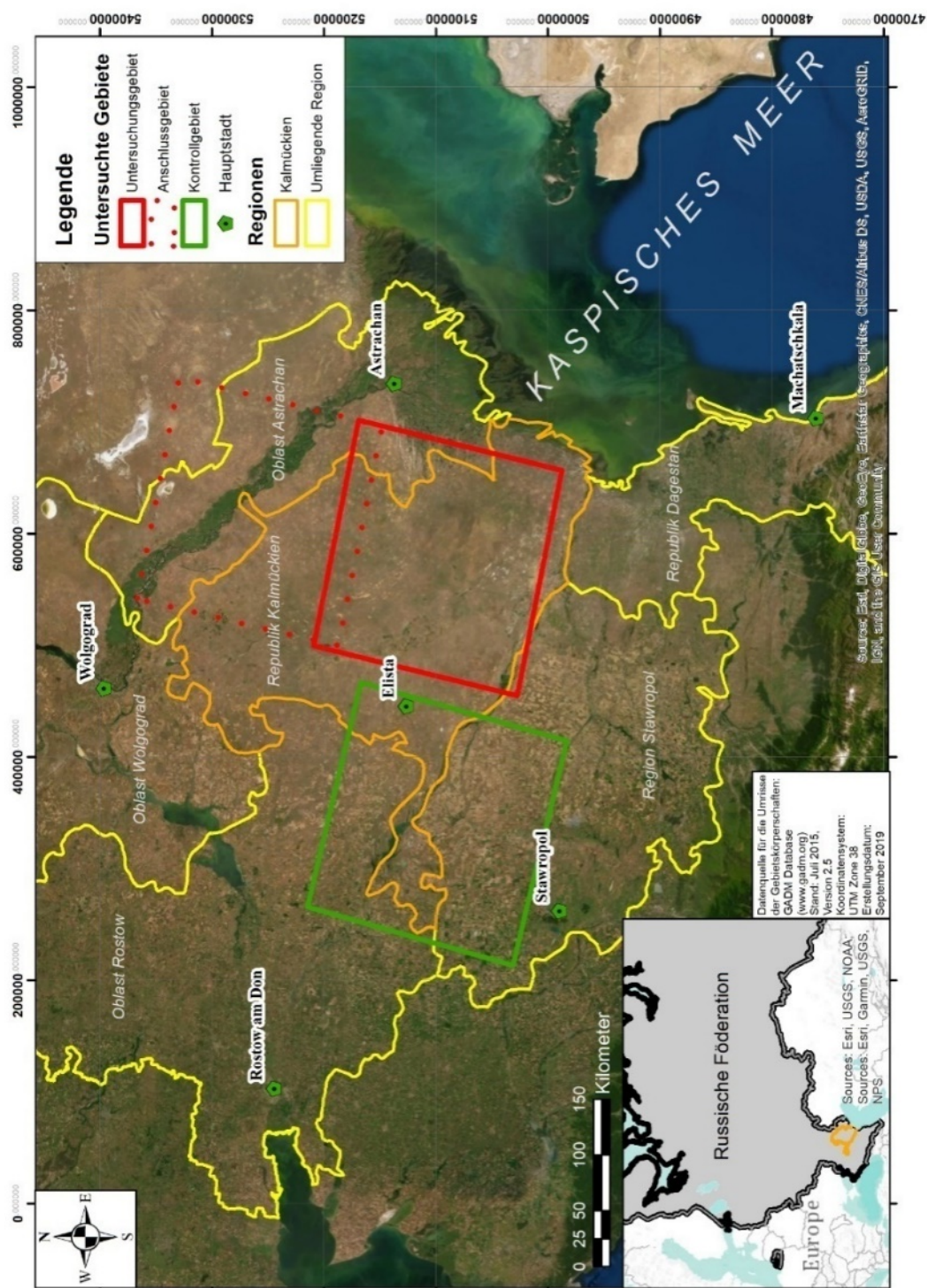

Рис. 1. Расположение зоны исследования, контрольной зоны и примыкающей зоны на юго-западе России

Результаты

В зоне исследования наблюдаются большие колебания в развитии кустарникового растительного покрова, которые каждые десять лет достигают наиболее высоких отметок. По показателю Ph — окислительно-восстановительный потенциал — не распознается определенное направление, регрессия по этому показателю незначительна. Плотность же растительного покрова показывает тренд повышения. По классу «обнаженная почва» четко прослеживается нисходящая тенденция, отчетливо выраженная статистически. По показателю NDVI — по классу 0–0,2 («открытая почва») территория в зоне исследования уменьшилась с размеров примерно 15 000 км² до размеров несколько меньше 5 000 км². Тенденция снижения показателя Ph до 0,002 статистически отчетливо выражена (см. рис. 2).

В целом по данным дистанционного зондирования, не выявлены признаки прогрессирующего процесса опустынивания. Территория обнаженной почвы значительно сократилась в период наблюдения. Показатель NDVI по классу > 0–0,2 «обнаженная почва» демонстрирует значительное уменьшение. Напротив, территория с NDVI > 0,2–0,4 значительно увеличилась. Эти изменения указывают на усиление плотности вегетации. То же самое наблюдается по показателю TGSi: по классу > 0,15–0,2 территория значительно увеличилась, в то время как по классу > 0,25–0,4 территория значительно уменьшилась.

В зоне контроля на местах распахки территория открытой почвы в течение периода наблюдения осталась стабильной на низком уровне. Этот факт позволяет констатировать, что в контрольной зоне не наблюдается никаких признаков опустынивания.

В сравнительной зоне развитие вегетационной массы показало несколько снижающуюся тенденцию, а развитие части обнаженной земли показало повышающуюся тенденцию. Но ни та, ни другая тенденция не имеют статистического веса. В отношении развития доли обнаженной почвы мониторинг показывает, что повышающаяся тенденция была связана только с данными 2011 г., а во все предыдущие годы она не наблюдалась.

В связи с тем, что вегетационное покрытие сильно зависит от атмосферных осад-

ков, был проведен корреляционный анализ, чтобы исключить фактор влияния динамики атмосферных осадков на полученные результаты. Корреляционный анализ показал, что основные использованные показатели независимы от весенних атмосферных осадков и поэтому показывают независимую от атмосферных осадков динамику.

Основные выводы и заключения нашего исследования были в значительной степени подтверждены результатами других исследований [Gubanova et al. 2018]. Указанным коллективом авторов изучено количество аэрозольных частиц в Черноземельском районе Республики Калмыкия, который характеризуется сухими степными условиями с поверхностными песками и засоленными почвами (солончаками). Полученные данные показали, что в этом районе в 2000–2010-х гг. концентрация аэрозольных частиц в атмосфере значительно снизилась по сравнению с концентрацией аэрозолей в засушливых и полузасушливых районах Аральского и Каспийского морей в середине 1990-х гг. Коллектив авторов [Gubanova et al. 2018] пришли к выводу, что недавнее снижение уровня опустынивания в Калмыкии вызвало снижение пылевой нагрузки, они утверждают, что сокращение пастбищных и сельскохозяйственных угодий и восстановление растительного покрова на больших площадях способствуют снижению ветровой эрозии [Gubanova et al. 2018].

Вывод

Анализ классификации по плотности почвенного покрытия показывает, что поверхность непокрытой почвы в зоне исследования с 1985 г. по 2011 гг. значительно сократилась. Классификация по почвенному покрытию показывает также, что на прежних, обширных, лишенных растительного покрова участках, которые входят в территорию заповедника Черные земли, с середины 1990-х гг. появилась достаточно обильная растительность. Районы в северо-восточной части зоны исследования с участками открытой почвы демонстрируют стабильное состояние, без ухудшения ситуации. В числе причин остановки процессов деградации исследователи из Калмыкии указывают уменьшение поголовья скота после распада Советского Союза, высадку защитных насаждений, а также, возможно, возрастающее осознание проблемы

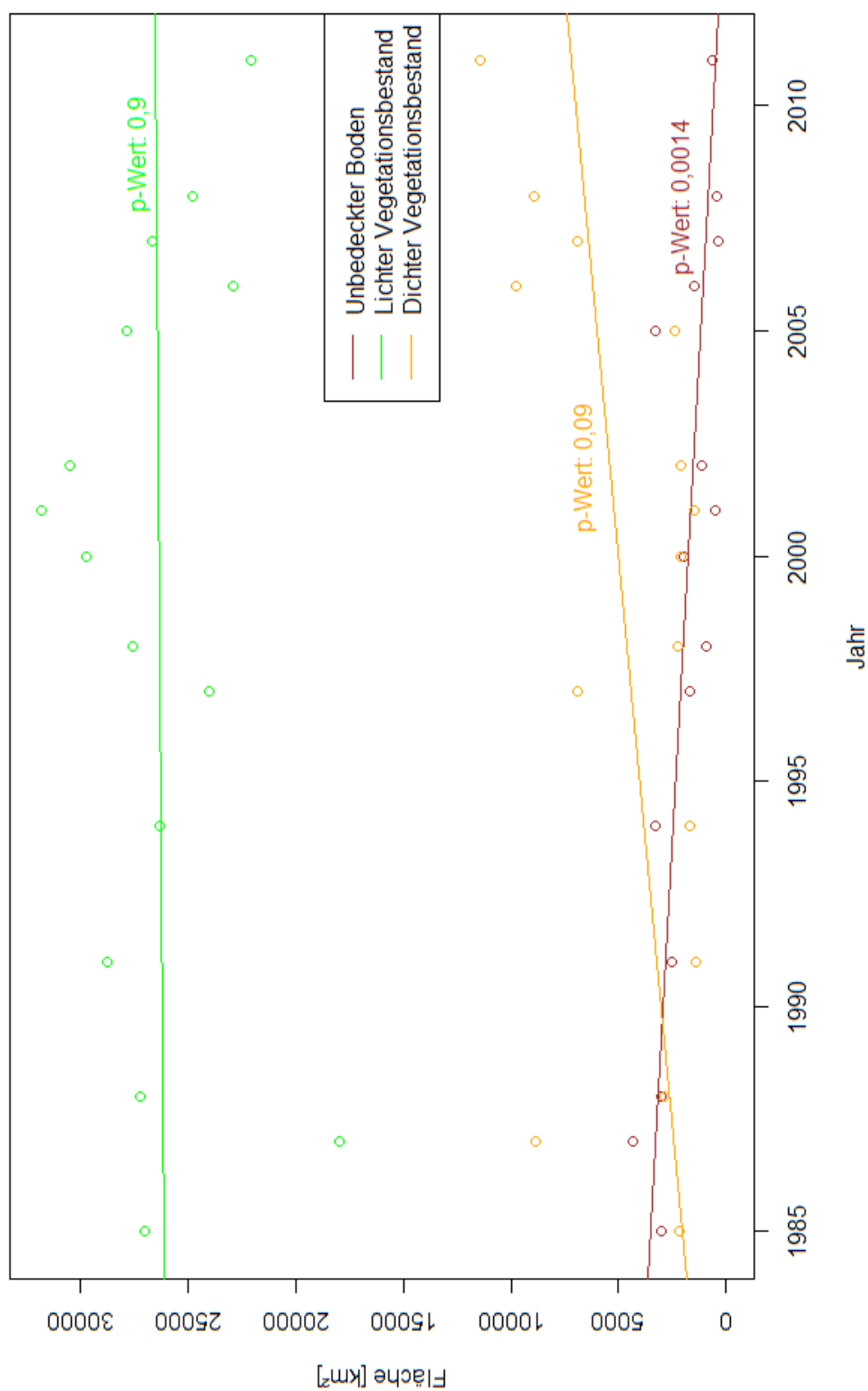

Рис. 2. Площади участков по отдельным классам почвенного покрытия в зоне исследования в период времени 1985–2011 гг. с учетом линейной регрессии

в среде политиков и руководителей хозяйственных организаций, что ведет к более прогрессивному, экологически грамотному,

рассчитанному на долговременную перспективу ведению хозяйства.

Литература

- Bananova, Lazareva 2014 — *Bananova V. A., Lazareva V. G.* Trends of Changes in the Botanical Diversity under the Influence of Desertification in the Republic of Kalmykia // *Arid Ecosystems*. 2004. No. 4. Pp. 119–126.
- Cherlet et al. 2018 — *Cherlet M., Hutchinson C., Reynolds J., Hill J., Sommer S., von Maltitz G.* World Atlas of Desertification. Luxemburg: Publication Office of the European Union, 2018. 239 p.
- Demkin et al. 2010 — *Demkin V. A., Borisov A. V., Demkina T. S., Khomutova T. E., Kashirskaya N. N.* Evolution of soils and dynamics of the climate of steppes in the southeast of the Russian plain during the late eneolithic and bronze ages (fourth to second millennia BC) // *Eurasian Soil Science*. 2010. No. 43. Pp. 1515–1526.
- Gubanov et al. 2018 — *Gubanov D. P., Chkhetiani O. G., Kuderina T. M., Iordanskii M. A., Obvintsev Y. I., Artamonova M. S.* Experimental Studies of Aerosols in the Atmosphere of Semi-arid Landscapes of Kalmykia: 1. Microphysical Parameters and Mass Concentration of Aerosol Particles // *Atmospheric and Oceanic Physics*. No. 54. Pp. 777–793.
- Hölzel et al. 2002 — *Hölzel N., Haub C., Ingelfinger M. P., Otte A., Pilipenko V. N.* (2002): The return of the steppe — large-scale restoration of degraded land in southern Russia during the post-Soviet era // *Journal for Nature Conservation*. No. 10. Pp. 75–85. (На англ. яз.)
- Ivanov, Perera 1997 — *Ivanov A., Perera J.* Russia: Europe's First Desert In The Making. Inter Press Service (IPS) News Service Agency [электронный ресурс] // URL: <http://www.ipsnews.net/1997/06/russia-europes-first-desert-in-the-making/> (дата обращения: 20.09.2020).
- Smelansky, Tishkov 2012 — *Smelansky I. E., Tishkov A. A.* The steppe biome in Russia: ecosystem services, conservation status, and actual challenges // *Werger M. J. A., van Staalduinen M. A. (ed.) // Eurasian Steppes. Ecological problems and livelihoods in a changing world*. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer, 2012. Pp. 45–101.
- Xiao et al. 2006 — *Xiao J., Shen Y., Tateishi R., Bayaer W.* Development of topsoil grain size index for monitoring desertification in arid land using remote sensing // *International Journal of Remote Sensing*. 2006. No. 27. Pp. 2411–2422.
- Zonn 1995 — *Zonn I. S.* Desertification in Russia: problems and solutions (an example in the Republic of Kalmykia-KhalmgTangch) // *Mouat D. A., Hutchinson C. F. (ed.): Desertification in Developed Countries*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1995. Pp. 347–363. (На англ. яз.)
- Бородычев, Дедова, Сазанов 2015 — *Бородычев В. В., Дедова Э. Б., Сазанов М. А.* Водные ресурсы Республики Калмыкия и мероприятия по совершенствованию водохозяйственного комплекса // *Доклады Российской академии сельскохозяйственных наук*. 2015. № 4. С. 41–45
- Демкин 1997 — *Демкин В. А.* Почвоведение и археология: интеграция в изучении истории природы и общества. Пуццино: ОНТИ ПНЦ РАН, 1997. 213 с.
- Золотокрылин, Титкова, Уланова, Федорова 2013 — *Золотокрылин А. Н., Титкова Т. Б., Уланова С. С., Федорова Н. Л.* Наземные и спутниковые исследования пастбищ в Калмыкии, которые отличаются по степени деградации вегетационного слоя // *Аридные экосистемы*. 2013. Т. 19. № 4 (57). С. 32–39.
- Якимов и др. 2007 — *Якимов А. С., Демкин В. А., Алексеев А. О.* Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII–XIV вв. н. э.). М.: НИИ-Природа, Фонд «Инфосфера», 2007. 228 с.

References

- Bananova V. A., Lazareva V. G. Trends of changes in the botanical diversity under the influence of desertification in the Republic of Kalmykia. *Arid Ecosystems*. 2004. No. 4. Pp. 119–126. (In Eng.)
- Borodychev V. V., Dedova E. B., Sazanov M. A. Water resources of the Republic of Kalmykia and measures to improve its water complex. *Russian Agricultural Sciences*. 2015. No. 41. Pp. 369–373. (In Eng.)
- Cherlet M., Hutchinson C., Reynolds J., Hill J.,

- Sommer S., von Maltitz G. World Atlas of Desertification. Luxemburg (Publication Office of the European Union). 2018. 239 p. (In Eng.)
- Demkin V. A. Soil Science and Archaeology: Integrated Studies in the History of Nature and Society. Pushchino: Pushchino Scientific Center (RAS), 1997. 213 p. (In Russ.)
- Demkin V. A., Borisov A. V., Demkina T. S., Khomutova T. E., Kashirskaya N. N. Evolution of soils and dynamics of the climate of steppes in the southeast of the Russian Plain during the Late Eneolithic and Bronze Ages (fourth to second millennia BC). *Eurasian Soil Science*. 2010. No. 43. Pp. 1515–1526. (In Eng.)
- Gubanova D. P., Chkhetiani O. G., Kuderina T. M., Iordanskii M. A., Obvintsev Y. I., Artamonova M. S. Experimental studies of aerosols in the atmosphere of semi-arid landscapes of Kalmykia: 1. Microphysical parameters and mass concentration of aerosol particles. *Izvestiya, Atmospheric and Oceanic Physics*. 2018. Vol. 54. No. 8. Pp. 777–793. (In Eng.)
- Hölzel N., Haub C., Ingelfinger M. P., Otte A., Pilipenko V. N. The return of the steppe — large-scale restoration of degraded land in southern Russia during the post-Soviet era. *Journal for Nature Conservation*. 2002. No. 10. Pp. 75–85. (In Eng.)
- Ivanov A., Perera J. Russia: Europe's First Desert In The Making. On: Inter Press Service (IPS) News Service Agency. Available at: <http://www.ipsnews.net/1997/06/russia-europes-first-desert-in-the-making/> (accessed: September 20, 2020). (In Eng.)
- Smelansky I. E., Tishkov A. A. The steppe biome in Russia: ecosystem services, conservation status, and actual challenges. In: Werger M. J. A., van Staaldunin M. A. (eds.) *Eurasian Steppes. Ecological Problems and Livelihoods in a Changing World*. Dordrecht, Heidelberg, New York, London: Springer, 2012. Pp. 45–101. (In Eng.)
- Xiao J., Shen Y., Tateishi R., Bayaer W. Development of topsoil grain size index for monitoring desertification in arid land using remote sensing. *International Journal of Remote Sensing*. 2006. No. 27. Pp. 2411–2422. (In Eng.)
- Yakimov A. S., Demkin V. A., Alekseev A. O. Lower Volga Steppes in the Middle Ages, 8th to 14th Centuries AD: Natural Conditions. Moscow: NIA-Priroda, Infosfera Foundation, 2007. 228 p. (In Russ.)
- Zolotokrylin A. N., Titkova T. B., Ulanova S. S., Fedorova N. L. Ground-based and satellite investigation of pastures in Kalmykia that vary in degree of vegetation degradation. *Arid Ecosystems*. 2013. No. 3. Pp. 212–219 (In Eng.)
- Zonn I. S. Desertification in Russia: problems and solutions (an example in the Republic of Kalmykia-Khalmg Tangch). In: Mouat D. A., Hutchinson C. F. (eds.) *Desertification in Developed Countries*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1995. Pp. 347–363. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 6, pp. 1623–1631, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1623-1631
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 821.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1623-1631

Тексты Монгольского Ганджура из коллекции О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи) как источник изучения буддийской литературы

Деляш Николаевна Музраева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Музраева Д. Н., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье автор рассматривает круг текстов из разряда дхарани (тарни), включенных в 108-томный канонический свод Ганджур на монгольском языке. Данное ксилографическое издание Монгольского Ганджура, привезенное из Китая индийским ученым Рагхувирой, было опубликовано известным ученым-буддологом Локешом Чандра в серии «Шата-питака» в 1970-х гг. Комплект этого канонического издания был приобретен О. М. Дорджиевым (Тугмюд-гавджи) и в настоящее время хранится в Научном архиве Калмыцкого научного центра РАН в составе коллекции буддийского священнослужителя. *Цель* статьи — дать анализ текстов, направленных против болезней, сходных по названию и содержанию, представленных в разных томах данного канонического собрания. *Материалом* исследования послужили ряд текстов из разряда дхарани (тарни), назначение которых сводится к устранению различного рода болезней и их последствий. Они включены в 14-й и 24-й тома Ганджура, что соответствует разделу «Dandṛ-a» («Тантра»). *Результаты.* В данной публикации приводится транслитерация и перевод сочинений из разряда дхарани (тарни), умиротворяющих различные болезни, эпидемии.

Ключевые слова: буддизм, канонический свод, Ганджур, монгольский язык, дхарани (тарни), умиротворяющая болезни, эпидемии

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Музраева Д. Н. Тексты Монгольского Ганджура из коллекции О. М. Дорджиева (Тугмюд-гавджи) как источник изучения буддийской литературы // Oriental Studies. 2020. № 6. С. 1623–1631. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1623-1631

UDC 821.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1623-1631

The Collection of O. M. Dordzhiev (Tugmyud Gavji): Texts of the Mongolian-Language Kangyur as a Source in Buddhist Literary Studies

Delyash N. Muzraeva¹¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-8619-9369. E-mail: deliash@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Muzraeva D. N., 2020

Abstract. Introduction. The article examines a range of *dharani* (Mong., Kalm. *tarni*) texts included in the 108-volume canonical collection of Mongolian-language Kangyur. This xylographic edition of the Mongolian Kanjur had been delivered from China by the Indian scholar Raghu Vira to be further published by the renowned Buddhist scholar Lokesh Chandra in the Śāta-Piṭaka Series in the 1970s. The whole set of this canonical edition was acquired by Ven. O. M. Dordzhiev (Kalm. *Tügmüd Gadji*), and is currently stored at the Scientific Archive of the Kalmyk Scientific Center (RAS) as part of the Collection of this Buddhist cleric. **Goals.** The paper aims to analyze the texts of prayers against diseases, similar in name and content, presented in different volumes of this canonical collection. **Materials.** To facilitate this, the study investigates a number of texts from the category of *dharani* (*tarni*) aimed at eliminating various diseases and their consequences. Those are included in the 14th and 24th volumes of Kangyur, which corresponds to the ‘*Dandr-a*’ (‘Tantra’) section. **Results.** The publication transliterates and translates works from the category of *dharani* (*tarni*), pacifying various diseases and epidemics.

Keywords: Buddhism, canonical code, Kangyur, Mongolian language, *dharani* (*tarni*), pacifying disease, epidemics

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Muzraeva D. N. The Collection of O. M. Dordzhiev (Tugmyud Gavji): Texts of the Mongolian-Language Kangyur as a Source in Buddhist Literary Studies. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1623–1631. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1623-1631

Введение

Коллекция буддийских письменных памятников, собранная известным калмыцким священнослужителем Тугмюд-гавджи (О. М. Дорджиевым) (1887–1980), хранящаяся в Научном архиве КалмНИЦ РАН, включает издание канонического свода Ганджур [МК 1973–1979]. Это 108-томное собрание первой части буддийского канона на монгольском языке включает большой спектр сочинений, распределенных по таким раз-

делам, как *Dandr-a* (‘Тантра’), *Yum* (‘Юм’), *Qorin tabun mingyatu* (‘Двадцатипятитысячная’ или ‘Пряджняпарамита в 25 тысяч строф’) и др.

В одной из предыдущих публикаций автором был представлен один из текстов дхарани, вошедший в 23-й том Монгольского Ганджура, посвященный культу Будды долголетия Амитаюсу [Музраева, Батсуурь 2020]. Примечательно, что в составе канона, помимо текстов, имеющих отношение к

обряду продления жизни, имеются тексты, предназначение которых — устранить различного рода болезни и их последствия, способствовать излечению от них с помощью лекарств. Как правило, такие тексты включают мантрические, заклинательные формулы.

Материалы

Среди текстов Монгольского Ганджура, посвященных устранению болезней, можно перечислить следующие: Qutuγ-tu qamuγ ebedčîn-i sayitur amurliγuluyčî neretü tarnî ('Тарни, именуемая «Святая, наилучшим образом умиротворяющая все болезни»'), Qutuγ-tu qamuγ ebedčîn-i sayitur amurliγuluyčî tarnî ('Тарни «Святая, наилучшим образом умиротворяющая все болезни»'), Qutuγ-tu kiγig ebedčîn-i sayitur amurliγuluyčî tarnî ('Тарни «Святая, наилучшим образом умиротворяющая все заразные болезни (эпидемии)»') — тексты, включенные в состав 14-го тома Монгольского Ганджура. В составе 24-го тома представлены: Qutuγ-tu qamuγ ebedčîn-i sayitur amurliγuluyčî neretü tarnî ('Тарни, именуемая «Святая, наилучшим образом умиротворяющая все болезни»'), Qutuγ-tu qamuγ kiγig ebedčîn-i sayitur amurliγuluyčî tarnî ('Тарни «Святая, наилучшим образом умиротворяющая все заразные болезни (эпидемии)»'), Yar-a-yi anayayčî neretü toytayal tarnî ('Тарни, именуемая «Излечивающая от ран»'), Gal-un emgeg-i sayitur amurliγuluyčî tarnî ('Тарни, наилучшим образом умиротворяющая ожоги¹'), Sir-a ebedčîn-i arilyayčî tarnî ('Тарни, избавляющая от болезней желчи'), Badgan ebedčîn-i arilyayčî toytayal tarnî ('Тарни, избавляющая от болезней слизи'), Kša-ya ebedčîn-i arilyayčî tarnî inu ('Тарни, избавляющая от болезни легких') и др.

Среди текстов дхарани наше внимание привлек ряд заклинательных текстов, предназначение которых заключается в сохранении здоровья, устранении всевозможных бедствий, которые приносят болезни.

«Дхарани, именуемая „Святая, наилучшим образом умиротворяющая все болезни“»

В перечне сочинений, составивших том 24, оно представлено под № 655 двумя

титулами: монг. Qutuγ-tu qamuγ ebedčîn-i sayitur amurliγuluyčî neretü tarnî и санскр. Ārya-sarva-roga-praśamanī-nāma-dhāraṇī. Следующее сочинение (№ 656) имеет аналогичное название на монгольском языке, которое приводится в оглавлении тома согласно окончанию текста: Qutuγ-tu qamuγ ebedčîn-i sayitur amurliγuluyčî tarnî.

Транслитерация²

Qutuγ-tu qamuγ ebedčîn-i sayitur amurliγuluyčî neretü tarnî

[452] Enedkeg-ün keleber: a-a ry-a sarva roga braśa|mani na-a-ma dharani: töbed-ün keleber: 'bagsba | nad tams jad rabdu šivar byed ba jes byab-a-yi | gzungs:: mongyol-un keleber: qutuγ-tu qamuγ ebedčîn-i sayitur amurliγuluyčî neretü tarnî: | qamuγ burxan bodhi sado-nar-a mörgümü: eyin kemen | minu sonosuγsan nigen čay-tur: ilaγu tegüs | nögčigsen siravasdi balyasun-u jid köbegün-ü | čēčeqliγ A na-a ta bindadi-yin qotala-yi | bayasqaqui qoriyan-dur sayun bölüge: tendeče | ilaγu tegüs nögčigsen ayay-q-a tagimlig-ud-tur | jarliγ bolur-un: ayay-q-a tagimlig-ud-a ene nom-un | jüil-i baridqun: jēgüdkün: ungšidqun: qotala-yi | dotur-a-ban oroγuludqun: busud-ta ber ayui | yekede üneger üjügülüdkün: dady-a ta-a: čili | mi: čili mi: ba na kongili: šri madi: gundali | dundubhi: indr-a ni muli sova-ha-a: edeger | kemebesü idegen ese singgegsen: kökegsen: čisun-luy-a | süsün qolicalduγsan: qortiy ebedčîn-e kürtegsen: | qoškinay ebedčîn: jayandunaqui ba: čar-tu | qaniyadun ba: kiγig ebedčîn: eki ebedčîn: jarim | qaldas ebedčîn: birid-ta bariγdaysad-un niyuča | tarnis-un sitügen buyu: Ananda-a ali ede niyuča | tarni-yin sitügen-eče dabqaji tere kemebesü: [453] bi ber tngri-lüge nigen-e yirtinčü-dür ese üjebei: | nasun-ian baraydaysan anu qariy-a-tu busu bolai: | ede niyuča tarni-yin sitügen kemebesü tegünčilen iregsen dayini daruγsan üneger tuγuluγsan burqan | nomlaysan buyu: egün-dür burqan kemebesü qamuγ amitan-u | dededü bolai: tačiyangyui-ača qayačayсан kemebesü | qamuγ nom-ud-un dededü bolai: quvaray

² В транслитерации вертикальные линии указывают на конец строк. Также повсеместно в транслитерации отражены пунктуационные знаки в виде двух точек (:) и четырех точек (::) в соответствии с тем, как они зафиксированы в тексте. В фигурных скобках указываются восстановленные графемы. Цифры в квадратных скобках указывают на номер листа в издании.

¹ Букв. 'мучения от огня'.

kemebesü qamuy | çiyuluysad-un degedü bolai:
ene ünen üge kiged | ünen ayalıys-iyar minu
idegsen uuyıysan: | jančilıysan: amsaysan
bügüde sayitur amuyulang-a | singgekü
boltıyai sova h-a ilaıu tegüs nögçıgsen | teyin
kemen jarlıy bolıysan-dur: tedeger ayay-q-a
| tagimlig-ud dayan bayasulçaıu: ilaıu tegüs
nögçıgsen-ü | jarlıy-i ilede maytabai: qutuy-tu
qamuy ebedçin-i | sayitur amurliıuluyçı tarni
tegüsbe:: : ::

Перевод

Дхарани, именуемая «Святая, наилучшим образом умиротворяющая все болезни»

[452] На языке Индии (т. е. на санскрите): «Арья сарва рога брашамани на-ма дхарани»³, на тибетском языке: «Над тамс джад рабду шивар бйед ба жес бйабаи гзунг»⁴; на монгольском языке: «Тарни (дхарани), именуемая „Святая, наилучшим образом умиротворяющая все болезни“». Поклоняюсь всем буддам и бодхисаттвам.

Однажды, когда сказанное так [было] услышано мною, Бхагаван⁵ пребывал в Шравастии⁶ в Джетаване, в саду Анатхапиндады. Вслед за этим Бхагаван сказал странствующим монахам: «Странствующие монахи! Это писание примите⁷, носите при себе⁸, начитывайте, всецело вберите в себя, самым праведным образом разъясните другим. „Дадья та. чили ми. чили ми. ба на конгили. шри мади гундали дундубхи. индра ни мули сова ха“. — Это есть основание тайных тарни [для] тех, кто оказался подвержен болез-

ням, таким, как несварение, отечность, когда с кровью смешивается гной, геморрой, болезни кишечника, зуд, хриплый кашель, заразная болезнь, болезнь головного мозга, некоторые другие заразные болезни, кто оказался во власти бириды⁹.

[453] О Ананда, я не знаю никого в этом мире, [даже] в сфере богов, кто мог бы противостоять такому основанию этой тайной мантры. Это не относится к тем, кто исчерпал срок своей жизни. Что касается этих тайных тарни, то их проповедовал Татхагата, Архат и Самый совершенный Будда. В силу этого Буддами называются высшие из существ. Освобождение от привязанности — это высшее из учений. Монахи — это высшие в собрании. Силой истинности слова и истинности этой речи пусть все, что съедено и выпито, проглочено, и все, испробованное на вкус, пусть наилучшим образом усвоится, сва-ха», — когда Бхагаван произнес это, те странствующие монахи, вторя ему, возрадовались, стали явно возносить хвалу словам Бхагавана. Завершилась святая дхарани, умиротворяющая все болезни» [МК 1974. Т. 24. Л. 452–453].

Сразу же за текстом этой тарни следует, практически примыкает к нему, текст более краткой по объему тарни, имеющей аналогичное название «Святая тарни, наилучшим образом умиротворяющая все болезни». Отличие в титулах сводится лишь к тому, что в первом из рассматриваемых текстов, присутствует слово *neretü* 'именуемая'.

Но для того, чтобы стало понятно, в чем отличие второго от первого текста, мы представляем этот текст в транслитерации и переводе:

Транслитерация

Qutuy-tu qamuy ebedçin-i sayitur amurliıuluyçı tarni

[453] yurban erdeni-dür mörgümü:
ilaıu tegüs nögçıgsen | tegünçilen iregsen dayini
darıysan üneger tuyuluysan | vçir degedü qaıan
burqan-a mörgümü: dady-a ta-a: | baçır baçır:
ma ha-a baçır: sarva bhy-a dhi | ha na ha na
baçır na sova ha-a: qutuy-tu | qamuy ebedçin-i
sayitur amurliıuluyçı tarni tegüsbei: [МК 1974.
Т. 24. Л. 453]

⁹ Бирид (бирд) — преты 'чудовища ада; существа с большим брюхом и узким горлом, находящиеся в аду в наказание за грехи' [БАМРС 2001: 242].

³ Санскр. Ārya-sarva-roga-prāśamanī-nāma-dhāraṇī.

⁴ Тиб. 'Phags pa nad thams cad rab tu zhi bar byed pa'i gzungs ('Дхарани, наилучшим образом умиротворяющая все болезни').

⁵ Бхагаван (санскр. bhagavan, тиб. bcom-ldan-'das, монг. ilaıu tegüs nögçıgsen) — один из эпитетов Будды Шакьямуни, который переводится как «Победоносно прошедший» («Ушедший с победой»).

⁶ Действие данной сутры происходит в одном из известных мест близ города Шравастии (тиб. mnyam yod), столицы древнего царства Кошала на севере Индии, связанных с именем Будды Шакьямуни. См. напр.: [Андросов 2000: 613–614].

⁷ Зд. букв. 'возьмите, держите'.

⁸ Букв. 'навесьте на себя'.

Перевод

**«Святая тарни, наилучшим образом
умиротворяющая все болезни»**

[453] Поклоняюсь Трем драгоценностям¹⁰. Поклоняюсь Бхагавану, Татхагате, Архату, Самому совершенному Будде, наивысшему царю ваджры — Будде. «Дадыа та. бачир бачир. маха бачир. сарва бхья дхи ха на ха на бачир на сова-ха». Завершилась святая дхарани, наилучшим образом умиротворяющая все болезни» [МК 1974. Т. 24. Л. 453].

Таким образом, в 24-м томе Монгольского Ганджура представлены два сочинения жанра дхарани, предназначение которых избавлять от ряда болезней, при этом второй текст более краток. Если первый текст изложен самим Буддой, который наставляет странствующих монахов, включая и ближайшего ученика Ананду, дает разъяснения относительно тайных тарни, то второй содержит лишь три основных элемента — формулу поклонения, тарни (заклинательные формулы) и фразу о завершении текста.

Примечательно, что в рассматриваемом каноническом собрании имеется другой текст с аналогичным названием, включенный в 14-й том. Так же, как и другие тексты из 24-го тома, они составляют раздел Dandr-a (тиб. rgyud 'Тантра') [МК 1974. Vol. 1–25]. В связи со сказанным возникают вопросы, являются ли эти два текста полными аналогами?, в чем их сходство, а в чем различие? можно ли определить имя переводчиков? что характерно для их техники перевода? и др. Поставленные вопросы побуждают нас представить второй текст. Ниже мы приводим транслитерацию второго текста из 14-го тома.

Транслитерация

**Qutuy-tu qamuy ebedčin-i sayitur
amurliyluyūči neretü tarni::**

[712] Enedkeg-ün keleber: a-a ry-a sarva roga braṣamani na-a-ma dharani::¹¹ töbed-ün keleber: 'bagsba | nad tams jad rabdu šivar byed

¹⁰ Под Тремя драгоценностями имеются в виду Будда, Дхарма (его Учение) и Сангха (монашеская община).

¹¹ Санскр. Ārya-sarva-roga-praśamanī-nāma-dhāraṇī.

bai gzungs::¹² [713] mongyol-un keleber: qutuy-tu qamuy ebedčin-i sayitur | amurliyluyūči neretü tarni:: | qamuy burxan bodhi | sado-nar-a mörgümü: eyin kemen minu sonosuysan nigen | čay-tur: ilaju tegüs | nöğčigsen siravasdi balyasun-u jid | köbegün-ü čēčeqliq A na-a ta bindadi-yin qotala-yi bayasqaqui | qoriyan-dur sayun bölüge: tendeče ilaju tegüs nöğčigsen | ayay-q-a tagimlig-tur jarliq bolur-un: ayay-q-a | tagimlig-ud-a ene nom-un jüil-i baridqun: jëgüdkün: | ungšidqun: qotala-yi dotur-a-ban oroyuludqun: busud-a ber | ayui yekede üneger üjügülüdkün: dady-a ta-a: | čilimi čilimi: pa ana kongili šri madi gundali | dundu bhi: indra ni muli sova-ha-a:: edeger | kemebesü idegen ese singgegsen: kebeli kögegsen[:] čisun-luy-a | süsün qoličaldaysan: qortiy ebedčin-e kürtegsen: | qoskinay ebedčin: jayandunaqui sigüsütü qaniyadun čar: | kesig (=kiǰig) ebedčin: eke ebedčin: jarim qaldas ebedčin[:] birid-a bariydaysan kiged-ün niyuča tarnis-un sitügen buyu: | Ananda-a ali ede niyuča tarni-yin sitügen-eče | dabqaǰi tere kemebesü: tngri-lüge nigen-e yirtinčü-dür | ese üjebei bi: | jayayan-iyar baraydaysan qariy-a | busu bolai: | ede niyuča tarni-yin sitügen kemebesü | tegünčilen iregsen dayini daruysan üneger tuyu{l}uysan | burqan | nomlaysan buyu: egün-dür burqan kemebesü: qamuy | amitan-u degedü bolai: tačiyangyui-ača qayačaysan | kemebesü: qamuy nom-ud-un degedü bolai: quvaray kemebesü | qamuy čiyuluyad-un degedü bolai: ene ünen üge kiged | ünen ayaluy-iyar minu idegsen uuyuysan: | ja{n}čiluyas a{m}sayas bügüde sayitur amuyulang-a singgekü bo{l}tuyai | sova-h-a. ilaju tegüs nöğčigsen teyin kemen jarliq | boluysan-dur tedeger ayay-q-a tagimlig-ud dayan | bayasulčaju: ilaju tegüs nöğčigsen-ü | jarliq-i ilede [714] maytabai: qutuy-tu qamuy ebedčin-i | sayitur amurliyluyūči tarni tegüsbe:: : :: [МК 1974. Т. 1. Л. 712–714].

Как видно из представленного текста «Дхарани (тарни), именуемая „Святая, наилучшим образом умиротворяющая все болезни“», в целом его содержание совпадает с содержанием текста тарни из 24-го тома. Различия затрагивают лексику, оформление некоторых грамматических форм (категорий), например, в транслитерации тибетского названия сочинения пропущено сочета-

¹² Тиб. 'Phags pa nad thams cad rab tu zhi bar byed pa'i gzungs ('Дхарани, наилучшим образом умиротворяющая все болезни').

ние *jes byab-a-yi* ('так называемый'), в некоторых случаях отсутствуют или изменены отдельные лексемы, форманты множественного числа, падежей. В передаче тарни также имеются небольшие отличия в начертании графем. По этому поводу можно согласиться с мнением тибетолога Дж. П. Далтона [Dalton 2016], который указывал на отсутствие специальных руководств по озвучиванию заклинательных формул. Если учесть, что такие молитвенные слоги и слова, как правило, записываются специально созданными галиками, которые при переносе на ксилографические доски могли искажаться резчиками, если добавить, что иногда при печати с клише на бумагу текст местами мог не пропечататься, то возникает немало проблем для тех, кто начитывает, воспроизводит молитвенный текст, молитвенные формулы.

Нельзя не отметить, что и в этом случае за этим, более полным текстом тарни, следует краткий текст с аналогичным названием (в его именовании опущено слово *neretü* 'именуемая').

Транслитерация

Qutuy-tu qamuy ebedčün-i sayitur amurliyluyči tarni

[714] *γurban erdeni-dür mörgümü: ilaju tegüs nögčigsen | tegünčilen iregsen dayini daruysan üneger tuyuluysan | včir degedü qayan burqan-a mörgümü:: dady-a ta-a: | bacar bacar: ma ha-a bacar: sarva bhy-a dhi | ha na ha na bacar na sova ha-a:: qutuy-tu | qamuy ebedčün-i sayitur amurliyluyči tarni | tegüsbe: [MK 1974. T. 14. Л. 714].*

«Дхарани, именуемая „Святая, наилучшим образом умиротворяющая все эпидемии“»

Непростая ситуация, с которой столкнулись люди в начале этого года, заставляет исследователей обратить внимание на проблему, которая была знакома человечеству довольно давно, не только столетия тому назад, а и намного раньше. Подтверждением этому могут послужить тексты Монгольского Ганджура, которые были составлены именно для того, чтобы противостоять болезням (не только людей, но и животных), а также эпидемиям. Один из таких текстов включен в 24-й том. Он име-

ет название «Дхарани, именуемая „Святая, наилучшим образом умиротворяющая все эпидемии“». В тексте не указаны имена переводчиков.

Транслитерация

Qutuy-tu qamuy kiġig ebedčün-i sayitur amurliyluyči tarni:

[453] *Enedkeg-ün keleber: a-a ry-a juvar-a prašamani | na-a-ma dharani: töbed-ün keleber: 'pagspa rims | nad tams cad rabdu šivar byedba jeis byaigei | gzungs:: mongyol-un keleber: qutuy-tu qamuy kiġig | ebedčün-i sayitur amurliyluyči tarni: qamuy | burxan bodhi sado-nar-a mörgümü: eyin kemen minu | sonosuysan nigen čay-tur: ilaju tegüs nögčigsen | ranjagriq-a balyasun-daki serigün oi neretü yeke | ükeger-tür sayun bölüge: tendeče nigen [454] ayay-q-a tagimlig ilaju tegüs nögčigsen qamiy-a | бүкү tende oduyad kürčü bür-ün: ilaju tegüs | nögčigsen-ü köl-dür terigüber-iyen mörgüged nigen | жүг-tür sayubai: nigen жүг-tür sayuġu tere ayay-q-a tagimlig ilaju tegüs nögčigsen-e eyin kemen | öčibei: toyin ilaju tegüs nögčigsen-a ende | kiġig ebedčün teyin böged könögegedsen | amitan-nuyud abasu ele: ilaju tegüs nögčigsen-a | tedeger-i sakın soyurq-a: tendeče ilaju tegüs | nögčigsen qoyınaysi-ban qaraġu üjged: amin | yaġbiy-a-tu Ananda-dur ġarlıy bolur-un: Ananda-a | ene жүг-tür ғал-un түлү-yin erike kemekü kiġig | ebedčün amui: tere amitan-nuyud ta nigen | edür-ün. qoyar edür-ün: γurban edür-ün kiged: | dörben edür-ün yosuyar teyin böged könögemüi: | tegün-i sakıquı niyuča tarnis-un sitügen inu | ede buyu: dady-a ta-a: colani colani: br-a | colani bradi ba ni: brašamani minu kiġig ebedčün | oduyay: buu sayutuyay sova-ha-a: ünen kiged | ünen üges alin-iyar yırtinčü-dür burqan tengsel | ügei kiged yırtinčü-dür nom kiged: quvaray | tengsel ügei-yin ünen kiged tere ünen üge-ber | minu kiġig ebedčün oduyay buu sayutuyay | sova-ha-a: siddhi ja<...>u mandr-a badyi: dara-tu | biddhiy-a dom basma a-a nu mod sova-ha-a: | qar-a utasun-dur qorin nigen-te tarnidaġu qorin nigen-te | ġanggiddaqui: ilaju tegüs nögčigsen teyin kemen ġarlıy | boluysan-dur: tedeger ayay-q-a tagimlig-ud dayan bayasulčaġu: | ilaju tegüs nögčigsen-ü ġarlıy-i ileddte maytabai:: qutuy-tu qamuy kiġig | ebedčün-i sayitur amurliyluyči | neretü tarni tegüsbe:: : :: [MK 1974. T. 24. Л. 453–454].*

Перевод
**«Дхарани (тарни), именуемая
 „Святая, наилучшим образом
 умиротворяющая все заразные
 болезни“»**

[453] На языке Индии (=на санскрите): «Арья джувара прашамани нама дхарани»¹³; на тибетском языке: «Пагспа римс над тамс чад рабду шивар бйидба жис бйеигей»¹⁴ гзунгс»¹⁵; на монгольском языке: «Дхарани (тарни), именуемая „Святая, наилучшим образом умиротворяющая все эпидемии“». Поклоняюсь всем буддам и бодхисаттвам.

Однажды, когда сказанное так [было] услышано мною, Бхагаван пребывал в Раджагрихе¹⁶ на большом кладбище¹⁷, именуемом «Прохладная роща». Вслед за этим один странствующий монах отправился туда, где находился Будда, достиг [того места]. Поклонившись (припав) головой к стопам Будды, сел, [обратившись] в ту же сторону, что и [Будда]¹⁸. Посидев [какое-то время, повернувшись] в ту же сторону, тот странствующий монах обратился к Бхагавану с такими словами: «Тойн¹⁹ Бхагаван, поскольку здесь определено есть живые существа, заболевшие заразной болезнью, о, Бхагаван, не сообразовали ли их уберечь». Вслед за этим Бхагаван, обернувшись, посмотрел, и обратил свои слова досточтимому Ананде: «Ананда, в этом направлении есть заразная болезнь, именуемая „Гирлянда из языков пламени“. Тех живых существ [она] заставляет мучиться обычно один день, два, три или четыре дня. Опора [из] тайных тарни, которые способны оградить от нее, такова: „Дадья та. цолани цолани. бра цолани бра-

ди ба ни. брашамани[.] Пусть сгинет моя заразная болезнь! Пусть не останется, соваха! Силой истины, или истинного слова, Будды, Дхармы и сангхи, равных которым нет во всем мире, пусть моя болезнь сгинет, не задержится, соваха! Сиддхи джа<...>у мандра бадьи дарату биддхия дом басма-ану мод соваха!»²⁰. На черной нити, произнеся двадцать один раз тарни, сделать двадцать один узел», — когда Бхагаван изрек это, те монахи вслед возрадовались, стали явно прославлять слова Бхагавана.

Завершилась дхарани, именуемая «Святая, наилучшим образом умиротворяющая все эпидемии».

В соответствии с тем, как выше сравнивались сходные тексты тарни, включенные в два разных тома, мы придерживаемся того же принципа и в отношении тарни, направленной на умиротворение эпидемий. Выше был рассмотрен текст из 24-го тома, здесь же мы приводим транслитерацию текста дхарани из 14-го тома. В нем указаны имена переводчиков: Enedkeg-ün ubadini²⁰ Jin-a Midr-a kiged Dana šiila-luy-a yekede nayirayuluyad orosiylubai: Ene tarni-yi mongyol-un kelen-dur Gundga 'od zer mergen Manjuśrī bandida orčiylubai: 'Индийские учителя (наставники) Джина Митра и Дана Ши́ла, значительно отредактировав, внесли в состав [свода]. Эту тарни на монгольский язык перевел Гунга Одсэр мудрый пандита Манджушри' [МК 1974. Т. 24. Л. 455].

Транслитерация
**Qutuy-tu kijig ebedčin-i sayitur
 amurliyuluyči neretü tarni:**

[714] Enedkeg-ün keleber: a-a ry-a juvar-a praśa|mani | na-a-ma dharanii: töbed-ün keleber: | 'pagsba rims nad tams jad rabdu zivar | byidbai gzungs:: mongyol-un keleber: qutuy-tu | kijig ebedčin-i sayitur amurliyuluyči tarni: | qamuy burxan bodhi sado-nar-a mörgümü: | eyin kemen minu sonosuysan nigen čay-tur ila|ju | tegüs nögčigsen ranjagir-q-a balyasundaki serigün | tön (tös) neretü yeke ükeger-tür sayun bölüge: | tendeče nigen ayay-q-a tagimlig ila|ju tegüs nögčigsen | qamiy-a бүкү tende oduyad kürčü bür-ün: ila|ju | tegüs nögčigsen-ü

¹³ Санскр. Ārya-jvara-praśamanī-nāma-dhāraṇī.

¹⁴ Должно быть «баи», отражающее тиб. ba'i. Очевидно, ошибка закралась при вырезании текста клише.

¹⁵ Тиб. 'Phags pa rims nad rab tu zhi bar byed pa'i gzungs.

¹⁶ Действие данной сутры происходит в Раджагрихе, одном из известных мест, в которых пребывал и проповедовал Будда.

¹⁷ Здесь сказано yeke ükeger-tür 'на большом кладбище'. Как известно, Будда произносил свои проповеди, пребывая в разных местах.

¹⁸ Букв. 'в том же направлении'.

¹⁹ От монг. toyin 'тойн, духовная особа' [Ковалевский 1849: 1782], 'духовная особа, монах' [Голстунский 1893: 113].

²⁰ ubadini (или ubadiy-a) имеет те же значения, что ubadi 'учитель, наставник; духовный отец' [Голстунский 1893: 164].

köl-dür terigüber-iyen mörgüged | nigen жүг-
түр sayubai: nigen жүг-түр sayuḡu | бүр-үн:
tere ayay-q-a tagimlig ilaḡu tegüs nögčigsen-e
| eyin kemen öčibei: toyin ilaḡu tegüs
nögčigsen-a | ende kiḡig ebedčün-e teyin böged
könögegdegsen | amitan-nuyud abasu ele: ilaḡu
tegüs nögčigsen-a | tedeger-i sakın soyurq-a:
tendeče ilaḡu tegüs nögčigsen qoyınaysida-ban
qaraḡu üjged: amin yaḡıy-a-tu | Ananda-dur
jarlıy bolur-un: Ananda-a ene жүг-түр | ғал-un
oči-tu erike kemekü kiḡig ebedčün amui: | tere
amitan-nuyud-a nigen edür-үн: qoyar edür-
үн: [715] yurban edür-үн kiged: dörben edür-
үн yosuyar | teyin böged könögemüi: tegün-i
sakiqi niyuča tarnis-un | sitügen inu ede buyu:
dady-a ta-a: colani | colani: pr-a colani pradi:
pani pra ša mani | minu kiḡig ebedčün odtuyai
buu sayutuyai | sova-ha-a: ali tere ünen kiged:
ünen üges-iyer | yirtinčü-dür burqan tengsel
ügei: yirtinčü-dür | nom kiged: quvaray tengsel
ügei-yin ünen kiged: | tere ünen üge-ber minu
kiḡig ebedčün odtuyai | buu sayutuyai sova-ha-a:
siddhyan du mandr-a | badii dar-a-du biddhy-a
dan br-a ham-a a-a nu mod sova-ha-a: | qar-a
utasun-dur qorin nigen-te tarnidaḡu qorin
nigen-te | jaḡgiddaqui: ilaḡu tegüs nögčigsen
teyin kemen jarlıy | boluysan-dur: tedeger ayay-
q-a tagimlig-ud dayan bayasulčaḡu: | ilaḡu tegüs
nögčigsen-ü jarlıy-i ileddte maytabai: qutuy-tu
qamuy kiḡig | ebedčün-i sayitur amurliyuluyči
| neretü tarni tegüsbe: : :: [МК 1974. Т. 14.
Л. 714–715].

Перевод

«Дхарани, именуемая „Святая, наилучшим образом умиротворяющая заразные болезни“»

[714] На языке Индии (=на санскрите):
«Арья джувара прахамани нама дхарани»²¹;
на тибетском языке: «Пагспа римс над тамс
чад рабду шивар бйидбаи гзунгс»²²; на
монгольском языке: «Дхарани, именуемая
„Святая, наилучшим образом умиротворя-
ющая эпидемии“». Поклоняюсь всем буд-
дам и бодхисаттвам.

²¹ Санскр. Ārya-jvara-prāṣamanī-nāma-dhāraṇī.

²² Тиб. 'Phags pa rims nad thams cad rab tu zhi bar byed pa'i gzungs. Как видно из тибетского титула сочинения, приведенного в начальных строках, речь идет обо всех заразных болезнях. В монгольском же переводе названия сочинения, слово «все» (qamuy) опущено.

Однажды, когда сказанное так [было] услышано мною, Бхагаван²³ пребывал в Раджагрихе на великом кладбище, именуемом «Прохладная роща». Вслед за этим один странствующий монах отправился туда, где находился Будда, достиг [того места]. Припав головой к стопам Будды, сел, [обратившись] в ту же сторону²⁴, что и [Будда]. Посидев [какое-то время], [повернувшись] в ту же сторону, тот странствующий монах обратился к Бхагавану с такими словами: «Тойн Бхагаван, поскольку здесь определено есть живые существа, заболевшие заразной болезнью, о Бхагаван, не соблаговолите ли их уберечь». Вслед за этим Бхагаван, обернувшись, посмотрел, и обратил свои слова досточтимому Ананде: «Ананда, в этом направлении есть заразная болезнь, именуемая „Гирлянда из языков пламени“. Тех живых существ [она] заставляет мучиться обычно один день, два дня, [715] три дня или четыре дня. Опора [из] тайных тарни, которые способны ограждать от нее, такова: „Дадыа та. цолани цолани. пра цолани прадипани прахамани[.] Пусть сгинет моя заразная болезнь! Пусть не задержится, соваха! В силу этой истины и истинности этих слов, то, что в мире нет равных Будде, в мире нет равных дхарме и сангхе, [является] истиной. Пусть в силу истинности этих слов моя болезнь сгинет, не задержится, соваха! Сиддхьян ду мандра бадии дараду биддхия дан бра хама-а а-а ну мод соваха-а!“». На черной нити, произнеся двадцать один раз тарни, сделай двадцать один раз узел», — когда Бхагаван изрек это, те монахи вслед возрадовались, стали явно прославлять слова Бхагавана.

Завершилась дхарани, именуемая «Святая, наилучшим образом умиротворяющая заразные болезни».

Заключение

Представленные дхарани (тарни) являются образцами буддийских текстов, преследующими мирские цели поддержания здоровья верующих. Текстологическое изучение подобных сочинений в составе монгольского «Ганджура» представляет одну из актуальных задач современного монголоведения, поскольку способно пролить свет на историю формирования буддийского канона на монгольском языке.

²³ Бхагаван — один из эпитетов Будды, см. прим. 5.

²⁴ Букв. «в том же направлении».

Литература

Андросов 2000 — Андросов В. П. Буддизм Нагарджуны: Религиозно-философские трактаты / ред. Т. М. Швецова. М.: Вост. лит., 2000. 800 с.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь: в 4 т. / под ред. Г. Ц. Пюрбеева. Т. 1. М.: Academia, 2001. 486 с.

Голстунский 1893 — Монгольско-русский словарь, составленный профессором С.-Петербургского университета К. Ф. Голстунским. Т. 3. СПб.: Лит. А. Иконникова, 1893. 491 с.

Ковалевский 1849 — Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. Т. 2. Казань: Университ. тип., 1849. С. 1228–1545.

Музраева, Батсуурь 2020 — Музраева Д. Н.,

Амгаланг Батсуурь. Дхарани из состава Монгольского Ганджура (на примере «Дхарани, именуемой „Сердце-сущность Святого, [обладающего] безграничной жизнью и знанием“») // Монголоведение. 2020. № 2. С. 225–270.

Dalton 2016 — Dalton J. P. How Dharanis were Proto-Tantric: liturgies, ritual manuals, and origins of the Tantras // Tantric Traditions in Transmission and Translation» / ed. David B. Gray, Ryan Richard Overbey. New York: Oxford University Press, 2016. Pp. 199–230.

МК 1973–1979 — Mongolian Kanjur / ed. by Lokesh Chandra from the Collection of Prof. Raghuvira. New Delhi: Jayyed Press, 1973–1979. Vol. 1–108. (Śata-Piṭaka Series. Vol. 101–208).

References

Androsof V. P. Buddhism of Nagarjuna: Religious and Philosophical Treatises. T. Shvetsova (ed.). Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. 800 p. (In Russ.)

Dalton J. P. How Dharanis were Proto-Tantric: liturgies, ritual manuals, and origins of the Tantras. In: Gray D. B., Overbey R. R. (eds.) Tantric Traditions in Transmission and Translation. New York: Oxford University Press, 2016. Pp. 199–230. (In Eng.)

Golstunsky K. F. (comp.) Mongolian-Russian Dictionary. Vol. 3. St. Petersburg: A. Ikonnikov, 1893. 491 p. (In Mong. and Russ.)

Kovalevsky O. M. Mongolian-Russian-French Dictionary. Vol. 2. Kazan: Imperial Kazan

University, 1849. Pp. 1228–1545. (In Mong., Russ. and Fr.)

Mongolian Kanjur. Lokesh Chandra (ed.). From the Collection of Prof. Raghuvira. New Delhi: Jayyed Press, 1973–1979. Vol. 1–108. (Śata-Piṭaka Series. Vol. 101–208). (In Mong.)

Muzraeva D. N., Batsuuri A. Dhāraṇī texts from the Mongolian Kangyur: a Case Study of The Dhāraṇī Titled ‘Heart-Essence [of the Holy One Possessing] Limitless Life and Knowledge’. Mongolian Studies. 2020. No. 2. Pp. 255–270. (In Russ.)

Pyurbeyev G. Ts., Luvsandendev A., Tsendendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Mong. and Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1632–1640, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1632-1640
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC 821.512.36

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1632-1640

‘Booklore’ Talismans in Daily Life of the Mongols: A Case Study of Two Collections of Mongolian Manuscripts

Anna D. Tsendina¹

¹ National Research University Higher School of Economics (Bldg. 1, 21/4, Staraya Basmannaya St., Moscow 105066, Russian Federation); Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor, Leading Research Associate

 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina@gmail.com

© KalmSC RAS, 2020

© Tsendina A. D., 2020

Abstract. *Introduction.* By the beginning of the 20th century, the Mongols had widely used texts on apotropaic magic in their daily life. Among them there are writings with pictures and descriptions of talismans aimed at averting diseases and mishaps, attracting wealth and good favour. All this sort of writings resembles heterogeneity of traditions. *Goals.* The paper aims at examining various types of ‘booklore’ talismans in magic practices of the Mongols. *Results.* Like other spheres of Mongolian culture those represent pre-Buddhist, Buddhist and Chinese layers. That was conditioned by the history of the Mongols, their neighbourhood with civilizations they had been integrated with during the course of their existence. As for ‘booklore’ talismans, there are two groups of them: one includes pictures originated from Taoist talismans, the other includes Indian and Tibetan *dharanis*, texts and Buddhist symbols. They penetrated into the Mongolian culture in different periods and in different ways. Thus, usage of ‘booklore’ talismans by the Mongols resulted in complicated multi-layer complexes which assembled Hindu, Tibetan pre-Buddhist, Mongolized Buddhist and Chinese Taoist elements in different combinations. *Conclusions.* The work reveals several clusters of ‘booklore’ talismans once popular among the Mongols and originated from pre-Buddhist, Buddhist and Taoist beliefs.

Keywords: Mongols, daily life, rites, manuscripts, talismans

Acknowledgements. The reported study was funded by government grant in the form of federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist — project name ‘From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews’ (no. 075-15-2019-1879).

For citation: Tsendina A. D. ‘Booklore’ Talismans in Daily Life of the Mongols: A Case Study of Two Collections of Mongolian Manuscripts. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1632–1640. (In Eng.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1632-1640

УДК 821.512.36

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1632-1640

«Книжные» талисманы в повседневной жизни монголов (по двум коллекциям монгольских рукописей)

Анна Дамдиновна Цендина¹

¹ Высшая школа экономики (д. 21/4, стр. 1, Старая Басманная ул., 105066 Москва, Российская Федерация); Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-0909-6953. E-mail: annatsendina@gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Цендина А. Д., 2020

Аннотация. *Введение.* До начала XX в. монголы широко использовали тексты по апотропической магии в своей повседневной жизни. Среди них имеются надписи с изображениями и описаниями талисманов, направленных на предотвращение болезней и несчастий, привлечение богатства и благополучия. Все эти сочинения свидетельствуют о гетерогенности традиций. *Цели.* Статья посвящена изучению различных типов «книжных» талисманов в магических практиках монголов. *Результаты.* Как и другие сферы монгольской культуры, «книжные» талисманы отражают добуддийское, буддийское и китайское влияние, что было обусловлено историей монголов, а также их соседством с цивилизациями, с которыми они контактировали. Что касается «книжных» талисманов, то их можно разделить на две группы: одна группа включает себя изображения, происходящие из даосских талисманов, другая включает индийские и тибетские дхараны, тексты и буддийские символы. «Книжные» талисманы проникли в монгольскую культуру в разное время и разными путями. Использование «книжных» талисманов монголами являлось результатом сложных многослойных комплексов, в которых в различных комбинациях соединены индуистские, тибетские добуддийские, монгольские буддийские и китайские даосские элементы. *Выводы.* В исследовании выявлены несколько групп «книжных» талисманов, когда-то популярных среди монголов и происходящих из добуддийских, буддийских и даосских верований.

Ключевые слова: монголы, повседневная жизнь, ритуалы, рукописи, талисманы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта в форме субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект № 075-15-2019-1879 «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»).

Для цитирования: Цендина А. Д. «Книжные» талисманы в повседневной жизни монголов (по двум коллекциям монгольских рукописей) // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1632–1640. (На англ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1632-1640

Introduction

Daily life of the Mongols, like that of any other nation, had been strictly regulated by law and traditions. In patriarchal Mongolia before the beginning of the 20th century,

traditions usually prevailed. Those were greatly conditioned by people's beliefs in transcendental forces which affected and even ruled human lives, as well as in opportunities to read their 'messages' and react against them

through magic manipulations. There exist a number of texts on human daily routine life which include guidance about omens, fortune-telling, and averting bad luck [Banzarov 1955; Bawden 1958a; Bawden 1958b; Sazykin 1988: No. 1583–1617; Cerensodnom 1997; Gerasinova 1999; Birtalan 2003].

Among such texts there are quite many of those devoted to apotropaic magic, particularly to talismans which were to avert evil forces and mishaps, to attract prosperity and well-being. Most often, pictures, interpretation and directions how to use these talismans can be found in medical or rather sorcery books. While one group of ‘booklore’ talismans includes pictures originated from Taoist talismans, the other includes Indian and Tibetan *dharani*, texts and Buddhist symbols.

Below are the examples of ‘booklore’ talismans borrowed from the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs stored at the Memorial Flat of Mongolian Academician Ts. Damdinsuren (Ulaanbaatar, Mongolia) and those from the private collection of his disciple R. Otgonbaatar (see fig. 1–3).

1. Talismans originated from Taoist cults

The collection of Damdinsuren’s memorial flat comprises the Mongolian manuscript titled ‘Fortune Telling through Light Gold Looking Glass to Clarify Good and Evil Signs’¹ [Bilguudei, Otgonbaatar, Tsendina 2018: No. 914]. This manuscript is anonymous and supposedly dates back to the 18th–19th centuries. It contains many pictures of talismans originated from Taoist symbols. It is close to treatises about omens on animals appearances and behavior, and are based on Chinese traditions. Below are guiding inscriptions how to use the pictures.

1. (4a) If a camel a horse or a cow is born mutant, hang this talisman above your dwelling.²
2. (4a) This talisman annihilates all evil omens coming from animals.³
3. (5b) It is a protective talisman if a camel, a horse or a cow is born mutant.⁴

¹ Mong. Sayin mayu iru-a-yi toda=ruyu=luy=či gegen öngge-tü altan toli kemekü üjelge oru=siba.

² Mong. temege mori üker akiyadlabasu ger degere keyisge.

³ Mong. aliba adayusun-u mayu iru-a-yi daruqu vuu.

⁴ Mong. mori üker luusa eljige akiyadalbasu daruqu vuu ene bui.

5. (7b) Two talismans preventing from cattle loss.⁵
6. (7b) It is a talisman for cow’s horns.⁶
8. (7b) If a cow 7 times jumps upon your dwelling, put this talisman in the distinguished part of it.⁷
9. (8b) It is a talisman for sheep.⁸
11. (9a) Write the talisman for sheep and open the roll.⁹
12. (9a) It’s a talisman to annihilate signs from sheep and pigs (?), open it.¹⁰
13. (9a) If a dog climbs upon your dwelling, it’s a bad sign. Use paper to make a dog, go as far as 18 steps and throw it away together with the skin (?), 3 pieces of white silk, 1 cup of water, decorate it with 10 threads. Write the talisman and perform an averting rite. Here is the talisman.¹¹
14. (11a) Four talismans to annihilate evil signs coming from dogs.¹²
15. (11a) It is a talisman [to annihilate evil omens coming] from pigs.¹³
17. (11a) It is a talisman [to annihilate evil omens coming] from cats.¹⁴
19. (11b) It is a talisman [to annihilate evil omens coming] from hens and ducks.¹⁵
21. (11b) Three talismans [to annihilate evil omens coming] from all wild and domestic animals.¹⁶
22. (12b) This talisman is [against omens coming] from horses. Stick it on the place of deformity.¹⁷
23. (13b) It is a talisman for common

⁵ Mong. ükerün üküli jasa=qu qoyar jüil vuu ene.

⁶ Mong. ükerün eber-tü kikü vuu.

⁷ Mong. üker ger degere 7 ta qaraiyisan-i vuu qoyimara jегүү.

⁸ Mong. qonin-u vuu ene bui.

⁹ Mong. qonin-u-yin vuu-yi bičijü delge.

¹⁰ Mong. qoni yaqai-yin iru-a qariyulqu vuu-yi (?) tu inu delge.

¹¹ Mong. noqai ger-tür abirabasu mayu čayasun-iyar noqai kijü <нрзб> arisu 3 čayan torγ-a 1 ayay-a usu 10 keseg utasu-bar čimejü 18 alqu yaǰar-a yary-a vuu bičijü qariyul : vuu inu ene bui.

¹² Mong. noqai-yin aliba mayu iru-a-yi qariyulaqu-yin dörben jüil bui.

¹³ Mong. yaqai-yin vuu ene bui.

¹⁴ Mong. mii-yin vuu ene bui.

¹⁵ Mong. takiy-a nuγusun-u vuu ene bui.

¹⁶ Mong. aliba ariyatan görügesün-ü vuu ene 3 bui.

¹⁷ Mong. mori-yin vuu ene bui akiyadqalaysan yaǰara nay-a.

- dwelling.¹⁸ It is a talisman for dwelling and property.¹⁹ It's a talisman of fire.²⁰
26. (13b) If harm comes from a burhan-protector of any home, pay respect to him using white fragrance, raisins, dates, fruit and food, give prayer to the Gloss Sandal. This is a talisman.²¹ It is a talisman of burhan.²²
27. (14a) Write a talisman for birds and tie it up to your body.²³
28. (14a) It is a talisman annihilating bad signs.²⁴
30. (14b) Write the talisman and avert.²⁵
31. (15a) These are six types of talismans against [omens coming from] all birds.²⁶
32. (15a) It is a talisman annihilating bad signs coming from ravens, owls and magpies.²⁷
34. (15b) It is a talisman annihilating evil coming from birds.²⁸
36. (16a) It is a talisman against teeth creak.²⁹
38. (16a) This is a talisman annihilating bad signs coming from urine.³⁰
39. (16b) Wear upon your body.³¹
40. (16b) It is a talisman against alcohol.³²

2. Talismans based on Tibetan letters and figures

Alongside with talismans of Chinese origin, those based on Tibetan Buddhist symbols were also widespread among the Mongols.

¹⁸ Mong. yerü gerün ayımay-un vuu ene bui.

¹⁹ Mong. ger barayan-u vuu ene bui.

²⁰ Mong. ɣalun vuu ene.

²¹ Mong. basa 1 gerün sakiyulayun burqan-ača gem bolbasu ɣasal anu : čayan küji : üjüm čibay-a jimis idegen-iyer takil takijü čoytu candan ungsi : vuu ene bui.

²² Mong. burqan-i vuu ene bui.

²³ Mong. sibayun-u vuu bičijü bey-e-du qada.

²⁴ Mong. mayu iru-a-yi qariyulqu vuu ene bui.

²⁵ Mong. vuu bičijü qariyul.

²⁶ Mong. aliba sibayun-u jiruyun jüil vuu ene bui.

²⁷ Mong. keriy-e uyuli siyaɣjai-yin mayu iru-a-yi qariyulqu vuu ene bui.

²⁸ Mong. sibayun-u mayu-yi daruqu vuu inu ene bui.

²⁹ Mong. sidü qabirbasu daruqu buu.

³⁰ Mong. sigesün-ü mayu iru-a-yi qariyulqu vuu ene bui.

³¹ Mong. bey-e-dür jегüü. The text gives explanation that this talisman is against women who had buried 7 husbands.

³² Mong. arikin-u vuu ene bui.

This kind talisman against wolves was described by Hungarian Scholar G. Kara [Kara 2005: 198]. The work of Gombojab can prove that. A manuscript without a title is stored at Damdinsuren's memorial flat [Bilguudei, Otgonbaatar, Tsendina 2018: No. 901]. The author of the work is a famous Mongolian historian and writer Gombojab (1670–1750) who created monumental works on the history of Buddhism in China (Tib. *rGya nag chos 'byung*), the Mongolian history (Mong. *Tangy-a-yin urursqal*) and also numerous treatises on traditional medicine. His treatises are about popular, folk methods of curing diseases. So, talismans presented in his works are aimed to cure different diseases. These are solely tablets with Tibetan signs and figures. Below are the examples.

(1b)

na ³³	ma	ta	pa	sha
ma	ta	pa	sha	na
ta	pa	sha	na	ma
pa	sha	na	ma	ta
sha	na	ma	ta	pa

If you write it on a swelling or stick the writing on it, the disease will abate. If you put the writing into the water and drink it, any inner tumor will soon be gone.³⁴

(2a)

1	9	4
6	5	3
9	1	2

Draw it and show it to a woman. Let her know each one of the nine figures, then put the drawing into the water and make her drink a bit. Use the rest of the water to pour upon her from the top beginning from her head, and she will give birth quickly.³⁵

³³ The diagram gives letters of Tibetan script.

³⁴ Mong. aliba qabudar-tur degere inu jiruqu buyu jiruy=san-i niy-a=basu darui amurliqu doturaki qabudar metü-tür uyulyabasu udal ügegüy-e kögejü ɣaryayu.

³⁵ Mong. egüni jiruyad tere <...> eke nar-tur ü <...> lun yisün öriy-e-yi nige nige todurqay-a taniyuluyad : tendeče usun-iyar ugıyaju öčüken jöyuly-a ülegsın-i inu toluɣai-ača inu doruyı ulam tısürbesü qurdun könggejeyü.

³⁶ All letters are written in Tibetan.

ma ³⁶	li	dhi
sha	ma	sa
ya	ma	ma(?)

Or write it and stick under the navel. That will provide easy and quick delivery.³⁷

(2b)

1		20
18	3	
12	2	60

Salt from a salt-marsh, sandalwood, camphor, silh (?), aloe, hemp, saffron, hyarvan (?) — use these eight fragrant substances to write figures in this table, fumigate it with these eight fragrances and hang it upon animal's head. It's the best magic to avoid trouble.³⁸

3. *Sa yig*

The above mentioned talismans belong to so called *sa yig* group (from Tib. *sa yig* 'inscription, sign'; or *bza' yig* 'inscription to be eaten'). This is a special group of talismans consisting of *dharani* or some other magic combinations of symbols and letters which should be eaten in case of a disease or danger. Another manuscript from Otgonbaatar's collection (2 sheets 20x8, Russian paper, black Indian ink, no title, no pagination) written in Mongolian and Tibetan script, contains pictures together with explanations of *sa yig*. Here are some examples:

(1a) Om Akra maha saka saha. If you roll it and swallow, it will help to relieve passing urine.

Habraabaa hapraapaa habraa habraa haathaa. Eat this if spirits (*lus*) have done harm to you.

Radza hrim raya pad. *Sa yig* to be eaten in case of swelling.

Gahu gahu gahu. To be eaten from eyes disease.

Saahaa salahaa saatha. To be eaten from wall-eye.

Damayu thammayu thumanayu. To be eaten from senseless talks.

Hagaa haahaa haabaa. Won't be any raw.

³⁷ Mong. esebesü egüni bičiged küisün dor-a niyabasu darui könggiči=yü.

³⁸ Mong. qujir čandan kiged gabur silh : agaru jayar gürgüm kirvang ene naiman ünür-iyer ene gürtün-i üilesün-dür bičiged mön-kü sayin ünür-ten-i sürčijü aduyusun-u oroi-dur jégülgebesü yamsiy tasulaqu erkim ubadis bui :

Thaalaa bahaa haatha haatha. To be eaten from abscesses.

Yapahaamaa lapamanaa magramaa moomhaa. Eat it to cure contagious cold.

Omaasaa Abhaa Ahahaahaa. Eat it up to get placenta out.

Haasaa haahra haahra haahra. To be eaten from ticks.

Om a ka se byi ka se mahaa ka se ye sva haa. This *sa yig* should be eaten in case of heavy breathing.³⁹

4. Dara-Ehe's Key

In the previous text we have mentioned the talisman which should be given to a woman to ease delivery. There also existed a special picture for the purpose — so called 'Dara-Ehe's Key' (Tib. *sgrol ma'i lde mig*; Mong. *Dara eke-yin tülkigür*). It depicted a kind of a labyrinth. Woman had to pass her finger over it to find the exit. Then the fetus was supposed to get out easily. It should be mentioned that such talismans existed mostly as printed ones [[Kara 2005: table IX](#)].

Conclusions

Here we have mentioned only two collections of Mongolian manuscripts to present some examples of talismans which the Mongols used in their daily life. However, these can be

³⁹ (1a) (Tib.) Om Akra spa maha saka saha : (Mong.) egüni degere-eče doruyši ebkejü jalgibasusu qayayduysan amur=liyu ::

(Tib.) habrābāā hāprāpāā habrāā hābrā hāthā (Mong.) luus-ača boluysan-du ide

(Tib.) radza hrim raya phat : (Mong.) qadqaqui ebečin-dü idekü sayi-a

(Tib.) gahu gahu gahu (Mong.) nidün-ü ebečin-dü ide

(Tib.) sāhā salahā sāthā (Mong.) nidün-ü čayan ide

(Tib.) damayu thammayu thumanayu (Mong.) demei dongyud=qudu ide

(Tib.) hagĀ hāhā hābā (Mong.) kele ama ügei bolqu

(Tib.) thālā bahā hātha hātha (Mong.) boyuma-du ide

(Tib.) yapahāmā lapamanā magramā mōmḥā (Mong.) yama-du ide

(Tib.) Omāsā Abahā Āha Ahahāhā (Mong.) qoyidu sayada=qudu ide

(Tib.) hāsā hāhra hāhra hāhra (Mong.) yambar=ba qačig-tü ide

(Tib.) Om A ka se byi ka se mahā ka se ye sā hā // (Mong.) qoyulai boyuyudu=qudu idekü sayi-y.

used to draw certain conclusions. All written works of this group demonstrate heterogeneity of traditions which they resembled. Like other spheres of Mongolian culture, they represent pre-Buddhist, Buddhist and Chinese layers. It was conditioned by the history of the Mongols, their neighborhood with civilizations they had been integrated with during the course of their existence. As a result, the ritual life of the Mongols assembled Hindu, Tibetan pre-Buddhist, Buddhist, Mongolian pre-Buddhist, Mongolian Buddhist and Chinese elements in different combinations. Those created complicated multi-layer patterns accepted and implemented by the Mongols.

In pre-Buddhist era, the Mongols mostly used magical talismans by 'word of mouth practice'. This practice still remained popular even when Buddhism appeared and various treaties on the theme (usually of Tibetan and Chinese origin) became widespread. Therefore, there existed two parallel 'cultures' among the Mongols in this sphere: written and verbal ones. It is noteworthy that these two either hardly ever intersect or intersect negligibly. There was scarcely any transmission of one layer into the other as well as borrowings from each other. For example, there was a popular belief among the Mongols that needles and other sharp items can avert evil forces and protect people and their dwellings from harm. Therefore, sharp items (hedgehog's skin, a handsaw or scissors) were fixed over a yurt, hedgehog's needles were sewn up into the clothes, etc. However, examined manuscripts and printed books contain virtually no mentions of such a custom.

The Indian component which was a result of spreading Buddhism among the Mongols, (late 16th – early 17th cent.) can be seen in different protective talismans containing a number of Indian *dharani*, combinations of Hindu and Buddhist symbols (i. e. swastika) [Bennigsen 1912].

Buddhism is known to have come to Mongolia in a Tibetan form, and no wonder that the Tibetan influence upon shapes and kinds of talismans in Mongolia was dominating. 'Booklore' talismans discovered belong to a rather archaic Tibetan layer, later more or less assimilated by the Buddhist tradition. In the later tradition, the function of protecting human's life was transmitted to Buddhist gods and Buddhist prayers.

And now about Chinese elements in talismans and texts describing them. The Taoist influence is obvious here. Chinese Taoist talismans (Chin. *fu* 符, Mong. *bu*, *buu*, *vu*) [Torchinov 2007; Benebell Wen 2016; Yin Zhang 2018] have been found in Mongolian manuscripts since rather early times. In a birch bark manuscript (supposedly 16th cent. stored at the Russian State Archive of Ancient Documents), in the prayer to Avalokiteshvara, one can read an expression repeated several times: 'Here is a talisman and *tarni*⁴⁰ devoted to Honsim-Bodisong'⁴¹ (12-a–14a). It is supplied with a typical picture of talisman [Otgonbaatar, Tsendina 2008: 200–201, 222–224]. Thus, we can see that talismans like that were known in Mongolia long ago, before the latter's annexation to the Manchu Qing Empire (1644). It is also proved by Mongolian *tamga* (brand) based on Chinese magic symbols which were often used in talismans [Kara 2005: 160–161].

However, it is not so easy to answer the question how these Chinese elements appeared in Mongolian books and rites. Certainly, household business and other contacts between Mongols and Chinese had always been intensive throughout their history. They became especially close during the Mongol Empire (1260–1360) when the Mongolian dynasty Yuan ruled China, and during the Qing Empire (1644–1911) when Mongolia became part of the latter. In this period, the influence of Chinese economy, mode of life, arts, written tradition was extremely great. This sphere also included their conception of world structure, religion and rites. Due to the above mentioned it seems obvious how *Taoism* and other Chinese cults penetrated into the Mongols' life. And still it is not quite so. Part of them — primarily talismans and life protecting rites — came to Mongolia not from China directly but were mediated by Tibetan written tradition.

We know that in Tibetan culture, especially at the early stage of spreading Buddhism (7th – 9th cent.), the Chinese component occupied a great place. It seems to be then that many ritual customs, beliefs, types of magic and mantic of Chinese origin, particularly talismans, were accepted. During the following centuries these were supplemented with translations of var-

⁴⁰ Mongolian pronunciation of *dharani*.

⁴¹ Mong. qonsim bodisug-un buu inu tarni ene bui.

ious Chinese treaties into Tibetan. Old cults and texts were assimilated by the later Tibetan tradition, sometimes without wording, sometimes being changed by *Gelug* doctrine or other 'new' Buddhist schools. But the fundamentals, supposedly, were laid exactly at the time of the Tibetan Empire in the 7th–9th centuries AD.

Such multilayer structure assumes some elements of Mongolization. They do exist, indeed. Thus, despite obviousness of the Chinese origin of 'bu' talismans, they have letters of

Tibetan and Mongolian script, Tibetan figures, Hindu and Buddhist symbols, Buddhist mantra 'u ma hum' written in Mongolian script. It denotes that the process of including *Taoist* symbols of life protecting magic into the Tibetan-Mongolian paradigm was on in Mongolia.

Many of these 'booklore' talismans and traditions of using them to avert evil forces are still alive nowadays, though their sphere of application is getting narrower and their types are being transformed due to global changes.

References

- Banzarov 1955 — *Banzarov D.* Black faith: Or Shamanism among the Mongols. In: Banzarov D. Collected Works. Moscow: USSR Academy of Sciences. Pp. 48–100. (In Russ.)
- Bawden 1958a — *Bawden C. R.* Astrologie und Divination bei den Mongolen — die schriftlichen Quellen (Astrology and divination among Mongols: written sources). *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. 1958. Vol. 108. Pp. 317–337. (In Germ.)
- Bawden 1958b — *Bawden C. R.* On the practice of scapulimancy among the Mongols. *Central Asiatic Journal*. 1958. Vol. IV. No. 1. Pp. 1–44. (In Eng.)
- Benebell 2016 — *Benebell Wen.* Tao of Craft: Fu Talismans and Casting Sigils in the Eastern Esoteric Tradition. Berkley: North Atlantic Books, 2016. 616 p. (In Eng.)
- Bennigsen 1912 — *Bennigsen A. P.* Legends and Folktales of Central Asia Collected by Graf A. P. Bennigsen. St. Petersburg, 1912. 168 p. (In Russ.)
- Bilguudei, Otgonbaatar, Tsendina 2018 — *Bilguudei G., Otgonbaatar R., Tsendina A.* Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs from Ts. Damdinsuren's Memorial Flat. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2018. 620 p. (In Mong.)
- Birtalan 2003 — *Birtalan A.* Ritualistic Use of Livestock Bones in the Mongolian Belief System and Customs. In: *Altaica Budapestinensia MMII. Proceedings of the 45th Permanent International Conference (Budapest, June 23–28, 2002)* / ed. A. Sárközi, A. Rákos. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2003. Pp. 34–62. (In Eng.)
- Cerensodnom 1997 — *Cerensodnom D.* Mongolian Literature of Buddhism. Vol. 1. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1997. (In Mong.)
- Gerasimova 1999 — *Gerasimova K. M.* Life Protecting Rites in Central Asian Buddhism. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 1999. 159 p. (In Russ.)
- Kara 2005 — *Kara G.* Books of the Mongolians Nomads: More Than Eight Centuries of Writing Mongolian. J. R. Krueger (transl.). Bloomington: Indiana University, 2005. 371 p. (In Eng.)
- Otgonbaatar, Tsendina 2008 — *Otgonbaatar R., Tsendina A.* Mongolian birch bark manuscripts from the Russian State Archive of Ancient Documents. In: *Tsendiin Damdinsuren. Celebrating the 100th Anniversary of Birth*. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2008. Pp. 192–235. (In Russ.)
- Sazykin 1988 — *Sazykin A. G.* Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Vol. 1. Moscow: Nauka, 1988. 511 p. (In Russ.)
- Torchinov 2007 — *Torchinov E. A.* Taoism: The Path to Immortality. St Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2007. 608 p. (In Russ.)
- Wen 2016 — *Wen B.* Tao of Craft: Fu Talismans and Casting Sigils in the Eastern Esoteric Tradition. Berkley, California: North Atlantic Books, 2016. 600 p. (In Eng.)
- Yin Zhang 2018 — *Yin Zhang.* Combating illness-causing demons in the home: fabing treatises and their circulation from the Late Ming through the Early Republican Period. *Late Imperial China*. 2018. Vol. 39. No. 2. Pp. 59–108. (In Eng.)

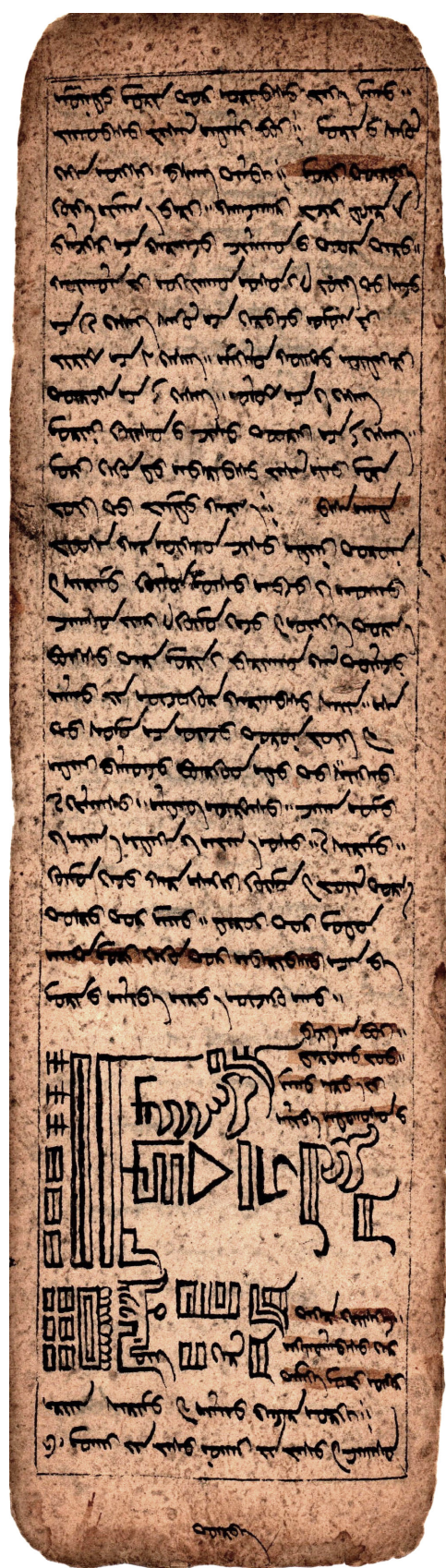

Fig. 1. List 4a of Mongolian manuscript MH 1097 from the collection of Damdinsuren's memorial flat in Ulaanbaatar

Fig. 2. List 1b of the manuscript from Otgonbaatar's private collection

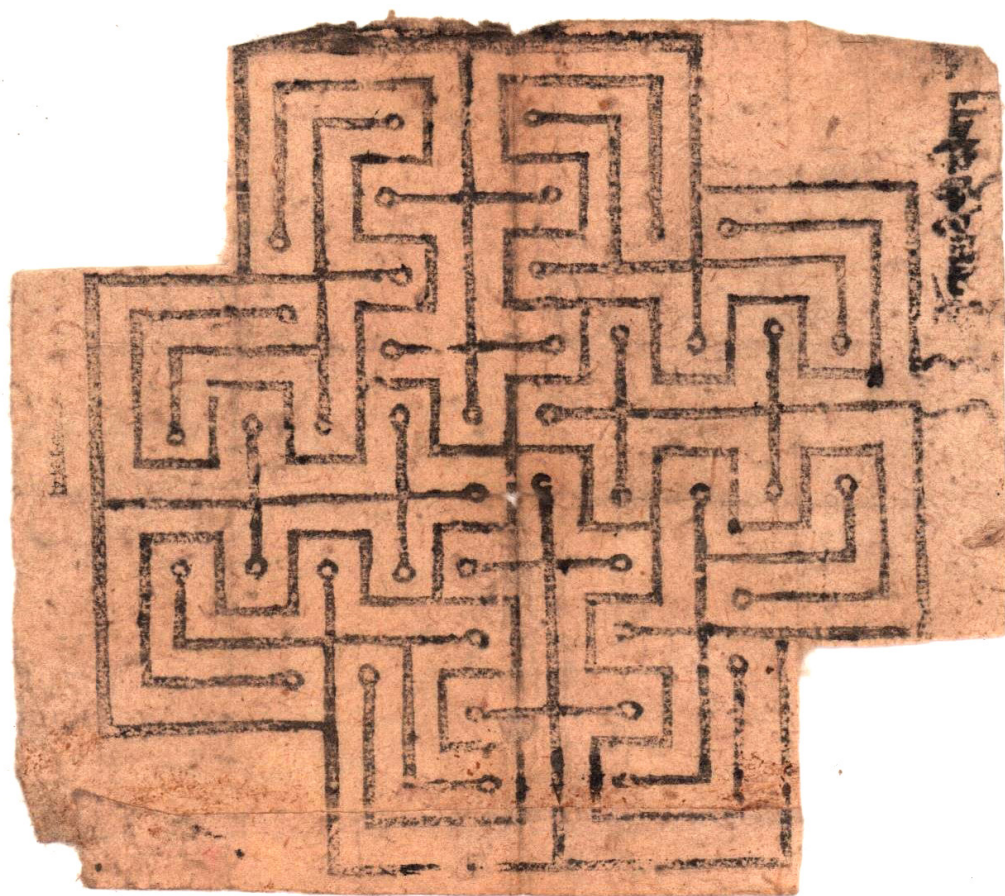

Fig. 3. Dara-Ehe's Key' from Otgonbaatar's private collection

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 13, Is. 6, pp. 1641–1651, 2020
DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1641-1651
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 294.3+003.335

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1641-1651

Гадание по нагару лампы

Бембя Леонидович Митруев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© КалмНЦ РАН, 2020

© Митруев Б. Л., 2020

Аннотация. *Введение.* Гадание по нагару лампы было распространено среди множества других видов гаданий в Тибете, Монголии, Калмыкии и других регионах. *Цель* статьи — ввести в научный оборот тексты такого гадания на китайском, тибетском и монгольском языках. Анализ этого гадания проливает свет на ценности, логику, символизм и структуру традиционного общества. *Материалы.* В статье использован материал из разных источников. Китайский текст гадания взят из китайской публикации, изданной в Хух-хото Цзинь Сюй Чжэньжэнем. Тибетский текст — с сайта Центра буддийских цифровых ресурсов (Buddhist Digital Resource Center). Пекинский ксилограф монгольского текста данного гадания хранится в монгольском фонде Института восточных рукописей РАН. Он был сверен с другой копией пекинского ксилографа, полученной от преподавателя кафедры философии и религиоведения Национального университета Монголии Дэмбэрэла Сухээ. *Результаты.* В статье проанализирован традиционный способ гадания по нагару лампы и проведено сравнительное исследование текстов на трех языках, представлены перевод и транслитерация китайского, тибетского и монгольского текстов гадания.

Ключевые слова: гадание, лампа, нагар, китайский, тибетский, монгольский

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1). Автор выражает благодарность А. М. Ятри и А. А. Сизовой за помощь в подготовке статьи, Дэмбэрэлу Сухээ — за возможность ознакомиться с рукописью.

Для цитирования: Митруев Б. Л. Гадание по нагару лампы // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1641–1651. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1641-1651

UDC 294.3+003.335

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1641-1651

Oil Lamp Snuff Divination

Bembya L. Mitruiev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Research Associate

 0000-0002-1129-9656. E-mail: bemitrouev@yahoo.com

© KalmSC RAS, 2020

© Mitruiev B. L., 2020

Abstract. *Introduction.* Oil lamp snuff divination practices used to be widespread enough in Tibet, Mongolia, Kalmykia, and other regions. *Goals.* The paper introduces into scientific discourse texts thereof in Chinese, Tibetan, and Mongolian. The analysis of the practices reveals values, logic, symbols, and structural patterns inherent to traditional societies. *Materials.* The article examines a number of sources, namely: 1) a Chinese text published in Hohhot (Inner Mongolia, PRC), 2) a Tibetan text posted on the website of Buddhist Digital Resource Center, 3) a Beijing xylograph of one Mongolian text stored at the Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia). The latter was checked against another copy of the Beijing xylograph submitted by Demberel Sūkhee, a lecturer at the National University of Mongolia (Department of Philosophy and Religious Studies). *Results.* The article analyzes the traditional oil lamp snuff divination method and provides a comparative study of texts in three different languages, translating and transliterating the employed sources.

Keywords: divination, oil lamp, snuff, Chinese, Tibetan, Mongolian

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’ (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1). The author expresses gratitude to A. M. Yatri и A. A. Sizova for their assistance, to Demberel Sukhee for his permission to investigate the manuscript.

For citation: Mitruiev B. L. Oil Lamp Snuff Divination. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1641–1651. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1641-1651

Введение

Среди текстов по лампадомансии или гадания на светильнике существует китайский текст гадания, в котором описывается гадание, где главным объектом исследования является не само пламя, а нагар, образующийся на фитиле во время горения. Этот вид гадания практиковался в Китае, а затем получил распространение в Тибете, Монголии и Калмыкии. Свидетельством бытования данного вида гадания в Калмыкии является информация от жителя Калмыкии Г. Б. Корнеева,

получившего от Х. О. Бембеева¹ копию ойратского текста данного гадания, переложение которого с ойратского «ясного письма» на калмыцкий язык было опубликовано на сайте «Центра по развитию калмыцкого языка» в статье, озаглавленной «Гадания по пламени лампадки»². К сожалению, нам не удалось получить копию

¹ Сведения получены во время личной беседы.

² См.: Корнеев Г. Б. Гадание по пламени лампадки [электронный ресурс] // URL: <http://baylig.ru/?p=878> (дата обращения: 27.11.2020).

ойратского текста для данного исследования.

Традиционные китайские гадания, среди них и гадание на нагаре, описаны Ричардом Смитом [Smith 1986]. Внимательное отношение к предзнаменованиям было широко распространено в традиционном Китае, особенно среди верхушки общества, где легитимность императоров и династий зависела от небесного мандата (t'ien-ming). Благоприятные знаки (fu-jui, hsiang-jui и т. д.), такие как появление цветных испарений, яркого света, редких животных, необычных растений, странных камней, сладкой росы и т. д., как считалось, отражали удовлетворенность небес и предвещали радостные события; тогда как бедствия (tsai-i), такие как непредвиденные затмения и подобные небесные аномалии, землетрясения, наводнения и другие стихийные бедствия, указывали на недовольство небес и, возможно, даже на утрату мандата. На популярном уровне эти предзнаменования также воспринимались всерьез, наряду с менее драматическими признаками, такими как крики птиц (piao-chiao), нагар или форма фитиля лампы (teng-hua) и различные телесные ощущения (зуд, покалывание, чихание и т. д.) [Smith 1986: 166].

В традиционных обществах для гадания часто использовали те предметы, которые широко применялись в быту. Примером подобного гадания может быть гадание по нагару лампы. С распространением буддизма в Китае, Тибете и Монголии масляная лампа стала неотъемлемой частью быта жителей этих регионов. Лампа была практически в каждом доме и также стала предметом для гадания. Нагар на фитиле лампы на китайском языке обозначается словом *дэнхуа* (кит. dēnghuā; 灯花), где dēng — 'лампа, фонарь, светильник', а первое значение слова huā — 'цветок', что дало начало переводу на тибетский и монгольский языки китайского слова «нагар» как «цветок лампы» (тиб. maḡ me'i me tog) или просто «цветок» (тиб. me tog; монг. čečeg).

Цель статьи — ввести в научный оборот тексты гадания по нагару лампы на китайском, тибетском и монгольском языках.

Тексты

Китайский текст гадания является частью текста, известного как «Нефритовая шкатулка», и был издан в Хух-хото Цзинь Сюй Чжэньжэнем (кит. jìn xǔ zhēnrén; 晋许真人) в книге «„Записи нефритовой шкатулки“». Исправленное и дополненное издание» (кит. shùjù zēngbǔ yùxiá jì; 数据增补玉匣记) [Сюй 2010]. Подробно об этом тексте и его истории можно узнать из статьи «О фрагменте монгольского перевода „Заново переведенных ‘Записей нефритовой шкатулки’ для разных дел“ из Национального музея имени Алдан Маадыр Республики Тыва» [Митруев 2019].

Тибетский текст, привлеченный к анализу в настоящей работе, находится на сайте Центра буддийских цифровых ресурсов³, он озаглавлен «[Раздел] Те. Исследование нагара на лампаде» (тиб. te / mar me'i me tog brtags pa), входит в издание Института Дзигар другпа кагью (Zigar Drugpa Kagyu Institute) 1975 г., носящее название «Записи „Нефритовая шкатулка“» (тиб. brjed tho g.yang ti'i za ma tog) [g.yang ti'i za ma tog 1975]. Это издание в свою очередь представляет собой репродукцию с пекинского ксилографа, опубликованного Обществом восстановления буддийской литературы двадцати пяти центров медитации (тиб. sgom sde nyer lnga'i gsung rabs nyams gso lhag blo mthun tshogs). Автором ошибочно указан Юй Ся Цзи (тиб. yus-syAi-kyi). Юй Ся Цзи, без сомнения, является транскрипцией китайского названия этого текста yu xia ji «Записи нефритовой шкатулки». В колофоне отсутствует имя автора и переводчика. Пагинация дана в соответствии с номерами страниц, данными арабскими цифрами на левом поле издания Института Дзигар другпа кагью.

Монгольский текст «Исследования лампы» (монг. zul šinjikü) представлен по ксилографическому изданию *šine orčulaysan eldeb keregtü qaš qayurčay neretü bičig*, изданному в Пекине (Пекинский ксил., тетрадь, 136 л.) [МФ ИВР РАН. F-145]. Шифр F 145, инв. № 1677 [Сазыкин 1988: 312].

³ Buddhist Digital Resource Center [электронный ресурс] // URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewInWindow-W27507%7C4476%7C1%7C1%7C1%7C362 (дата обращения: 20.11.2020).

Более подробно издания и рукописи данного текста описаны в вышеупомянутой статье о фрагменте монгольского перевода «Заново переведенных „Записей нефритовой шкатулки“ для разных дел» [Митруев 2019]. Текст из Института восточных рукописей РАН (далее — ИВР РАН) был сверен с другой копией пекинского ксилографа, полученной от преподавателя кафедры философии и религиоведения Национального университета Монголии Дэмбэрэла Сухээ. К сожалению, полученная копия была не очень высокого качества, поэтому главным образом мы опираемся на ксилографическое издание из ИВР РАН. Пагинация дана в соответствии с китайской пагинацией на маргиналиях пекинского ксилографа. Так как в китайском издании номер присваивается всему листу, который затем складывается вдвое и сшивается переплетом, левой стороне листа был присвоено обозначение «а», а правой стороне — обозначение «б».

Тибетские тексты

Помимо рассматриваемого здесь гадания по нагару лампы, в тибетской традиции существует несколько других текстов по лампадомансии или гадания по пламени, которые включают в себя наблюдение за нагаром светильника. Все эти тексты довольно сильно отличаются от рассматриваемого. Мы представим здесь три таких текста.

Первым из этих трех текстов является терма⁴, открытое тертоном⁵ Сангье-лингпой (тиб. sangs rgyas gling pa; 1340–

⁴ Терма (тиб. gter ma). По-тибетски «сокрытые сокровища» или «текст-сокровище», источник священных предметов тибетского буддизма и религии бон, включающий в себя широкий спектр рукописей, реликвий, скульптур и ритуальных принадлежностей более ранних периодов. Такие тексты-сокровища находили в пещерах, горах, озерах, долинах или обнаруживались в монастырях, иногда внутри колонн и прочего [PDB 2014: 329].

⁵ Тертон (тиб. gter ston) — букв. «открыватель сокровищ», человек, который обнаруживает терма или «сокровище» — священные предметы тибетского буддизма и религии бон, включая широкий спектр рукописей, реликвий, скульптур и ритуальных принадлежностей, которые предположительно были спрятаны в более ранние периоды, чтобы быть открытыми в более поздний период времени [PDB 2014: 329].

1396), под названием «Исследование ясного света лампы „Пылающий свет“» (тиб. bla ma dgongs pa 'dus pa las snang gsal mar me'i brtag pa 'od 'bar zhe bya ba), опубликованное в 42 томе из 70 томов «Сокровищницы драгоценных откровений» (тиб. rin chen gter mdzod) в монастыре Шечен (тиб. zhe chen) [Сангье-лингпа 2007–2008: 968–971]. Краткое изложение этого гадания представлено в книге «Оракулы и предсказания» [Loewe, Blacker, Lama Chime Radha 1981: 19–20]. Отличие этого текста от рассматриваемого в данном исследовании заключается в том, что в гадании исследуется не нагар, а само пламя и фитиль, а также звуки, запахи и прочее, возникающие при горении пламени лампы.

Автором другого текста по названию «Исследование лампы» является известный тибетский ученый Джу Мипам Гьяцо ('ju mi pham rgya mtsho; 1846–1912), это сочинение находится в 29 томе изданного в Ченду «Обществом быстрого сохранения старых текстов тибетской культуры» (тиб. gangs can rig gzhung dpe rnying myur skyobs lhan tshogs) его 32-томного собрания сочинений [Джу Мипам Гьяцо 2007: 561–569]. Этот текст основывается, как сказано в колофоне, на предыдущем тексте терма Сангье-лингпы, исследованиях из тантр и устных наставлений и «Кратком исследовании лампы», переведенном Барлоцавой (тиб. ba ri lo tsA ba; 1040–1111). По всей видимости, автор был знаком с китайской традицией исследования лампадного нагара, так как он пишет, что китайцы считают образование нагара хорошим знаком. В этом сочинении рассматривается пламя, фитиль, звуки, запахи и нагар лампы, а также содержатся иллюстрации.

Третье сочинение представляет собой тайные или, как сказано в колофоне, «запечатанные устные наставления» (тиб. gdams ngag bka' rgya ma) Дармо-менрампы (тиб. dar mo sman rams pa). По всей видимости, этот автор — не кто иной, как врач Пятого Далай-ламы Дармо-менрампа Лобсанг Чойдраг (тиб. dar mo sman rams pa blo bzang chos grags; 1638–1710). Этот текст назван «Метод исследования лампы» (тиб. mar me'i brtag thabs) и опубликован в книге «Трактат об украшениях и музыкальных инструментах тантрической традиции старых переводов» (тиб. gsang rnying rgyan dang rol

mo'i bstan bcos) [Метод исследования лампы 1996: 333–336]. Данный трактат главным образом сосредотачивает свое внимание на пламени лампы.

Китайское гадание и его переводы

Интересно отметить, что в этом гадании нет обращения к божествам, буддам или каким-либо другим силам, что может указывать на небуддийский характер этого гадания. Возможно, лампада подносилась в храм пред божествами или изображениями духов предков с надеждой, что они посредством нагара на фитиле укажут исход важных для просителя дел. Рождение сына, обретение богатства и получение известий было важным для всех членов общества. По всей видимости, погодные условия были важны для земледельцев, ожидающих урожая, а продвижение по чиновничьей лестнице и повышение жалования было важно для чиновников. В гаданиях глава семьи — центральное лицо, на которое «действуют» все общие предсказания. Если для главы семьи выпадает какое-то предсказание, то оно автоматически распространяется на остальных домочадцев. Возможно, поэтому в тибетском тексте термин «хозяин» часто опущен, так как подразумевается, что действие предсказания распространяется на всех вокруг него.

При сравнении переводов заметно, что они различаются по длине. Тибетский перевод выполнен по более полному варианту китайского текста, который сейчас нам не доступен. Этот тибетский перевод довольно близко следует китайскому оригиналу, лишь иногда упрощая и несколько по-другому интерпретируя текст. В китайском тексте недостает последней части с предсказаниями о погоде, хотя о них говорится в начале текста. Монгольский текст переведен с китайского с применением приема симплификации или упрощения переводимого материала. Некоторые части текста сокращены и перемещены в другую часть текста, так, например, первые два абзаца китайского оригинала, в которых даются общие сведения о лампаде и говорится том, как необходимо обращаться с лампадой, в монгольском тексте перенесены в самый конец. Таким образом, китайскому отрывку: «Возможно, что [лампада] — источник света в темном доме. Нельзя сбивать

и крошить [нагар], образующийся на всех лампадах, подобных другим на алтаре», соответствует находящийся в другой части текста монгольский текст: «Возможно, что [лампада] — источник света в темном доме. Нельзя сбивать и крошить [нагар], образующийся на всех лампадах, подобных другим на алтаре».

Текст монгольского ксилографа, по всей видимости, выполнялся по дефектной копии монгольского текста, содержащей ошибки. Поэтому монгольская фраза *busu metü ajuqu*, на наш взгляд, скорее всего, представляет собой неверное прочтение графически схожего по написанию глагола *boyomdalaqu* 'ставить преграду' (боомтлох (*bgomdeleee*) 'ставить преграду' [Бампс 2001: 261]) или в данном случае 'препятствовать'. Случаи неправильного прочтения были нередки в монгольских переводах. Один из таких случаев в тексте «Заново переведенных „Записей нефритовой шкатулки“ для разных дел» описан в нашей статье [Митруев 2019: 759–760].

В таком прочтении смысл последнего абзаца становится яснее и ближе к китайскому оригиналу: «Нельзя препятствовать [горению] лампы на алтаре, сбивать и крошить [нагар], образующийся на всех лампадах» (*takil daki jula boyomdalaqu qamuγ jula čečelgejü šiden abasu: oγtačijū abubasu ülü bolumui:*).

В некоторых местах объяснения к разным предсказаниям объединены в одном предсказании, например, два отдельных элемента в китайском тексте: «Если лампада сама собой погасла, у хозяина будет траур. Если снял возникший нагар и задул пламя, это предвещает унижительную неприятность», в монгольском тексте сокращены и объединены в один: «Если [пламя] беспричинно поднялось вверх и погасло, будут смерть, горе, несчастье и дурные знаки».

О том, что тибетский перевод этого труда был известен в Монголии и имел там хождение, свидетельствует рукопись на тибетском языке из Национальной библиотеки Монголии, под шифром M0059752, хранящаяся на сайте Центра буддийских цифровых ресурсов ('Buddhist Digital Resource Center'). Текст находится на 243–246 страницах в подборке разрозненных текстов на тибетском языке, озаглавленной «Черный

сборник “Шкатулка из драгоценности чин-тамани, исполняющей желания” и прочие сочинения» (тиб. be'u bum nag po 'dod pa'i ge skong tsin+ta ma Ni'i za ma tog sogs) [Черный сборник]. В начале текста помещен тибетский слог «ТЕ», обозначающий порядковый номер этого текста в сборнике «Нефритовая шкатулка».

Заключение

Исходя из приведенных здесь текстов, с уверенностью можно сказать, что гадание на нагаре лампы имеет небуддийский характер; некогда существовала более полная версия китайского текста, с которой был выполнен перевод на тибетский; монгольский перевод был сделан с китайского варианта, близкого или совпадающего с тем, что представлен в данной работе. Из приведенных переводов становится очевидно, что и в случае с тибетским, и в случае с монгольским переводами текст гадания был упрощен для облегчения понимания читателем. Из-за невозможности точной датировки китайского текста гадания остается неясной

история развития и распространения этого гадания в Тибете и Монголии. Также неясно, оказала ли тибетская традиция исследования лампы, представленная, например, упомянутым выше текстом Сангье-лингпы, на китайскую или нет. Из колофона к тексту Джу Мипама, цитируемому выше, становится ясно, что существовала и индийская традиция лампадомансии, один из текстов которой был переведен Бари-лоцавой.

Мы хотели бы подчеркнуть важность исследования подобного рода гадательных практик, приведя слова американского ученого историка Ричарда Смита: «Другими словами, я предполагаю, что анализ китайского гадания прольет ценный свет не только на ценности, логику, символизм и структуру традиционного китайского общества, но также на концепции космологии и причинности, а также на вопросы личной и политической власти, социальный порядок и социальные конфликты. Таким образом, как акт интерпретации, гадание „раскрывается“ в нескольких отношениях» [Smith 1986: 153–154].

Перевод

Перевод тибетского текста	Перевод китайского текста	Перевод монгольского текста
[233] Раздел «ТЕ» Метод исследования «цветка» лампы следующий: вследствие того, что лампа освещает дом и [ее] цветок вместе с пестиком испускают лучи света, можно узнать плохое и хорошее о доме, а также облачно небо или ясно.	[185] Лампа — главный источник отражения [событий] для всего дома, по тому, как она разгорается, дает связь вместе с тычинкой ⁶ , испускает свет и пламя, можно узнать об удаче и несчастье людей. Можно узнать, будет ли погода солнечная или дождливая.	
Если на [фитиле] лампы собирается нагар, оставь его, не колебля. Не дуй на него.	Когда лампа разгорается, позволь [пламени] пребывать естественным образом. Нельзя ворошить его, гасить, задувать и разжигать снова.	
Если нагар образовался и долго не падает, [234] на следующий день будет благополучие.	Если нагар образовался и долго не падает, завтра хозяина ждет радостное событие.	[46a] Исследование лампы следующее: если [на фитиле] образуется нагар и долго не падает, хозяин [дома] будет радостен.

⁶ Возможно, здесь имеется в виду, как огонь соединяется с фитилем.

Если [нагар] не упал до рассвета, в течение пяти дней будут благие события.	Если [нагар] не упал до рассвета, в течение пяти дней непрерывно будут счастливые события.	Если [нагар] также не упал до рассвета, пять дней, не прекращаясь, будет радость.
Если нагар указывает вовне, от большого человека обязательно будет известие.	[186] Если нагар указывает вовне, то обязательно придет письмо от высокопоставленного человека.	[46b] Если нагар указывает вперед, то от большого человека обязательно будет письмо.
Если так происходит в течение семи дней, получишь повышение и обретишь пищу и одежду. Сам везде найдешь скот и пахотную землю.	Если так происходит в течение семи ночей, чиновник получит продвижение и повышение должности. Рядовой человек разбогатеет, будет жить в довольствии, земля и имущество будут в достатке.	Если так происходит в течение семи дней, ранг и жалование сановника увеличатся. Удача и благополучие простолюдина умножатся.
Если язычок пламени внезапно разделится надвое, получишь милость, обретишь повышение, будут благополучие и счастье. Высокопоставленный человек даст протекцию.	Если язычок пламени внезапно раздвоился, хозяину предвещает великую милость, вскоре будет пожаловано повышение, будут радостные события. Образованный человек получит высокий чин и поддержку знатных людей.	Если язычок пламени раздвоился, [будет] большая радость, ранг и жалование увеличатся.
Если ожерелье нагара висит вниз, это предвещает далёкое путешествие.	Если нагар свисает вниз, хозяину предстоит далёкое путешествие.	Если нагар висит ровно, словно четки, хозяин дома отправится в далёкое путешествие.
Если посреди языков пламени появился нагар, [похожий] на зеленую горошину, это предвещает обретение еды и питья. Также это предрекает рождение хорошего сына.	Если нагар в центре похож на фасолину, это означает, что у хозяина будет застолье, а беременная [жена] родит сына.	Если нагар похож на горошину, то будет вино, а также родится превосходный сын.
Если появился нагар [235] вместе с искрами, будет благополучие и повышение должности.	Если нагар постепенно рассыпается, хозяина ждет радостное событие, [он будет] выбран и повышен по должности, будет празднество.	Если нагар в несколько слов, будет благополучие и повышение по должности и великая радость.
Если нагар смотрит вверх и образует большую сферу, это предвещает прибытие известия на следующий день.	Если нагар направлен вверх и круглой формы, это предвещает прибытие завтра гостя.	Если нагар высокий и большой круглой формы, завтра обязательно придет гость.
Если языки пламени внезапно проявились и проливают свет наружу, это предвещает прибытие гостя издалека.	Если лампада сама по себе ярко разгорелась, это предвещает прибытие письма издалека.	[47a] Если [лампада] внезапно с тресканьем излучила свет, издалека придут письмо и новости.
Если лампада беспричинно погасла, это предзнаменование смерти или горя.	Если лампада сама собой погасла, у хозяина будет траур.	Если [пламя] беспричинно поднялось вверх и погасло, будут смерть, горе, несчастье и дурные знаки.

Если снял возникший нагар и задул пламя, на следующий день будут события, вызывающие стыд.	Если снял возникший нагар и задул пламя, это предвещает унижительную неприятность.	Возможно, что [лампада] — источник света в темном доме. Нельзя сбивать и крошить [нагар], образующийся на всех лампадах, подобных другим на алтаре.
Если нагар образовался на [фитиле] лампы во время долгого дождя и его цвет прекрасен, на следующий день небо прояснится. Если языки пламени распространяются над дымом, а сами языки пламени красные, неясные и висят вниз, [236], то на следующий день пойдет дождь. Если дыма нет, а языки пламени колышатся влево и вправо, на следующий день поднимется сильный ветер. Если же языки пламени неподвижны и ясны, на следующий день погода будет ясной. Если дым черный, света мало, а [пламя] неподвижно, будет ясная, но ветреная погода. Когда в течение долгого времени стоит засуха и вершина пламени коротка, а языки пламени небольшие, в течение трех дней пойдет дождь.		

Китайский текст

[185] 占灯花法

灯乃一家鉴照之主，开花、结蕊、吐焰、生光，知人间之吉凶，识天时之晴雨。凡灯有花，任其自开自谢，不可挑剔、剪火，一吹灭，不可再吹。灯有花，久不灭，来日主有喜庆，至天明不灭不绝，五日内喜。

[186] 事不绝。开花向外，必于大人处得书，乃七夜如此。仕人则加官进禄，爵位高迁，常人则生财纳福，田产立至。焰忽两分，主有大恩，即授迁官，吉庆。士人则有 大官委命及贵人引援。灯花连珠下垂者，主有远行。灯中心结花如灯豆，主有酒食，孕生贵子。灯花连连逐出爆者，主大喜，选举迁官升，吉庆。灯花向上圆大者，主明日有客至。灯自明而炸者，主远信至。灯自灭者，主丧服。灯若有花忽挑者、吹灭者，主有耻辱之事。

Транслитерация тибетского текста

[233] te /

mar me'i me tog brtags pa ni/ mar me khyim gsal bar byed cing me tog ge sar bcas 'od zer 'phro bas/ khyim gyi legs nyes dang / gnam gyi 'thib dwangs shes nus/ mar me la me tog thog tshe mi bsgul bar 'jog/ phu 'debs mi bya/ me tog thog ste yun ring ma lhung na

[234] phyi nyin bkra shis pa'i bya ba 'byung / nam lang bar du ma brul na nyi ma lnga'i nang du bya ba bzang po rgyun du 'byung / me tog phyir bstan na nges par mi chen nas 'phrin 'byung / nyi ma bdun la 'di ltar byung na/ go sa 'phar cing zas gos 'thob/ rang ga pa yang nor zhing rnyed/ me lce glo bur du gnyis su phye na bka' drin 'thob go sa 'phar bkra shis shing bde legs su 'gyur/ mi chen gyis mgo 'dren byed/ me tog 'brel ma thur du 'phyang na thag ring gi mgron yong ba'i ngo / me lce'i nang du me tog sran ljang 'dra ba byung na bza' btung rnyed pa'i ngo / bu bzang po skye ba'i ngo / me tog

[235] me stag sgra bcas byung na bkra shis go sa 'phar/ me tog kha steng du bltas shing gormochebabyungnaphyinyin 'phrinyongba'ingo/ melcebloburgsalcing 'odphyir 'gyedbabyung

nathagring gimgron yong ba'ingo/marmerkyen med parshina 'chiba' ammyangangyingo/metog chags pa blangs ste phu rgyab nas bsad na phyi nyin ngo tsha ba'i bya ba 'byung / char ba yun ring 'bab bzhin pa'i dus su mar me la me tog chags cing mdangs legs na phyi nyin gnam thangs par 'gyur/ du ba'i steng du me lce mched cing / me lce dmar po mi gsal ba thur du 'phyang ba

[236] byung na phyi nyin char ba 'babs/ du ba med cing me lce dmar po g.yas g.yon du g.yo na phyi nyin rlung chen ldang / me lce mi g.yo zhing gsal na phyi nyin thangs par 'gyur/ du ba nag cing 'od cung zad dang bcas mi g.yo na gnam thang la rlung 'byung / than pa yun ring byung skabs rtse mo thung la me lce chung ngu mched na nyi ma gsum gyi nang du char ba 'byung /

Транслитерация монгольского текста

[46a] zul šinjikü anu: čečegleǰü öni ese untarbal ejen anu bayasqulang bolumui: ür čayital-a baya ülü untarbal: tabun edür bayar ülü tasuran:

[46b] čečeg inu qandaysida qandubal: yeke kümün-eče bičig iremüi: dolon qonoγ ene metü bolbal-a noyan kümün kergem punglu nemekü: eng-ün kümün kišig buyan nemekeü: dölün inu qoyar anggi qayarbal: yeke bayar jerge kergim [=kergem] nemedeg [:] čečeg inu erikelen unjibal: ger-ün ejen qola qaǰar yabumui [:] čečeg inu burčay metü bolbala ariki ba manglai kübün törömüi [:] čečeg inu dabqur dabqur bolbal-a: jerge debšin yeke bayar bolumui [:] čečeg inu öndör yeke tögürög maryašida jočid mayad irekü:

[47a] tačiginan gerel genedte yarubal: qola-ača suruy ǰanggi irenem: učir ügei ögesübel sönübel: ükül ǰobal ǰamšiγ čibel [=čibil] bolomui [:] ene bolbal baruγ ger-ün gerel bololtai: takil daki ǰula boso metü aǰuqu qamuγ ǰula čečelgeǰü šiden abasu: oytačijū abubasu ülü bolumui

Источники

Метод исследования лампы — Метод исследования лампы (mar me'i brtag thabs) // gsang rnying rgyan dang rol mo'i bstan bcos (= Трактат об украшениях и музыкальных инструментах тантрической традиции старых переводов). Lhasa: bod ljongs bod yig dpe rnying dpe skrun khang, 1996 [= Лхаса: Тибетское издательство древних книг на тибетском языке, 1996]. 377 p. Vol. 1 Pp. 181–182 [электронный ресурс] // URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O1GS584671GS58480%7CW22300 (дата обращения: 27.11.2020).

МФ ИВР РАН — Монгольский фонд Отдела рукописей и документов Института восточных рукописей РАН (г. Санкт-Петербург).

МФ ИВР РАН. F-145 — šine orčulaysan eldeb keregtü qaš qaγurčay neretü bičig (Пекинский ксил., тетрадь, 136 л.). Шифр F-145, инв. № 1677.

БАМРС 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь в четырёх томах / под общ. ред. Лувсандэндэва А., Цэдэндамба Ц., отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. В 4 тт. Т. 1. А–Г. М.: Academia, 2001. 485 с.

Джу Мипам Гьяцо 2007 — Джу Мипам Гьяцо. Исследование лампы ('ju mi pham rgya mtsho. mar me brtag pa). mi pham bka' 'bum. Chengdu: gangs can rig gzhung dpe rny-

ing myur skyobs lhan tshogs. 2007. 710 p. Vol. 29. Pp. 561–569. [электронный ресурс] // URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O1PD451591PD453802DB647192DB647201PD657111PD657411PD657471PD65749%7CW2DB16631 (дата обращения: 24.10.2020).

Черный сборник — «Черный сборник», Шкатулка из драгоценности чинтамани, исполняющей желания“ и прочие сочинения“ (тиб. be'u bum nag po 'dod pa'i re skong tsin+ta ma Ni'i za ma tog sogs) [электронный ресурс] // URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewInWindow-W1NLM1834%7C1NLM1834_001%7C1%7C1%7C1%7C270 (дата обращения: 15.10.2020).

g.yang ti'i za ma tog 1975 — Записи «Нефритовая шкатулка» (brjed tho g.yang ti'i za ma tog). Rewalsar: Zigar Drugpa Kagyu Institute, 1975. 351 с. [электронный ресурс] // URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewInWindow-W27507%7C4476%7C1%7C1%7C1%7C362 (дата обращения: 20.11.2020).

Loewe, Blacker, Lama Chime Radha 1981 — Loewe M., Blacker C. (eds), with contr. by Lama Chime Radha, Rinpoche et al. Divination and oracles. London; Boston: Allen & Unwin, 1981. 244 p., [10] p. of plates: ill.

Сангье-лингпа 2007–2008 — *Сангье-лингпа*. Исследование ясного света лампы «Пылающий свет» (sangs rgyas gling pa. bla ma dgongs pa 'dus pa las snang gsal mar me'i brtag pa 'od 'bar zhe bya ba). rin chen gter mdzod. Vol. 42. New Delhi: Shechen

publications. 2007–2008. 1061 с. [электронный ресурс] // URL: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O4CZ3373954CZ352918%7CW1KG14 (дата обращения: 20.10.2020).

Sources

be'u bum nag po 'dod pa'i re skong tsin+ta ma Ni'i za ma tog sogs: A Black Collection Compiled from 'The Casket of Chintamani, a Wish-Fulfilling Jewel' and Other Texts. Available at: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewInWindow-W1NLM1834%7CI1NLM1834_001%7C1%7C1%7C1%7C270 (accessed: October 15, 2020). (In Tib.)

brjed tho g.yang ti'i za ma tog: The Jade Casket. Rewalsar: Zigar Drugpa Kagyu Institute, 1975. 351 p. Available at: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewInWindow-W27507%7C4476%7C1%7C1%7C1%7C362 (accessed: November 20, 2020). (In Tib.)

gsang rnying rgyan dang rol mo'i bstan bcos: The Treatise about Decorative Elements and Musical Instruments in the Tantric Tradition of Old Translations. Lhasa: Tibetan Publ. House of Ancient Tibetan Books, 1996. 377 p. Vol. 1. Pp. 181–182. Available at: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O1GS584671GS58480%7CW22300 (accessed: November 27, 2020). (In Tib.)

šine orčulaysan eldeb keregtü qaš qayurčay neretü bičig. Xylograph. Beijing edition. At: Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg), Department of Manuscripts and

Documents, Mongolian Collection. Call no. F-145. Item 1677. 136 p. (In Mong.)

Ju Mipham Gyatso. Examining an Oil Lamp. In: *Mi pham bka' 'bum*. Chengdu, 2007. Vol. 29. Pp. 561–569. Available at: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O1PD451591PD453802DB647192DB647201PD657111PD657411PD657471PD65749%7CW2DB16631 (accessed: October 24, 2020). (In Tib.)

Sangye Lingpa. *bla ma dgongs pa 'dus pa las snang gsal mar me'i brtag pa 'od 'bar zhe bya ba*: A Treatise on Examining the Lucid Light of an Oil Lamp Titled 'The Flaming Light'. Ser.: *Rin chen gter mdzod*. Vol. 42. New Delhi: Shechen Publications, 2007–2008. 1061 p. Available at: https://www.tbrc.org/#library_work_ViewByOutline-O4CZ3373954CZ352918%7CW1KG14 (accessed: October 20, 2020). (In Tib.)

Loewe M., Blacker C. (eds.), with contr. by Lama Chime Radha, Rinpoche et al. Divination and Oracles. London; Boston: Allen & Unwin, 1981. 244 p., [10] p. of plates: ill. (In Eng.)

Pyurbueev G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 485 p. (In Mong. and Russ.)

Литература

Митруев 2019 — Митруев Б. Л. О фрагменте монгольского перевода «Заново переведенных „Записей нефритовой шкатулки“ для разных дел» из Национального музея имени Алдан Маадыр Республики Тыва // Монголоведение. 2019. № 4. С. 751–813. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-751-813

Сазыкин 1988 — Сазыкин А. Г. Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. I. М.: Наука, 1988. 508 с.

Суй 2010 — Суй Чжэньжэнь. «Записи

Нефритовой Шкатулки». Исправленное и дополненное издание (Zengbu Yu Xia Ji). Хуххото: Народное издательство Внутренней Монголии, 2010. 244 с. (на кит. яз.)

Smith 1986 — Smith Richard J. «Knowing Fate»: Divination in Late Imperial China // American Association of Chinese Studies. Journal of Chinese Studies. Hong-Kong. 1986. October. Vol. 3. No. 2. Pp. 153–190.

PDB 2014 — Princeton Dictionary of Buddhism. Robert E. Buswell Jr., Donald S. Lopez Jr. Princeton: Princeton University Press, 2014. 1304 p.

References

- Buswell R. E. Jr., Lopez D. S. Jr. Princeton Dictionary of Buddhism. Princeton: Princeton University Press, 2014. 1304 p. (In Eng.)
- Mitruiev B. L. 'The Jade Box Writings Newly Translated for Various Occasions': a fragment of one Mongolian translation from the Aldan Maadyr National Museum of the Tyva Republic revisited. *Mongolian Studies*. 2019. No. 4. Pp. 751–813. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-4-751-813
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Vol. I. Moscow: Nauka, 1988. 508 p. (In Russ.)
- Smith R. J. 'Knowing fate': divination in late imperial China. *American Journal of Chinese Studies*. 1986, October. Vol. 3. No. 2. Pp. 153–190. (In Eng.)
- Xu Shenzhen. The Jade Box Writings. Rev. and Suppl. Hohhot: Inner Mongolia People's Publ. House, 2010. 244 p. (In Chin.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1652–1666, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1652-1666
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1652-1666

Астрономическая терминология монгольских языков: материалы к этимологическому словарю

Виктория Васильевна Куканова¹, Владимир Наранович Мушаев²,
 Вячеслав Николаевич Хонинов³

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, директор

 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0001-8321-7667. E-mail: mushaev_vn@mail.ru

³ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, научный сотрудник

 0000-0001-8461-6213. E-mail: altngasn@rambler.ru

Аннотация. *Введение.* Система астрономической терминологии монгольских языков имеет сложный характер и отражает разные напластования верований (добуддийских и буддийских) предков монголов. Предки монголов по-особенному относились к небесным светилам, культ которых в той или иной мере отражается в духовной и материальной культуре монгольских народов. *Целью* работы является выявление астрономической терминологии в монгольских языках и предварительный анализ их семантики, этимологии. *Материалы и методы.* В качестве материалов использовались прежде всего словари монгольских языков, а также этимологические работы и словари по тюркским языкам и этимологический словарь праалтайского языка. В качестве надежных реконструкций прамонгольской лексики был взят список лексем, восстанавливаемых в работе Ханса Нутгерена, а также использовались реконструкции, произведенные О. А. Мудраком и размещенные на сайте «Вавилонская башня». В работе применяются следующие методы: этимологический, лингвокультурологический анализ. *Результаты.* Астрономическая система, выстроенная еще в глубокой древности, содержит несколько напластований и отражает архаичные видения предков монгольских народов. Такие астрономы, как небо, звезда, солнце, луна, Венера, очевидно, уходят в глубокую древность, еще в праалтайскую эпоху. В картине мира монгольских народов понятие «планета» появилось

гораздо позже, первоначально многие видимые небесные объекты принимались за звезды, по этой причине в монгольских языках имеются номинации с компонентом *одн* ‘звезда’ (так, например, следующие небесные тела назывались звездами: Венера, Марс, Меркурий, Солнце, Луна). Сама же Земля не воспринималась в виде звезды или планеты, что очевидно, поскольку для древних монголов Земля выступала домом, местом проживания. Позднее в перечень планет включались только видимые небесные тела: Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн, — впоследствии их названия были перенесены на дни недели. Из-за подвижности Солнца и Луны на небе предки монголов считали, что они являются планетами, хотя они не всегда проводили разницу между планетами и звездами. Из современных планет солнечной системы древним монголам, скорее всего, были известны Венера, Марс, Юпитер и, возможно, Меркурий. Уже после принятия буддизма появилось название, обозначающее Сатурн, позже стали известными Нептун, Плутон, Уран.

Ключевые слова: лексикология, ономастика, космонимия, космоним, наименования небесных тел, этимология, семантика

Благодарность. Исследование выполнено в рамках государственной субсидии по проекту «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии, Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1) и при поддержке внутривузовского гранта КалмГУ в рамках проекта «Монгольское и тюркское языкознание: традиции и инновации».

Для цитирования: Куканова В. В., Мушаев В. Н., Хонинов В. Н. Астрономическая терминология монгольских языков: материалы к этимологическому словарю // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 6. С. 1652–1666. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1652-1666

Astronomical Terms in Mongolic Languages: Materials for an Etymological Dictionary Reviewed

Viktoria V. Kukanova¹, Vladimir N. Mushaev², Vyacheslav N. Khoninov³

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Director
 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Professor
 0000-0001-8321-7667. E-mail: mushaev_vn@mail.ru

³ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Research Associate
 0000-0001-8461-6213. E-mail: altngasn@rambler.ru

Abstract. Introduction. The system of astronomical terms in Mongolic languages is structurally complicated due to multiple layers of both pre-Buddhist and Buddhist beliefs adopted by proto-Mongols. The latter had tended to revere celestial bodies and elaborated a number of cults still traceable in spiritual and material culture of descending nations. **Goals.** The work aims at identifying Mongolic astronomical terms and provides preliminary analyses of their semantics and etymologies. **Materials and methods.** The paper focuses on dictionaries of Mongolic languages, examines etymological studies and Turkic dictionaries, special attention be paid to An Etymological Dictionary of Altaic Languages. The reference proto-Mongolian lexical constructs are represented by those contained in Hans Nugteren’s Mongolic Phonology and ones reproduced by O. Mudrak (available on The Tower of Babel website). The study employs etymological and linguocultural analytical tools. **Results.** The astronomical system developed in ancient times contains several layers characterizing archaic perceptions and worldviews of proto-Mongols. Some astrononyms — including the words for ‘sky’, ‘star’, ‘Sun’, ‘Moon’, ‘Venus’ — seem to have evolved from proto-Altaic stems. In Mongolic languages, the concept ‘planet’ proves a more recent phenomenon and initially all celestial bodies had

been perceived as stars, which resulted in multiple onyms with the component *odn* 'star' (e.g., Venus, Mars, Mercury, Sun and Moon used to be identified as stars). The Earth proper was not believed to be a star or planet since it first and foremost served as home to ancient Mongols, their habitat. In subsequent eras, only visible celestial bodies — Sun, Moon, Mars, Mercury, Jupiter, Venus, Saturn — started being referred to as planets, their names employed for denoting the days of the week. The mobility of the Sun and Moon prompted proto-Mongols that the former were planets, though ancient humans rarely tended to distinguish between planets and stars as such. As for currently known planets of the Solar System, ancient Mongols were aware of Venus, Mars, Jupiter, and supposedly Mercury. It is after their conversion to Buddhism that they gained an onym denoting Saturn, while those of Neptune, Pluto, and Uranus are more recently adopted lexemes.

Keywords: lexicology, onomastics, cosmonomy, cosmonym, names of celestial bodies, etymology, semantics

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy (project no. AAAA-A19-119011490036-1 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions') and granted by Kalmyk State University (project 'Mongolian and Turkic Linguistics: Traditions and Innovations').

For citation: Kukanova V. V., Mushaev V. N., Khoninov V. N. Astronomical Terms in Mongolic Languages: Materials for an Etymological Dictionary Reviewed. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1652–1666. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1652-1666

Введение

Система астрономической терминологии монгольских языков имеет сложный характер и отражает разные напластования верований (добуддийских и буддийских) предков монголов. Предки монголов по-особенному относились к небесным светилам, культ которых в той или иной мере отражается в духовной и материальной культуре монгольских народов. Исследованиями небесных светил на тюрко-монгольском языковом материале в лингвистическом и этнографическом ключе занимались разные ученые, среди работ которых можно особо выделить: [СИГТЯ 2006: 326–352; Калмыки 2010].

Небо со звездами, которые чаще всего персонифицировались или складывались в антропоморфные и зооморфные изображения, связано с картиной мира, которая активно исследуется со второй половины XX в. [Бонов 1984; Евсюков 1988; Фролов 1982; Владимирский, Кисловский 1989; Крапп 1999; Корнелиус 2000; Полякова 2020].

Особый интерес представляют в этом плане работы востоковеда, одного из основоположников исследований в области археоастрономии В. Е. Ларичева [Ларичев 1986; Ларичев 1989; Ларичев 1993; Ларичев 1999; Фролов 1981], а также исследования, определяющие этническую вариативность

астрономических представлений, обусловленную географическими факторами [Макрэй 1993]. Большое внимание к этой проблематике проявляют также лингвисты [Карпенко 1981; В созвездии слов 2017].

Громадное количество фольклорных материалов, связанных с народными астрономическими представлениями, собрано Ю. Е. Березкиным и Е. Н. Дувакиным в их проекте «Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам» [Березкин, Дувакин].

Одним из направлений исследования этнической культуры в связи с астрономическими знаниями является непрерывная традиция изучения национальной астрологии, которая для монголоязычных народов насчитывает почти два столетия [Ковалевский 1837; Скородумова 1994; Омакаева 1995; Омакаева 1998; Омакаева 1999; Яхонтова 2010]. Исследования в этом направлении не могли не привлечь наше внимание.

Целью работы является выявление астрономической терминологии в монгольских языках и предварительный анализ их семантики, этимологии. В настоящей работе рассматриваются только общие названия неба, небесных тел, собственные же наименования отдельных объектов (например, созвездий, звезд и др.) не анализируются в нашей работе.

Материалы исследования

В качестве материалов использовались словари монгольских языков [Lessing 1960; Haenisch 1939; Поппе 1938; БАМРС 2001а; БАМРС 2001б; БАМРС 2001в; БАМРС 2002; БРС 2006; БРС 2008; Mostaert 1968; Тодаева 2001; КРС 1977; Ramstedt 1935; Тодаева 1986; КДРС 2014; ШЮПМКС 1984;

BWMChD 1986; Тодаева 1954; Тодаева 1973; ДКС 2012; и др.].

Группы монгольских языков приводятся по принятой А. В. Дыбо классификации, основанной на датировках, полученных в результате применения глоттохронологического анализа, модифицированного С. А. Старостиным [Дыбо, Норманская 2014: 87].

Таблица 1. Классификация монгольской семьи языков

[Table 1. Classification of Mongolic languages]

Монгольская семья языков (распад ок. 5 в. н. э.; свидетельства: табгачский в китайских транскрипциях)				
Собственно-монгольские языки (свидетельства: киданьский язык)			Кукунорская группа	
«Северно-монгольские» (распад ок. 11 в. н. э.)		«Южно-монгольские»		Монгорский
«Восточно-монгольские»	«Западно-монгольские»	Монгольский	Дагурский	Дунсянский
Халха	Ойратский Калмыцкий		Шира-юйгу	Баоаньский
Дариганга				
Чахарский				
Ордосский				
Хамниганский				
Бурятский				

В качестве надежных реконструкций прамонгольской лексики был взят список лексем, восстанавливаемых в работе [Nugteren 2011], а также использовались реконструкции, произведенные О. А. Мудраком и размещенные на сайте «Вавилонская башня»¹. В монгольской этимологии были добавлены ссылки на источники авторами данной статьи к ссылкам Х. Нутгерена. К сожалению, в словарях языков южnomонгольской и кукунорской группы приводится небольшой словник наиболее употребительных слов, многие лексические единицы нами не были обнаружены, однако мы предполагаем, что некоторые наименования имелись и, видимо, имеются в указанных языках. Кроме того, описательные наименования, которые, скорее всего, есть в монгольских языках, в лексикографических источниках не были встречены, что связано с форматом указанных словарей. Преимущественно описательные номинации методом сплошной выборки отбирались из Большого академического словаря монгольского языка [БАМРС 2001а; БАМРС 2001б; БАМРС 2001в; БАМРС 2002].

В работе также привлекались разные этимологические работы и словари по

тюркским языкам, а также этимологический словарь праалтайского языка [EDAL 2003]. В работе применяются следующие методы: этимологический, лингвокультурологический анализ.

«НЕБО»

В монгольских языках употребляются следующие слова для обозначения неба.

1. **teŋgeri* 'небо; погода; небеса; божество'

1.1. Для прамонгольского состояния надежно восстанавливается лексема **teŋgeri* 'небо; погода; небеса; божество' [Nugteren 2011: 518–519]:

1.1.1. письм.-монг. *tingri* 'небесный свод; божество, небо; погода' [Lessing 1960: 809–810];

1.1.2. ср.-монг. *tenggeri* | *tenggiri* 'небо, небосвод' [Haenisch 1939: 148]; *tengri* 'тенгри' [Поппе 1938: 347–348];

1.1.3. халх. *тэнгэр* 'небо, небеса, небесный свод; гром; погода; бог, гений, божество, небожитель' [БАМРС 2001б: 288];

1.1.4. бур. *тэнгэри* 'небо, небеса; бог, гений-хранитель, божество, обитатель неба, небожитель' [БРС 2008: 277];

1.1.5. орд. *teŋger* 'небо, небосвод, состояние атмосферы, время, божество' [Mostaert 1968: 658];

1.1.6. ойр. *теңгер* (тенгери) 'небо, небеса, небесный свод, гром, раскаты грома' [Тодаева 2001: 323];

1.1.7. калм. *теңгр* 'небо, небеса; погода / небеса, небесные боги, бог' [КРС 1977: 493; Ramstedt 1935: 392];

1.1.8. дагур. *тэнгэр* 'небо, небеса' [Тодаева 1986: 167], *тэңгэр* 'небо, небеса' [КДРС 2014: 165];

1.1.9. шира-юг. *teŋger* 'небо; день; погода' [ШЮПМКС 1984: 116–117];

¹ См. подробно: [Mongolian Etymology].

1.1.10. баоан. *tengərag* ‘небо; день; погода’ [BWMChD 1986: 164]²;

1.1.11. монгол. *теңгери* ‘небо, небеса’ [Тодаева 1973: 365].

1.2. Лексема имеет праалтайское происхождение: ПА **t'angiri* ‘клятва, божество’ [EDAL 2003: 1402] — ПМонг. **teŋgeri* ‘небо; погода; божество’ [Nugteren 2011: 518–519]. По мнению исследователей, слово было заимствовано из восточных тюркских языков (как правило, из тех языков, носители которых по сей день сохраняют древние верования и шаманизм) в монгольские, видимо, что это произошло еще в глубокой древности, когда тюркское **teŋir* имело значение «небо» [СИГТЯ 2001: 59].

1.3. Существует несколько точек зрения об этимологии данного слова. **teŋgeri* этимологизируется как образование от древнего *теŋ-* ‘возвышаться, подниматься, взлететь’ посредством аффикса причастия *-ig*, что в совокупности дает имя со значением деятеля — ‘то, что поднимается, возвышается’, ‘тот, кто поднимается, возвышается’ [Татаринцев 1984: 80; СИГТЯ 2001: 59]. Н. К. Антонов предлагает следующую гипотезу этимологии данного слова: оно восходит к словосочетанию *taŋ* ‘заря’+ *eri* ‘муж’ = ‘верховное божество, творец всего сущего’ [Антонов 1984: 124, 126]. С данной точкой зрения многие ученые не соглашаются. Согласно авторам этимологического словаря алтайских языков, первоначально у слова **t'angiri* было значение ‘клятва, божество’, впоследствии было приобретено вторичное значение ‘небо’ [EDAL 2003: 1402].

2. **hogtorgui* ‘пустое пространство; небо’

2.1. Для прамонгольского состояния надежно восстанавливается лексема **hogtorgui* ‘пустое пространство; небо’ [Mongolian Etymology]:

2.1.1. письм.-монг. *oyturyui* | *oytaryui* ‘небо, небесный свод, атмосфера’ [Lessing 1960: 602];

2.1.2. ср.-монг. *hohtorhu* ‘пустота’ [Haenisch 1939: 76], *hohtoru* ‘повсюду, везде’ [Haenisch 1939: 77];

2.1.3. халх. *огторгуй* ‘небосвод, небо, небеса; сфера; атмосфера; поднебесье; пространство’ [BAMPC 2001a: 458];

2.1.4. бур. *огторгой* ‘небо, небосвод’ [БРС 2008: 13];

2.1.5. ойр. *огторхуу* (огторхуй) [Тодаева 2001: 258];

2.1.6. калм. *ohmphy* ‘небо, небосвод; гром / (видимое) небо, небесный свод’ [КРС 1977: 392–393; Ramstedt 1935: 284].

2.2. Лексема имеет праалтайское происхождение: ПА **p'okt'o(-rV)* ‘окрестности’ [EDAL 2003: 1166–1167] — ПМонг. **hogtorgui* ‘пустое пространство, небо’ [Mongolian Etymology].

2.3. Многие исследователи вычленяют морфемные компоненты в лексеме [Бертагаев 1971: 101–102; Хомонов 1980: 157], однако исследователи наделяли разными значениями вычлененные морфемы: *ог* (*yɜ*) ‘первооснова, начало’+ *тор* (*myr*) ‘жилище, обиталище’+ *гой* (аффикс) и *хог* (*xug*) ‘небо’+ *тор* ‘жилище’+ *го* (аффикс). Однако, на наш взгляд, правы авторы Этимологического словаря алтайских языков, кото-

рые возводят данное слово к единому морфемному корневому комплексу ПА **p'okt'o(-rV)* ‘окрестности’ [EDAL 2003: 1166–1167].

2.4. Данная лексема распространена только в восточно-монгольских, западно-монгольских языках, а также непосредственно в монгольском языке, при этом отсутствует в южно-монгольской и кукунорской языковых группах (в дагурском, шира-югурском, монгорском, дунсянском, баоаньском языках).

3. **köke* ‘синий; зеленый; пепельный; небо’

3.1. Для прамонгольского состояния надежно восстанавливается лексема **köke* ‘синий, зеленый’ [Nugteren 2011: 424–425]:

3.1.1. письм.-монг. *köke* ‘синий; небесно-голубой; зеленый; пепельный; темный (о лице)’ [Lessing 1960: 482];

3.1.2. ср.-монг. *koko* ‘синий, голубой’ [Haenisch 1939: 103], *köke* ‘небо’ [Поппе 1938: 245];

3.1.3. халх. *хөх* ‘синий, голубой; зеленый; серый, сивый, пепельного цвета; смуглый, темный, черный (о цвете лица, кожи); массивный (о мускулах и т. п.); иронический, насмешливый; суровый’ [BAMPC 2002: 149];

3.1.4. бур. *хүхэ* ‘синий, голубой; зеленый; серый, сивый (о масти); сизый (о цвете); серый (о погоде), скучный, нудный (о человеке); тяжелый (о времени года), одно только, без примеси (о продуктах питания); сплошной, сильный, продолжительный; синий цвет, синевая; сплошь, совсем, сильно, очень’ [БРС 2006: 507–508];

3.1.5. орд. *Gö'k'ö* ‘синий; зеленый (растения); серый (лошади, козы и др.); пепельный цвет (волы); черноватый; которая еще не потеряла естественную влажность (растения); свежие, сырые, не прошедшие подготовку (шкуры убитых животных)’ [Mostaert 1968: 268];

3.1.6. ойр. *көке* (көкү) ‘синий (часто голубой, зеленый); серый, сивый (о масти); неспелый, недозревший, зеленый (о плодах)’ [Тодаева 2001: 205];

3.1.7. калм. *көк* ‘синий, зеленый, голубой; серый, сивый (о масти); синяк, кровоподтек’, *kök'* ‘синий, сине-зеленый, зеленый, пепельно-серый; маленькие ремешки или кусочки кожи, которыми крепятся стенные решетки’ [КРС 1977: 312–313; Ramstedt 1935: 236–237];

3.1.8. дагур. *күжэ* ‘зеленый; синий, голубой’ [Тодаева 1986: 151], *күжү* ‘зеленый’ [КДРС 2014: 95];

3.1.9. шира-юг. *hkə* ‘синий’ [ШЮПМКС 1984: 59];

3.1.10. дунс. *kugie* ‘синий’ [ДКС 2012: 248];

3.1.11. баоан. *когэ* ‘синий’ [Тодаева 1954: 141]; *kugə* ‘синий’ [BWMChD 1986: 82];

3.1.12. монгол. *күзү* ‘синий’ [Тодаева 1973: 340].

3.2. Лексема имеет праалтайское происхождение: ПА **kōk'e* ‘голубой, зеленый’ [EDAL 2003: 714] — ПМонг. **köke* ‘синий, зеленый’ [Nugteren 2011: 424–425].

3.3. Первичное значение лексемы — «небо», впоследствии оно развило значения цветов по характеру различных окрасок неба [СИГТЯ 2006: 331]. В языках южно-монгольской и кукунорской группы осталось только обозначение синего цвета, что свидетельствует, на наш взгляд, об отсутствии развития культа неба. Древняя семантика, связанная с обозначением

² Также имеется слово: баоан. *асэман* ‘небо’ [Тодаева 1954: 10, 134].

неба, отмечается в среднемонгольском языке, в современных монгольских же данное значение утрачено, однако наличие значений разветвленного спектра цветов неба в разное время говорит о том, что в этих языках некогда имела прочная связь с первичным значением.

4. *asman/aspan ‘небо’

4.1. Лексема *asman ‘небо’ [СИГТЯ 2006: 332] восходит к тюркскому глаголу *as-* ‘вешать’ и отражает представление некоторых тюркских народов о небе как о ‘нечто висящем над людьми’. Распространена лексема не во всех тюркских языках (каз., ккалп., кирг., тат., турк., узб., уйг.) [СИГТЯ 2006: 328].

4.2. Среди монгольских языков употребляется только в некоторых южномонгольских языках:

4.2.1. дунс. *asiman*³ ‘небо’ [ДКС 2012: 18];

4.2.2. баоан. *асэман* ‘небо’ [Тодаева 1954: 134].

4.3. Лексема представляет собой явный тюркизм, она была заимствована через уйгурский язык (*асман* ‘небо’ [УРС 1961: 21]) в южномонгольские дунсянский и баоанский языки, носители которых исповедуют ислам.

В монгольских языках имеется в употреблении четыре наименования неба, что связано с распространением древних верований или их отсутствием на разных территориях. Очевидно, что все эти обозначения возникли в разное время: первое наименование свидетельствует о наличии элементов культа неба в ряде монгольских языков. Вторая лексема более конкретная и обозначает пространство между небом и землей, отсутствует в южномонгольских языках, что, видимо, свидетельствует о том, что оно не нашло распространения в этих языках и совершенно исчезло из употребления. Третья лексическая единица в значении неба употреблялась в период средневековья, первичное значение [СИГТЯ 2006: 331] неба исчезло в современных языках. В процессе развития слово приобрело, как и в тюркских языках, значение цветов по характеру различных окрасок неба [СИГТЯ 2006: 331]. Четвертая лексема является поздним заимствованием из тюркских языков.

Лексема **tengeri*, кроме своих основных значений (‘божество’ и ‘небо’), развивает и другие значения. Так, например, в халхаском, ордосском, калмыцком, шира-югурском, баоанском языках слово приобретает значение ‘погода’, что отражает древнее верование о небе как источнике плохой или хорошей погоды. Семантическое развитие слова основано на функции, которая приписывалась небу в древности.

ЗВЕЗДА

1. *hodun ‘звезда’

1.1. Для прамонгольского состояния надежно восстанавливается лексема **hodun* ‘звезда’ [Nugteren 2011: 358]:

1.1.1. письм.-монг. *odu(n)* ‘звезда; орден, награда, медаль или знак отличия’ [Lessing 1960: 600];

1.1.2. ср.-монг. *hodun* ‘звезды’ [Haenisch 1939: 76], *hodun* [Поппе 1938: 185];

1.1.3. халх. *од* ‘звезда; крупные пятнышки, звездочки на материале; звездочка; мушка, прицел, цель,

мишень; судьба, счастье, удача, везучесть’ [BAMPC 2001a: 460];

1.1.4. бур. *одон* ‘звезда; судьба, участь, счастье, удача; знаменитость; фигура; морская звезда’ [BPC 2008: 14];

1.1.5. орд. *үдү* ‘звезда’ [Mostaert 1968: 722–723];

1.1.6. ойр. *одон* ‘звезда’ [Тодаева 2001: 258];

1.1.7. калм. *одн* ‘звезда; звезда, орден / звезда, кокарда (на кепке)’ [KPC 1977: 393; Ramstedt 1935: 283];

1.1.8. дагур. *ход* (ходо) ‘звезда’ [Тодаева 1986: 176]; *ход* ‘звезда, звезды’ [КДРС 2014: 183];

1.1.9. шира-юг. *hōdōi* ‘звезда’ [ШЮПМКС 1984: 57];

1.1.10. дунс. *ходун* / *hodun*⁴ ‘звезда’ / ‘пух, перо; звезда’ [Тодаева 1954: 14; ДКС 2012: 175];

1.1.11. баоан. *ходоң* ‘звезда’ [Тодаева 1954: 9, 149], *hō:taŋ* ‘звезда’ [BWMChD 1986: 68];

1.1.12. монгор. *fōdi* ‘звезда’ [Тодаева 1954: 12; Тодаева 1973: 370].

1.2. Лексема имеет праалтайское происхождение: ПА **p’iōlo* ‘звезда’ [EDAL 2003: 1155] — ПМонг. **hodun* ‘звезда’ [Nugteren 2011: 358].

«ПЛАНЕТЫ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ»⁵

«ВЕНЕРА»

1. *čolban / *čolman ‘Венера’

1.1. Для прамонгольского состояния надежно восстанавливается лексема **čolban* / **čolman* ‘Венера’ [Nugteren 2011: 307]:

1.1.1. письм.-монг. *colmun* ‘утренняя звезда, Венера’ [Lessing 1960: 197];

1.1.2. халх. *цолмон* ‘Венера’ [BAMPC 2002: 256];

1.1.3. бур. *солбон(г)* ‘Венера, утренняя звезда’ [BPC 2008: 178];

1.1.4. орд. *tš’olmon* | *tš’ulmuŋ* ‘Венера’ [Mostaert 1968: 711];

1.1.5. ойр. *цолмон* ‘Венера, утренняя заря’ [Тодаева 2001: 429];

1.1.6. калм. *tsolwŋ* | *tsolwŋ* ‘Венера, утренняя звезда’ [Ramstedt 1935: 429];

1.1.7. дагур. *чолтон* ‘Венера, утренняя звезда’ [Тодаева 1986: 182], *чолтун* ‘Венера, утренняя звезда’ [КДРС 2014: 207]; *čolpuŋ* ‘Венера’ [ДМКС 1984: 304];

1.1.8. шира-юг. *čolβon* ‘Венера’ [ШЮПМКС 1984: 137].

1.2. Лексема имеет праалтайское происхождение: ПА **šālpu* ‘небесное тело’ [EDAL 2003: 1323–1324] — ПМонг. **čolbun* ‘Венера’ [EDAL 2003: 1324].

2. pa sangs ‘Венера’

2.1.1. письм.-монг. *basang* ‘пятница’ [Lessing 1960: 90];

1.1.2. халх. *баасан* ‘Венера, пятница’ [BAMPC 2001a: 203, 387];

2.1.3. бур. *баасан* (бабасаан) ‘Венера, пятница’ [BPC 2006: 196];

калм. *басң* ‘Венера, пятница’ [KPC 1977: 413]

⁴ Здесь слово произносится [xodun] [ДКС 2012: 175].

⁵ Данное выражение мы намеренно помещаем в кавычки, поскольку не все небесные тела с научной точки зрения относятся к планетам Солнечной системы.

³ Здесь слово произносится [asiman] [ДКС 2012: 18].

В халхаском языке встречаются описательные номинации: халх. *Алтан од* 'Венера' [БАМРС 2001а: 79]; халх. *цагаан дусал* 'Венера' [БАМРС 2001а: 75]. В основу первого наименования положен цветовой признак, во втором случае — цвет и форма. Кроме того, обнаружено санскритское заимствование халх. *сугар* 'пятница, Венера' [БАМРС 2001в: 124].

Первоначально Венеру называли утренней звездой, что отражает архаичное мировидение монгольских народов. Вероятно, что в праалтайском языке **šálpu* обозначало любые небесные тела, впоследствии оно в разных языках алтайской группы развило другую семантику, но все эти наименования связаны с объектами, которые находятся на небе: так, в пратунгусском языке **čalbaka* обозначало полумесяц, в праяпонском **súmpárú* — Плеяды, а в протомонгольском — Венеру [EDAL 2003: 1323–1324].

В монгольской традиционной астрологии Венера ассоциируется с металлом и считается благоприятствующей военным успехам [Mostaert, Cleaves 1969: 9, 11; Baumann 2005: 589–590].

«ЗЕМЛЯ»

1. **gažar* 'земля'

1.1. Для прамонгольского состояния надежно восстанавливается лексема **gažar* 'земля, почва, место' [Nugteren 2011: 336];

1.1.1. письм.-монг. *gazar* 'земля, почва, местность' [Lessing 1960: 355];

3.1.2. ср.-монг. *hažar* 'земля, место' [Haenisch 1939: 57], *qažar* 'земля' [Поппе 1938: 288];

1.1.2. халх. *газар* 'земля, почва, грунт, наземь, оземь' [БАМРС 2001а: 342];

1.1.3. бур. *газар* 'земля, почва, грунт; мир; территория, участок земли; место, местность' [БРС 2006: 187];

1.1.4. орд. *G̃aDžar* 'почва, земля, место, местность, поле, земля' [Mostaert 1968: 285];

1.1.5. ойр. *Һазар* 'земля, почва, грунт; земля, мир, вселенная; местность, место; сторона; пространство, расстояние' [Тодаева 2001: 98];

1.1.6. калм. *һазр* 'земля, почва; мир; место, пункт; учреждение, орган, управление; пространство' [КРС 1977: 152–153]; *g̃azr̃* 'земля, почва, место, пункт' [Ramstedt 1935: 148];

1.1.7. дагур. *гаджир* 'земля, почва; место, местность; пространство, расстояние' [Тодаева 1986: 130], *гажир* 'земля, местность' [КДРС 2014: 37]; *gadžir* 'земля, местность' [ДМКС 1984: 167];

1.1.8. шира-юг. *Gadžar* 'земля, местность' [ШЮПМКС 1984: 76];

1.1.9. дунс. *ghazha* 'поля, пашня, пахотная земля, грунт, земля; пол, паркет' [ДКС 2012: 127];

1.1.10. баоан. *Һаджир* 'земля, местность' [Тодаева 1954: 137]; *hadžar* 'земля, место' [BWMChD 1986: 86];

1.1.11. монгор. *Һаджир* 'земля, местность, поле' [Тодаева 1973: 324].

1.2. Лексема ПМонг. **gažar* 'земля, почва, место' [Nugteren 2011: 336], скорее всего, восходит к праалтайскому корню **giārá* 'ходить, шагать' [EDAL 2003: 550–551]. Данная лексема носит общемонгольский характер, в тюркских и тунгусо-маньчжурских языках не встречается.

1.3. Древние монголы считали землю местом своего обитания, уже гораздо позже возникли значения «мир, вселенная», «планета» так же, как и у древних тюрков [СИГТЯ 2001: 53–54; СИГТЯ 2006: 336–337]. Вторичные значения — 'почва', 'место', 'пол'.

«ЛУНА»

1. **sara* 'Луна; месяц'

1.1. Для прамонгольского состояния надежно восстанавливается лексема **sara* 'луна; месяц' [Nugteren 2011: 483];

1.1.1. письм.-монг. *sara(n)* 'луна; месяц' [Lessing 1960: 674];

1.1.2. ср.-монг. *sara* 'луна' [Haenisch 1939: 132], *sara* 'месяц (= луна)' [Поппе 1938: 318];

1.1.3. халх. *сар(а)н* 'луна, месяц; лысина, белое пятно на лбу; часть шлема, предохраняющая лоб; золотое изображение будды на лбу княжеской шапки; понедельник' [БАМРС 2001б: 93];

1.1.4. бур. *һара* 'луна; месяц' [БРС 2008: 550];

1.1.5. орд. *sara* 'луна, месяц; месяц, отсчитываемый со дня родов, в течение которых только что родившая женщина остается дома; звезда или небольшое белое пятно на лбу лошади или быка; самородок; черное пятно на лбу овцы' [Mostaert 1968: 561];

1.1.6. ойр. *сара* 'луна; месяц' [Тодаева 2001: 288];

1.1.7. калм. *сар* 'луна; месяц / луна, месяц' [КРС 1977: 441; Ramstedt 1935: 313];

1.1.8. дагур. *сарул* 'луна, месяц' [Тодаева 1986: 162], *сар* 'месяц (30 дней)' [Тодаева 1986: 162], *сар* 'луна, месяц' [КДРС 2014: 140], *саруул* 'луна' [КДРС 2014: 141];

1.1.9. шира-юг. *sara* 'луна; месяц' [ШЮПМКС 1984: 99];

1.1.10. дунс. *sara* 'луна; месяц' [ДКС 2012: 379];

1.1.11. баоан. *саре* 'луна; месяц' [Тодаева 1954: 146], *sara* 'луна' [BWMChD 1986: 26];

1.1.12. монгор. *сара* 'луна; месяц' [Тодаева 1973: 357].

1.2. Лексема имеет праалтайское происхождение: ПА **zēra* 'свет, луна, лунный цикл (год)' [EDAL 2003: 1512–1513] — ПМонг. **sara* 'луна, месяц' [Nugteren 2011: 483].

1.3. В культуре монгольских народов именно наименование луны (*сар*) стало выступать наименованием средства измерения времени, остальные номинации не обозначают средство измерения времени. В тюркских языках наименование луны **aj* является эталоном женской красоты, номинация **jalčyγ* отражает то, что тюрки обращали внимание на цвет луны [СИГТЯ 2001: 55, 56]. Монголы также обращали внимание на важнейший признак луны — белый цвет: женские имена *Сар*, *Сарул* даются обычно девочкам со светлой кожей [Монраев 2012: 190–191].

2. **tergel* 'полнолуние'

2.1. Для прамонгольского состояния надежно восстанавливается лексема **tergel* 'полнолуние' [EDAL2003: 1435];

2.1.1. письм.-монг. *tergelsara* 'полная луна', *tergeledyr* 'пятнадцатый день лунного месяца' [Lessing 1960: 805, 674, 296];

2.1.2. ср.-монг. *tergeludur* 'праздник первого летнего полнолуния' [Haenisch 1939: 149], *tergel | delgerudur* 'полный день' [Козин 1941: 412, 538];

2.1.3. халх. *тэргэл од* 'Большая Медведица', *тэргэл өдөр* 'пятнадцатый день лунного месяца, день полнолуния', *тэргэл сар* 'полнолуние' [БАМРС 2001в: 294];

2.1.4. орд. *delger* 'широкий, обширный, высокий' [Mostaert 1968: 138];

2.1.5. ойр. *делгүү* 'просторный, обширный, пространственный', *тергел сара* 'полная луна' [Тодаева 2001: 124, 324];

2.1.6. калм. *делгү* 'расширенно, повсеместно, сплошной, развернутый' [КРС 1977: 196]; *delgr* 'далеко, широко; широкая, большая река' [Ramstedt 1935: 86];

2.1.7. дагур. *дэлгэ* 'раскладывать, развертывать, расстилать' [Тодаева 1986: 136];

2.1.8. монгол. *делге* 'расстилать, раскладывать, развертывать' [Тодаева 1973: 328].

2.2. Лексема имеет праалтайское происхождение: ПА **tjölgu* 'луна' — ПМонг. **tergel* 'полнолуние' [EDAL 2003: 1435].

3. **zla-ba* 'Луна'

3.1. Тибетское заимствование обнаружено в следующих языках:

3.1.1. письм.-монг. *daba* 'понедельник' [Lessing 1960: 211];

3.1.2. халх. *даваа* 'луна, понедельник' [БАМРС 2001в: 8];

3.1.3. бур. *дабаа* 'понедельник, луна' [БРС 2008: 247];

3.1.4. орд. *dawā* 'луна' [Mostaert 1968: 130];

3.1.5. калм. *дава* 'понедельник, луна' [КРС 1977: 173]; *dawā* 'луна' [Ramstedt 1935: 80].

3.2. Лексема восходит к тибетскому языку и является поздним заимствованием в период распространения буддийского учения.

4. **saumya* 'Луна'

4.1. Санскритское заимствование обнаружено в следующих языках:

4.1.1. письм.-монг. *sumij-a* 'луна, понедельник' [Lessing 1960: 737];

4.1.2. халх. *сумъяа* 'луна, понедельник' [БАМРС 2001в: 129];

4.1.3. бур. *сумьяа* 'сумья (раст.), луна, понедельник' [БРС 2008: 198].

4.2. Лексема восходит к санскриту и является поздним заимствованием — в период распространения буддийского учения.

5. **zandrā* 'Луна'

5.1. Санскритское заимствование встречается только в монгольском языке:

5.1.1. халх. *зандраа* 'луна' [БАМРС 2001в: 210];

5.2. Лексема восходит к санскриту и является поздним заимствованием — в период распространения буддийского учения.

В халхаском языке обнаружены номинации описательного типа: халх. *гавар эрхэт* 'луна, букв. обладающий властью над звездой Сириусом А' [БАМРС 2001а: 326; Ковалевский 1846: 985]; халх. *гавъяат эрхэт* 'луна, букв. обладающий большой властью' [БАМРС 2001а: 329], халх. *далай баясгагч* 'луна, букв. доставляющая радость морю' [БАМРС 2001в: 24], халх. *далай-*

гаас төрсөн 'луна, букв. из моря родившаяся' [БАМРС 2001в: 24], халх. *одны эрхэм* 'луна, букв. первая из звезд' [БАМРС 2001в: 460], халх. *тоосны дусал* 'луна, букв. капля пыли' [БАМРС 2001в: 228].

В некоторых наименованиях четко подчеркивается влияние луны на природные процессы, которые древние люди не могли не заметить. Интересным фактом является номинация халх. *далайгаас төрсөн* 'луна, букв. из моря родившаяся' [БАМРС 2001в: 24], поскольку он соотносится с мифом, в котором описывается, что из океана родились луна и солнце [Мифы 2017: 33]. В этих описательных номинациях доминирует уже не цвет, не форма, а именно свойства луны и ее влияние на окружающую человека среду.

Несмотря на то, что встречается несколько номинаций солнца, заимствованных из тибетского и санскритского языков, наличие одной общемонгольской номинации луны в монгольских языках, имеющей праалтайское происхождение, свидетельствует о том, что оно имеет более важное значение в качестве объекта поклонения, чем небо, которое обозначается разными названиями в монгольских языках.

«МАРС»

1. **hulaan hodun* 'Марс, красная звезда'

1.1. Описательное наименование встречается в следующих языках:

1.1.1. письм.-монг. *ulaganodun* 'Марс, красная звезда' [Lessing 1960: 870];

1.1.2. халх. *Улаан од* 'Красная звезда' [БАМРС 2001а: 317];

1.2. Составные компоненты лексемы имеют праалтайское происхождение: ПА **ulV* 'мясо, олень, красно-коричневый цвет' [EDAL 2003: 1495] — ПМонг. **hulaan* 'красный' [Nugteren 2011: 363]; ПА **p'jōlo* 'звезда' [EDAL 2003: 1155] — ПМонг. **hodun* 'звезда' [Nugteren 2011: 358].

2. **hulaan nidün* 'красный глаз'

2.1. Описательное наименование встречается в следующих языках:

2.1.1. письм.-монг. *ulagannidyn* 'Марс, красный глаз' [Lessing 1960: 869];

2.1.3. халх. *Улаан Нүдэн* 'Красный глаз' [БАМРС 2001а: 317];

2.1.4. бур. *улан нүдэн* 'Марс, красный глаз' [БРС 2006: 67];

2.1.7. калм. *ulān nidün* 'Марс, красная звезда' [Яхонтова 2010: 344].

2.2. Составные компоненты лексемы имеют праалтайское происхождение: ПА **ulV* 'мясо, олень, красно-коричневый цвет' [EDAL 2003: 1495] — ПМонг. **hulaan* 'красный' [Nugteren 2011: 363]; ПА **nīdā* 'глаз' [EDAL 2003: 981] — ПМонг. **nidün* 'глаз' [Nugteren 2011: 459].

3. **angāraka* 'Марс'

3.1. Санскритское заимствование обнаружено в следующих языках:

3.1.1. письм.-монг. *anggarag* 'Марс' [Lessing 1960: 44];

- 3.1.2. халх. *ангараг* 'Марс' [БАМРС 2001а: 109];
3.1.3. бур. *ангараг* 'марс' [БРС 2006: 67].

3.2. Лексема восходит к санскриту и является поздним заимствованием — в период распространения буддийского учения.

4. **migdmār* 'Марс'

4.1. Тибетское заимствование обнаружено в следующих языках:

- 4.1.1. письм.-монг. *migmar* 'Марс' [Lessing 1960: 538];

4.1.2. халх. *мягмар* 'Марс' [БАМРС 2001б: 376];

4.1.3. бур. *мизмар* 'Марс' [БРС 2006: 549];

4.1.4. калм. *мигмр* 'Марс' [КРС 1977: 352]; *тегмтар* 'вторник, Марс, мужское имя' | *мигтā* 'вторник, Марс' [Ramstedt 1935: 261, 263].

4.2. Лексема восходит к тибетскому языку и является поздним заимствованием — в период распространения буддийского учения.

В данном случае, как и с Венерой, Марс принимали за звезду; номинация носит описательный характер, видимо, Венера и Марс более древние, чем два последних названия, которые стали распространяться в монгольских языках после принятия буддизма. Обозначение дано по цвету планеты, близкому к красному цвету. Тибетское и санскритское заимствования не обнаружены в южно-монгольских языках, а также в ордосском и языках кукунорской группы.

В халхаском языке обнаружены номинации *гал* 'Марс, огонь' [БАМРС 2001а: 365], а также халх. *гал махбодот гараг* 'Марс, вторник, букв. планета огненной стихии' [БАМРС 2001а: 364], которые связаны с цветом планеты — оранжево-красным, по этой причине в номинации участвует лексема, обозначающая огонь. Как видно из приведенных выше примеров (см. также халх. *улаан гишүү* 'Марс, букв. красная часть тела' [БАМРС 2001а: 406]), преимущественно название планеты связывалось с ее цветом.

«МЕРКУРИЙ»

1. **saranēsetōreṣṣōn* 'Меркурий'

1.1. Описательное наименование встречается только в одном языке:

- 1.1.1. халх. *сарнаас төрсөн* 'Меркурий, рожденный Луной' [БАМРС 2001в: 93];

1.2. Составное наименование указывает на веру монголов в то, что Луна рождает планету Меркурий.

2. **saranikeū* | *kōbeūn* 'Меркурий'

2.1. Описательное наименование встречается в следующих языках:

- 2.1.1. халх. *сарны хүү* 'Меркурий, букв. сын Луны' [БАМРС 2001в: 97];

2.1.2. бур. *һарын хүүн* 'Меркурий, сын Луны' [БРС 2006: 554].

2.2. Составное наименование указывает на веру монголов в то, что Луна рождает планету Меркурий.

3. **usunhodun* 'Меркурий, водная звезда'

3.1. Описательное наименование встречается в следующих языках:

- 3.1.1. халх. *усан од* 'Меркурий' [БАМРС 2001б: 460];

- 3.1.2. бур. *Уһан (мүшэн) одон* 'Меркурий, среда' [БРС 2006: 571].

3.2. Составные компоненты лексемы имеют праалтайское происхождение: ПА **siuba* 'вода' [EDAL 2003: 1285–1286] — ПМонг. **usun* 'вода' [Nugteren 2011: 535–536]; ПА **p'iōlo* 'звезда' [EDAL 2003: 1155] — ПМонг. **hodun* 'звезда' [Nugteren 2011: 358].

4. **mōḡgūnusun* 'Меркурий, Серебряная звезда'

4.1. Описательное наименование встречается в следующих языках:

- 4.1.1. орд. *mwḡgwn usū* 'Меркурий, букв. серебряная вода' [Mostaert 1968: 477];

4.2. Составные компоненты лексемы имеют праалтайское происхождение: ПА **p'iōlo* 'серебро' [EDAL 2003: 1155] — ПМонг. **mōḡgūn* 'серебро' [Nugteren 2011: 448]; ПА **siuba* 'вода' [EDAL 2003: 1285–1286] — ПМонг. **usun* 'вода' [Nugteren 2011: 535–536].

5. **budha* 'Меркурий'

5.1. Данная лексема встречается в следующих языках:

- 5.1.1. письм.-монг. *bud* 'Меркурий, среда' [Lessing 1960: 129];

5.1.2. халх. *буд* 'среда, Меркурий; умный, премудрый' [БАМРС 2001а: 278];

5.1.3. бур. *буда* 'Меркурий, среда' [БРС 2006: 147];

5.2. Лексема восходит к санскриту и является поздним заимствованием — в период распространения буддийского учения.

6. **lhagpa* 'Меркурий'

6.1. Данная лексема встречается в следующих языках:

- 6.1.1. халх. *лхагва* 'среда, Меркурий' [БАМРС 2001б: 306];

6.1.2. бур. *лхагба/пагба* 'Меркурий, среда' [БРС 2006: 521, 196];

6.2. Лексема восходит к тибетскому языку и является поздним заимствованием — в период распространения буддийского учения.

7. **ūle-mṣi* 'Меркурий'

- 7.1.1. калм. *улмэс* 'Меркурий, среда' [КРС 1977: 413]; *ūlmdž* 'больше чем; выдающийся; отличный, лучший, очень; среда' [Ramstedt 1935: 457].

7.2. Лексема имеет монгольское происхождение: *улэмж* 'более, наиболее; гораздо; весьма, очень, значительно; существенно; значительный, многочисленный; громадный, огромный, колоссальный, гигантский, наивысший' [БАМРС 2001в: 409].

Планета Меркурий очень сложная для наблюдения людьми в древности, поэтому наименования, которые можно отнести к прамонгольскому пласту, отсутствуют. Можно выявить три блока в номинации этой планеты. Во-первых, наиболее ранняя по времени, видимо, связана с наименованиями, которые содержат компонент «луна». Во-вторых, блок, связанный с водой, восходит к китайской астрологии, где планеты назывались по стихиям, к которым они относились. В-третьих, блок соотносится с буддийским периодом и знаменуется санскритскими и тибетскими заимствованиями.

«НЕПТУН»

1. **dalaĩ wáng* ‘Нептун’

1.1. Описательное наименование было обнаружено в следующих языках:

1.1.1. халх. *Далайн ван* ‘Нептун, букв. князь океанов’ [БАМРС 2001б: 24];

1.1.2. бур. *Далайн ван* ‘Нептун, букв. князь океанов’ [БРС 2008: 93].

1.2. Наименование представляет собой заимствование из китайского языка, о чем свидетельствует второй компонент описательной номинации.

1.3. Планета Нептун не была известна древним монголам, в языках отсутствует собственное наименование, что свидетельствует о том, что знания о ней пришли из достижений наук других этносов, скорее всего, китайского народа.

«ПЛУТОН»

1. **dalaĩ wáng* ‘Плутон’

1.1. Описательное наименование было обнаружено только в одном языке:

1.1.1. бур. *Дэлхэйн ван* ‘Плутон, букв. князь мира’ [БРС 2008: 93].

1.2. Наименование представляет собой заимствование из китайского языка, о чем свидетельствует второй компонент описательной номинации.

1.3. Планета Плутон не была известна древним монголам, в языках отсутствует собственное наименование, что свидетельствует о том, что знания о ней пришли из достижений наук других этносов, скорее всего, китайского народа.

«САТУРН»

1. **spenpa* ‘Сатурн’

1.1. Данная лексема встречается в следующих языках:

1.1.1. халх. *бямба* ‘суббота, Сатурн’ [БАМРС 2001а: 386];

1.1.2. бур. *бимба* ‘Сатурн, суббота’ [БРС 2006: 127];

1.1.3. калм. *бемб* ‘Сатурн; суббота’ [КРС 1977: 413]; *bembā* ‘Сатурн, суббота’ [Ramstedt 1935: 7].

1.2. Лексема восходит к тибетскому языку и является поздним заимствованием — в период распространения буддийского учения.

2. **sanaiscara* ‘Сатурн’

2.1. Данная лексема встречается в следующих языках:

2.1.1. халх. *санчир* ‘Сатурн’ [БАМРС 2001в: 92];

2.1.2. бур. *санчир* ‘Сатурн’ [БРС 2006: 93, 148];

2.1.3. калм. *санчр* ‘Сатурн’ [КРС 1977: 441].

2.2. Лексема восходит к санскриту (?) [ЭСМЯ 2018: 91] и является поздним заимствованием, в период распространения буддийского учения.

Планета Сатурн не была известна древним монголам, в языках отсутствует собственное наименование, что свидетельствует о том, что знания о ней пришли в период распространения буддизма среди монгольских народов.

«СОЛНЦЕ»

1. **narān* ‘Солнце’

1.1. Для прамонгольского состояния надежно восстанавливается лексема **narān* ‘солнце’ [Nugteren 2011: 452];

1.1.1. письм.-монг. *narā(n)* ‘солнце’ [Lessing 1960: 565];

1.1.2. ср.-монг. *narān* ‘солнце’ [Haenisch 1939: 113], *narān* ‘солнце’ [Ponne 1938: 245];

1.1.3. халх. *нар(а)н* ‘солнце; просветление, радость’ [БАМРС 2001а: 396];

1.1.4. бур. *наран* ‘солнце’ [БРС 2006: 593–594];

1.1.5. орд. *narā* ‘солнце’ [Mostaert 1968: 483];

1.1.6. ойр. *наран* ‘солнце’ [Тодаева 2001: 244];

1.1.7. калм. *нарн* ‘солнце; воскресенье’ [КРС 1977: 368–369; Ramstedt 1935: 272];

1.1.8. дагур. *нар* ‘солнце’ [Тодаева 1986: 156], *нар* ‘солнце’ [КДРС 2014: 122];

1.1.9. шира-юг. *narān* ‘солнце’ [ШЮПМКС 1984: 24];

1.1.10. дунс. *narān*⁶ ‘солнце; солнечный свет’ [ДКС 2012: 310];

1.1.11. баоан. *нараң* ‘солнце’ [Тодаева 1954: 144; BWMChD 1986: 26];

1.1.12. монгол. *нара* ‘солнце’ [Тодаева 1973: 348].

1.2. Лексема имеет праалтайское происхождение: ПА **ṇ̥r̥a* ‘день, солнце, свет’ [EDAL 2003: 1028] — ПМонг. **narān* ‘солнце’ [Nugteren 2011: 452].

2. **adya* ‘Солнце’

2.1. Санскритское заимствование обнаружено в следующих языках:

2.1.1. письм.-монг. *adiy-a* ‘солнце’ [Lessing 1960: 11];

2.1.2. халх.⁷ *адъяа* ‘воскресенье; счастливый день, выходной день, солнце’ [БАМРС 2001а: 58];

2.1.4. бур. *адъяа* ‘солнце’ [БРС 2006: 40];

2.1.5. орд. *aDijā* ‘солнце’ [Mostaert 1968: 3];

2.1.6. калм. *адья(н)* ‘солнце’ [КРС 1977: 29]; *ad’ā* ‘солнце’ [Ramstedt 1935: 1].

2.2. Лексема восходит к санскриту и является поздним заимствованием — в период распространения буддийского учения.

3. **nim* ‘Солнце’

3.1. Тибетское заимствование обнаружено в следующих языках:

3.1.1. письм.-монг. *nima* ‘воскресенье’ [Lessing 1960: 584];

3.1.2. халх. *ням* ‘воскресенье; солнце’ [БАМРС 2001б: 451];

3.1.3. бур. *нима* ‘солнце; воскресенье’ [БРС 2006: 605];

2.1.4. орд. *nimā* ‘солнце’ [Mostaert 1968: 494];

3.1.5. калм. *nimā* ‘мужское имя; солнце’ [Ramstedt 1935: 276].

3.2. Лексема восходит к тибетскому языку и является поздним заимствованием — в период распространения буддийского учения.

В калмыцком языке известно такое описательное наименование солнца, как *цагин эзн* ‘хозяин времени’ и др., что отражает веру калмыцкого народа в то, что солнце управляет временем. В халхаском языке обнаружены следующие

⁶ Здесь слово произносится [naraŋ] [ДКС 2012: 310].

⁷ В халхаском также обнаружена лексема халх. *сауръяа* ‘солнце’ [БАРМС 2001в: 135].

номинации: халх. *гэгээний эзэн* ‘солнце, букв. владыка света’ [БАМРС 2001a: 477]; халх. *гэгээний мөөр* ‘солнце, букв. круг (колесо) света’ [БАМРС 2001a: 477]; халх. *гэрлийн тэрэг* ‘солнце, букв. телега света’ [БАМРС 2001a: 482]; халх. *аварга од* ‘солнце, букв. гигантская звезда’ [БАМРС 2001a: 17]; халх. *алтан тахиа* ‘солнце, букв. золотая курица’ [БАМРС 2001a: 79]; халх. *амьтны зул* ‘солнце, букв. живая свеча’ [БАМРС 2001a: 105]; халх. *арга ертөнц* ‘солнце, букв. (активная, мужская) сила вселенной’ [БАМРС 2001a: 131]; халх. *ертөцийн нүдэн* ‘солнце, букв. око мира’ [БАМРС 2001b: 128]; халх. *маанийн зул* ‘солнце, букв. наша свеча’ [БАМРС 2001b: 309]; халх. *сансрын нүд* ‘солнце, букв. око мира’ [БАМРС 2001b: 91].

Несмотря на то, что встречается несколько номинаций солнца, заимствованных из тибетского и санскритского языков, наличие одной номинации солнца в монгольских языках, имеющей праалтайское происхождение, свидетельствует о том, что оно имеет более важное значение в качестве объекта поклонения, чем небо, которое обозначается разными названиями в монгольских языках. В отличие от тюркских языков лексемы, обозначающие солнце, не приобретают значения «день» [СИГТЯ 2001: 65]. Только в халхаском языке имеется метафорическое развитие лексемы в значение «просветление, радость». Тибетское и санскритское заимствования не обнаруживаются в южно-монгольских, монгольских, а также в ордосском языках и языках кукунорской группы. Лексемами, обозначающими солнце, нарекают и мужчин, и женщин, т. е. за ними исторически не закреплена гендерная семантика.

«УРАН»

1. **tengeriyinwáng* ‘Уран’

1.1. Описательное наименование встречается только в следующих языках:

1.1.1. халх. *Тэнгэрийн ван* ‘Уран’ [БАМРС 2002: 289];

1.1.2. бур. *Тэнгэрийн ван* ‘Уран’ [БРС 2008: 93];

1.2. Планета Уран не была известна древним монголам, в языках отсутствует собственное наименование, что свидетельствует о том, что знания о ней пришли из достижений наук других этносов, скорее всего, китайского народа.

«ЮПИТЕР»

1. **aburyuhodun* ‘Юпитер’

1.1. Описательное наименование встречается только в следующем языке:

1.1.1. халх. *аварга од* ‘Юпитер, букв. громадная звезда’ [БАМРС 2001a: 386].

1.2. Описательное наименование основано на признаке размера. Планета Юпитер воспринималась как звезда, а не как планета.

2. **gadasungraha* ‘Юпитер’

2.1. Описательное наименование встречается только в следующем языке:

2.1.1. халх. *гадасан гараг* ‘Юпитер, букв. неподвижная планета’ [БАМРС 2001a: 337].

2.2. Наименование построено на признаке неподвижности планеты.

3. **modungraha* ‘Юпитер’

3.1. Описательное наименование встречается только в следующем языке:

3.1.1. халх. *модон гараг* ‘Юпитер, букв. деревянная планета’ [БАМРС 2001b: 335].

3.2. Номинация, очевидно, заимствована из китайского языка, где планеты делились по стихиям.

4. **phurbu* ‘Юпитер’

4.1. Данная лексема встречается в следующих языках:

4.1.1. халх. *пүрэв* ‘Юпитер’ [БАМРС 2002: 56];

4.1.2. бур. *пүрбэ* ‘Юпитер, четверг’ [БРС 2006: 196];

4.1.3. калм. *пүрвэ* ‘Юпитер, четверг’ [КРС 1977: 413]; *pürwē* *pürwə* ‘четверг’ [Ramstedt 1935: 307].

4.2. Лексема восходит к тибетскому языку и является поздним заимствованием — в период распространения буддийского учения.

5. **brhaspati* ‘Юпитер’

5.1. Данная лексема встречается в следующих языках:

5.1.1. бур. *Бархабадь* ‘Юпитер’ [БРС 2008: 93].

5.2. Лексема восходит к санскриту и является поздним заимствованием — в период распространения буддийского учения.

6. **t'ai souei* ‘Юпитер’

6.1. Данная лексема встречается в следующих языках:

6.1.1. халх. *тайсуй* ‘Юпитер’ [БАМРС 2002: 180];

6.1.2. орд. *t'ās'ī* ‘Юпитер’ [Mostaert 1968: 653].

Выводы

Астрономическая система, выстроенная еще в глубокой древности, содержит несколько напластований и отражает архаичные видения предков монгольских народов. Такие астронимы, как небо, звезда, солнце, луна, Венера, очевидно, уходят в глубокую древность, еще в праалтайскую эпоху.

В картине мира монгольских народов понятие «планета» появилось гораздо позже, первоначально многие видимые небесные объекты принимались за звезды, по этой причине в монгольских языках имеются номинации с компонентом *одн* ‘звезда’ (так, например, следующие небесные тела назывались звездами: Венера, Марс, Меркурий, Солнце, Луна). Сама же Земля не воспринималась в виде звезды или планеты, что очевидно, поскольку для древних монголов Земля выступала домом, местом проживания. Позднее в перечень планет включались только видимые небесные тела: Солнце, Луна, Марс, Меркурий, Юпитер, Венера, Сатурн, — впоследствии

их названия были перенесены на дни недели. Из-за подвижности Солнца и Луны на небе предки монголов считали, что они являются планетами, хотя они не всегда проводили разницу между планетами и звездами.

Из современных планет солнечной системы древним монголам, скорее всего, были известны Венера, Марс, Юпитер и, возможно, Меркурий. Уже после принятия буддизма появилось название, обозначающее Сатурн, позже стали известными Нептун, Плутон, Уран.

Сокращения

баоан. — баоанский
 бур. — бурятский
 дагур. — дагурский
 дунс. — дунсянский
 каз. — казахский
 калм. — калмыцкий
 кирг. — киргизский
 ккалп. — каракалпакский
 монгор. — монгорский
 ойр. — ойратский

Литература

- Антонов 1984 — Антонов Н. К. Материалы по исторической лексике якутского языка. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1971. 184 с.
- БАМРС 2001а — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / ред.: А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба, Г. Пюрбеев. Т. 1: А–Г. М.: Academia, 2001. 488 с.
- БАМРС 2001б — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / ред.: А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба, Г. Пюрбеев. Т. 2: Д–О. М.: Academia, 2001. 512 с.
- БАМРС 2001в — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / ред.: А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба, Г. Пюрбеев. Т. 3: Ё–Ф. М.: Academia, 2001. 440 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь в 4-х томах / ред.: А. Лувсандэндэв, Ц. Цэдэндамба, Г. Пюрбеев. Т. 4: Х–Я. М.: Academia, 2002. 508 с.
- Березкин, Дувакин — Березкин Ю. Е., Дувакин Е. Н. Тематическая классификация и распределение фольклорно-мифологических мотивов по ареалам: аналитический каталог (электронная и ежегодно обновляемая база данных) // Рутения. Фольклор и постфольклор: структура, типология, семиотика. URL: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (дата обращения: 20.08.2020).
- Бертагаев 1971 — Бертагаев Т. А. Внутренняя реконструкция и этимология слов в алтайских языках // Проблема общности алтайских языков. Л.: Наука, ЛО, 1971. С. 90–109.
- Бонов 1984 — Бонов А. Мифы и легенды о созвездиях. Минск: Вышэйшая школа, 1984. 256 с.

Можно выделить несколько систем номинаций астронимов. Так, выделяются номинации небесных объектов, которые давались по цвету, размеру или по стихии (вода, огонь, дерево, свет), что сходно с пратюркской картиной мира [СИГТЯ 2006: 335]. На систему номинаций, несомненно, повлияло принятие буддизма монгольскими народами, так как в языках монгольской группы, за исключением языков южномонгольской и кукунорской группы, имеется большое количество заимствований из тибетского и санскритского языков.

орд. — ордосский
 ПА — праалтайский
 письм.-монг. — письменно-монгольский
 ПМонг. — прамонгольский
 ср.-монг. — среднемонгольский
 тат. — татарский
 турк. — туркменский
 узб. — узбекский
 уйг. — уйгурский
 халх. — халхаский
 шира-юг. — шира-югурский

- БРС 2006 — Бурятско-русский словарь: в 2 т. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. I: А–Н. Улан-Удэ: Респ. тип., 2006. 635 с.
- БРС 2008 — Бурятско-русский словарь: в 2 т. / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. Т. II: О–Я. Улан-Удэ: Респ. тип., 2008. 707 с.
- В созвездии слов 2017 — В созвездии слов и имен: сб. науч. ст. к юбилею М. Э. Рут / редкол.: Е. Л. Березович (отв. ред.) и др. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2017. 591 с.
- Владимирский, Кисловский 1989 — Владимирский Б. М., Кисловский Л. Д. Археoaстрономия и история культуры. М.: Знание, 1989. 64 с.
- ДКС 2012 — Дунсянско-китайский словарь / 2-е изд. Ланьчжоу: Изд. дом национальностей Ганьсу, 2012. 548 с.
- ДМКС 1984 — Дагурско-монгольско-китайский словарь / сост. Энхбат и др. Хухото, 1984. 357 с.
- Дыбо, Норманская 2014 — Дыбо А. В., Норманская Ю. В. К исторической типологии названий оружия в уральских и алтайских языках // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2014. № 2. С. 84–100.
- Евсюков 1988 — Евсюков В. В. Мифы о вселенной. Новосибирск: Наука, СО, 1988. 187 с.
- Калмыки 2010 — Калмыки / отв. ред. Э. П. Бакаева, Н. Л. Жуковская. М.: Наука, 2010. 568 с. (Сер.: «Народы и культуры»)
- Карпенко 1981 — Карпенко Ю. А. Названия звездного неба. М.: Наука, 1981. 184 с.
- КДРС 2014 — Краткий дагурско-русский словарь / сост.: Г. Тумурдэй, Б. Д. Цыбенков; отв. ред. Ж. Б. Бадагаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2014. 236 с.

- Ковалевский 1837 — Буддийская космология. Казань: В Университетской тип., 1837. 167 с.
- Ковалевский 1846 — *Ковалевский О. М.* Монголо-русско-французский словарь. В 3 т. Т. 2. Казань: В Университетской тип., 1846. 1545 с.
- Козин 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongol un niguča tobèj an*: Юань чао би ши, монг. обыденный изборник. Т. 1. Введение в изучение памятника. Перевод, тексты, глоссарии. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.
- Корнелиус 2000 — *Корнелиус Дж.* Звездное небо. Предания и новейшие знания о созвездиях, звездах и планетах. М.: Бертельсманн Медиа Москау АО, 2000. 176 с.
- Крапп 1999 — *Krapp Э. К.* Астрономия: Легенды и предания о Солнце, Луне, звездах и планетах. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999. 656 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / отв. ред. Б. Д. Муниев. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Ларичев 1986 — *Ларичев В. Е.* Колесо времени: Солнце, Луна и древние люди. Новосибирск: Наука, СО, 1986. 176 с. 177 с.
- Ларичев 1989 — *Ларичев В. Е.* Мудрость змеи: Первобытный человек, Луна и Солнце. Новосибирск: Наука, 1989. 272 с.
- Ларичев 1993 — *Ларичев В. Е.* Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон. Новосибирск: Наука, 1993. 288 с.
- Ларичев 1999 — *Ларичев В. Е.* Звездные боги. Новосибирск: Науч.-изд. центр ОИГТМ СО РАН; Изд-во Новосиб. ун-та, 1999. 356 с.
- Макрэй 1993 — *Крис Макрэй И. И.* Астрология на земном шаре: геодезическая карта мира. М.: Инф.-исслед. астролог. центр ТХО «Юпитер» АН России, 1993. 96 с.
- Мифы 2017 — Мифы, легенды и предания калмыков / подготовка текстов, пер., вступит. ст., примеч., коммент., указатели, словарь, сверка калм. текстов Т. Г. Басанговой, Т. А. Михалевой; отв. ред. А. А. Бурыкин, Е. Н. Кузьмина, В. В. Куканова, Г. Ц. Пюрбеев; Калмыцкий научный центр РАН. М.: Наука, Вост. лит., 2017. 365 с. (Свод калмыцкого фольклора / ред.-кол.: А. И. Алиева и др.).
- Монраев 2012 — *Монраев М. У.* Калмыцкие личные имена (семантика). Элиста: ИД «Герел», 2012. 255 с.
- Омакаева 1995 — *Омакаева Э. У.* Калмыцкая астрология. Молитвы. Элиста: АПП «Джангар», 1995. 178 с.
- Омакаева 1998 — *Омакаева Э. У.* Магия и астрология в калмыцких обычаях и обрядах, связанных с рождением ребенка и первым годом его жизни // ALTAICA II. Сб. ст. и мат.-лов. М.: ИВ РАН, 1998. С. 101–111.
- Омакаева 1999 — *Омакаева Э. У.* Время и календарь в традиционной культуре калмыков // Время и календарь в традиционной культуре. Тезисы докл. Всерос. науч. конф. / ред. А. Б. Островский. СПб.: Лань, 1999. С. 76–78.
- Полякова 2020 — *Полякова О. О.* Археoaстрономия как инструмент исследования древнего познания // Евразийский союз ученых. Философские науки. 2020. № 69(6). С. 33–48. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.69.520
- Поппе 1938 — *Поппе Н. Н.* Монгольский словарь Мукаддимат ал-Адаб. Часть I–II. М.; Л.: Наука, 453 с.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
- СИГТЯ 2006 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка / отв. ред. Э. Р. Тенишев, А. В. Дыбо. М.: Наука, 2006. 909 с.
- Скородумова 1994 — *Скородумова Л.* Дзурхай: Буддийская астрология. Владивосток: Рубеж, 1994. 38 с.
- Татаринцев 1984 — *Татаринцев Б. И.* О происхождении тюркского наименования неба (*tängri* и его соответствия) // Советская тюркология. 1984. № 4. С. 73–84.
- Тодаева 1954 — *Тодаева Б. Х.* Баоаньский язык. М.: Наука, 1954. 158 с.
- Тодаева 1973 — *Тодаева Б. Х.* Монгорский язык. Исследование, тексты, словарь. М.: ГРВЛ, Наука, 1973. 392 с.
- Тодаева 1986 — *Тодаева Б. Х.* Дагурский язык. М.: Наука, ГРВЛ, 1986. 190 с.
- Тодаева 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна (по версиям песен «Джангар» и полевым записям автора). Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 497 с.
- УРС 1961 — Уйгурско-русский словарь / под ред. Ш. Кибирова, Ю. Цунвазо. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. 328 с.
- Фролов 1981 — *Фролов Б. А.* О чем рассказала сибирская мадонна. М.: Знание, 1981. 112 с.
- Фролов 1982 — *Фролов Б. А.* Астральные мифы и рисунки // Очерки истории естественнонаучных знаний в древности. М.: Наука, 1982. С. 41–58.
- Хомонов 1980 — *Хомонов М. П.* О значении слов «тэнгери» и «огторго» (небо) // Традиционный фольклор бурят. Улан-Удэ: Бурят. фил. СО АН СССР, 1980. С. 155–158.
- ШЮПМКС 1984 — Шира-югурский письменно-монгольско-китайский словарь. 1984. 180 с.
- ЭСМЯ 2018 — Этимологический словарь монгольских языков. В 3 т. / отв. ред. Г. Д. Санжеев, ред.-сост. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. Т. III: Q–Z. М.: ИВ РАН, 2018. 240 с.
- Яхонтова 2010 — *Яхонтова Н. С.* Ойратский словарь поэтических выражений. Факсимиле рукописи, транслитерация, введение, перевод с ойратского, словарь с комментариями, приложения. М.: Вост. лит., 2010. 620 с.
- Baumann 2005 — *Baumann B. G.* Divine Knowledge: Buddhist Mathematics according to Antoine Mostaert's Manual of Mongolian Astrology and Divination. PhD Thesis. Bloomington: Indiana University, 2005. Xviii, 2225 p.
- BWMChD 1986 — Словарь баоаньского, письменного монгольского, китайского языков. Хух-Хото:

- Тип. Внутренней Монголии, 1986. 265 с.
- EDAL 2003 — *Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A.* An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 1556 p. (In Eng.)
- Haenisch 1939 — *Haenisch E.* Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1939. 190 p.
- Lessing 1960 — *Lessing F. D.* Mongolian-English Dictionary. Berkeley; Los Angeles: University of California Press, 1960. xv + 1086 p.
- Mongolian Etymology — Mongolian Etymology [электронный ресурс] // База данных по монгольским языкам. URL: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\alt\monget&first=1> (дата обращения: 01.09.2020).
- References**
- Antonov N. K. Yakut Historical Vocabulary: [Collected] Materials. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1971. 184 p. (In Yak. and Russ.)
- Bakaeva E. P., Zhukovskaya N. L. (eds.) The Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 568 p. (In Russ.)
- Baumann B. G. Divine Knowledge: Buddhist Mathematics according to Antoine Mostaert's Manual of Mongolian Astrology and Divination. PhD Thesis. Bloomington: Indiana University, 2005. XVIII, 2225 p. (In Eng.)
- Berezkin Yu. E., Duvakin E. N. World Mythology and Folklore: Thematic Classification and Areal Distribution of Motifs. Analytical catalogue. On: Ruthenia. Folklore and Postfolklore: Structure, Typology, Semiotics. Available at: <http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/> (accessed: 20 August 2020). (In Russ.)
- Berezovich E. L. et al. (eds.) In the Constellation of Words and Names. Collected scholarly papers. Jubilee edition. Yekaterinburg: Ural Federal University, 2017. 591 p. (In Russ.)
- Bertagaev T. A. Altaic languages: Internal reconstructions and etymologies of lexemes. In: The Issue of Commonness among Altaic Languages Revisited. Leningrad: Nauka, 1971. Pp. 90–109. (In Russ.)
- Bonov A. Myths and Legends about Constellations. Minsk: Vysheyschaya Shkola, 1984. 256 p. (In Russ.)
- Burykin A. A. et al. (eds.) Kalmyk Myths, Legends, and Tales. T. Basangova, T. Mikhaleva (text prep., foreword, etc.). Kalmyk Scientific Center (RAS). Moscow: Nauka — Vostochnaya Literatura, 2017. 365 p. (In Kalm. and Russ.)
- Cornelius G. The Starlore Handbook: An Essential Guide to the Night Sky. Moscow: Bertelsmann Media Moskau AG, 2000. 176 p. (In Russ.)
- Dictionary of Bonan, Classical Mongolian, and Chinese. Hohhot: Inner Mongolia Publ. House, 1986. 265 p. (In Bon., Mong. and Chin.)
- Dongxiang-Chinese Dictionary. 2nd ed. Lanzhou: Gansu Nationalities Publ. House, 2012. 548 p. (In Dong. and Chin.)
- Dybo A. V., Normanskaya Yu. V. Towards a historical typology of weapon names in Uralic and Altaic languages. *Vestnik of RFH*. 2014. No. 2. Pp. 84–100. (In Russ.)
- Eastern Yugur – Classical Mongolian – Chinese Dictionary. 1984. 180 p. (In Yug., Mong. and Chin.)
- Enkhbat et al. (comps.) Dagur-Mongolian-Chinese Dictionary. Hohhot, 1984. 357 p. (In Dag., Mong. and Chin.)
- Frolov B. A. Astral myths and pictures. In: Historical Essays on Ancient Natural Science. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 41–58. (In Russ.)
- Frolov B. A. What We Learnt from the Siberian Madonna. Moscow: Znanie, 1981. 112 p. (In Russ.)
- Haenisch E. Wörterbuch zu Manghol-un Niuča Tobčaan (Yüan-ch'ao pi-shi), Geheime Geschichte der Mongolen. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1939. 190 p. (In Germ. and Mong.)
- Karpenko Yu. A. Names of Celestial Bodies. Moscow: Nauka, 1981. 184 p. (In Russ.)
- Khomonov M. P. *Tengeri* and *ogtorgo* ('sky'): Semantics revisited. In: Buryat Traditional Folklore. Ulan-Ude: USSR Academy of Sciences (Buryat Institute, SB), 1980. Pp. 155–158. (In Russ.)
- Kibirov Sh., Tsunvazo Yu. (eds.) Uighur-Russian Dictionary. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 1961. 328 p. (In Uig. and Russ.)
- Kontsevich L. R., Rassadin V. I., Leman Ya. D. (ed. comps.) Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. G. Sanzheev (ed.). Vol. 3: Q–Z. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2018. 240 p. (In Mong. and Russ.)
- Kowalewski O. M. Buddhist Cosmology. Kazan: Imperial Kazan University, 1837. 167 p. (In Russ.)
- Kowalewski O. M. Dictionnaire mongol-russe-français. In 3 vols. Vol. 2. Kazan: Imperial Kazan University, 1846. 1545 p. (In Mong., Russ. and Fr.)
- Kozin S. A. The Secret History of the Mongols: A 1240 Mongolian Chronicle Titled *Mongyol-un niyuca tobciyan*, Or *Yuáncháo Mishi*. Vol. 1. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russ.)
- Krupp E. C. Beyond the Blue Horizon: Myths and Legends of the Sun, Moon, Stars, and Planets. Moscow: FAIR-PRESS, 1999. 656 p. (In Russ.)
- Larichev V. E. The Celestial Gods. Novosibirsk: Unit-

- ed Institute of Geology, Geophysics and Mineralogy (SB RAS), Novosibirsk State University, 1999. 356 p. (In Russ.)
- Larichev V. E. The Making of the Universe: The Sun, Mon, and Heavenly Dragon. Novosibirsk: Nauka, 1993. 288 p. (In Russ.)
- Larichev V. E. The Wheel of Time: The Sun, Moon, and Ancient Humans. Novosibirsk: Nauka, 1986. 176 p. (In Russ.)
- Larichev V. E. The Wisdom of Snakes: Prehistoric Man, the Moon and the Sun. Novosibirsk: Nauka, 1989. 272 p. (In Russ.)
- Lessing F. D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley, Los Angeles: University of California Press, 1960. XV + 1086 p. (In Mong. and Eng.)
- McRae C. The Geodetic World Map. Moscow: Yupiter, 1993. 96 p. (In Russ.)
- Mongolian etymology. On: Mongolic Languages Database. Available at: <https://starling.rinet.ru/cgi-bin/response.cgi?root=config&morpho=0&basename=\data\alt\monget&first=1> (accessed: 1 September 2020). (In Eng., Mong., etc.)
- Monraev M. U. Kalmyk Personal Names: Semantics. Elista: Gerel, 2012. 255 p. (In Russ.)
- Mostaert A. Dictionnaire Ordos. New York, London: Johnson Reprint Corporation, 1968. 964 p. (In Mong. and Fr.)
- Mostaert A., Cleaves F. W. (eds.) Manual of Mongolian Astrology and Divination. A. Mostaert (introd.), F. Cleaves (foreword). Ser. 'Scripta Mongolica'. Vol. 4. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1969. VI, [2], 127 p. (In Eng. and Fr.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 768 p. (In Kalm. and Russ.)
- Nugteren H. Mongolic Phonology and the Qinghai-Gansu Languages. Utrecht: LOT, Netherlands Graduate School of Linguistics, 2011. 563 p. (In Eng.)
- Omakaeva E. U. Birth and first year of life: Magic and astrology in Kalmyk customs and rites reviewed. In: Altaica II. Collected papers. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 1998. Pp. 101–111. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. Kalmyk Astrology. Prayers. Elista: Dzhangar, 1995. 178 p. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. Time and calendar in Kalmyk traditional culture. In: Ostrovsky A. B. (ed.) Time and Calendar in Traditional Culture. Conference abstracts. St. Petersburg: Lan, 1999. Pp. 76–78. (In Russ.)
- Polyakova O. O. Archaeoastronomy as a tool to explore ancient cognition. *Eurasian Union of Scientists. Philosophical Sciences*. 2020. No. 69(6). Pp. 33–48. (In Russ.) DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2019.69.520
- Poppe N. N. Mongolian Vocabulary of the Muqaddimat al-Adab. Parts 1–2. Moscow, Leningrad: Nauka, 453 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbuev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 488 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbuev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 512 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbuev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Θ–Φ. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbuev G. Ts. et al. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 508 p. (In Mong. and Russ.)
- Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Finn-Ugric Society, 1935. 560 p. (In Germ. and Kalm.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A–H. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2006. 635 p. (In Bur. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. (comps.) Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: O–Я. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2008. 707 p. (In Bur. and Russ.)
- Skorodumova L. Zurhai: Buddhist Astrology. Vladivostok: Rubezh, 1994. 38 p. (In Russ.)
- Starostin S. A., Dybo A. V., Mudrak O. A. An Etymological Dictionary of Altaic Languages. Leiden; Boston: Brill, 2003. 1556 p. (In Eng.)
- Tatarintsev B. I. Origins of the Turkic for heaven revisited: *Tänri* and its equivalents. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1984. No. 4. Pp. 73–84. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Vocabulary. 2nd ed., suppl. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R., Dybo A. V. (eds.) Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Proto-Turkic (Ancestor) Language. Worldview of Proto-Turks as Evidenced by Language Data. Moscow: Nauka, 2006. 909 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat (Compiled from Jangar Narratives and Author's Field Data). Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 497 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. The Bonan Language. Moscow: Nauka, 1954. 158 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. The Dagur Language. Moscow: Nauka — GRVL, 1986. 190 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. The Monguor Language: Analysis, Texts, Dictionary. Moscow: Nauka — GRVL, 1973. 392 p. (In Russ.)
- Tumurdei G., Tsybenov B. D. (comps.) A Concise Dagur-Russian Dictionary. Zh. Badagarov (ed.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2014. 236 p. (In Dag. and Russ.)
- Vladimirsky B. M., Kislovsky L. D. Archaeoastronomy and History of Culture. Moscow: Znanie, 1989. 64 p. (In Russ.)
- Yakhontova N. S. The Dictionary of Poetic Oirat. Facsimile of the Manuscript, Transliteration, etc. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2010. 620 p. (In Oir. and Russ.)
- Yevsyukov V. V. Myths about the Universe. Novosibirsk: Nauka, 1988. 187 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1667–1676, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1667-1676
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.141

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1667-1676

Табу и эвфемизмы, связанные с рождением ребенка, в башкирском языке

Гульназ Рафаиловна Каримова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра
 РАН (д. 71, пр. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, научный сотрудник
 0000-0002-6563-5766. E-mail: batir7@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Каримова Г. Р., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается употребление табу и эвфемизмов в родинной лексике башкирского языка, выявляются языковые факты, освещаются особенности традиционной обрядовой культуры. *Цель статьи* — определить список эвфемизмов, входящих в группу лексики родинного обряда башкир, выявить внутренние лексико-семантические группы. *Материалы.* В ходе исследования использовались полевые материалы автора, собранные во время комплексных экспедиций с 2004 по 2008 гг., лексические и фразеологические материалы из словарей башкирского и других тюркских языков, диалектные материалы, хранящиеся в фондах Института истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН. Использовались лингвистические методы: этнолингвистический, сопоставительно-описательный, метод компонентного анализа, лексикографический отбор. *Результаты.* В башкирском языке табуированию подверглась лексика, обозначающая бездетную женщину, беременную женщину и понятия родов и родоспоможения. Понятия, связанные с родинным обрядом, в башкирском языке передаются эвфемизмами, чтобы обезопасить мать и уберечь ребенка от злых духов и дурного глаза. Зафиксировано большое количество эвфемизмов, обозначающих беременную женщину: *ауырлы, ауырга калыу, ауыр аяклы, ауыры бар, ауыр күтәреү, ауырлау, йөклө* и др.; бесплодную женщину: *бала күрмәгән, бизәү, түлһез, кысыр, иргорһак* и др.; эвфемизмы, обозначающие понятие «роды»: *бала табыу, күренеү, бәпәсләү, бәпәйләү, котолоу, бушаныу, донъяга килеү* и др. Табу и эвфемизмы родинного обряда играют важную роль в развитии словарного состава башкирского языка. Имеющиеся этнографические материалы требуется систематизировать с привлечением анализа языкового материала. Со временем многие архаизмы исчезли из современного словарного состава языка, а другие обнаруживаются только в определенных диалектах башкирского языка. Почти вся эвфемистическая лексика представляет собой словосочетания, состоящие из общетюркской лексики и используемые в переносном значении.

В них отражаются обрядовые традиции башкирского народа, благовоспитанность, вежливость, соблюдение правил приличия — правила этики. Эвфемизмы отражают речевой этикет и самобытность башкирского народа, являются ценным лингвистическим и культурным источником для изучения традиционных народных верований башкир.

Ключевые слова: башкирский язык, лексика, табу, эвфемизм, этнолингвистика, родинный обряд, лингвокультура, традиции

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер госрегистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Каримова Г. Р. Табу и эвфемизмы, связанные с рождением ребенка, в башкирском языке // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1667–1676. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1667-1676

UDC 811.512.141

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1667-1676

Bashkir Birth-Related Vocabulary: Taboos and Euphemisms

Gulnaz R. Karimova¹

¹Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., Ufa 450054, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Research Associate

 0000-0002-6563-5766. E-mail: batir7@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Karimova G. R., 2020

Abstract. Introduction. This article examines the use of taboos and euphemisms in birth-related vocabulary of the Bashkir language. **Goals.** The paper reveals both linguistic facts and those of traditional ritual culture, ethnic worldviews. The Bashkir birth-related taboo vocabulary has not been a subject of special research yet. **Materials and Methods.** Actual meanings of lexemes were identified through the use of author's field materials collected during comprehensive expeditions (2004 to 2008), lexical and phraseological data from dictionaries of the Bashkir and other Turkic languages, dialectal materials stored by the Institute of History, Language and Literature (Ufa Federal Research Centre of the RAS). The work employs a number of linguistic research methods, such as the ethnolinguistic and comparative-descriptive ones, component analysis method, and that of lexicographic selection. **Results.** As is known, this group of words is mainly tabooed in the Bashkir language. The vocabulary associated with birth rites is sacred and reflects a complex set of ideas about a pregnant woman. Ritual actions, magical prohibitions are aimed at protecting the health of women and at the birth of a healthy offspring. In this case, the vocabulary denoting a childless woman, a pregnant woman and the concepts of 'childbirth' and 'obstetric aid' were tabooed. The paper clarifies that the concepts associated with birth rites in the Bashkir language are expressed by euphemisms to protect the mother and child from evil spirits and the evil eye. The author has recorded a large number of euphemisms denoting a pregnant woman (*auyrly*, *auyrzakalyu*, *auyraykly*, *auyry bar*, *auyrkytyrə*, *auyrlau*, *yöklə*, etc), a childless woman (*balakırməgən*, *bızəy*, *tylhez*, *kıçır*, *ırzarak* and others), and those denoting the concept of 'childbirth' (*bala tabyu*, *kureney*, *bəpesləy*, *bəpəiləy*, *kotolou*, *bushanyu*, *donyaza keiley*, etc.). Taboos and euphemisms of birth rites play an important role in the development of the vocabulary of the Bashkir language. The available materials on this topic require further systematization with the involvement of linguistic analysis. Over time, many archaisms disappeared from the modern vocabulary, while others have been used only in certain dialects of the Bashkirs. Almost all euphemistic vocabulary is represented by word combinations from

common Turkic lexemes used in figurative meanings. The latter reflect the ethnic ritual traditions, good manners, politeness, observance of the rules of decency — rules of ethics. They represent the speech etiquette and identity of the Bashkir people, being a valuable linguistic and cultural source for the study of the traditional folk beliefs of the Bashkirs.

Keywords: Bashkir language, vocabulary, taboos, euphemism, ethnolinguistics, birth rites, linguistic culture, traditions

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name ‘Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture’ (state reg. no. AAAA-A17-117040350082-3).

For citation: Karimova G. K. Bashkir Birth-Related Vocabulary: Taboos and Euphemisms. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1667–1676. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1667-1676

Введение

Табу и эвфемизмы, будучи лингвистическими категориями, тесно связаны с этнографией и историей, психологией и этикой, литературой и эстетикой. Табу и эвфемизмы возникают, когда произнесение какого-нибудь слова по какой-то причине становится нежелательным. Неприятные для собеседника слова заменяются менее приятными — эвфемизмами.

Как отмечает И. Лауде-Циртаутас, «лингвистические табу возникли в древности в результате веры человека в сверхъестественные силы и его опасений, что произнесение определенных слов, имен, названий существ или явлений может „накликать“ беду, вызвать гнев последних и нанести говорящему какой-либо вред или ущерб» [Лауде-Циртаутас 1976: 72].

Табу — это запреты, возникающие на определенном этапе развития культуры, общественной жизни любого народа; они тесно связаны с разными сферами жизни народа. У башкир существовали табу, связанные с охотой, с свадьбой и рождением ребенка, смертью, с мифологическими существами, со страхом перед болезнями и др. — ограничения запретами имелись во многих сферах повседневной жизни.

Эвфемизм является следствием языкового табу. В узком значении эвфемизм — это употребление благозвучных выражений вместо запрещенных слов по тем или иным обстоятельствам. В прошлом слова наделялись особой силой. Считалось, что слово могло повлиять на жизнь того или иного человека. Согласно традиционным народным представлениям, считалось, что добрые пожелания привлекают благополучие, удачу,

а негативные влекут за собой несчастья. Вера в магические свойства слова служила причиной возникновения эвфемизмов.

С этнографической точки зрения природа табу освещена в работах Дж. Фрезера [Фрезер 1980], Д. К. Зеленина [Зеленин 1930] и других ученых. В тюркологии эвфемизмам посвящены исследования И. Лауде-Циртаутаса [Лауде-Циртаутас 1976: 76–82], С. Алтаева [Алтаев 1955], А. К. Ахметова [Ахметов 1995], Н. Исмагуллаева [Исмагуллаев 1964], Х. М. Джаббаров [Джаббаров 1972], Х. Г. Юсупова [Юсупов 1988: 29], З. Г. Ураксина [Ураксин 2006: 342] и др.

У башкир определенный пласт иносказательной лексики является табуированной лексикой родинного обряда.

В структуре семейных обрядов особое место отводится родинным обрядам, и в связи с этим лексика родинного обряда составляет значительную часть словарного состава башкирского языка. Родинная лексика освещалась в трудах башкирских ученых, этнографов и фольклористов Н. В. Бикбулатова, Ф. Ф. Фатыховой [Бикбулатов, Фатыхова 1991], С. И. Руденко [Руденко 1955], Р. А. Султангареевой [Султангареева 1998] и др. Родинные обряды башкир зафиксированы в работах И. И. Лепехина [Лепехин 1821: 73–75], Д. П. Никольского [Никольский 1899: 123] и др. В башкирском языкознании родинный обряд частично отражается в исследованиях Н. Х. Ишбулатова [Ишбулатов 2000: 212], Н. Х. Максютковой [Максюткова 1976: 288], С. Ф. Миржановой [Миржанова 1979: 272], Ф. Г. Хисамитдиновой [Хисамитдинова 2010: 452] и др.

В башкирском языке в лексике, связанной с родинным обрядом, большая группа слов относится к сакральной лексике, она отражает магические запреты и обрядовые действия; эта группа слов в основном является табуированной.

Цель статьи — определить список эвфемизмов, входящих в группу лексики родинного обряда башкир, выявить внутренние лексико-семантические группы. Объектом исследования являются эвфемизмы, обозначающие названия бесплодной женщины, беременной женщины и ее «роды». Научная новизна заключается в том, что впервые проводится языковой анализ эвфемизмов данной группы лексики башкирского языка.

Источниковую базу исследования составили полевые материалы автора, собранные во время комплексных экспедиций (2005–2008 гг.), лексические материалы из диалектологических словарей башкирского языка и словарей других тюркских языков.

Табу и эвфемизмы, обозначающие беременную женщину, бесплодную женщину

Неспособность иметь детей у башкир всегда считалась большим недостатком женщины. Бездетная женщина теряла авторитет среди окружающих, а женщина-мать пользовалась уважением. В диалектах башкирского языка распространены следующие эвфемизмы для обозначения бесплодной женщины: *бала курмәгән* досл. ‘не видевшая ребенка’, *бала асырамаган* досл. ‘не воспитывавшая ребенка’; *бизәү*, *кысыр* ‘женщина, не способная родить ребенка’: *бизәү катын* ‘бесплодная женщина’ [Академический словарь 2016: 532], *карабизәү* ‘бесплодная женщина’ (южн.), *акбизәү* (южн., вост.), *кызылбизәү* (средн.) ‘женщина, имеющая только одного ребенка’, *кысырбизәү* ‘бесплодная’ (средн.) [Диалектологический словарь 2002: 186, 207, 215]; *түлһез катын*, *күһәү* (вост. диал.) ‘бесплодная женщина’, *түлгә олгашмау* (ик.-сакм.) ‘остаться бесплодной’ и др. [Диалектологический словарь 2002: 187, 208, 341].

В других тюркских языках для обозначения бесплодной женщины также употребляются лексемы с корнями *током*, *түл*, *нәсел* ‘бесплодная’: *нәсилсизлик* (ккалп.), *сәмәрәсизлик* (аз.), *наслсиз* (узб.), *тохумсыз*

(туркм.) и т. д. [Севортян 1978: 159, 163, 187].

Для обозначения бесплодной женщины в башкирских диалектах встречаются эвфемизмы, которые могут употребляться также для обозначения понятий, связанных с растительным и животным миром. Ср.: лексема ‘яловый’ используется применительно к бездетной женщине — *кысыр катын* (южн., сев.-зап.), а также при обозначении зоонима — *кысыр һыйыр* ‘яловая корова’; эвфемизм *кыуагас* (средн.) используется как в обозначении бесплодной женщины, так и в отношении фитонима — *кыу агас* ‘сухое дерево’; и др.

Можно сказать, что данный лексико-семантический ряд эвфемизмов отличается эмотивностью, яркой оценочностью, так как в народе отношение к бездетным женщинам было негативным, в результате чего и возникли такие эвфемистические названия.

Башкирский язык располагает большим числом выражений для обозначения понятия материнства. У башкир беременная женщина, как и у всех народов мира, — продолжательница, защитник рода. В целях защиты матери и будущего ребенка в башкирском языке возникли табуированные слова и эвфемизмы, обозначающие беременную женщину, которые разделены на несколько лексико-семантических групп:

Эвфемизмы с основой *ауыр*, *йөк* ‘тяжесть’

Термин *ауыр амыр* ‘тяжелый; тяжело, беременность’ восходит к древнетюрк. *ayır* [ДТС 1969: 18–19]. Например: кырг. *оор*, алт. *уур*, *аар*, хак. тув. *аар*, якут. *ыар* и др. Лексемы *ауырлы*, *йөклө* связаны со значением *ауыр*, *йөк* ‘тяжесть’. В других тюркских языках встречаются следующие лексемы, обозначающие беременную женщину: *боз* (кирг.), *богаз* (узб.), *богаз* (аз.) *гә:бе* и др. [Севортян 1978: 169].

В башкирских диалектах зафиксированы эвфемизмы: *ауырлы* (средн.), *ауырга калыу*, *ауырга узыу*, *ауыр аяклы* (ик.-сакм.), *ауыры бар*, *ауыр күтәрәү*, *ауырлау*, *ауыр аяклы*, *ауырайакты* (кизил., айск.), *йөккә ауған хатындар* (ток.-сор.), *йөклө* ‘беременная женщина’ и др. [Диалектологический словарь 2002: 433]. Ср.: *Миңлебанатка йәш ярым тигәндә*, *Миңлебану йәнә ауырга уззы* ‘Когда Минлебанат было

полтора года, Минлибану снова забеременела¹ [И. Акьюлов. МФБЯ]; *Йөклө катынды килтезеләр. Артабан һүз йөклө катын тураһында бара*. ‘Привезли беременную женщину. Дальше речь идет о беременной женщине’ [Р. Камалов. МФБЯ]; *Карттар әйтеүенсә, Алпамышаның карашынан аттарзың йөрәге ярыла, йөклө катындарзың ауыры төшә, сабыйзарзың сәсе ағара икән* ‘По словам стариков, от взгляда Алпамыши сердца коней разрывались, у беременных женщин случался выкидыш, а у детей волосы седели’ [Н. Алсынбаев. МФБЯ].

В башкирском языке по соображениям вежливости употребляются эвфемизмы *ауырлы* — букв. ‘тяжелая’. Лексема *ауырлы* ‘беременная’ является наиболее распространенной. Например: *Ысынлап та, Бибештең ауырлы икәнән үзенән башка бер кем дә белмәне* ‘На самом деле про беременность Бибеш, кроме нее самой, никто не знал’ [З. Биешева. МФБЯ]; *Ғалимә минең ауырлы булыуымды ла әйтеп тормаған, рәхмәт төшкөрө* ‘Галима про мою беременность ничего не сказала, спасибо ей’ [Т. Даянова. МФБЯ]; *Ауырлы катындар иҫәпкә куйылманы, уларзы даими күзәтеүсә юк* ‘Беременные женщины не ставились на учет, за ними специально не присматривали’ [Р. Камалов. МФБЯ].

Лексема *гөман* восходит к персидскому слову, также обозначает беременность женщины (‘ребенок в утробе, тяжесть’). Эвфемизм *гөманлы* зафиксирован в южном диалекте башкирского языка (сакмар., средн.), варианты в других диалектах башкирского языка: *көманды*, *команды* (куб.), *коман*, *гөман* (сев.-зап.), *гөманды* (айск.) и др. [Диалектологический словарь 2002: 235]. Например: *Һинең гөманлы икәнәңде белеп, хәләңде еңләйтергә ашыккан* ‘Узнав о твоей беременности, торопился облегчить твое состояние’ [Л. Якшыбаева. МФБЯ]; *Гөманлы бисәләр консультацияга килеп инһә, уларзың тыуасак балалары өсөн борсолоу, һөйөү менән нурланған күзәрәнән карашын айыра алмас ине* ‘Когда беременные заходили на консультацию, он не мог оторвать взгляд от их озаренных любовью глаз, обеспокоенных за своих будущих детей’ [Ш. Янбаев. МФБЯ].

¹ Здесь и далее перевод автора статьи. — Г. К.

Эвфемизмы с основой *корһак* ‘утроба, беременность’

Почти во всех диалектах башкирского языка зафиксированы эвфемизмы *корһакка калыу*, *корһакка узыу*, *корһак күтәрәү*, *карынғау* ‘забеременеть’. Лексема *корһак* восходит к древнетюркскому *корузсак* ‘живот, утроба’. Например: *Дала — корһаклы йәш катын төслө һулыш ала....* ‘Степь дышит словно как молодая беременная женщина’ [А. Абдуллин. МФБЯ]; *Берәү зә уның касан кайтып төшөүен белмәй, берәү зә, ул корһакка узгандыр, тип уйламай* ‘Никто не знает, когда она придет, никто не думает, что она забеременела’ [И. Абдуллин. МФБЯ].

Эвфемизмы с основой *буй* ‘рост’

В разговорном и литературном языке также встречаются эвфемизмы *буй алыу*, *буйза булыу*, *буйында бар*, *буйлы*, *буйға калыу*, *буйға узыу*, *буйға үткән* ‘быть беременной, забеременеть’ и др. Слово *буй* происходит от древнетюркского *бой* ‘длина, глубина; рост; стан’ [ДТС 1969: 106–110]. Ср.: уйг. угуз. *бой*, хак. диал. *пос/боз*, тув. *бот*. Например: *Шуның өстөнә бөгөн, алты йыллап гүмер үткәндең һуңында, Шәрифә үзенең беренсе тапкыр буйға калганлығын тойзо* ‘К тому же сегодня, к концу шестого года совместной жизни, Шарифа впервые почувствовала, что забеременела’ [Б. Бикбай. МФБЯ]; *Бер мал, бөтә зат-ырыузы кыуандырып, киләндәре буйға узы* ‘Однажды, обрадовав весь род, невестка забеременела’ [Г. Бүләкбаева. МФБЯ]; *Сәмәрә һаман буйға калманы* ‘Семера до сих пор не забеременела’ [Ә. Вәли. МФБЯ]; *Бәлки, Гөлбаныу Хашим киткәнсе үк буйға узып калган булгандыр?* ‘Возможно, Гульбану до отъезда Хашима уже забеременела’ [Т. Ғарипова. МФБЯ].

Эвфемизмы, образованные от других названий

Йоморка сайкау (киз., миаск.), *йомарлау* (ик.-сакм.) *ауырға калыу* ‘забеременеть’ (киз., миаск.), букв. ‘засиживать яйцо’ [Диалектологический словарь 2002: 122]; *хамилә* *ауыры булған*, *йөклө* ‘беременная’ (арабское слово); *ике катлы* (ток.-сор.) *ауырлы катын* ‘беременная’; *йәнле булып йөрөү* (гайн.) *ауырлы катын* ‘беременная’.

Тюркские языки располагают большим количеством выражений для обозначения

материнства: в киргизском *qoşqabat* досл. ‘два пласта’, *qoş bojlui* досл. ‘с двумя ста-нами’ или *bojunda bar* ‘в ее теле есть кто-то’, в узбекском *ikki kabat* букв. ‘два слоя’, *homilador* (араб.-перс.) или *oʻyir ajoyli* букв. ‘ноги стали тяжелыми’, в казахском *жукли*, *jeki qabat*, в кирг. *qoş qabat*, *jiki qabat bol* букв. ‘быть с двумя пластами’, *žukti* букв. ‘тот, кто с ношей’, *еки кабат* (ккалп.), *хамилә* (тур.), *көманлы*, *йөклелек* (тат.), *ики-чанлы* (аз.), *бугозлик* (узб.), *говрели булмак* (турк.) и т. д. [Севортян 1978: 168].

Табу и эвфемизмы, относящиеся к понятию ‘роды’

Появление ребенка на свет всегда было великой тайной человечества. Роды — очень важный этап в жизни матери и ребенка. Беременная, несущая две души, исчезает, вместо нее возникают два существа: мать и ребенок. Таким образом, мать проживает несколько жизней, поэтому башкиры старались скрывать, защищать беременную женщину, вследствие чего в языке возникли эвфемистические выражения. В башкирском языке существует ряд прочно закрепившихся иносказательных выражений понятия ‘роды’. Например:

Табыу: *ул табыу* ‘родить сына’, *кыз табыу* ‘родить девочку’, *улан табыу* (гайн.) ‘рожать ребенка’ и т. д. Лексема *бала* ‘ребенок’ употребляется в древне-кыпчакских языках и средневековых памятниках, во множестве современных языков: тур., аз., кар., кбалк., кум., тат., ног., ккалп., каз., кирг., алт., уйг. и др. [СИГТЯ 2001: 306]. В диалектах башкирского языка зафиксированы эвфемизмы *улан табыу*, *бала табыу*, *ул табыу*, *кыз табыу* ‘рожать ребенка’. Ср.: *Улан тапкан, кый!*.. ‘Родила ребенка!’ [ПМА: 2004–2008]; *Кем инде урак өстөндө бала таба!* ‘Кто рождает ребенка во время жатвы!’; *А, эсэләр шатлыгын, мең газаттарзы еңеп, бер генә тапкыр булһа ла бала тапкан катын ғына аңлай ала торгандыр* ‘А материнское счастье способна понять только женщина, прошедшая тысячи испытаний и родившая хоть одного ребенка’ [И. Абдуллин. МФБЯ]; *Кендек инәһе Бәзриямал әбей алты кыз бала табыуын да юраған бит* ‘Повитуха Бадриямал предугадала, что она родит шестерых дочерей’ [И. Акьюлов. МФБЯ]; *Бала табыу бүлксәһе дауахананың өсөнсө катын-*

да ине ‘Родильное отделение было на третьем этаже больницы’ [И. Акьюлов. МФБЯ]; *Бәпәйләу, бәпәйзәу* (киз., миаск., сакм.), *бәпес алып кайтыу* (бәпесләу) (южн.) *тәнәйләу* (киз., средн., ик-сакм.) *бала табыу* досл. ‘рожать ребенка’; *нәнәйләу* (среднеур.) и др. Слово *бәпәй* ‘ребенок’ лепетного происхождения, ласковое обращение к ребенку. Представлено в следующих тюркских языках: тур. *бебе*, *бебек*, кум. *бей*, *бей*, ккалп., каз. *бөпө*, кирг. *бөпө/бөпү*, тат. *бәби* и др. [СИГТЯ 2001: 307].

В разговорной речи башкирского языка зафиксированы множество эвфемизмов, обозначающих понятие ‘роды’. Например: *Юк, Вазифа, шул сабый якын-тирәмдә булһа, катындар еңелерәк бәпесләй һымак* ‘Нет, Вазифа, когда этот ребенок рядом, женщины рожают как будто легче’ [М. Кәрим. МФБЯ]; *Туйға килә алманы, бәпесләргә көнө тулып килә ләһә. Исән-һау бәпесләһәм, декрет ваҡытында, бала кулга эләгә баһлагас, барып урармын Толпарлыма, ти зә ул...* ‘На свадьбу не смогла прийти, потому что скоро рождает. Когда ребенок родится, во время декретного отпуска, когда ребенок чуть вырастет, приеду в Толпарово, говорит она’ [Г. Якупова. МФБЯ]; *Сәмбөл бәпесләһә, бер үк хәбәр итегез* ‘Когда родит Сумбуль, сразу сообщайте’ [З. Кадирова. МФБЯ]; *Бәпесләр ваҡытың якынлашканға шулай* ‘Это из-за того, что приближается время родов’ [Я. Хамматов. МФБЯ]; *Уның бисәһе уңған бит, йыл һайын бәпесләй...* ‘У него же трудолюбивая жена, каждый год рождает...’ [Ш. Янбаев. МФБЯ]; *Шул сәғәт эсендә һыуык курала бәпесләп, үзе баланың кендеген кыркып, шунда яткан, ти* ‘Она родила в течении часа в холодном сарае, сама отрезала пуповину и лежала там’ [Н. Дәүләтшина. МФБЯ].

Бушаныу (средн., сальзиг., миас., арг., айск.), **котолоу** (вост., южн.) досл. *ауырзагы баланан котолоу* ‘родить ребенка’, лексема со значением ‘опустеть’. Слово *бушаныу* восходит к древнетюркскому *boslun*, досл. ‘рожать ребенка’ [ДТС 1969: 96]. Например: *Төндә кемдеңдер килене ауырзан бушанған* ‘Ночью чья-то невестка родила’ [Д. Бүләков. МФБЯ]; *Баланан бушанған бәхетле әсәгә ул көн хәзер үк килер төслө* ‘Только что родившей счастливой женщине казалось, что этот день придет

сегодня' [Т. Гарипова. МФБЯ]. В произведениях башкирского фольклора также встречается эвфемизм *бушаныу* 'рожать ребенка'. Ср.: Бикә: — *Мине арбага ултыртып алып кайт, мин ауырып киттем, — ти, бушанганын айтмай, йәшерә* 'Бика: — Меня на телеге доведи домой, я заболела — то, что родила, не говорит, скрывает' [БНТ 1998: 51–67]; *Әбей алып бара ағас төбөнә: — Ошонда бушангайным, күлдәк ята, бала юк* 'Старушка отвела к деревцу: — Вот здесь я родила, рубашка лежит, а ребенка нет' [БНТ 1998: 51–67].

Донъяга килеү, донъяга тыуу 'родиться на свет' [Ураксин 1989: 359]. В башкирском языке *тыуу* часто заменяется словосочетанием *донъяга кил* 'приходить в этот мир'. Например: *Донъяга кеше тыуһа, минеңсә, уға тәғәйенләнен икенсе берәү зә тыуа* 'Когда человек появляется на свет, рождается предназначенный для него другой' [А. Абдуллин. МФБЯ]; *Атаһыз бала донъяга килмай* 'Ребенок не появляется на свет без отца' [И. Абдуллин. МФБЯ]. В фольклорных произведениях зафиксированы лексемы *донъяга килеү, донъяга килтереү, донъяга кыз бала килтереү, донъяга ир бала килтереү, донъяга килеү* 'родиться на свет'. Ср.: Был Мыркыс хандың йәш катынынан бер Заятулак исемле ир балаһы *донъяга килде* 'У этого Мыркыс хана от молодой жены родился сын по имени Заятулак' [БНТ 1998: 187–199]; *Бының һуңында һыузың кызы Һыуһылыу, корһакка калып, бер ир бала донъяга килтергән, ти* 'Затем дочь водяного Сыусылу, забеременев, родила сына' [БНТ 1998: 187–199]; *Әгәр икенсегезең катыны донъяга кыз бала килтерһә, уға Үлмәсбикә исеме кушығыз!* 'Если у вас жена родит дочь, нареките ее именем Улмәсбика' [БНТ 1998: 233–237]; *Ике өйзә ике бала донъяга килә: береһе кыз, береһе ир бала* 'В двух домах родились дети: в одной девочка, в другой мальчик' [БНТ 1998: 233–237]; *Былар ни, бик матур йәшәп алып киткәндәр, бер кыззары ла донъяга килгән* 'Они зажили хорошо, родилась одна дочь' [БНТ 1998: 233–237].

В говорах башкирского языка также зафиксировано большое количество эвфемизмов, обозначающих понятие 'роды'. Например: *бала күреү* (ай., среднеур.), *күренеү* (миас., арг.), *бала асырау, бала килтереү* (сев.-зап.), *алып кайтыу, ишле булу,*

еңеләйеү, аяғы еңеләйеү, и др. В произведениях башкирского фольклора встречается эвфемизм *бала күреү*, букв. 'родить ребенка'. Например: *Мына мин дә ун бала күргән әсә донъяла* 'Вот я — мать, родившая десятерых детей' [БНТ 1998: 27–126].

Существует ряд прочно закрепившихся эвфемизмов понятия 'роды' и в других тюркских языках: в узб. *туу-*, каз. *ту-* кирг. *туу-* < восходит к древнетюркскому *тоу-* 'появляться, родиться'. В киргизском языке употребляется *törö* (~*törä-*) или *bojunan boson-* > каз. *bosan-* (досл. 'освободиться') [Лауде-Циртаутас 1976: 72]. В киргизском языке распространено выражение *eteginen žalya* (досл. 'быть продолжением ее подола'). В узбекском языке наиболее характерным выражением является *kūzjori-* (досл. 'ее глаза светятся радостью'). В казахском языке, как и в башкирском, используется более сдержанное выражение *balatap* досл. 'найти ребенка'. С другой стороны, каз. *туу-*, кирг. *туул-* 'родиться' приняты на всех языковых уровнях и не требуют иносказания.

Заключение

На основе анализа вышеизложенных материалов можно сделать вывод, что табу и эвфемизмы родинного обряда башкир имеют важную роль в развитии словарного состава башкирского языка. В исследованиях по башкирской лексикологии и стилистике нельзя не учитывать этот языковой пласт. В этой связи большой интерес представляет исследование вопроса об объекте табу, а также лингвистического материала эвфемизмов. Имеющиеся материалы по данной проблематике требуют систематизации с привлечением анализа языкового материала.

Понятия, связанные с родинным обрядом, передаются эвфемизмами, чтобы защитить мать и уберечь ребенка от злых сил и глаз. Нами зафиксировано большое количество эвфемизмов, обозначающих беременную женщину: *ауырлы, ауырга калыу, ауырга узыу, ауыр аяклы, ауыры бар, ауыр күтәреү, ауырлау, ауыр аяклы, ауырайакты, йөккә ауған хатындар, йөклө* и др.; бесплодную женщину: *бала күрмәгән, бизәү, түлһез, кысыр, ирзорһак* и др. Отдельный лексический пласт в языке составляют эвфемизмы, обозначающие понятие

«роды»: *бала табыу, күренеу, бәпесләу, бәпәйләу, котолоу, бушаныу, донъяга килеу* и др.

Почти вся эвфемистическая лексика представляет собой словосочетания, состоящие из общетюркской лексики и используемые в переносном значении. В них отражаются обрядовые традиции башкирского народа, благовоспитанность, вежливость, соблюдение правил приличия — правила этики. Эвфемизмы отражают речевой этикет и самобытную культуру башкирского народа, они являются ценным лингвистическим источником изучения традиционных народных верований башкир.

Полевой материал автора

ПМА 2004–2008 — Полевые материалы автора с 2004 по 2008 гг.

Литература

- Алтаев 1955 — *Алтаев С.* Эвфемизмы в туркменском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ашхабад, 1955. 17 с.
- Академический словарь 2016 — Академический словарь башкирского языка / под ред. Ф. Г. Хисамитдиновой. В 10 тт. Т. IX. Уфа: Китап, 2016. 803 с.
- Ахметов 1995 — *Ахметов Ә.* Табу и эвфемизмы в казахском языке. Алматы: Мектеп, 1995. 305 б.
- БНТ 1998 — Башкирское народное творчество. Т. III. Эпос. Уфа, Башкнигоиздат, 1998. 357 с.
- Бикбулатов, Фатыхова 1991 — *Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф.* Семейный быт башкир IX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
- Джаббаров 1972 — *Джаббаров Х. М.* Табу и эвфемизмы в азербайджанском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Баку, 1972. 27 с.
- Диалектологический словарь 2002 — Диалектологический словарь башкирского языка / отв. ред. М. И. Дильмухаметов. Уфа: Китап, 2002. 432 с.
- ДТС 1969 — Древнетюркский словарь / ред. В. М. Наделяев, Д. М. Насилов, Э. Р. Тенишев, А. М. Щербак. Л.: Наука, ЛО АН СССР, 1969. 677 с.
- Зеленин 1930 — *Зеленин Д. К.* Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Часть II. Запреты в домашней жизни // Сборник Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого. Т. 9. Л.: Изд-во АН СССР, 1930. С. 1–166.

Сокращения

кирг. — киргизский; аз. — азербайджанский; турк. — туркменский; узб. — узбекский язык; ккалп. — каракалпакский; айск. — айский говор; арг. — аргаяшский говор; вост. — восточный диалект; гайн. — гайнинский говор; демск. — демский говор; ик-сакмар. — ик-сакмарский говор; ирг. — иргизский говор; карид. — каридельский говор; кизил. — кизильский говор; миасс. — миасский говор; минз. — минзилинский говор; сальз. — сальзигутский говор; сев.-зап. — северо-западный диалект; средн. — средний говор; ток.-сор. — ток-соранский говор; южн. — южный диалект.

Author's Field Data

Field materials collected by the author from 2004 to 2008.

- Исматуллаев 1964 — *Исматуллаев Н.* Эвфемизмы в современном узбекском языке. Ташкент: Фан, 1964. 153 с.
- Ишбулатов 2000 — *Ишбулатов Н. Х.* Башкорт теле һәмүңц диалекттары. Өфө: Китап, 2000. 212 б.
- Кара-оол 2019 — *Кара-оол Л. С.* Лексика родильного обряда в тувинском языке // *Oriental Studies*. 2019. № 6. С. 1145–1155. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1145-1155
- Лауде-Циртаутас 1976 — *Лауде-Циртаутас И.* К вопросу о табу и эвфемизмах в казахском, киргизском и узбекском языках // *Советская тюркология*. 1976. № 4. С. 72–86.
- Лепехин 1821 — *Лепехин И. И.* Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 3. Записки путешествия академика Лепехина. СПб.: при Императорской Академии наук, 1821. 552 с.
- Лепехин 1822 — *Лепехин И. И.* Записки путешествия академика Лепехина // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 5. Окончание записок путешествия академика Лепехина. Ч. 4. СПб.: при Императорской Академии наук, 1822. 498 с.
- Максютова 1976 — *Максютова Н. Х.* Восточный диалект башкирского языка в сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976. 288 с.
- МФБЯ — Машинный фонд башкирского языка [электронный ресурс] // URL: <http://mfbl2.ru> (дата обращения: 16.11.2020).

- Миржанова 1979 — *Миржанова С. Ф.* Южный диалект башкирского языка. М.: Наука, 1979. 272 с.
- Никольский 1899 — *Никольский Д. П.* Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1899. 123 с.
- Руденко 1955 — *Руденко С. И.* Башкиры: Историко-этнографические очерки. М.: Наука, 1955. 394 с.
- Русско-каракалпакский словарь 1967 — Русско-каракалпакский словарь / под ред. Н. А. Баскакова. М.: Сов. энциклопедия, 1967. 1124 с.
- Русско-азербайджанский словарь 1971 — Русско-азербайджанский словарь / под ред. А. А. Оруджева. Т. I. Баку: изд-во АзФАН, 1971. 605 с.
- Русско-узбекский словарь 1954 — Русско-узбекский словарь / под ред. Ш. Ш. Абдурахманова. М.: ГИИНС, 1954. 1046 с.
- Русско-туркменский словарь 1956 — Русско-туркменский словарь / под общ. ред. Н. А. Баскакова и М. Я. Хамзаева. М.: Сов. энциклопедия, 1956. 880 с.
- Русско-киргизский словарь 1957 — Русско-киргизский словарь / под ред. К. К. Юдахина. М.: Сов. энциклопедия, 1957. 990 с.
- Севортян 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Т. 2. Общетюркские и межтюркские основы на букву “Б”. М.: Наука, 1978. 349 с.
- СИГТЯ 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Сравнительно-историческая грамматика 2001 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков / отв. ред. Э. Р. Тенишев. Лексика. М.: Наука, 2001. 822 с.
- Султангареева 1998 — *Султангареева Р. А.* Семейно-бытовой обрядовый фольклор башкирского народа. Уфа: Гилем, 1998. 243 с.
- Ураксин 1989 — *Ураксин З. Г.* Русско-башкирский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1989. 405 с.
- Ураксин 2006 — *Ураксин З. Г.* Фразеологический словарь башкирского языка. Уфа: Китап, 2006. 342 с.
- Фрезер 1980 — *Фрезер Д. Д.* Золотая ветвь: Исследование магии и религии. М.: Политиздат, 1980. 831 с.
- Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
- Хисамитдинова 2011 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Словарь башкирской мифологии. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2011. 420 с.
- Юсупов 1988 — *Юсупов Х. Г.* Эвфемизмы в башкирском языке. Уфа Башкирский пединститут, 1988. 29 с.

References

- Abdurakhmanov R. (ed.) Russian-Uzbek Dictionary. Moscow, 1954. 1046 p. (In Russ. and Uzb.)
- Akhmetov A. Taboos and Euphemisms in Kazakh. Almaty: Mektep, 1995. 305 p. (In Russ.)
- Altaev S. Turkmen Euphemisms. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Ashkhabad, 1955. 17 p. (In Russ.)
- Baskakov N. A. (ed.) Russian-Karakalpak Dictionary. Moscow, 1967. 1124 p. (In Russ. and Karak.)
- Baskakova N. A., Khamzaev M. Ya. (eds.) Russian-Turkmen Dictionary. Moscow, 1956. 880 p. (In Russ. and Turk.)
- Bashkir People's Creative Activity. Vol. 3: Epic. Ufa: Bashknigizdat, 1998. 357 p. (In Russ.)
- Bikbulatov N. V., Fatykhova F. F. Family Household Life of the Bashkirs: 9th to 20th Centuries. Moscow: Nauka, 1991. 189 p. (In Russ.)
- Dilmukhametov M. I. (ed.) Dialectal Dictionary of the Bashkir Language. Ufa: Kitap, 2002. 432 p. (In Bash.)
- Dzhabbarov Kh. M. Taboos and Euphemisms in Azerbaijani. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Baku, 1972. 27 p. (In Russ.)
- Frazer J. G. The Golden Bough: A Study in Magic and Religion. Moscow: Politizdat, 1980. 831 p. (In Russ.)
- Ishbulatov N. Kh. Bashkir Language and Its Dialects. Ufa: Kitap, 2000. 212 p. (In Bash.)
- Ismatullaev N. Euphemisms of Modern Uzbek. Tashkent: Fan, 1964. 153 p. (In Russ.)
- Kara-ool L. S. Tuvan vocabulary of birth rites. *Oriental Studies*. 2019. No. 6. Pp. 1145–1155. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1145-1155
- Khisamitdinova F. G. (ed.) Academic Dictionary of the Bashkir Language. In 10 vols. Vol. IX. Ufa: Kitap, 2016. 803 p. (In Bash.)
- Khisamitdinova F. G. A Dictionary of Bashkir Mythology. Ufa: Institute of History, Language and Literature (Ufa Scientific Centre of RAS), 2011. 420 p. (In Russ.)

- Khisamitdinova F. G. Mythological Dictionary of the Bashkir Language. Moscow: Nauka, 2010. 452 p. (In Russ.)
- Laude-Cirtautas I. Revisiting taboos and euphemisms in Kazakh, Kyrgyz and Uzbek. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1976. No. 4. Pp. 72–86. (In Russ.)
- Lepekhin I. I. Travel Notes of Academician Lepekhin. Ser.: Complete Research Travels across Russia. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1821. 552 p. (In Russ.)
- Lepekhin I. I. Travel Notes of Academician Lepekhin. Ser.: Complete Research Travels across Russia. Vol. 5: Closing Chapters. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1822. 498 p. (In Russ.)
- Maksyutova N. Kh. Eastern Dialect of the Bashkir Language: A Comparative Historical Perspective. Moscow: Nauka, 1976. 288 p. (In Russ.)
- Machine Fund of the Bashkir Language. Available at: <http://mfbl2.ru> (accessed: November 16, 2020). (In Bash.)
- Mirzhanova S. F. Southern Dialect of the Bashkir Language. Moscow: Nauka, 1979. 272 p. (In Russ.)
- Nadelyaev V. M., Nasilov D. M., Tenishev E. R., Shcherbak A. M. (eds.) Dictionary of Old Turkic. Leningrad: Nauka, 1969. 677 p. (In Russ. and Turk.)
- Nikolsky D. P. The Bashkirs: An Ethnographic and Sanitary-Anthropological Study. St. Petersburg, 1899. 123 p. (In Russ.)
- Orudzhev A. A. (ed.) Russian-Azerbaijani Dictionary. Vol. I. Baku, 1971. 605 p. (In Russ. and Azer.)
- Rudenko S. I. The Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays. Moscow: Nauka, 1955. 394 p. (In Russ.)
- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages. Vol. 2: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with the Letter 'B'. Moscow, 1978. 349 p. (In Russ.)
- Sultangareeva R. A. Family Household Ritual Folklore of the Bashkir Language. Ufa: Gilem, 1998. 243 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Lexis. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russ.)
- Uraksin Z. G. Russian-Bashkir Phraseological Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1989. 405 p. (In Russ. and Bash.)
- Uraksin Z. G. Bashkir Phraseological Dictionary. Ufa: Kitap, 2006. 342 p. (In Bash.)
- Yudakhin K. K. (ed.) Russian-Kyrgyz Dictionary. Moscow, 1957. 990 p. (In Russ. and Kyrg.)
- Yusupov Kh. G. Euphemisms in Bashkir. Ufa Bashkir Pedagogical Institute, 1988. 29 p. (In Russ.)
- Zelenin D. K. Peoples of Eastern Europe and North Asia: lexical taboos. Part II: Taboos in household life. In: Collected Papers by Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography. Vol. 9. Leningrad, 1930. Pp. 1–166. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1677–1691, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1677-1691
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1677-1691

Некоторые пути грамматикализации глагола *болох / болохо / болха / болх* ‘становиться, делаться; быть’ в монгольских языках

Людмила Алексеевна Лиджиева¹, Цолмон Ширнэн², Надежда Бадмажаповна
 Бадмацыренова³

¹ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 7, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0003-4262-5458. E-mail: lidzhieva-la@mail.ru

² Монгольский государственный университет образования (д. 8, Бага Тойруу-14, 210648 Улан-Батор, Монголия)

кандидат филологических наук, заведующий кафедрой

 0000-0002-7093-0233. E-mail: tsomuush_sh@mail.ru

³ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, доцент

 0000-0002-5723-8920. E-mail: nadya_dambayeva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Лиджиева Л. А., Ширнэн Ц., Бадмацыренова Н. Б., 2020

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются некоторые пути грамматикализации глагола *болох / болохо / болха / болх* ‘становиться, делаться; быть’ в монгольских (монгольском, бурятском, ойратском и калмыцком) языках. Данный глагол выступает в роли вспомогательного компонента в составных сказуемых, а также функционирует в системе служебных частей речи в качестве послелогов и союзов. Явление грамматикализации отражает динамику языковых процессов, происходящих на стыке знаменательного и служебного функционирования слов. Результаты изучения различных лексических единиц как источников грамматических показателей существенно расширяют представления о функционировании грамматических систем в языке. *Целью исследования* является описание путей грамматикализации глаголов в монгольских языках на примере глагола *болох / болохо / болха / болх* ‘становиться, делаться; быть’. *Материалом исследования* послужили художественные, фольклорные, публицистические тексты, извлеченные из корпусов национальных языков (монгольского, бурятского и калмыцкого), а также данные словарей анализируемых языков. *Результаты исследования.* Материал

исследования показал, что глагол *болох / болохо / болха / болх* ‘становиться, делаться; быть’ претерпевает различные изменения. В составе составных именных и глагольных сказуемых он употребляется как вспомогательный глагол. В результате грамматикализации встречаются показатели категорий времени и модальности, классы слов, которые обозначают различные смысловые понятия. Глагол может выражать различные модальные значения (предположение, долженствование, намерение, возможность, запрет и т. д.). В результате грамматикализации в монгольских языках часто употребляется модальное слово, образованное от данного глагола. Деепричастные и причастные формы данного глагола активно используются в качестве служебных слов. Анализ показал, что значения большинства послелогов и союзов в монгольских языках совпадает. Но встречаются и такие, которые характерны только отдельным языкам. Одни слова утрачивают свое древнее исконное значение, другие приобретают дополнительные значения, отталкиваясь от своего основного значения.

Ключевые слова: пути грамматикализации, калмыцкий язык, монгольский язык, бурятский язык, ойратский язык, вспомогательные глаголы, служебные слова, послелоги, союзы

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00551 «Категория пространства в монгольских языках: типология и диахрония» и внутривузовского гранта КалмГУ в рамках проекта «Монгольское и тюркское языкознание: традиции и инновации».

Для цитирования: Лиджиева Л. А., Ширнэн Ц., Бадматсыренова Н. Б. Некоторые пути грамматикализации глагола *болох / болохо / болха / болх* ‘становиться, делаться; быть’ в монгольских языках // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1677–1691. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1677-1691

UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1677-1691

The Verb *болох / болохо / болха / болх* ‘Become, Make; Be’ in Mongolic Languages: Some Ways of Grammaticalization Revisited

Liudmila A. Lidzhieva¹, Tsolmon Shirnen², Nadezhda B. Badmatsyrenova³

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0003-4262-5458. E-mail: lidzhieva-la@mail.ru

² Mongolian State University of Education (8, Baga Toyruu-14, Ulaanbaatar 210648, Mongolia)

Cand. Sc. (Philology), Head of Department

 0000-0002-7093-0233. E-mail: tsomuush_sh@mail.ru

³ Banzarov Buryat State University (24A, Smolin St., Ulan-Ude 670000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0002-5723-8920. E-mail: nadya_dambayeva@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Lidzhieva L. A., Shirnen Ts., Badmatsyrenova N. B., 2020

Abstract. Introduction. The article discusses some ways of grammaticalization of the verb *bolokh / bolokho / bolha / bolh* ‘become, make; be’ in Mongolic languages (Mongolian, Buryat, Oirat and Kalmyk). This verb acts as an auxiliary component in composite predicates, and also functions in the system of service parts of speech to form postpositions and conjunctions. The phenomenon of grammaticalization reflects the dynamics of linguistic processes occurring at the junction of the significant and official functioning of words. The results of studying various lexical units as sources

of grammatical indicators significantly expand the understanding of the functioning of grammatical systems in a language. *Goals.* The research aims at describing the ways of grammaticalization of verbs in Mongolic languages through the example of the verb *bolokh / bolokho / bolha / bolh* ‘become, make; be’. *Materials.* The paper analyzes literary, folklore, journalistic texts extracted from the corpora of the examined national languages (Mongolian, Buryat and Kalmyk), as well as data from respective dictionaries. *Results.* The study shows that the verb *bolokh / bolokho / bolha / bolh* ‘become, make; be’ is undergoing various changes. In the formation of compound nominal and verbal predicates, it is used as an auxiliary verb. As a result of grammaticalization, there are indicators of the categories of time and modality, classes of words that denote various semantic concepts. The verb can express various modal meanings (assumption, obligation, intention, opportunity, prohibition, etc.). As a result of grammaticalization, modal words derived from the given verb are quite often in Mongolic languages. The adverbial and participial forms of this verb are actively used as official words. The analysis reveals that the meanings of most postpositions and conjunctions in Mongolic languages coincide. But there are also those characteristic only of certain languages. Some words lose their ancient primordial meanings, while others acquire additional ones that rest on their main seme.

Keywords: ways of grammaticalization, Kalmyk language, Mongolian language, Buryat language, Oirat language, auxiliary verbs, service words, postpositions, conjunctions

Acknowledgements. The reported study was funded by RFBR (project no. 20-012-00551 ‘Category of Space in Mongolic Languages: Typology and Diachrony’), and granted by Kalmyk State University (project ‘Mongolian and Turkic Linguistics: Traditions and Innovations’).

For citation: Lidzhieva L. A., Shirnen Ts., Badmatsyrenova N. B. The Verb *болох / болохо / болха / болх* ‘Become, Make; Be’ in Mongolic Languages: Some Ways of Grammaticalization Revisited. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1677–1691. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1677-1691

Введение

Проблема процессов грамматикализации в языке — довольно сложная задача, требующая учета семантической, морфологической и синтаксической информации. Переход полнозначных слов в служебные части речи сопровождается изменением семантических и лексико-грамматических характеристик слов.

«Грамматикализацию нередко рассматривают и как общий процесс „организации грамматики“, создания грамматических средств выражения, не обязательно сводимый к эволюции лексических единиц или конструкций с определенным лексическим наполнением. <...> она представляет собой „макропроцесс“, т. е. совокупность взаимосвязанных „микропроцессов“, действующих на нескольких различных уровнях: семантическом, морфосинтаксическом, фонетическом и т. п.» [Майсак 2005: 38, 39].

Данной проблемой лингвисты заинтересовались уже давно, еще до появления термина «грамматикализация». Тем не менее

полное изучение проблемы грамматикализации началось с 1970-х гг.

В настоящее время в свете общемирового роста интереса к проблемам грамматикализации обращение к данной проблеме весьма актуально. Интерес ученых к данному процессу обоснован закономерностями развития грамматических систем в диахроническом аспекте.

В рамках изучения данного процесса подробно рассматриваются пути грамматикализации, которые позволяют определить источники и показать соответствующие результаты. По мнению Т. Траугот и Б. Хайне, «для любой области грамматики существует лишь ограниченное количество лексических групп, а в каждой лексической группе ограниченное число лексем, которые чаще всего становятся источниками» (цит. по: [Майсак 2002: 26]).

В качестве объекта настоящей работы был выбран глагол *болох / болохо / болха / болх* ‘становиться, делаться; быть’ в монгольских языках. Как известно, грамматика-

лизации подвержены единицы с отвлеченным, обобщенным, широким лексическим значением. Среди наиболее часто встречающихся лексических источников отмечаются «слова, обозначающие части тела ('голова', 'лицо', 'рука' и пр.); глаголы бытия, становления ('быть, существовать, находиться', 'стать') и обладания ('иметь'); глаголы, обозначающие простейшие действия ('делать', 'говорить', 'брать', 'давать'); некоторые основные глаголы движения ('идти', 'приходить', 'входить' и пр.) и способа расположения в пространстве ('сидеть', 'стоять', 'лежать'); глаголы, выражающие желание или долженствование ('хотеть', 'быть должным')» [Майсак 2002: 26].

У глагола *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* 'становиться, делаться; быть' в монгольских языках ослаблено значение конкретного действия или состояния, что способствует его грамматикализации и формализации. Данные глагольные конструкции дают обширный материал для исследования данных процессов в языках.

Цель статьи — рассмотреть некоторые пути грамматикализации глагола *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* 'становиться, делаться кем-чем л.; каким л.; быть' в монгольском, бурятском, ойратском и калмыцком языках. В каждом языке развитие данного процесса в отношении разных частей речи имеет свои особенности, которые зависят от степени полноты его семантических и грамматических характеристик.

Материалом для исследования послужили художественные и фольклорные тексты, которые привлекались из корпусов национальных языков (монгольского, бурятского и калмыцкого), а также различных словарей монгольских языков.

1. Результаты грамматикализации глагола *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* 'становиться, делаться; быть'

Глагол *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* 'становиться, делаться кем-чем л.; каким л.; быть' в монгольских языках функционирует чаще всего как «глагол-полусвязка» или глагол-связка [Санжеев 1963: 880; Тодаева 1951: 131–134; Дораева 1983: 226; Пюрбеев 2010: 98].

В этимологическом словаре монгольских языков глагол *bol-* представлен в следующих значениях: «BOL⁻¹ — халх., калм.

бол-, бур. *боло-*, мнгр. *боли-*, дунс., даг. *волу-* (*полу-*) становиться, делаться; происходить; созревать, свариться» [Санжеев, Орловская, Шевернина 2015: 97].

Тюрк. *bol-* совпадает с монг. *bol-* / *болах* а) становиться, превращаться в...; происходить, иметь место, случаться; наступать, приходить (*о времени*); быть, существовать, наличествовать; образовывать, представлять; б) быть способным, быть возможным, быть подходящим / годным / соответствующим; удаваться, быть удачным... [Севортян 1978: 188].

Также здесь отмечены служебные (грамматизованные) значения *бол-* в сочетании с деепричастиями, причастиями; в значении вспомогательного глагола и т. д. [Севортян 1978: 184–188].

По этому поводу Э. В. Севортян пишет, что «скорее это общая тюрко-монгольская основа, и возможно, что некоторые значения из монгольского перешли в отдельные тюркские языки» [Севортян 1978: 188]. Точка зрения Э. В. Севортяна, на наш взгляд, более приемлема.

Г. Ц. Пюрбеев считает, что глагол *бол* 'стать, становиться', выступая в составе составного именного и глагольного сказуемого, «не совсем утрачивает свое бывшее значение и поэтому употребляется чаще всего как полусвязка» [Пюрбеев 2010: 91].

1.1. Будущее время

Будущее время в монгольских языках выражается посредством показателя *-х*, а также *-на* / *-нэ* / *-но* / *-нө* (форма настоящего-будущего времени в современном монгольском языке). Данная форма будущего времени выступает в роли вспомогательного глагола в составных глагольных и именных сказуемых. «Семантика данной формы обладает модальной насыщенностью и богатством различных оттенков, обусловленных присоединением к ним частиц и присказуемых слов. Форма выражает модальные оттенки категоричности и некатегоричности, характеризующие степень достоверности ожидаемого действия» [Дораева 1983: 223].

Конструкция из имени и вспомогательного глагола *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* в форме будущего времени в составе именного сказуемого обозначает явление, которое произойдет в будущем. Например: монг. *уд*

болно 'полдень наступит'¹ [БАМРС, 3 2001: 389]; бур. *Минии һамган болохош* 'Станешь моей женой' [БНК. Ц. Шагжин. Сахилгаата һүни]; ойр. *Маңһадар өрүүн багшинариин хураг болха*. 'Завтра утром состоится собрание учителей' [СЯОС 2001: 71]; калм. *Сурһулян төгсәһәд, малын эмч болхвидн* 'Закончив учебу, мы будем врачами' [НККЯ: Бадмин А. Усна экн — булг].

В калмыцком языке глагольная форма настоящего времени *-на / -нә* может выражать значение будущего, в основном при наличии обстоятельственных слов (*маңһдур* 'завтра', *эндр* 'сегодня', *удл уга* 'скоро' и т. п.). Например: *Нөкәдүр мана селәнд хурғ болжана*. 'Послезавтра в нашем селе состоится собрание' [ПМА].

Определение значения ближайшего или отдаленного будущего может уточняться временными локализаторами (*эндр* 'сегодня', *маңһдур* 'завтра', *ирх жһилд* 'в следующем году', *дарандһ* 'в дальнейшем', *ода* 'сейчас'). Однако общее значение будущего от этого меняется. Например: монг. *Маргааш хурал болно*. 'Завтра состоится собрание' [БАМРС, 1 2001: 260]; бур. *Мүнөө жэл хүйтэн үбэл болохонь гэнэ*. 'В этом году, говорят, будет холодная зима' [БРС, 1 2010: 242]; ойр. *Кедем удал угаа болха*. 'Скоро созреют груши' [СЯОС 2001: 57]; калм. *Маңһдур амрдаг өдр болх*. 'Завтра будет выходной день' [НККЯ. Эрнжәнэ К. Һалан хадһл].

В монгольских языках аналитическая конструкция с причастием или деепричастием и рассматриваемым вспомогательным глаголом представляет собой грамматизированное сочетание, которое состоит «из знаменательного слова, которое является носителем лексического значения всего сочетания, и служебного (или полуслужебного слова), потерявшего свое лексическое значение и функционирующего в качестве грамматического оформителя знаменательного компонента» [Цыдыпов 1972: 12].

В формировании аналитических конструкций с деепричастным компонентом основную семантическую нагрузку несет деепричастие, а вспомогательный глагол *болох / болохо / болха / болх* передает грамматическое значение. В данных конструкциях чаще всего участвуют соединительное и условное деепричастия. Например: монг.

Хар уснаас ондоо юм ууж болохгүй. 'Нельзя ничего пить, кроме простой воды' [БАМРС, 4 2002: 45]; бур. *Харин хүбүүмни унтаарай гэжэ хэлээ бэлэй гү, минии гал түлээд, урдаһаань, ёнхойжо хаража һуухадамни, хитэхэ ербэхэшые байжа болохо*. 'Да, сын велел мне ложиться спать, если я разожгу огонь, встречая их, то невестка, возможно, будет стесняться' [Цыдыпов 1972: 139]; ойр. *Түүни келесен үгинни удха медежһи болха угаа*. 'Не понять смысла сказанных им слов' [СЯОС 2001: 350]; калм. *Кушнарев гидг кү үзжэ болхий?* 'Можно ли увидеть Кушнарева' [НККЯ. Балакан А. Залу зөрг]; *Би нам эрт эндәс йовхла болх гижәнә, гив*. 'Уйти бы отсюда пораньше' [НККЯ. Бадмин А. Зултрһн — теггин нонан].

«Форма будущего времени <...> это еще не само действие, а действие, осуществление которого лишь намечается» [Харчевникова 1995: 54]. В определенном контексте форма будущего времени может обозначать категоричность и некатегоричность совершения действия. Значение обязательного совершения действия в будущем может выражаться причинно-следственными, условными конструкциями, а также употреблением различных модальных индикаторов.

Значение выражается при наличии определенного условия. Например: монг. *Эртхэн эмчлүүлэх нь эдгэрэхэд дөхөм болно*. 'Чем раньше лечиться, тем легче вылечить' [БАМРС, 2 2001: 65]; бур. *Баһа үбишэндэ эзэлэгдээ һаа, эмэй бурханда зальбарал таби; эмиэв үбишэниие таниха, эдэгээхэ эмтэй ушарха болохо*. 'Если ты заболел, обращайся с молитвой к богу медицины; лекарь распознает болезнь и найдет исцеляющее лекарство' [БРС, 1 2010: 381]; ойр. *Одаа манан тараад, теңгер чилгер болха*. 'Теперь туман рассеется, и небо прояснится' [СЯОС 2001: 236]; калм. *Эн хурт үнән илдкжэ эс келхләтн, биидтн му болх*. 'Если вы на этом собрании не скажете правду, вам же будет плохо' [НККЯ. Эрнжәнэ К. Һалан хадһл].

Значение реализуется при наличии причинно-следственных отношений в предложении. Например: монг. *Санаж явбал болно, сажилж явбал хүрнэ*. 'Коли помнить, то получится, хоть и медленно едешь, но доедешь' [БАМРС, 3 2001: 89]; бур. *Намарттаа хонидоо зунай хэнзэ ногоондо адуулжа, марса долёолгоходо, мяханинь амтатай*

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

тарган, нооһониинь ута, үдхэн болохо. ‘Осенью овец хорошо пасти на отаве и солончаковых местах: у них мясо становится жирнее, шерсть длиннее и гуще’ [БРС, 1 2010: 542]; ойр. *Нэгэмен сарда күрвел уулда серүүн болнаа*. ‘Когда наступает август, то в горах становится прохладно’ [СЯОС 2001: 295]; калм. *Нег хойр дола хонхнь, келм невчк нуһрх. Чикэр нерэддг болхв*. ‘Пройдет недели две, язык мой как-то привыкнет. Стану называть правильно’ [НККЯ. Бембин Т. Бадм цецг].

Предрешенность действия выражается при присоединении модальных индикаторов. Например: монг. *лавтай болно* / ‘определённо, точно будет’ [БАМРС, 2 2001: 297]; ойр. *Мөн, тийме болхе*. ‘Да, так и будет’ [СЯОС 2001: 180]; калм. *Мини хэлэцэр, эн орулгджах шинрлтс эрк биш иргэдэн сэн ашта болх*. ‘По моему мнению, введенные новшества, непременно, в будущем дадут хороший результат’ [КНК. Хальмг үнн].

В отрицательных конструкциях усиливается значение категоричности, т. е. достоверность совершения действия в будущем уверенно отрицается. Например: монг. *Зөвшөөрөлгүй орж болохгүй*. ‘Без разрешения входить нельзя’ [БАМРС, 3 2001: 388]; бур. *Саашадаа иимэ байдалые тэсэжэ болохгүй*. ‘Нельзя в дальнейшем терпеть такое положение’ [БРС 2, 2010: 281]; ойр. *Хава-риин ажил икдээд махлаа авха цол угаа болха*. ‘Так как весной будет много работы, то времени совсем не будет хватать’ [СЯОС 2001: 228]; калм. *Төрүц күүнд саалтг болхн угав*. ‘Никому не буду мешать’ [НККЯ. Эрнжэнэ К. Һалан хадһл].

В калмыцком языке полусвязка *бол* в форме будущего времени в сочетании с причастием на *-х* (*-мн*) выражает действие, «которое неминуемо совершится и по поводу которого выражается опасение субъекта» [Пюрбеев 2010: 99]. Например: *Киштэг гемшэхмн болхви?* ‘Неужели обвинят Кишту?’ [НККЯ. Балакан А. Элст деер мандһсн одн].

Формы с перспективным значением в монгольских языках могут выступать в прошедшем времени. «Перспектив в прошедшем времени означает, что после некоторой точки отсчета в прошлом с большой вероятностью должна была осуществиться определенная ситуация (уже имелись «предпосылки» для этого)» [Майсак 2002: 70].

Например: калм. *Тегэд Андрей Иванович Викториг нааран илгэсн болх*. ‘Наверное, поэтому Андрей Иванович и послал сюда Виктора’ [НККЯ. Балакан А. Залу зөрг].

В бурятском языке такая конструкция выражает модальное значение «выходит, получается»: *Гол зорилгоёо дүүргэһэн болохобди гэхээз Һанаа гүт...* — *гэжэ Рагузинский Лангые таһа дүүрэбэ*. ‘Вы хотите сказать, что мы справились со своей основной целью... — резко оборвал Рагузинский Ланга’ [БНК. Б. Санжин, Б. Дандарон. Заянай зам].

1.2. Модальные значения

П. П. Дамбуева отмечает высокую степень грамматикализации данного глагола. Кроме реальной модальности, данная связка может выражать разнообразные модальные значения: предположение, долженствование, вынужденность, намерение, возможность, запрет, согласие, разрешение [Дамбуева 2000: 153–154]. Например: монг. *Сүрэн ч бас жаахан буруутай байж болох юм*. ‘И Сурен тоже немного виноват’ [БАМРС, 2 2001: 152]; *Таны саналыг бүрэн бодитой гэж үзэж болно*. ‘Ваше предложение можно рассматривать как вполне реальное’ [БАМРС, 3 2001: 399]; бур. *Морин бүдэржэ болохо, — гэжэ айһан эхэнь хүбүүгээ хоригложо, үгээз дуулгажа ядахадаа, хасарыень хоёр-гурба альгадаба*. ‘Лошадь может оступиться — запретила испуганная мать сыну, и не в силах заставить его послушаться, несколько раз ударила ладонью по щеке’ [БНК. Ч. Цыдендамбаев. Банзарай хүбүүн Доржо]; ойр. *Би орааһиин цаг арванда машинда һарха болнаа*. ‘Я должен ехать на машине вечером в десять часов’ [СЯОС 2001: 419]; калм. *Тенд геснь өлсэд йовх болжана*. ‘Они могут быть голодны’ [НККЯ. Жимбин А. Шиндэ]; *Өөлжэдг болх, оч мендинь сурх кергтэ*. ‘Наверное, обижаётся, надо пойти и проведать его’ [НККЯ. Эрнжэнэ К. Һалан хадһл]; *Дэкэд нег жил сурад, төгсгәһэд йовсн болхла сэн болх билэ*. ‘Было бы хорошо, если бы проучился еще год и закончил’ [НККЯ. Эрнжэнэ К. Һалан хадһл].

1.3. Инхоативное значение

Инхоативное значение указывает на наступление нового состояния, т. е. «итоговое состояние некоторого процесса» [Майсак 2002: 104]. В старописьменных памятниках

и современных монгольских языках встречаются конструкции именных и глагольных сказуемых с вспомогательным глаголом *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* ‘становиться, делаться кем-чем-л.; каким-л.; быть’ в форме прошедшего и настоящего времени, которые могут выражать состояние предмета со значением становления или перехода в какое-либо состояние (глаголы с суффиксами: монг. -в, -жээ, -лоо; бур. -бо, -оо, -гоо; ойр. -ва, -лаа, -жси; калм. -в, -жс, -ла) и настоящего (-но, -наа, -на) времени).

Настоящее время. Например: монг. *Хаврын сүүлээр зун болно*. ‘За весной следует лето’ [БАМРС, 3 2001: 148]; бур. *Энэ намбаанда Жалма орон дээрэхээ харайн бодожо, натаршахан үнэ зүхээ заһаа болоно*. ‘В этот момент Жалма вскакивает с кровати и поправляет растрепавшиеся волосы’ [БНК. Д. Батожабай. Төөригдэхэн хуби заяан]; ойр. *Нээмен сарда күрвел уулда серүүн болнаа*. ‘Когда наступает август, то в горах становится прохладно’ [СЯОС 2001: 295]; калм. *Цаһан цевр зүрктә күн тиим бермис болна*. ‘Добросердечные люди становятся такими стеснительными’ [НККЯ. Эрнжөнэ К. Һалан хадһл].

Прошедшее время. Например: средне-монг. «*Ede qurban tusas-i čino setkil dotora mino atuiqai!*» *keen jarliq bolba*. ‘«Пусть же пребудут в душе моей три эти твои заслуги!», так он повелел’ [СС 1941: 239, § 145]; класс. *Yeke Barula kement nereyidbe Barulaskii otou-tan bolba*. ‘Так как Йехе Барилдай любил поесть, его род стал называться Барлас’ [АТ 1992: 6]; монг. *Би орос хэд дээр бичигдсэн хүүхдийн ном, сонин уншдаг болов*. ‘Я стал читать детские книги, газеты, вышедшие на русском языке’ [Тодаева 1951: 133]; бур. *Һүни байһан тэнгэри үдэр боложо, үдэр байһан тэнгэри Һүни болобо*. ‘Было ночное небо, стало дневным, было дневное небо, стало ночным’ [СНЕ МП 2018: 55]; ойр. *Би Беежинде одад хойор жил боллаа*. ‘С момента моего приезда в Пекин прошло два года’ [СЯОС 2001: 71]; калм. *Эгч-дү һурвнас һанцхн Антонина уул бэрдг эрдмтә болв*. ‘Из трех сестер одна только Антонина получила профессию швеи’ [НККЯ. Бадмин А. Усна экн — булг]; *Хөөннь усар салһиго иньгүд болж*. ‘После того они стали друзьями — «не разлей вода»’ [НККЯ. Бадмин А. Зултрһн — теегин ноһан].

1.4. Прошедшее время

Известно, что в монгольских языках формы прошедшего времени внутри своего ряда противопоставляются по аспектуальным и модальным признакам. Рассматриваемый глагол употребляется в роли вспомогательного глагола как в именных, так и в глагольных конструкциях и обозначает действие, совершенное в прошлом.

Значение недавно совершенного действия (незадолго до момента речи или в момент речи) может передаваться конструкциями с глаголом *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* с временным показателем (-в / -бо / -ва / -в). Здесь показана близкая временная дистанция. Следует отметить, что рассматриваемый глагол может сохранять значение инхоатива. Например: монг. *Тэр хаалга гэж толгой хөдөлгөн заасан болов*. ‘Выход там, сказав, он показал на дверь’ [МНК]; бур. *Пишаганаса альга ташалган болобо*. ‘Раздались громкие хлопки в ладоши’ [БРС, 2 2010: 92]; ойр. *Элээ цаһаан тоосон теңгерте хадагдагсан болва*. ‘Поднялась в небо белая пыль, словно коршун’ [СЯОС 2001: 377]; калм. *Маш сән академическ көгжмин концерт болв*. ‘Академический концерт был очень хороший’ [КНК. Хальмг үнн].

Значение недавнего прошлого усиливается при использовании обстоятельственных слов (*недавно, сегодня, только что, сейчас* и т. д.). Например: калм. *Одахн Элстд Хальмг Таңһчин тосхлтын болн архитектури министрствд журналистһрлә харһлт болв*. ‘Недавно в Элисте в министерстве строительства и архитектуры состоялась встреча с журналистами’ [КНК. Хальмг үнн].

Значение предшествующего прошедшего действия характеризуется отдаленностью от момента речи и выражается глаголом с показателями -лоо / -лаа / -ла / -лэ. Например: монг. *Энэ жил өвөл эрт боллоо*. ‘В этом году зима наступила рано’ [БАМРС, 3 2001: 3]; ойр. *Би Беежинде одаад хойор жил боллаа*. ‘С момента моего приезда в Пекин прошло два года’ [СЯОС 2001: 71]; *Эн йовдл 1945-ч жилд Венгрин һазрт болла*. ‘Этот случай произошел в 1945 году в Венгрии’ [КНК. Илүмжин Н. Гвардейцнр].

В сочетании с причастием настоящего времени рассматриваемый глагол обозначает многократность действия. Например: монг. *Заримдаа бүр хол явахдаа намайг*

дагуулж явдаг боллоо. 'Иногда в дальнюю дорогу он брал меня с собой' [МНК]; бур. *Хүүгэн юумэ ойлгодог болобо*. 'Ребёнок начал понимать (сознавать окружающее)'; ойр. *Түүнээс эхлээд манаа күмен тэмке татхаан цеерлэжи неге зардал мөңгө эрвелегддэг боллаа*. 'С тех пор мой муж бросил курить, и стали экономить деньги за счёт сокращения расходов на табак' [СЯОС 2001: 153]; калм. «*Мадн көгшржэнэвидн, гер ав, гинэд эдн көвүндэн келдг болв*. '«Мы старше, женись», говорили они сыну' [КНК. Хальмг үнн]; калм. *Журналд, газетд шүлгим барлдг болла*. 'В журнале, газетах стали публиковать мои стихи' [КНК. Хальмг үнн].

Длительность действия в прошлом отмечается наличием в конструкциях с глаголом *болох / болохо / болха / болх* обстоятельств со значением длительности. Например: монг. *Өдөржин чулуу зөөгөөд хоёр гар даагдахгүй боллоо*. 'Целый день таскал камни — руки натрудились' [БАМРС, 2 2001: 2]; бур. *Театр эмхидхэгдэхээр дүрбэдэхи жэлээ болобо*. 'Исполняется четвертый год (уже), как организовался театр' [БРС, 1 2010: 363]; ойр. *Он сара өңгөржи, олон жилийн эргээн болва*. 'Миновали годы и месяцы, прошло много годовых циклов' [СЯОС 2001: 256]; калм. *Өдрин дуусн болсн эн селвлцэн нанд туста болв*. 'Совещание, продолжавшееся целый день, стало мне полезным' [КНК. Хальмг үнн].

Употребляясь в сочетании с причастием прошедшего времени, полусвязка *бол* в калмыцком языке в форме настоящего времени может обозначать действие, которое, возможно, имело место в прошлом, но полной уверенности в этом нет. Например: *Теднлэ нег үүл хархж одсн болжана*. 'Кажется, с ними что-то случилось' [НККЯ: Балакан А. Залу зөрг].

1.5. Модальный показатель

В монгольских языках глагол *болох / болохо / болха / болх* может превращаться в модальное слово *бололтой / бололтой / бололта / болта* со значением 'возможно, вероятно, видимо, кажется; наверное'. Модальное слово употребляется в сочетании с именными и глагольными частями речи. Например: монг. *Өнөөдөр бороо орох нь бололтой*. 'Вероятно, сегодня будет дождь' [БАМРС, 2 2001: 497]; бур. *Хорото дайсан досоохи хорондоо дшилдэжэ, бээз барижа*

шадангүй, эжэлүүдгүй бээз мэдүүлжэрхихэн бололтой. 'Коварный враг не справился со своим коварством, не смог сдержаться и, возможно, случайно себя обнаружил' [БНК. Б. Мунгонов. Хара халхин]; ойр. *Зуслангийн малчин аэлмүүд шинкен босжи бээхээ бололтаа*. 'Скотоводы, живущие в летнике, похоже, только что встают с постели' [СЯОС 2001: 224]; калм. *Энд танахна ээмгүдин ахлачир ирчкн болта*. 'Сюда, наверное, приехали руководители вашего аймака' [НККЯ. Инжин Л. Ольдан күүкн]; *Өнчн-өв бичкдүд болта эдн*, — гиж Амр-Санан келв. 'Они, видимо, дети-сироты, — сказал Амур-Санан' [НККЯ. Нармин М. Хар келн тоһрун].

1.6. Служебные слова

Самый распространенный случай процесса грамматикализации в монгольских языках — это переход в служебное слово. В результате образования новых отглагольных слов в языках происходит постепенное обособление в различных глагольных сочетаниях, а также наблюдается адвербиализация некоторых причастных и деепричастных форм.

Наиболее часто грамматикализации подвергаются нефинитные формы глагола, которые встречаются в языках, чаще всего, в роли послелогов и союзов. Данные формы глагола имеют больше возможностей перехода в служебное слово. Например, «из глагольных форм более подвержены переходу в послелог деепричастия, чему способствует отсутствие у них форм словоизменения, отсутствие морфологически выраженного значения времени и т. д.» [Шагдаров 2013: 178].

В группу отглагольных послелогов включены слова, образованные от деепричастий, причастий и глагольных основ.

«Деепричастные формы глагола, как известно, являются нефинитными и характеризуются меньшей степенью полноты и яркости глагольных признаков (семантических, морфологических, синтаксических): 1) общее значение действия в деепричастиях выражено слабее, чем в остальных формах глагола: они обозначают добавочное второстепенное действие при основном действии, выраженном глаголом; 2) категория времени в деепричастиях отсутствует, время действия в них определяется такси-

сом, характеризующим отношение действий между собой; 3) они не имеют форм словоизменения; 4) в предложении деепричастие выполняет преимущественно обстоятельственную функцию. Все это создает предпосылки для перехода деепричастий в послелого. Многие из них сохранили параллельно лексические значения полных слов» [Лиджиева 2014: 56].

1.6.1. Послелог

В рассматриваемых языках данный глагол часто встречается в качестве послелога.

Послелог *болгон* / *болгон* / *болһон* / *болһн* 'каждый' образовался в результате грамматикализации слитного деепричастия. В данном случае лексически однозначное слово полностью утратило свою смысловую самостоятельность и стало употребляться в служебной функции: монг. *Өдөр болгон олны нүүрэн дээр хээгээ бараад хэрэлдэж байдаг болов*. 'Ссоры происходили ежедневно, открыто на людях' [БАМРС, 2 2001: 470]; ойр. *Суман болһон бийесиинни тамһатаа*. 'У каждого сомона — своя печать' [СЯОС 2001: 312]; калм. *Жил болһн Улан Цергт гиж сэн-сэн мөрд шүүж йовулнавидн*. 'Каждый год мы отправляем лучших лошадей для Красной армии' [НККЯ. Эрнжэнэ К. Халан хадһл].

Иногда данный послелог выступает в форме некоторых косвенных падежей. Например: монг. *жим болгоныг мэддэг анчин* 'охотник, знакомый с каждой тропой' [БАМРС, 2 2001: 173]; ойр. *Улас болһона аса кедүү эмтен иревээ*. 'Сколько людей приехало от каждой страны' [СЯОС 2001: 352]; калм. *Хаалһин хажуд, сала болһнд худг харһна*. 'Вдоль дороги, в каждой балке встречается колодец' [НККЯ. Балакан А. Буурл теегт]; *Харһлһн болһндан ю-бис куундэд, эн үзсн-соңссан нанд келж өгдг билэ*. 'При каждой встрече, разговаривая, она рассказывала все новости' [НККЯ. Балакан А. Буурл теегт].

В бурятском языке слово *болгон* чаще всего употребляется в качестве деепричастия. Редко встречаются примеры употребления грамматикализированных послелогов. В Корпусе бурятского языка наблюдается единичный случай употребления слова *болгон* в качестве самостоятельного послелога: *Сүрхэйл хоол гээчэ дээ, — гэжэ Цэрэнцуу өөрынгөө һанамжа хэлээд абаба*. — *Үнээ-*

тэй айл болгон аарса даража чадахал дээ. 'Это знатная еда, — высказала свое мнение Цэрэнцуу. — Каждая семья, имеющая корову, может производить аарсу' [БНК. Б. Мунгонов. Баян зүрхэн — II]. Возможно, в данном примере приведена диалектная речь или речь обурятившейся монголки.

Болгон также может выступать в роли компонента сложного послелога *харюу болгон* 'в ответ на'. Например: *Иимэ «анхаралдань» харюу болгон, бүхы Карийска каторжна түрмынхид үлэсхэлэн үхэл соносохон ба дүрбэн эхэнэр, арбан дүрбэн эрэ каторжануудай өөһэд хоорондоо хэлсэжэ, хоро ууһан тухайнь, тэдэнэй олонхидойнь элдэб шалтагаанаар үхэхэн тухайнь тэрэ үбгэнһөө Галсан мүнөө дуулаба*. 'Сейчас он услышал от старика Галсана о том, что в ответ на такое «внимание» каторжные заключенные всех тюрем Карийска объявили о голодовке, а четыре женщины и четырнадцать мужчин из числа каторжан вступили в сговор, приняли яд, и многие из них скончались по разным причинам' [БНК. Д. Батожабай. Төөригдэһэн хуби заяан].

В качестве послелога в монгольских языках используется форма предельного деепричастия *болтол* / *болотор* / *болтал* / *болтл* 'до, до тех пор'. Семантика деепричастия 'предел действия' повлияла на значение послелога. «Управляя основной имени, он указывает на предел действия во времени» [Монраев 1983: 279]. Данный послелог встречается в старописьменных памятниках и современных монгольских языках. Например: среднемонг. *Sueni duli boltala bokleksen čisun-i amaар duuren jalqiat-asqaat...* 'До поздней ночи он отсасывал и выплевывал запекавшуюся кровь' [СС 1941: 239, § 145]; монг. *ниднин зунаас эхлэн намар болтол* 'начиная с лета прошлого года и до нынешней осени' [БАМРС, 1 2001: 261]; бур. *Ехэ түймэртэ гэр байраяа алдаһан олонхи хүнүүд дахяад нэргэхэгүйгөөр ядаржа, тэдэнэй гэрнүүдэй байһан газар мүнөө болотор ханха зайдан ха юм*. 'Люди, потерявшие свое жилье в большом пожаре, так и не смогли восстановиться, и на месте их домов до сих пор стоят пустыри' [БНК. Ч. Цыдендамбаев. Түрэл нютарһаа холо]; ойр. *Хавар болтал эне ажылаан дуусха йосотаа*. 'До весны должны закончить эту работу' [СЯОС 2001: 374]; калм. *Эмтн киитн болтл, урһцан хураж авхар адһна*. 'Люди

спешат собрать урожай до холодов [КНК. Хальмг үнн].

Послелог *болоод* / *болоод* / *болаад* / *болад* ‘спустя, через’ соотносится с формой разделительного деепричастия от основы *бол-* и выражает временные отношения. Например: монг. *таван минут болоод* ‘через пять минут’ [БАМРС, 2 2001: 333]; бур. *Хэды болоод, Шоён дэгэлдээ орёолдожо, түүдэгтээ нэмэхэ гэжэ обоолһон мүшэр дээрэ толгойгоо табяад хэбтэшэбэ*. ‘Через некоторое время Шоён завернулся в дэгэл и улегся, положив голову на кучу веток, собранных для костра’ [БНК. А. Ангараев. Уер]; ойр. *Нучин нурван жыл болаад уулзаха*. ‘Встретиться спустя тридцать три года’ [СЯОС 2001: 109]; *Дөрвн сар болад, Шурк олдв*. ‘Спустя четыре месяца Шурка нашлась’ [НККЯ. Балакан А. Буурл теэгт].

Группа послелогов, образованных от причастных форм, в своём служебном употреблении частично сохранили семантику знаменательных слов. К примеру, послелог *болсан* / *болсн* ‘подобный, похожий’ появился в результате грамматикализации причастия прошедшего времени. При этом образованный послелог, в отличие от основной семантики слова, употребляется в несколько ином значении. Данное слово может самостоятельно употребляться как в роли причастия, так и в роли послелога. Управляя именительным падежом, передает значение сравнения. Он распространен в ойратском и калмыцком языках: ойр. *Туулаа болсан уруулни шовалзаад бээдег*. ‘Губы выпячиваются, словно у зайца’ [СЯОС 2001: 459]; калм. *Элст өрин маңһарт альхн деер тэвсн альмн мет дүңгэж үзгдв*. ‘При утреннем мираже Элиста, подобно яблоку на ладони, величаво виднеется’ [НККЯ. Эрнжэнэ К. Һалан хадһл].

1.6.2. Союзы

В системе служебных слов особо выделяются союзы, которые выражают разные виды смысловых отношений и указывают синтаксические связи не только между словами, словосочетаниями, но и частями сложных предложений. «Однако, указывая на наличие связи, союз одновременно выполняет и квалифицирующую функцию: обозначает содержательные отношения между связываемыми единицами» [ЛЭС 1990: 484].

«Союзы следует рассматривать как класс служебных лексем, в значениях которых отражены разнообразные связи элементов объективной действительности. В составе сообщаемой в актах коммуникации информации, передаваемые союзами, предстают как отношения между предметами, признаками, обстоятельствами, действиями, событиями разной меры сложности» [Гузев 1987: 48].

Союзы, образованные от рассматриваемого нами глагола, восходят к форме основного глагола и деепричастия. Такие союзы, как *болв* ‘но, однако’, *болон* / *болон* / *болон* / *болн* ‘и’, *боловч* / *болобошье* / *болва чиге* / *болвчн* (= *болв чигн*) ‘хотя, несмотря на’ широко употребляются в монгольских языках.

Союз *болон* / *болон* / *болон* / *болн* ‘и’ — это форма слитного деепричастия, образованная от глагола *бол-*. Употребляется для связи однородных членов в простом предложении. Например: монг. *стратегийн болон сансрын зэвсэглэлийн аюул* ‘опасность стратегических и космических вооружений’ [БАМРС, 3 2001: 91]; бур. *Газарта байһан гааһан болон хамарай тамхинай һабые шара лаагтай ханза уруу хэжэрхибэ*. ‘Положил в сундук желтого лака трубку, лежавшую на земле, и табакерку для нюхательного табака’ [БНК. Д. Батожабай Төөригдэһэн хуби заяан]; ойр. *Зөв болон бурууги йилһежси чадал угаа алаңтарэжси бээвээ*. ‘Засомневался, не сумел различить правду и ложь’ [СЯОС 2001: 70]; калм. *1918 жилин май сард немшир Ростовиг болн Батыйскиг эзлв*. ‘В 1918 году, в мае месяце, немцы завоевали Ростов и Батайск’ [НККЯ. Бадмин А. Зултрһн — теегин ноһан].

В монгольском, бурятском и ойратском языках в данном значении встречается союз *болоод* / *болаад* ‘и’. Он распространен и в старописьменных памятниках. Например, Г. Ц. Пюрбеев отмечает его наличие в монгольском памятнике XVIII в. «Халха Джирум»: «Союз *boluγad* ‘и’ также связывает однородные члены предложения. Он представляет собой форму разделительного деепричастия от глагола *boluγu* ‘становиться’: *žünkgen boluγad qagan bey-e-beg qamīγ-a ögedе bolqula* (I, 7-132) ‘Куда бы ни следовали ханша джункен и хаган...’» [Пюрбеев 2012: 170]. Для современного калмыцкого языка данное значение послелога не характерно. Например: монг. *өргөн болоод өндөөр*

‘широкий и высокий’ [БАМРС, 1 2001: 259]; бур. *Эхин болоод дунда хургуулинуудай шалтагта ойртобо*. ‘Приблизились экзамены в начальных и средних школах’ [БРС, 1 2010: 137]; ойр. *Өвгөн болаад эмгэн хойор бээжчи*. ‘Жили старик и старуха’ [СЯОС 2001: 70].

Слово *болв* в калмыцком языке употребляется как в качестве полнозначного, так и служебного слова. Союз *болв* ‘но, однако’ встречается в противопоставительных предложениях. Также в калмыцком языке очень часто функционируют составные союзы — *болв чигн* ‘хотя, несмотря на’, *болв зуг* ‘но, однако’ и т. д. Например: — *Норильск мини харсн хазр. Кедү киитн, догшин болв чигн, би мартх зөв угав*. ‘Норильск — моя родина. Несмотря на то, что [там] сильно холодно, я не должен его забывать [НККЯ. Бадмин А. Усна экн — булг]; — *Му биш. Болв чи өмннь «тавнд» сурдг билч?* ‘Неплохо. Но раньше ты же учился на «отлично»?’ [НККЯ. Нармин М. Боова].

В других монгольских языках (монгольском, бурятском и ойратском) употребляются аналогичные союзы *боловч* / *болобошье* / *болва чиге* со значением ‘хотя, несмотря на’. Например: монг. *Нумын арал*

хэдий хатуу хүчтэй боловч, хөвчгүй үл болохуй. ‘Лук, хоть он тугой и сильный, но без тетивы не может стрелять’ [БАМРС, 1 2001: 125]; ойр. *Усани экени балчиг болва чиге адаг күртелээн тунанаа*. посл. ‘Хотя вода у истока грязна, но пока она доходит до устья, муть в ней оседает’ [СЯОС 2001: 55]. Специфической особенностью бурятского языка является параллельное употребление несооставного союза *болобошье* и составного союза *болобошье хаа* с вышеуказанным значением. Например: бур. *Хүлнүүднай нэгэ бага хүнгэн болобошье хаа, гэдэхэмнай ехээр үлдэжэ эхилбэ*. ‘Хоть и стали наши ноги немного быстрее, но мы начали ощущать сильное чувство голода’ [БНК. Ц. Шагжин. Эжымни үнэн]; *Энэ үедэ Цэрэнпилэй зүрхэн бага түгшүүрэн татаһан болобошье, убайгүйгөөр тэрэ эхэнэр тээшэ хараад нууна*. ‘Хоть и встрепенулось немного сердце Цэрэнпила, но он сидит и бесстыже смотрит в сторону той женщины’ [БНК. Х. Намсараев. Үүрэй толон].

Выводы

Результаты исследования представлены в таблице 1.

Таблица 1. Пути грамматикализации глагола *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* в монгольских языках

[Table 1. Grammaticalization trends of the verb *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* in Mongolic languages]

№	Пути грамматикализации	Монгольский язык	Бурятский язык	Ойратский язык	Калмыцкий язык
1.	Будущее время (обязательное совершение действия в будущем — причинно-следственные, условные конструкции, модальные индикаторы)	+	+	+	+
2.	Модальные значения (предположение, долженствование, вынужденность, намерение, возможность, запрет, согласие, разрешение)	+	+	+	+
3.	Инхоативное значение (наступление нового состояния)	+	+	+	+
4.	Прошедшее время (недавно совершенное действие)	+	+	+	+
5.	Прошедшее время (предшествующее прошлое действие)	+	+	+	+
6.	Многочисленность действия	+	+	+	+

7.	Длительность действия в прошлом	+	+	+	+
8.	Модальное слово <i>бололтой</i> / <i>бололтой</i> / <i>бололтаа</i> / <i>боллта</i>	+	+	+	+
9.	Послелог <i>болгон</i> / <i>болгон</i> / <i>болһон</i> / <i>болһн</i>	+	в качестве деепричастия	+	+
10.	Послелог <i>болтол</i> / <i>болотор</i> / <i>болтал</i> / <i>болтл</i>	+	+	+	+
11.	Послелог <i>болоод</i> / <i>болоод</i> / <i>болаад</i> / <i>болад</i>	+	+	+	+
12.	Послелог <i>болсан</i> / <i>болсн</i>	—	—	+	+
13.	Союз <i>болон</i> / <i>болон</i> / <i>болон</i> / <i>болн</i>	+	+	+	+
14.	Союз <i>болоод</i> / <i>болаад</i>	+	+	+	—
15.	Союзы <i>болв чигн</i> / <i>боловч</i> / <i>болобошье</i> / <i>болва чиге</i>	+	+	+	+

Из результатов исследования видно, что в процессе грамматикализации глагол *болох* / *болохо* / *болха* / *болх* ‘становиться, делаться кем (чем)-либо; каким-либо; быть’ претерпевает различные изменения. Как глагол полусвязка он выступает в роли вспомогательного компонента в составных именных и глагольных сказуемых. Были проанализированы грамматические категории времени, модальности, а также различные классы слов. Следует отметить, что пути грамматикализации рассматриваемого глагола характерны всем монгольским языкам. Различие проявляется в степени употребления того или иного грамматического значения, а также наличия или отсутствия определенных служебных слов (послелогов и союзов). Будущее время определяет значения категоричности и некатегоричности совершения действия, в которых реализуются причинно-следственные, условные

конструкции, а также модальные индикаторы. Анализ прошедшего времени данного глагола определяет значения недавнего совершенного, предшествующего прошедшего действия, многократности и длительности действия. Выделены инхоативное и модальные значения рассматриваемого глагола. Деепричастные и причастные формы данного глагола, подвергшись грамматикализации, стали активно и широко употребляться в роли служебных слов, в частности послелогов и союзов. Это указывает на то, что глаголы с более широкой семантикой, в которых ослаблено значение конкретного действия или состояния, могут выражать гораздо более сложные и абстрактные грамматические понятия. Однако в некоторых монгольских языках наблюдается параллельное употребление данного слова и в роли деепричастия или причастия.

Сокращения

бур. — бурятский язык; калм. — калмыцкий язык; класс. — классический монгольский язык; монг. — монгольский язык; ойр. — ойратский язык; среднемонг. — среднемонгольский язык

Источники

- АТ 1992 — Hans. Petet Vietze, Gendeng Lubsang. Altan Tobči. Text und Index. Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1992. 278 p.
 БАМРС, 1 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. Т. 1 А–Г. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 520 с.

- БАМРС, 2 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. Т. 2 Д–О. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 536 с.

- БАМРС, 3 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. Т. 3 Ё–Ф. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 440 с.

- БАМРС, 4 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х тт. Т. 4 Х–Я. / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 532 с.

- БНК — Бурятский национальный корпус [электронный ресурс] // URL: <http://web->

- corpora.net/BuryatCorpus (дата обращения: 10.10.2020).
- БРС, 1 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. В 2-х тт. Т. 1. А–Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. 636 с.
- БРС, 2 2010 — *Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М.* Бурятско-русский словарь. В 2-х тт. Т. 2 О–Я. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. 708 с.
- КНК — Калмыцкий национальный корпус [электронный ресурс] // URL: <http://web-corpora.net/KalmykCorpus> (дата обращения: 10.10.2020).
- НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://kalmcorporu.ru> (дата обращения: 10.10.2020).
- МНК — Монгольский национальный корпус [электронный ресурс] // URL: <http://web-corpora.net/MongolianCorpus> (дата обращения: 10.10.2020).
- ПМА — Полевые материалы автора
- СНЕ МП 2018 — Сказки народов Евразии. «Мачеха и падчерица» / сост. Е. Э. Хабунова. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2018. 200 с.
- СС 1941 — *Козин С. А.* Сокровенное сказание: Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongγol-un niγuča tobčiyan*. Юань чао би ши. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. 620 с.
- СЯОС 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.

Sources

- Authors' Field Data.
- Buryat National Corpus. Available at: <http://web-corpora.net/BuryatCorpus> (accessed: October 10, 2020). (In Bur.)
- Kalmyk National Corpus. Available at: <http://web-corpora.net/KalmykCorpus>. (accessed: October 10, 2020). (In Kalm.)
- Mongolian National Corpus. Available at: <http://web-corpora.net/MongolianCorpus>. (accessed: October 10, 2020). (In Kalm.)
- National Corpus of the Kalmyk Language. Available at: <http://kalmcorporu.ru> (accessed: October 10, 2020). (In Kalm.)
- Altan Tobči. H.-P. Vietze, G. Lubsang (text, index). Tokyo: Institute for the Study of Languages and Cultures of Asia and Africa, 1992. 278 p. (In Mong.)
- Khabunova E. E. (comp.) Folktales of Eurasia: The Stepmother and the Stepdaughter. Elista: Dzhangar, 2018. 200 p. (In Russ.)
- Kozin S. A. The Secret History: A Mongolian Chronicle of 1240 Titled 'Mongγol-un niγuča tobčiyan. Yuáncháo Mishǐ'. Moscow, Lenin-grad: USSR Academy of Sciences, 1941. 620 p. (In Russ.)
- Pyurbеev G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: A–Г. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbеev G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д–О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbеev G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ё–Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbеev G. Ts., Luvsandendev A., Tsedendamba Ts. (eds.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: Х–Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A–Н. Улан-Удэ: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: О–Я. Улан-Удэ: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat. Elista: Kalmyk Book Publ., 2001. 493 p. (In Kalm. and Russ.)

Литература

- Гузев 1987 — *Гузев В. Г.* Очерки по теории тюркского словоизменения: имя (На материале староанатолийск.-тюрк. яз.). Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 144 с.
- Дамбуева 2000 — *Дамбуева П. П.* Категория модальности в современном бурятском языке. Улан-Удэ: Изд-во Бур. госуниверситета, 2000. 252 с.
- Дораяева 1983 — *Дораяева Р. П.* Наклонение //

- Грамматика калмыцкого языка. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 205–234.
- Лиджиева 2014 — *Лиджиева Л. А.* Отражение процесса грамматикализации в образовании послелогов в монгольских языках // Вестник Бурятского государственного университета. 2014. № 10 (3). С. 53–58.
- ЛЭС 1990 — Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 685 с.
- Майсак 2002 — *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции: дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 287 с.
- Майсак 2005 — *Майсак Т. А.* Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. 480 с.
- Монраев 1983 — *Монраев М. У.* Послелогии // Грамматика калмыцкого языка. Фонетика и морфология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. С. 276–283.
- Пюрбеев 2010 — *Пюрбеев Г. Ц.* Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста: КИГИ РАН, 2010. 299 с.
- Пюрбеев 2012 — *Пюрбеев Г. Ц.* Памятник монгольского права XVIII в. «Халха джирум». Лексика. Грамматика. Транслитерация текста. М.; Калуга: Изд-во «Эйдос», 2012. 270 с.
- Санжеев 1963 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М.: Вост. лит., 1963. 267 с.
- Санжеев, Орловская, Шевернина 2015 — *Санжеев Г. Д., Орловская М. Н., Шевернина З. В.* Этимологический словарь монгольских языков: в 3 т. Том I. А–Е. / гл. ред. Г. Д. Санжеев, ред. Л. Р. Концевич, В. И. Рассадин, Я. Д. Леман. М.: ИВ РАН, 2015. 224 с.
- Севортян 1978 — *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков. Общeturкские и межтюркские основы на букву Б. М.: Наука, 1978. 352 с.
- Тодаева 1951 — *Тодаева Б. Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 196 с.
- Харчевникова 1995 — *Харчевникова Р. П.* Система глагольных наклонений в современном калмыцком языке. Элиста: Изд-во Калм. госуниверситета, 1995. 94 с.
- Цыдыпов 1972 — *Цыдыпов Ц.-Ж. Ц.* Аналитические конструкции в бурятском языке. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1972. 299 с.
- Шагдаров 2013 — *Шагдаров Л. Д.* Проблемы новой академической грамматики бурятского языка (имя существительное, имя прилагательное, наречие, послелог, модальные слова, слова категории состояния и образительные слова). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2013. 192 с.

References

- Dambueva P. P. Category of Modality in Modern Buryat. Ulan-Ude: Buryat State University, 2000. 252 p. (In Russ.)
- Doraeva R. P. Grammatical mood. In: Kalmyk Grammar. Elista: Kalmyk Book Publ., 1983. Pp. 205–234. (In Russ.)
- Guzev V. G. Essays on the Theory of Turkic Inflection: Name (A Case Study of Old Anatolian Turkish). Leningrad: Leningrad State University, 1987. 144 p. (In Russ.)
- Kharchevnikova R. P. System of Grammatical Mood in Modern Kalmyk. Elista: Kalmyk State University, 1995. 94 p. (In Russ.)
- Lidzhieva L. A. Reflection of the process of grammaticalization in forming of postpositions in Mongolian languages. *Buryat State University Bulletin*. 2014. No. 10 (3). Pp. 53–58. (In Russ.)
- Maysak T. A. Constructs with Verbs of Movement and Position: Typology of Grammaticalization. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 2002. 287 p. (In Russ.)
- Maysak T. A. Constructs with Verbs of Movement and Position: Typology of Grammaticalization. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kultur, 2005. 480 p. (In Russ.)
- Monraev M. U. Postpositions. In: Kalmyk Grammar. Phonetics and Morphology. Elista: Kalmyk Book Publ., 1983. Pp. 276–283. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Kalmyk Grammar: Syntax. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2010. 299 p. (In Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. Khalkha Jirum: A 17th-Century Monument of Mongolian Law. Vocabulary. Grammar. Transliteration. Moscow, Kaluga: Eidos, 2012. 270 p. (In Russ. and Mong.)
- Sanzheev G. D. Comparative Grammar of Mongolic Languages: Verb. Moscow: Vostochnaya Literatura, 1963. 267 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D., Orlovskaya M. N., Shevernina Z. V. Etymological Dictionary of Mongolic Languages. In 3 vols. Vol. I: A — E. G. Sanzheev, L. Kontsevich, V. Rassadin, Ya. Leman (eds.). Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2015. 224 p. (In Russ.)

- Sevortyan E. V. Etymological Dictionary of Turkic Languages: Common and Intra-Turkic Stems Beginning with the Letter 'B'. Moscow: Nauka, 1978. 352 p. (In Turk. and Russ.)
- Shagdarov L. D. The Buryat Language: Issues of a New Academic Grammar (Noun, Adjective, Adverb, Postpositions, Modal Lexemes, Words of the Category of State, and Descriptive Ones). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (Sib. Branch of RAS), 2013. 192 p. (In Russ.)
- Todaeva B. Kh. Grammar of Modern Mongolian: Phonetics and Morphology. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1951. 196 p. (In Russ.)
- Tsydypov Ts.-Zh. Ts. Buryat Analytical Constructs. Ulan-Ude: Buryat Book Publ., 1972. 299 p. (In Russ.)
- Yartseva V. N. (ed.) Encyclopedic Dictionary of Linguistics. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1990. 685 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1692–1700, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1692-1700
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1692-1700

Синтетические и аналитические аспектуальные формы монгольского глагола в количественном освещении

Сергей Александрович Крылов¹

¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0001-5207-0949. E-mail: krylov-58@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Крылов С. А., 2020

Аннотация. В статье сделана попытка проанализировать синтетические и аналитические аспектуальные формы монгольского глагола в количественном аспекте. Подсчёт делался на материале Генерального корпуса монгольского языка. На его материале изучена степень употребительности аспектуальных форм. Обсуждается проблема разграничения синтетических и аналитических форм. Выделяются следующие классы форм. В системе синтетических форм выделяются следующие подсистемы: 1) подсистема синтетических глагольных форм причастной репрезентации; 2) подсистема синтетических глагольных форм предикативно-индикативной репрезентации; 3) подсистема синтетических глагольных форм деепричастной (конвербиальной) репрезентации; 4) подсистема синтетических глагольных форм акционсартного основообразования. В рамках обобщённой системы глагольных грамматических форм выделяются в том числе и аналитические аспектуальные формы. Охарактеризованы наиболее употребительные аналитические аспектуальные формы. Самая употребительная из них — аналитическая форма «прогрессива» (//«континуатива»), образуемая сочетанием синтетической таксисной формы конгрессивного деепричастия (на -ж) (CVB.CNGR) со связочным (бытийным) глаголом бай-(х) (букв. 'быть'). Приведён фрагмент таблицы частотности грамматем, входящих в состав (аналитически выражаемой) грамлеммы «прогрессива».

Ключевые слова: синтетические формы, аналитические формы, вид глагольный, аспектология, монгольский язык, глагол монгольский, корпусная лингвистика, квантитативный метод, способы действия, причастия, деепричастия, предикативные формы, частотность грамматических форм, частотность граммем, прогрессив

Благодарность. Настоящее исследование выполнено при поддержке комплексной программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Евразийское наследие и его современные смыслы» направление «Создание версии «3» генерального корпуса современного монгольского языка», а также РФФИ (грант № 18-012-00611 «Структурно-вероятностная морфоло-

гия монгольских языков» и № 19-512-44017 «Структурно-вероятностная интегральная модель монгольских языков»).

Для цитирования: Крылов С. А. Синтетические и аналитические аспектуальные формы монгольского глагола в количественном освещении // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 6. С. 1692–1700. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1692-1700

UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1692-1700

The Mongolian Verb: Synthetic and Analytical Aspectual Forms in a Quantitative Perspective

*Sergej A. Krylov*¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., Moscow 107031, Russian Federation)
Dr. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0001-5207-0949. E-mail: krylov-58@mail.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Krylov S. A., 2020

Abstract. *Goals.* The article attempts to analyze the synthetic and analytical aspectual forms of the Mongolian verb in a quantitative perspective. *Materials.* The calculation was done on the materials of the General Corpus of the Mongolian Language, and the degree of use of aspectual forms is studied. *Results.* The paper discusses the issue of distinguishing between synthetic and analytical forms is discussed, delineates certain classes of forms. The following subsystems are distinguished in the system of synthetic forms: 1) subsystem of synthetic verb forms of participial representation, 2) subsystem of synthetic verb forms of predicative-indicative representation, 3) subsystem of synthetic verb forms of adverbial (converbial) representation, 4) subsystem of synthetic verb forms of stem-formation. Within the framework of the generalized system of verbal grammatical forms, analytical aspectual forms are also distinguished. The work characterizes some most common analytical aspectual forms. The most common of them is the analytical form of the ‘progressive’ (// ‘continuative’) formed by combining the synthetic taxis form of the congressional participle (with - *жс*) (CVB.CNGR) with the connective (existential) verb *бай-(х)* (lit. ‘be’). A fragment of the table of the frequency of grammatical forms included in the (analytically expressed) grammeme ‘progressive’ is shown.

Keywords: synthetic forms, analytical forms, verb form, aspectology, Mongolian language, Mongolian verb, corpus linguistics, quantitative method, modes of action, participles, predicative forms, frequency of grammatical forms, frequency of grammemes, progressive

Acknowledgements. The reported study was funded by Comprehensive Fundamental Research Program of the RAS (Department of Historical and Philological Sciences) ‘Eurasian Heritage and Its Contemporary Meanings’ and RFBR (grants no. 18-012-00611 ‘Structural-Probabilistic Morphology of Mongolic Languages’ and no. 19-512-44017 ‘Structural-Probabilistic Integral Model of Mongolic Languages’).

For citation: Krylov S. A. The Mongolian Verb: Synthetic and Analytical Aspectual Forms in a Quantitative Perspective. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1692–1700. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1692-1700

Постановка вопроса

Цель работы — количественное (дис-трибутивно-статистическое) описание аспектуальных форм в монгольском языке. Подсчёты основаны на Генеральном корпусе монгольского языка (версии ГКМЯ-1a) общим объемом 1 151 тыс. графических словоформ; корпус включает разные жанры текстов, но преобладает в нём художественная проза XX в.¹

Какие же глагольные формы монгольского языка можно относить к видовым и сколько аспектуальных граммем выделяется в монгольском? И, главное, какова система аспектуальных средств, то есть какова система формальных показателей аспектуальных значений в монгольском языке?

Синтетические и аналитические формы глагола (для письменной формы языка) наиболее удобно разграничивать на основе простейшего, а именно, пунктуационного критерия: аналитические формы на письме содержат графему пробела². Однако этот (пунктуационный) критерий оказывается недостаточным для разграничения между синтетической предикативной формой глагола и аналитической формой, содержащей нулевую связку. Если не признавать нуле-

вых связок (то есть если не прибегать к использованию этого метаязыкового средства в качестве удобного описательного инструмента), то количество синтетических предикативных форм в морфологической подсистеме монгольского глагола резко «подсочит».

Эта проблема весьма важна для решения проблем монгольской аспектологии, поскольку в составе «(строга) синтетических» индикативно-предикативных форм монгольского глагола никаких отдельных показателей глагольного вида (= «аспекта»), строго говоря, нет. Однако можно ввести понятие «квази-синтетических» аналитических форм, подведя под это понятие аналитические формы, содержащие нулевую связку. В таком случае можно с уверенностью утверждать, что в системе «квази-синтетических» предикативных форм глагола представлены полностью все те же аспектуальные граммемы, что и в причастных формах глагола, так как все монгольские причастия потенциально сочетаются с нулевой связкой.

Итак, рассмотрим сперва (1) систему синтетических форм выражения (синтетическое формообразование), а потом вкратце обсудим (2) систему аналитических форм.

1. Подсистема синтетических глагольных форм (синтетическое формообразование)

В составе синтетических форм глагола грамматический вид (= «аспект») есть только у именных (причастных) форм, то есть видовые граммемы есть у всех тех и только тех глагольных форм, которые составляют причастную репрезентацию глагола.

1.1. Подсистема синтетических глагольных форм причастной репрезентации

В пределах причастной репрезентации (РС.*) по категории вида противопоставлены ровно 4 граммемы (перечень упорядочен по убыванию их частотности).

¹ См. подробнее [Крылов 2014] и указанную там литературу.

² Обратим внимание на некоторую условность этого (пунктуационного) критерия. Так, например, следование ему вынуждает трактовать постпозитивные маркеры «интеррогатива» (общего вопроса) уу (үү) и «эмфазы» (с оттенком «вокативности») аа (ээ, оо, өө) как аналитические (то есть как «частицы» послеложного типа), хотя по критерию сингармонизма они ведут себя как типичные постфиксы (а не как послелог), то есть гармонируют с предшествующей графической словоформой (и с фонетическим коррелятом её основы) по гармоническим признакам: интеррогативный маркер по «ряду», а эмфазный — по «ряду» и «огубленности». Однако пунктуационный критерий отграничения аналитических форм от синтетических обладает одним важным неоспоримым достоинством — а именно, простотой: для автоматического анализа письменных текстов он позволяет с лёгкостью отличить аналитические формы от синтетических.

Таблица 1. Употребительность аспектуальных (//«видовых») граммем, то есть членов аспектуальных оппозиций, составляющих категорию грамматического вида (//аспекта) в подсистеме синтетических глагольных форм причастной репрезентации

[Table 1. Frequency use of aspectual grammemes, i.e. elements of aspectual oppositions constituting the category of grammatical aspect in the subsystem of synthetic verbal forms of participial representation]

I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII
Проспектив	PC.PROSP	-x	-x-	54 430	62 646	27 787	31 981
Перфектив	PC.PRF	-sAn	-сан- (-сэн-, -сон-, -сөн-) [-сн-]	43 318	49 857	33 058	38 048
Дуратив	PC.DUR	-AA	-аа- (-ээ-, -оо-, -өө-)	20 858	24 006	14 067	16 191
Узуалис	PC.US	-dAg	-даг- (-дэг-, -дог-, -дөг-) [-дг-]	11 895	13 690	9 471	10 901

Пояснения к столбцам таблицы 1.

I. Название

II. Условная нотация³

III. Суффиксальный маркер морфонологической записи.

IV. Суффиксальный маркер орфографической записи.

V. Частотность (в ipm).

VI. Абсолютная частотность.

VII. Частотность в сочетании с падежной граммемой номинатива (в ipm).

VIII. Абсолютная частотность в сочетании с падежной граммемой номинатива.

Из аспектуальных граммем (то есть внутри подсистемы синтетических глагольных форм причастной репрезентации) наибольшей частотностью обладает, как наглядно видно из таблицы, граммема «проспектива» (PC.PROSP). Так как обычно немаркированным⁴ членом оппозиции признаётся тот из её членов, который имеет бóльшую частотность, то, по-видимому, внутри этой подсистемы немаркированным членом следовало бы считать именно «проспектив» (PC.PROSP). Маркированными⁵ граммемами в этой подсистеме будут «перфектив» (PC.PRF), «дуратив» (PC.DUR) и «узуалис» (PC.US).

«Немаркированность» граммемы проспектива интуитивно согласуется с тем фак-

том, что именно проспектив фигурирует в лексикографической традиции в качестве «исходной» («заглавной», «словарной») формы монгольского глагола (и, соответственно, переводится на европейские языки формой инфинитива, которую многие грамматисты интуитивно трактуют как немаркированную форму глагола); к тому же и сама соответствующая грамматема (грамматическая форма) в монголистических описаниях нередко именуется «инфинитивом».

В тех случаях, когда причастная форма занимает в предложении «главную» («независимую») предикативную позицию (то есть позицию «главного», «независимого» сказуемого), она стоит именно в номинативе. Поэтому в таблице 1 особое место уделено не только самим причастным граммемам (с их квантитативной характеристикой), но и соответствующим номинативным грамматам.

Следует отметить, что количественное преобладание граммемы проспектива над другими причастными граммемами, так сказать, «не абсолютно». Это проявляется, в частности, в том, что внутри системы граммем (то есть грамматических форм) номинатива, образуемого от соответствующих причастий, на первое место по употребительности, как видно из таблицы 1, выходит уже не «проспектив в номинативе» (PC.PROSP-NOM), а «перфектив в номинативе» (PC.PRF-NOM). Третье и четвёртое места по употребительности продолжают занимать «дуратив в номинативе» (PC.DUR-NOM) и «узуалис в номинативе» (PC.US-NOM).

³ Здесь и далее используется грамматическая нотация в духе так называемого Лейпцигского стандарта. Ср. опыт применения этого стандарта в монголистике в [Баранова, Сай 2009] и в [Крылов 2014].

⁴ (= «экстенсивным» по Л. Ельмслеву).

⁵ (= «интенсивными» по Л. Ельмслеву).

Важен тот факт, что глагольная словоформа, характеризуемая одной из граммем причастной репрезентации, попав в независимую предикативную позицию, влечёт за собой выбор падежной граммы номинатива и, соответственно, выбор номинативной граммы. То есть, другими словами, попадая в позицию независимого сказуемого⁶, причастие всегда ставится в форме номинатива.

Однако обратное, вообще говоря, неверно.

То есть тот факт, что глагольная словоформа, характеризуемая одной из граммем причастной репрезентации, сочетается с падежной граммой номинатива (то есть принадлежит к номинативной граммате), отнюдь не влечёт за собой того, что данная глагольная словоформа находится в независимой предикативной позиции. Потому что, попадая в атрибутивную позицию, причастная словоформа точно так же получает маркер номинатива (а именно, «нулевой» показатель), то есть принадлежит к номинативной граммате.

Поэтому для того, чтобы получить адекватную статистику употребительности аспектуальных (= причастных) граммем в независимой предикативной позиции, от-

нюдь не достаточно выполнения того требования, чтобы данное причастие стояло в форме именительного падежа. Надо ещё, чтобы эта причастная словоформа стояла в «присвязочной» позиции, то есть предшествовала связке (эксплицитной или нулевой). Но так как подсчёт употребительности нулевых связок в корпусе ГКМЯ хотя и вполне осуществим, но представляет собой особую (весьма нетривиальную) задачу, то в рамках данной работы пока что ограничимся беглым упоминанием данной проблемы «по касательной».

1.2. Подсистема синтетических глагольных форм предикативно-индикативной репрезентации

Рассмотрим синтетические маркеры (суффиксы) темпоральных граммем (то есть граммем глагольного времени) предикативно-индикативной репрезентации. Темпоральных граммем в монгольском языке 5: «презентс-1» (VF.IND.PRS1), «аорист» (VF.IN.AOR), «профект» (VF.IND.PROF), «ренарратив» (VF.IND.RENARR) и «презентс-2» (VF.IND.PRS2).

Частоты этих маркеров представимы таблицей 2.

Таблица 2. Употребительность темпоральных граммем (//граммем категории грамматического времени) в подсистеме синтетических глагольных форм предикативно-индикативной репрезентации

[Table 2. Frequency use of temporal grammemes in the subsystem of synthetic verbal forms of predicative-indicative representation]

I	II	III	IV	V	VI
Презентс-1	VF.IND.PRS1	-nA	-на (-нэ, -но, -нө)	17 424	20 054
Аорист	VF.IND.AOR	-bA	-в	16 371	18 842
Профект	VF.IND.PROF	-lAA	-лаа (-лээ, -лоо, -лөө)	11 492	13 227
Ренарратив	VF.IND.RENARR	-ʒiA1	-жээ	5 910	6 802
Презентс-2	VF.IND.PRS2	-nAm	-нам (-нэм, -ном, -нөм)	211	243

Пояснения к таблице 2.

I. Название.

II. Условная нотация.

III. Суффиксальный маркер в морфонологической записи.

IV. Суффиксальный маркер в орфографической записи.

V. Относительная частотность (в ipm).

VI. Абсолютная частотность.

Из этих граммем (то есть внутри подсистемы синтетических глагольных форм предикативно-индикативной репрезентации) наибольшей частотностью обладает, как наглядно видно из таблицы 2, граммема «презентс-1» (VF.IND.PRS1). Так как обычно немаркированным (= «экстенсивным» по Ельмслеву) членом оппозиции признаётся

⁶ По О. Есперсену, такая позиция называется «независимым нексусом»; или, по Ю. С. Мартемьянову, просто «нексусом».

тот из её членов, который имеет большую частотность, то, по-видимому, внутри этой подсистемы немаркированной граммемой следовало бы считать именно «презентс-1» (VF.IND.PRS1). Маркированными (или «интенсивными» по Ельмслеву) граммемами в этой подсистеме будут «аорист» (VF.IND.AOR), «профект» (VF.IND.PROF), «ренарратив» (VF.IND.RENARR) и периферийная малоупотребительная граммема «презентс-2» (VF.IND.PRS2).

Так как собственно темпоральные компоненты содержания граммем аориста, профекта и ренарратива совпадают (а именно, всё это — разновидности претеритальной семантики, то есть семантики прошедшего времени), то основное содержание трёх элементарных бинарных оппозиций «аорист vs. профект», «аорист vs. ренарратив»,

«профект vs. ренарратив», по-видимому, находится на пересечении полей темпоральности и аспектуальности, то есть принадлежит, скорее всего, к зоне «аспектуальных оттенков» семантики этих темпоральных граммем.

1.3. Подсистема синтетических глагольных форм деепричастной (конвербиальной) репрезентации

Рассмотрим синтетические маркеры (суффиксы) таксисных граммем (то есть граммем глагольного таксиса) деепричастной («конвербиальной») репрезентации. Таксисных граммем в монгольском языке 3: «конгрессив» (CVB.CNGR), «модификатив» (CVB.MOD), «антецессив» (CVB.ANT).

Частоты этих маркеров представлены таблицей 3.

Таблица 3. Употребительность таксисных граммем (членов оппозиции по грамматическому таксису) в подсистеме синтетических глагольных форм деепричастной (конвербиальной) репрезентации

[Table 3. Frequency use of taxis grammemes in the subsystem of synthetic verbal forms of converbial representation]

I	II	III	IV	V	VI
Конгрессив	CVB.CNGR	-ž1	-жс	70796	81 483
Модификатив	CVB.MOD	-n	-н	40718	46 865
Антецессив	CVB.ANT	-AAd	-aad (-ээд, -оод, -өөд)	22043	25 370

Пояснения к таблице 3.

I. Название.

II. Условная нотация.

III. Суффиксальный маркер в морфонологической записи.

IV. Суффиксальный маркер в орфографической записи.

V. Относительная частотность (в ipm).

VI. Абсолютная частотность.

Из этих граммем (то есть внутри подсистемы синтетических глагольных форм деепричастной (конвербиальной) репрезентации) наибольшей частотностью обладает, как наглядно видно из таблицы 3, граммема «конгрессива» (CVB.CNGR). Так как обычно немаркированным членом оппозиции признаётся тот из её членов, который имеет большую частотность, то, по-видимому, внутри этой подсистемы немаркированным членом следовало бы считать именно «кон-

грессив» (CVB.CNGR). Маркированными граммемами в этой подсистеме будут «модификатив» (CVB.MOD) и «антецессив» (CVB.ANT).

Конгрессив и модификатив по смыслу близки к русскому деепричастию НСВ («делая то-то»), антецессив — к русскому деепричастию СВ («сделав то-то»). Собственно таксисная семантика конгрессива и модификатива заключается в «одновременности», а собственно таксисная семантика антецессива — в «предшествовании».

При этом модификатив имеет смысловой оттенок склонности к выполнению семантико-синтаксической роли обстоятельства образа действия (или обстоятельства способа) («путём делания того-то», «таким-то образом», «способом того-то», «методом того-то»); модификатив гораздо более подвержен лексикализации, чем две других таксисных граммемы.

По-видимому, все три бинарных оппозиции таксисных граммем — «конгрессив vs. модификатив», «конгрессив» vs. «антецессив» и «модификатив» vs. «антецессив» — имеют какие-то аспектуальные оттенки, но в рамках данной работы мы предпочли ограничиться беглым упоминанием данной темы «вскользь», хотя она, разумеется, заслуживает гораздо более тщательного исследования.

В рамках общей системы глагольного формообразования (включающей не только синтетические, но и аналитические формы) аспектуальность затрагивает не только сферу «аспектуальных оттенков таксисных граммем», но и сферу основных значений граммем: так, например, маркер конгрессива в сочетании с бытийной связкой образует показатель особого грамматического вида (//аспекта), выражаемого аналитически, — «прогрессива» (= «континуатива») (см. ниже, п. 2).

1.4. Подсистема синтетических глагольных форм акционсартного основообразования

Рассмотрим синтетические маркеры (суффиксы) «совершаемостных» («акционсартных») граммем (то есть граммем акци-

онсарта). По-видимому, эта подсистема лежит скорее в зоне словообразования⁷, а не формообразования (или, по крайней мере, в переходной или промежуточной зоне частичного пересечения словообразования и формообразования). В любом случае, безусловно, «акционсартные» суффиксы принадлежат сфере «основообразования», то есть имеют «основообразующую» (//«основообразовательную») функцию. Границы этой зоны весьма диффузны; её ядро составляют наиболее употребительные акционсарты, тяготеющие к зоне деривационно-номинационного формообразования, а на периферии лежат менее употребительные акционсарты, принадлежащие уже к сфере словообразования.

Акционсартные («совершаемостные») граммемы в монгольском языке подразделяются на «залоговые», «количественно-аспектуальные» и «интенсифицирующие».

Из этих трёх подклассов рассмотрим только второй подкласс акционсартов — «количественно-аспектуальные». Из них наиболее употребительны «семельфактив» (V.SEMEL) и «мультипликатив» (V.MULT).

Частоты этих маркеров представлены таблицей 4.

Таблица 4. Употребительность количественно-аспектуальных акционсартных граммем в подсистеме синтетических глагольных основ

[Table 4. Frequency use of quantitative-aspectual (Aktionsart) grammemes in the subsystem of synthetic verbal stems]

I	II	III	IV	V	VI
Семельфактив	V.SEMEL	-čixA	-чиха- (-чихэ-, -чихо-, -чихө-)	792	911
Мультипликатив	V.MULT	-cgAA	-цгаа- (-цгээ-, -цгоо-, -цгөө-)	328	377

Пояснения к таблице 3.⁷

I. Название.

II. Условная нотация.

⁷ Поэтому в терминах И. А. Мельчука и Н. В. Перцова акционсарты следовало бы квалифицировать не как «граммемы», а как «дериватемы». Однако в настоящей работе соответствующая сфера явлений трактуется иначе — во-первых, как «лексикализация граммем» (тогда речь идёт о «лексикализованных граммемах»), а во-вторых, как маркированность члена привативной грамматической оппозиции (и тогда речь идёт о «граммемах с деривационной (// номинативно-деривационной) функцией»).

III. Суффиксальный маркер в морфонологической записи.

IV. Суффиксальный маркер в орфографической записи.

V. Относительная частотность (в ipm).

VI. Абсолютная частотность.

1. Обобщённая система глагольных грамматических форм

В составе обобщённой системы глагольных грамматических форм выделяется некоторое структурное ядро, куда относятся все синтетические формы (разных репре-

зентаций) и некоторую периферию с весьма диффузными границами, в которую входят аналитически выражаемые формы⁸.

Для формального моделирования системы объектов с диффузными границами целесообразно применять дистрибутивно-статистический метод. Мерой принадлежности конструкции к сфере аналитических форм будет относительная частотность этой конструкции.

Рассмотрим наиболее употребительные аналитические аспектуальные формы. Самая употребительная из них – аналитическая форма «прогрессива» (//«континуатива»), образуемая сочетанием синтетической таксисной формы конгрессивного

деепричастия (на -ж) (CVB.CNGR) со связочным (бытийным) глаголом *бай-(х)* (букв. 'быть'). Так как связочный глагол *бай-(х)* в составе аналитической формы, в свою очередь, имеет свою полную парадигму формообразования, то общее количество грамматем, включающих граммему прогрессива, оказывается значительным. Приведём фрагмент таблицы частотности грамматем, входящих в состав (аналитически выражаемой) граммемы «прогрессива». В целом таксисная граммема синтетического конгрессива (CVB.CNGR) входит в состав 1 714 вхождений аналитических форм (что составляет 1 505 ipm).

Таблица 5. Употребительность аналитически выражаемых грамматем, включающих граммему «прогрессива»

[Table 5. Frequency use of analytically expressed grammemes comprising the grammeme of 'progressive']⁸

I	II	III	IV
гэжбайна; харагдажбайна; асуужбайна; санажбайна; зогсожбайна; итгэжбайна; хүлээжбайна; хүсэжбайна	Z байна	233	206
гэжбайгаа; зогсожбайгаа; идэжбайгаа; унтажбайгаа; хүлээжбайгаа; харагдажбайгаа; урсажбайгаа; тогложбайгаа	Z байгаа	197	173
зогсожбайлаа; санагдажбайлаа; хүлээжбайлаа; унтажбайлаа; чигчирчбайлаа	Z байлаа	82	72
зогсожбайсан; гэжбайсан; ажиллажбайсан; хүлээжбайсан	Z байсан	77	67
зогсожбайв; санагдажбайв; ажиллажбайв	Z байв	61	54
тэгжбайтал; гэжбайтал	Z байтал	45	39
санажбайнауу; гэжбайнауу	Z байнауу	41	36
ширтэжбайснаа; зогсожбайснаа; ажиглажбайснаа	Z байснаа	36	32
гэжбайгааюмиг	Z байгааюмиг	25	22
гэжбайгааг	Z байгааг	23	20
тулгажбайгаад; гэжбайгаад	Z байгаад	21	19
гэжбайдаг	Z байдаг	21	18
гэжбайхад	Z байхад	17	15
гэжбайгаань	Z байгаань	15	13
гэжбайхгүй	Z байхгүй	15	13
гэжбайгааном	Z байгааном	14	12
гэжбайхуу	Z байхуу	14	12
гэжбайж	Z байж	12	11
гэжбайгаа бол	Z байгаа бол	10	9
би мэдэжбайна	би Z байна	13	11
гэжбодожбайна	гэж Z байна	39	34
гэжбодожбайлаа	гэж Z байлаа	14	12
гэжбодожбайнауу	гэж Z байнауу	14	12
гэжбодожбайсан	гэж Z байсан	13	11
гэжбодожбайв	гэж Z байв	10	9

⁸ Об аналитических формах монгольского языка см. [Крылов 2019] и указанную там литературу.

Пояснения к столбцам таблицы 5.

I. Аналитическая словоформа (в орфографической записи).

II. Структурная схема аналитически выражаемой грамматики, включающей граммему прогрессива (символом Z в этой схеме обозначен знаменательный компонент аналитической формы, то есть синте-

тическая словоформа CVB.CNGR).

III. Абсолютная частотность аналитически выражаемой грамматики, включающей граммему прогрессива.

IV. Относительная частотность аналитически выражаемой грамматики, включающей граммему прогрессива (в ipm).

Литература

Баранова, Сай 2009 — *Баранова В. В., Сай С. С.* От составителей // Труды Института лингвистических исследований. Т. 5. Ч. 2. Исследования по грамматике калмыцкого языка (= Acta Linguistica Petropolitana). СПб., 2009. С. 7–21.

Крылов 2014 — *Крылов С. А.* Теоретическая грамматика современного монгольского языка и смежные вопросы общей лингви-

стики. Часть 2. Структурно-вероятностная модель современного монгольского языка (на материале Генерального корпуса современного монгольского языка). М.: Наука, Вост. лит., 2014. 636 с.

Крылов 2019 — *Крылов С. А.* Структурные схемы монгольских аналитических конструкций в количественном аспекте // *Oriental Studies*. 2019. № 5. С. 974–1006. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-974-1006

References

Baranova V. V., Say S. S. Compilers' note. In: *Studies in Kalmyk Grammar. Ser.: Acta Linguistica Petropolitana. Vol. V. Part 2.* St. Petersburg: Nauka, 2009. Pp. 7–21. (In Russ.)

Krylov S. A. Structural diagrams of Mongolian analytical constructions in a quantitative aspect. *Oriental Studies*. 2019. No. 5. Pp. 974–1006.

(In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2019-45-5-974-1006

Krylov S. A. Theoretical Grammar of the Mongolian Language and Related Issues of General Linguistics. In 6 vol. Vol. 2: A Structure-and-Frequency Model of Modern Mongolian. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2014. 636 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 13, Is. 6, pp. 1701–1712, 2020
 DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1701-1712
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК 398.22

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1701-1712

Мотив богатырского поединка в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева

Байрта Барбаевна Манджиева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Манджиева Б. Б., 2020

Аннотация. *Введение.* В эпическом репертуаре известного джангарчи Телтя Лиджиева (1906–1970), принадлежавшего к эпической школе рапсода Ээлян Овла, мотив богатырского поединка является сюжетообразующим. *Цель.* Статья посвящена изучению мотива богатырского поединка в репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева с целью выявления сохранности и последовательности его повествовательных единиц. *Методы.* При анализе эпических песен Телтя Лиджиева с односюжетными песнями рапсода Ээлян Овла применяется сравнительно-сопоставительный метод. *Результаты.* Сравнительный анализ выявил, что мотив богатырского поединка, связанный с предъявлением ультиматума враждебному хану и угоном табуна противника, сохранился в тексте Телтя Лиджиева в той же последовательности повествовательных единиц, что и в тексте Ээлян Овла. *Выводы.* Сравнительно-сопоставительное исследование показало, что мотив богатырского поединка, связанный с ультиматумом врага, являясь важной частью эпического повествования, предстает в виде предикативной конструкции, где все элементы взаимосвязаны между собой. В песнях Телтя Лиджиева в центре эпического повествования всегда находится богатырь, героизация которого подчеркивается в ходе развития мотива богатырского поединка.

Ключевые слова: эпос «Джангар», песнь, традиция, мотив, поединок, оружие, богатырь, герой, джангарчи, сохранность

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Манджиева Б. Б. Мотив богатырского поединка в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 6. С. 1701–1712. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1701-1712

UDC 398.22

DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1701-1712

Epic Repertoire of Jangarchi Teltya Lidzhiev: The Motif of Heroic Duel

Bayrta B. Mandzhieva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0002-5644-3340. E-mail: mbbairta@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Mandzhieva B. B., 2020

Abstract. In the epic repertoire of the famous jangarchi Teltya Lidzhiev (1906–1970) who belonged to the epic school of the rhapsodist Eelyan Ovla, the motif of heroic duel is a plot-forming one. *Goals.* The article examines the motif of heroic duel in the repertoire of jangarchi Teltya Lidzhiev in order to identify the preservation and sequence of its narrative units. *Methods.* When it comes to analyze the epic songs of Teltya Lidzhiev against similar songs of the rhapsodist Eelyan Ovla, the comparative method is employed. *Results.* The comparative analysis reveals that the motif of heroic duel, associated with the presentation of an ultimatum to the hostile ruler and the raiding of the enemy's herd, retains the same sequence of narrative units as that in the source text of the predecessor. *Conclusions.* The research has shown that the motif of heroic duel associated with the enemy's ultimatum, being an important part of the narrative, appears in the form of a predicative construction where all elements are interconnected. The motif of the heroic duel, associated with the presentation of an ultimatum by Jangar himself to the hostile khan and the raiding of the latter's herd, being a plot-forming element, is characterized by a stable sequence. In the songs of Teltya Lidzhiev, the epic narrative is always centered around the hero whose heroification is emphasized in the course of the development of the motif of heroic duel.

Keywords: Epic of Jangar, song, tradition, motive, duel, weapon, hero, hero, dzhangarchi, safety

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions' (state reg. no. AAAA-A19-119011490036-1).

For citation: Mandzhieva B. B. Epic Repertoire of Jangarchi Teltya Lidzhiev: The Motif of Heroic Duel. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13(6): 1701–1712. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2020-52-6-1701-1712

Введение

В калмыцком героическом эпосе «Джангар» мотив единоборства богатыря с противником занимает центральное место. Мотивы калмыцкого героического эпоса являлись предметом изучения ряда исследователей-монголоведов: А. Ш. Кичикова [Кичиков 1976; Кичиков 1992], Т. Г. Басанговой (Борджановой) [Борджанова 1976; Борджанова 1979; Басангова 1986], С. Ю. Неклюдова [Неклюдов 2002; Неклюдов 2004],

Н. Ц. Биткеева [Биткеев 1990], Э. Б. Овалова [Овалов 2004; Овалов 2008; Овалов 2011], Е. Э. Хабуновой [Хабунова 2006]. В последнее время внимание исследователей акцентируется на рассмотрении проблем разработки указателя эпических мотивов, основанных на текстах песен Багацохуровского и Малодербетовского циклов «Джангара» [Убушиева 2010; Убушиева 2018; Убушиева 2019], составления указателя эпических мотивов [Селеева 2007], указателя тем кал-

мышкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар» [Селеева 2013].

В эпическом репертуаре известного джангарчи Телтя Лиджиева (1906–1970), принадлежавшего к эпической школе рапсода Ээлян Овла, мотив богатырского поединка, как и в эпосе в целом, является сюжетообразующим. «Сюжетообразующие мотивы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева, являясь частью повествовательной структуры, предстают в виде предикативной конструкции, имеющей свою последовательность, где каждый комплекс мотивов имеет нерасторжимую связь между собой» [Манджиева 2020: 331].

Статья посвящена рассмотрению мотива богатырского поединка в песнях джангарчи Телтя Лиджиева с целью выявления сохранности повествовательных единиц мотива. Методом сравнительно-сопоставительного анализа песен Телтя Лиджиева с односюжетными песнями рапсода Ээлян Овла выявляется последовательность и сохранность элементов изучаемого мотива.

Мотив богатырского поединка, связанный с ультиматумом врага

В эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева есть песнь «Арслңгин Эср Улан Хонһр Арг Манзиин Буурлта, Ээх Догшин Маңна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг»¹ («Песнь о поединке Улан Хонгора с устрашающе-грозным Мангна ханом, владеющим чалым конем Араг Манза»)², которая входит в цикл песен рапсода Ээлян Овла под названием «Арслңгин Арг Улан Хонһр эмндэн күрн йовж, арг Манзн Буурлта Ээх Догшин Маңна хааг хораж, эзн, богд Жаңһрт орулж өгсн бөлг»³ («Песнь о том, как лев[-богатырь] Улан Хонгор Прекрасный, едва не лишившись жизни, могучего Манзан Бурала имеющего грозного хана Догшин Мангна уничтожив, [владения его] властителю, богдо Джангару подчинил»)⁴. Эта песнь была усвоена Телтя Лиджиевым

от джангарчи Окона Бадмаева и Окона Шараяева, представителей эпической школы Ээлян Овла [Биткеев 2001: 98–99].

Сравнительно-сопоставительный анализ песни «Арслңгин Эср Улан Хонһр Арг Манзиин Буурлта, Ээх Догшин Маңна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг» («Песнь о поединке Улан Хонгора с устрашающе-грозным Мангна ханом, владеющим чалым конем Араг Манза») в исполнении Телтя Лиджиева с односюжетной песней джангарчи Ээлян Овла выявляет присутствие основных сюжетно-композиционных звеньев повествования.

Завязкой сюжета становится появление в разгар пира во дворце Джангара посланца враждебного Мангна-хана с ультимативным требованием отдать пять «вещей»: аранзала Зерде, хатун Шавдал, Буурал Галзана, богатырей Прекрасного Мингияна и Улан Хонгора. Ультимативное требование предъявляется с целью подчинить своей власти Джангар-хана, богатырскую семью и народ Бумбы. Джангар, посоветовавшись с ясновидцем Алтан Чеджи, соглашается с требованием противника, что равносильно безоговорочной сдаче врагу. Такое решение Джангара продиктовано угрозой, нависшей над Бумбой:

Тиим тавн юм / Өгдг эс болхла, / Эсрң үр сарин нэгмн шин өдрэс / Давулдг юмн болхла, / Арвн хурвн бум цергэр ирэд / Ар Бумбин оритн хольвлнав! — гижэ келв.
‘Если эти пять «вещей» / Не отдашь, / Если к восьмому дню будущего месяца Урюс / Запоздаешь, / То с миллионным войском отправясь, / Бумбу страну вашу разрушу! — так сказал’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

Несогласие Хонгора с решением богдо, выраженное формулой: *Хэр һазрт оджэ / Арһсн түлэнэ күн болжэ заргдхин ормд, / Эгэр хар булгин көвэд / Ааһ цусан асхлцнав!* ‘В чуждадьную сторону отправясь, / Чем стать слугой, собирающим кизяк, / Лучше у высохшего родника / Чашу крови своей пролью!’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98] вызывает гнев Джангара. Возмущенный хан приказывает богатырям пленить Хонгора. Одиннадцать богатырей согласились исполнить приказ, но двенадцатый, Санал, призвал их к верности боевому

¹ Название песни дано по [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

² Перевод названий и текстов песен репертуара Телтя Лиджиева выполнен Б. Б. Манджиевой.

³ Здесь и далее названия песен репертуара Ээлян Овла даны по: [Жаңһр 1978].

⁴ Перевод названий и текстов песен репертуара Ээлян Овла выполнен Т. А. Михалевой.

содружеству и не дал схватить Хонгора, посоветовав ему незамедлительно отправиться в путь. Для реализации цели боевого похода Хонгор, прибегнув к уговорам (Мингияна), получает *аранзала* Зерде. Герой, чтобы войти в опасный локус, принимает вид паршивца-*тарха*, а коня превращает в плохонького жеребенка-двухлетку, затем направляется в стан вражеского Мангна-хана. В сюжете песни Ээлян Овла есть эпизод, отсутствующий у Телтя Лиджиева, когда Хонгор, преодолев рубежную гору Цаган, видит много-миллионное войско Мангна-хана и слышит разговор-похвальбу богатырей противника:

— *Шикр далан көвэд бээсн / Шигширхин нутгинь би дээлнэв! — Киитн Хар теңгсин көвэхэр бээсн / Гүзэн Гүмбиниг би дээлнэв!*» — *гигж йовна. / Шовт Хар гидг баатр келн йовна: /— Хоңһриг амдэр кел бэрж, / Гернэл хатынь авнав! — гигж йовна* ‘«На берегу океана Шикир живущего / Шигширги владения я разгромлю! / На берегу холодного моря Хара живущего / Гюзян Гюмбе [владения] я разгромлю! — так говорили они. / Богатырь Шовта Хара так говорил: / «Хонгора живьём захватив, / Герензел, хатун его, в жёны возьму!» — так сказал’ [Жаңһр 1978. Т. 1: 398].

Джангарчи описывает выражение гнева Хонгора — эмоциональную реакцию на услышанное [Неклюдов 1973: 6]:

Болд хар зүркн бульгж, / Адгин арань тачкнж, / Арвн хойр сүрэн / Амн өөднө деврж, / Арвн цаһан хурһн / Альхн талнь атхлдж ‘Заколотилось сердце стальное, Заскрежетали зубы коренные, / Злоба беспощадная / Закипела в нём, / Десять белых пальцев / Сжались в кулаки’ [Жаңһр 1978. Т. 1: 399].

Гнев является одной из важных составляющих эмоциональной характеристики героя перед битвой с противником. «„Кипение, бурление крови“. Еще один аспект присутствующего архаическому эпосу изображения взрывной внутренней перемены героя как перемены скорее физиологической, интракорпоральной, — показ резкого, предельного убыстрения всей циркуляции крови („молодой“, „буйной“ и т. д.), ее бурления и

напора, побуждающего к действию» [Гацак 1989: 26]. Гнев богатыря в песне Ээлян Овла был настолько силен, что Хонгор, выхватив свою секиру, одним ударом поразил знаменосца и, схватив знамя, помчался к горе Цаган, где передал его Мингияну со словами:

— *Оһтр улан тугиг / Жаңһрт белг күрг, / Би та[д]ниг иртл, үүнд / [Эдниг] ээрнэв! — гинэд йовулв* ‘Короткое красное знамя / Как подарок Джангару отвези, / Пока вы не придёте, здесь / Задержу я [их]! — так сказав, отправил его’ [Жаңһр 1978. Т. 1: 399].

Этот эпизод присутствует и в песне Телтя Лиджиева:

Тугчинь цокад уңһаһад, / Тугинь булаж авад, / Отхр хар тугинь: / Жаңһрт белг күрг, / Би тадниг иртл, / Эдниг ээрнэв ‘Знаменосца одним ударом поразив, / Знамя у него выхватив, / Короткое черное знамя [передал со словами]: / — Как подарок Джангару отвези, / Пока вы не придёте, / Задержу я их!’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

В монголо-ойратских сказаниях, записанных Б. Я. Владимирцовым, обнаруживаются описания гнева богатыря, в которых сказитель создает особый портрет героя, изображая кипение гнева, его нарастание. Интересно заметить, что нарастание гнева не предваряет поединок, а происходит в его процессе: «Тогда не разогревшееся тело Бум-Эрдени разогрелось, не размякшее тело размякло; вздулось его мясо как непролазная черная гора, вздулись его соски как две серых сопки; вздулось его мясо по обе стороны хребта, как Кобдоские сопки» [Владимирцов 1923: 76]. В песне Телтя Лиджиева такое типическое место, как описание гнева богатыря, к сожалению, не сохранилось, но, вместе с тем, необходимо отметить, что, несмотря на позднюю традицию, в ней имеется описание одного из проявлений богатырского гнева — богатырского крика в финальной сцене поединка.

Мотив поединка героя является кульминацией песни. Рассмотрим изображение Хонгора в битве с вражескими богатырями в песне Ээлян Овла и поединка с богатырем-антагонистом Нярин Уланом в песне Телтя Лиджиева.

Ээлян Овла:

Өмн мөн кевтэн болж тохрад, / Дэврэд орв. / Шовт Хар баатриг цокж, / Эмэлин бүүрг деер / Күм дарад авад, / Мөңгн Цаһан уулын ора деер / Күлэд, хадад хайв. / Хэрү орад, / Нэрн Улан баатриг / Хойр дөрэ сольвж, / Дэв балтарн цокв. / Нэрхн зеединнь дел теврүлэд, / Эрэ торһв. / Алс улван хормаһаснь / Арвн цаһан хурһар авад, / Эмэлин бүүрг деер / Күм дарад, / Күлн хадн хайв. / Хурвн сара һазрт / Дөчн хойр баатринь / Уулын ора деер һарһад, / Мөңгн Цаһан уул деер һарад, / Күлн хайв 'Прежний облик приняв, / Бросился он [на врага]. / Богатыря Шовта Хара ударив, / На луку седла своего / Стащил, придавил / И, на вершину серебристой горы Цаган привезя, / Связал и бросил. / Снова ворвавшись, / Богатыря Нярин Улана, / Вплотную к нему приблизившись, / Секирой ударил — / Поджарого рыжего коня своего гриву обняв, / Тот еле [в седле] удержался. / За подол улвы схватив его / Десятью белыми пальцами, / На луку седла своего / Стащил, придавил / И, на вершину серебристой горы Цаган привезя, / Связал и бросил. / За три месяца / Сорок два их богатыря, / На вершину горы подняв, / Связал и бросил' [Жаңһр 1978. Т. 1: 399–400].

Телтя Лиджиев:

Нэрин Улан баатриг / Цокж уңһаһад, / Уулын ора деер хайв 'Богатыря Нярин Улана, / Ударив, свалив, / На вершину горы бросил' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

Сравнение сцен единоборства показывает, что джангарчи Ээлян Овла мастерски изображая напряжение борьбы, колоссальные, на пределе возможностей, усилия сражающегося Хонгора в окружении многочисленного войска Мангна-хана, вовлекает слушателей в процесс сопереживания событиям, тогда как у Телтя Лиджиева отсутствуют подробности единоборства с богатырями-противниками и Шовто Хара, а также нет описания продолжительного сражения с многочисленным вражеским войском, Хонгор расправляется только с Нярин Уланом.

Согласно выделенному исследователями признаку эпической симметрии, хана-противника может одолеть только сам Джангар-хан, но богатырь Хонгор решает

сразиться с Мангна-ханом, потому что помощь еще не подросла, а силы уже на исходе. Но враг оказался сильнее, и Хонгор терпит временное поражение.

Ээлян Овла:

Эгц һурвн сара хонгт бээр кесн / Арг Улан Хоңһр: / «Эн Догшин Маңна хаанд / Гар күрс!» — гижэ санад, / Цергин захд бээсн цаглань / Арнзл Зеердэр / Авч идхин бээдл һарһад, дэврэд орв. / Арг Манзн Буурларн хурдлулж һарад, / Алтн жсолаг хэрү эргүлж татад, / Алтн дуулхан хооран кеһэд, зогсч өгв. / Хойр һардэж маңна хоорнднь / Хоңһр цокад о[r]кв — / Дэв балтнь чолу цоксн мет / Һал падрад, ирнь дөрү дүңгә кү тусв. / Хан эс медсн кевэр / Көндрл уга бээв. / Дэв балтан ээмдэж авад, / Мөңгн уулын ора темцэд зулв. / Ардаснь үүдн энтә / Көк кишвр саадгар хав — / Һолднь күрн тусв, / Харһцад кишсн гисн бийинь / Арнзл авад һарад одв, / Уулын ора деер һарч, / Ухан-сегдһән алдад, / Бун кишсн, арнзл Зеердән сөөккэд, / Көк чолу дерлэд, / Хар цусар бөөлжэд, харһцад кевтв 'Ровно три месяца сражавшийся / Улан Хонгор Прекрасный: / «До этого хана Догшин Мангна / Дотронусь-ка я!» — подумав так, / Когда у края войска тот оказался, / На аранзале Зерде / С видом, будто готов его разорвать, налетел. / Тот, на могучем Манзан Бурале своём ускакав, / Золотистый повод натянув, коня повернул, / Шлем золотой на затылок сдвинув, остановился. / Замахнувшись двумя руками, прямо в лоб / Хонгор его ударил, — / Словно по камню ударил, от секиры его / Искры посыпались, лезвие на четыре пальца треснуло. / Хан, ничего не почувствовав, / Неподвижно стоял. / Секиру свою подняв на плечо, / К вершине серебристой горы он стал уходить. / Сзади с дверной косяк / Синюю свистящую стрелу [хан] пустил — / Прямо в позвоночник она попала. / Теряя сознание, упасть он мог, / Но аранзал удержал его на себе, / На вершину горы привёз. / Сознание теряя, / Свалился, аранзала Зерде повод на луку седла намотав, / Синий камень обняв, / Тёмной кровью исходя, без чувств он лежал' [Жаңһр 1978. Т. 1: 401–402].

Телтя Лиджиев:

Цааранднь дээлдэд орксн цагт / Дэх Догшин Маңна хан / Цергиг дахжэ йовсн цагт / Арнзл Зеердэр авч ирх бээдл һарад, / Дэврэд

орв. / Билгин шар болд үлдэр / Магна хоор-
нднь / Дэврүлэд цокхла, / Хан эс медсн болад
зогсад бээнэ. / Ардаснь зөв эргэд нархлань,
/ Көк киивр саадгар хаснд / Хоңһрт хол-
днь күрн тусв 'В то время, когда дальше
так сражался, / Когда Грозный Догшин
Мангна-хан / За войском своим следовал,
/ С видом, будто готов его разорвать, / На-
летел. / Желтым стальным мечом своим /
Прямо в лоб / Ударил его / Хан, ничего не
почувствовав, неподвижно стоял. / Когда
[Хонгор] сзади его обходил, / Синюю сви-
стящую стрелу [хан] пустил — / Прямо в
позвоночник она попала' [НА КалмНЦ
РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

«Мотив временного поражения богаты-
ря способствует введению в действие новых
героев, выполняя функцию группировки и
перегруппировки персонажей» [Манджи-
ева 2020: 330]. Так, Джангар-хан, получив
от Мингияна переданное Хонгором знамя,
отправляется с богатырями к нему на вы-
ручку. В песне Ээлян Овла богатырь Са-
вар дважды просит у Джангара разрешение
вступить в единоборство с Догшин Мангна,
и получает его только с третьего раза, тогда
как в песне Телтя Лиджиева хан сразу дает
согласие. Получив разрешение, Савар, под-
готовившись, вступает в единоборство [НА
КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98]. В этом
же эпизоде у Ээлян Овла описание оружия
приобретает сказочную гиперболичность:
*Арвн хойр иртэ / Ээв балтан авснд / Арвн
хойр энг заль бадрв* 'С двенадцатью лез-
виями / Секиру свою когда он взял, / Две-
надцать языков пламени вырвалось из неё.
Савар, привстав в стременах, двумя руками
замахнувшись, со всей силы ударил, две-
надцать лезвий секиры только треснули,
хан ничего не почувствовал' [Жанһр 1978.
Т. 1: 402].

Вслед за Саваром в поединок вступает
богатырь Санал, получив для этого разре-
шение Джангара. Личное оружие Савара —
золотистое боевое желто-пестрое копьё (*ал-
тлгсн баран шар цоохр арм* [Жанһр 1978.
Т. 1: 403; НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1.
Кас. 98]) в контексте соответствующей сти-
листической формулы служит атрибутом
богатыря. Савару не удалось сразить врага,
его проворный боевой конь Бурал Галзан,
увернувшись от удара Мангна-хана, спасает
богатыря.

Когда ведущие богатыри Джангара ис-
пробовали силу оружия в поединках и ли-
цом к лицу сошлись главные противники —
ханы, повествование достигает наивысшего
накала. Джангар, поразив Мангна-хана жел-
то-пестрым копьем и подняв, разлучает его
с конем. Противостоящие войска поддер-
живают своих ханов.

Ээлян Овла:

— Мана эзн, богд Жаңһр / Армдгсн күүһн
/ Алддг уга билэ! — гижэ, / Деерэснь ура
дуудн хээкрв. / Цаадк арг Манзн Буурлта /
Ээх Догшин Магна хаана церг: / — Мана хан
күгдлхлэрн, / Арм ямаран күдр болв чигн, /
Хуһ татх! — гижэ бас хээкрв 'Наш вла-
ститель, богдо Джангар / Того, кого под-
нял на копьё, / Никогда не упустил! — так
крикнули / И клич боевой свой добавили.
/ С той стороны могучего Манзан Бурала
имеющего / Грозного хана Догшин Мангна
войско: / — Наш хан, если освободиться
захочет, / То каким бы прочным ни было
копьё, / Сломает его! — так тоже крикну-
ли' [Жанһр 1978. Т. 1: 404].

Телтя Лиджиев:

*Цаадк хаана цергиг: / «Мана хан ямаран
арм күдр болвчнь / Күгдлхлэрн, / Хамхлл уга
бээдм биш!», — гижэ / Ура хээкрв. / Наадк
мана церг: / «Мана алдр Жаңһр армдад: /
Церг күц!», — гижэ хээкрлдв* 'Той стороны
хана войско: / «Наш хан каким бы проч-
ным ни было копьё / Если освободиться
захочет, / То непременно его ломает!», —
так крикнули / И клич боевой добавили. /
Этой стороны наше войско: / «Наш слав-
ный Джангар на копьё поднял: Победа
за нами!» — так крикнули' [НА КалмНЦ
РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

В этот решающий момент, когда
хан-противник, казалось, был почти повер-
жен, копьё не выдержало и переломилось.
В героическом эпосе «Джангар» мотив бо-
гатырского поединка взаимосвязан с мо-
тивом поломки копья и восстановлении
оружия, присутствующем в песнях Мало-
дербетовского и Багацохуровского цикла, в
цикле песен Ээлян Овла и в песне Насанки
Балдырова. Но в рассматриваемых песнях
данный мотив не развивается, вместо этого
присутствует описание богатырского крика
Хонгора перед нападением на Мангна-хана
в финале сражения.

Ээлян Овла:

Арм хуһрсинь үзэд, / Базг Улан [Хоңһр] / За[а]һин ук дууһар / Замб [тив] көдлтл хээкрэд, / Көдэд кевтгсн / Көгшин барсин цөсн билцртл хээкрэд, / Уулын ораһас гүн, шүүрэд бэрлдв. / Күчтэ арвн хойр бодң дахн күрэд бэрлдв / Дорни Арг Улан Хоңһртаһан / Арвн һурвулн даржэ хорав ‘Увидев, что копёё сломалось, / Воинственный Улан [Хонгор] / Так громко крикнул, / Что Замбатив содрогнулся, / Что у лежавшего в пустыне / Старого барса жёлчный пузырь лопнул — так крикнул. / С вершины горы сбежав, схватился он. / Сильные двенадцать вепрей[-богатырей] следом схватились. / Там же с Улан Хонгором Прекрасным / Тринадцать [богатырей] истребили всех’ [Жаһһр 1978. Т. 1: 404].

Телтя Лиджиев:

Хоңһр босад, / Заң ук дууһар / Зам көдэд хээкрв. / Көдэд кевтсн / Көгшин барсин цөсн / Билцртл хээкрэд ‘Хонгор встал, / Так громко крикнул, / Что земля содрогнулась, / Что у лежавшего в пустыне / Старого барса жёлчный пузырь / Лопнул, — так крикнул’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

Грозный противник Мангна-хан победен, целостность Бумбы сохранена, песнь завершается взятием клятвы у побежденно-го врага.

Ээлян Овла:

— *Миңһн нег эжилд / Жаңһрин оруд нутг болтн! — гижэ / Андһаринь авад, / Церг-тэһинь хэрүлэд [тэвв]* ‘О том, что тысячу лет и ещё один год / Под властью Джангара будет их страна — / Такую клятву взяв с них, / С войском назад отправили’ [Жаһһр 1978. Т. 1: 405].

Телтя Лиджиев:

Догшин Маңна хаана нутгиг / Номдан орулжэ авад, / «Жил болһн алван өгтн», — гижэ / Амн үгини авад [тэвв] ‘Грозного Мангна-хана страну / Власти своей подчинив, / «Каждый год дань свою платить» / Клятву взяв, [отправили]’ [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 98].

В результате сравнительно-сопоставительного анализа «Песни о поединке Улан Хонгора с устрашающе-грозным Мангна

ханом, владеющим чалым конем Араг Манза» Телтя Лиджиева с «Песней о том, как лев[-богатырь] Улан Хонгор Прекрасный, едва не лишившись жизни, могучего Манзан Бурала имеющего грозного хана Догшин Мангна уничтожив, [владения его] властителю, богдо Джангару подчинил» Ээлян Овла мы пришли к выводу, что мотив богатырского поединка, связанный с ультиматумом врага, являясь важной частью повествования, сохранился в этих песнях в одинаковой последовательности повествовательных единиц:

- 1) предъявление противником ультиматума хану Джангару;
- 2) самовыбор богатыря для оказания сопротивления противнику;
- 3) захват героем знамени противника и передача его Джангару;
- 4) поединки героя с богатырями-антагонистами (у Ээлян Овла — с Шовто Хара и Нярин Уланом, у Телтя Лиджиева — только с Нярин Уланом);
- 5) продолжительное сражение героя с войском (только у Ээлян Овла, отсутствует у Телтя Лиджиева);
- 6) поединок героя с ханом-противником;
- 7) временное поражение героя;
- 8) прибытие на выручку героя Джангара с войском;
- 9) поединок богатыря Савара с Мангна-ханом;
- 10) поединок богатыря Санала с Мангна-ханом;
- 11) поединок Джангара с Мангна-ханом;
- 12) поломка копья Джангара;
- 13) богатырский крик героя;
- 14) победа над Мангна-ханом, подчинение его власти Джангара — правителя Бумбы.

Сравнительный анализ также выявил отсутствие в песне Телтя Лиджиева таких элементов мотива, как: разговор-похвальба антагонистов, поединок героя с богатырем-антагонистом Шовто Хара, описание продолжительного сражения с многочисленным вражеским войском. В мотиве богатырского поединка богатырь Хонгор в интерпретации сказителя Телтя Лиджиева изображен как храбрый и сильный воин, побеждающий богатыря-противника Нярин Улана.

Мотив богатырского поединка, связанный с предъявлением ультиматума чужеземному хану и угоном его табуна

В цикле песен Ээлян Овла песнь «Эзн, богд Жаңһрин зарцд Бульһрин Догшн Хар Санл йовж, Күдр Зарин Зан Тээж хаана күчтэ маңһсин ориг эвдж, Жаңһрин номд орулгсн бөлг» («Песнь о том, как Булингира [сын —] Строгий Смуглый Санал по велению властителя богдо Джангара отправился и сильную мангасов страну хана Зан Тайджи, [сына] Кюдер Зары, покорив, вереве Джангара подчинил») повествует о боевом походе богатыря Санала в страну могучего Кюдер Зарин Зан-тайджи хана, эта же песнь есть и в репертуаре Телтя Лиджиева с более кратким названием «Буурл Һалзн мөртэ Бульһрин көвүн Догшн Хар Санлын бөлг»⁵ («Песнь о Булингира [сыне —] Строгом Смуглом Санале»). Завязкой сюжета служит отправление богатыря Санала в страну хана Зан-тайджи с предъявлением ему ультиматума Джангара:

Ээлян Овла:

Эл болад бээхлэ, / Тэвн жсилэ татлһ, / Миңһн нег жсилэ алв өгч, / Оруд нутг болх аминь авч ирич! / Дэн болад бээнэв гихлэ, / Хар цоохр тугинь / Шуучжэ, хавтхлэж, / Нээмн түмн хар Һалзн агтынь / Нанд көөжэ ирич! — гив [Жаңһр] 'Если мира хочет он, — / За пятьдесят лет подать пусть заплатит, / За тысячу лет и ещё один год албан пусть отдаст, / Что подвластным моим владением станет, пусть обещание даст! / Если войны захочет, / То чёрно-пёстрое знамя его, / Разорвав, в карман положи, / Восемьдесят тысяч с лысиной вороных рысаков его / Ко мне пригони! — повелел [Джангар]' [Жаңһр 1978. Т. 2: 72].

Телтя Лиджиев:

Дэн болад бээнэв гихлэ, / Найд экнэ шуура хазсн / Нээмн жува агт дотрас / Нээмн миңһн хар Һалзн агт / Нанд көөжэ ирич, / Хар торһн тугинь шу цокад, — [гив.] 'Если войны захочет, / Из восьмисоттысячного табуна / Восемьдесят тысяч с лысиной вороных рысаков его / Ко мне пригони! / Шёлковое черное знамя его, разорвав, [мне привези!] — повелел' [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97].

⁵ Название песни дано по [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97].

Решимость Санала отправиться в опасный путь и выполнить поручение хана выражается формулой: *Әгрәд одхнь, / Нәәмн чимгнлм, / Асхрад одхнь, / Ааһ цуснлм!* 'Если истлеют, / То это лишь восемь трубчатых костей, / Если прольётся, / То это лишь чаша крови!' [Жаңһр 1978. Т. 2: 73].

В песне Телтя Лиджиева отсутствует напутственная речь Алтан Чеджи, сохранившаяся в песне Ээлян Овла, в которой ясновидец характеризует Санала как богатыря, обладающего девяносто девятью достоинствами, в том числе мудрого, как он сам, Алтан Чеджи, владеющего секирой, как Савар, отважного, как Хонгор, учтивого, как Мингиян.

Личное оружие в эпосе определяет статус богатыря, является его атрибутом, отличительным признаком. Перед отправкой Санала в боевой поход богатыри Джангара передают ему свое личное оружие: Савар — секиру, Хонгор — меч, Гюмбе — кинжал. Передача личного оружия в помощь богатырю имеет сакральное значение, вместе с оружием передается сила его владельца, джангарчи таким образом подчеркивает, насколько опасно задание Санала — действовать в стане врагов.

Преодолев все препятствия в пути, богатырь прибывает в страну Зан-Тайджи-хана и предъявляет ультиматум Джангара, которое ведет к прямому столкновению с богатырями-антагонистами. В стане врага действия Санала изображены по нарастающей их масштабности, ведя к кульминации повествования: 1) вырвав черно-пестрое знамя, угоняет восьмидесятитысячный табун враждебного хана; 2) отражает натиск преследуемых его многочисленных воинов Зан-Тайджи-хана.

Мотив поединка в рассматриваемой песне Телтя Лиджиева состоит из нескольких сцен сражений Санала с противниками:

1) поединок Санала с богатырем-антагонистом Одон Цаганом;

Одн Цаһан баатр / Аля хурдн хоңһрарн / Тасрад һарч ирв: / — Кесг көлтэ хувцитн өмсэж йовлус, / Эду дүңгә кергт / Нанд түрүлэж һар күрхд / Хээрн болтн! — гижэ, / Зан Тээж хаанас / Сурн йовна. / Үкн хурдар хурдлулад, / Күцэж ирэд, / Әв балтар әмн нурһинь цокснд, / Әв балтан / Әрә тач авч / Догшн Хар Санл / Төрүц

*медлго йовна. / Зөв эргэж ирэд, / Ээв бал-
тар цокж уңаһад, / Таг кезж күлэд, / Буур-
лан алдулад, / Хурдн мөрнн эмалинь / Элкн
дорни орулад, / Адун дотран көөһэд һарв.
/ — Күчтә хаани элч кевтә, — гихэд, / Ард-
нь халән үлдв ‘Богатырь Одон Цаган, / На
игривом резвом саврасом [скакуне] / Вы-
рвавшись вперед, прискакал: / — Потную
одежду вашу носил я, / На такое дело / Пер-
вым сразиться, / Разрешите мне! — сказав,
/ У Зан-Тайджи-хана / Разрешение спраши-
вает. / Стремглав пустившись, / Прискакав,
/ Секирой в спину ударил. / Секиру свою /
Еле вытащил тот — / Догшин Хара Санал
/ Ничего не почувствовал. / Вправо [коня]
повернув, / Секирой [Одон Цагану] удар он
нанёс, / Крепко связав, / К Буралу кинув,
/ Резвого скакуна к луке седла / Его при-
торочил. / Табун дальше погнав, умчался. /
— «Могучего хана посол, видимо», — ска-
зав, / Вслед смотря ему, остались они’ [НА
КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97].*

2) битва богатыря Санала с войском хана Зан-Тайджи;

*Күдр Зан Тәәж хан / Отхр шар-цоохрарн
дэврэд, / Буурлын найн нэгмн алд сүлэс /
Тач авад: / — Автн үүг, бэртн, — гихэд,
/ Цергтән хайж өгв. / Буурлын омруднь /
Найн нэгмн жид дегц шигдв, / Булиңһрин
Хар Санлын далд / Найн миңһн жид дегц
шигдв, / Деегшән, дорагшан хэәкрэд бухад
оркхла, / Омрудн бээсн найн миңһн жид /
Дегц хуһ тусв. / Санлын ээв балтд жидд /
Бас дегц хуһ тусв. / Эвтә сәәхн Буурларн /
Адуһан көөһэд һарв / Хан Зан Тайджи ‘На
Шара Цохоре своём настиг и напал, / Бу-
рала за хвост в восемьдесят восемь саже-
ней / Схватил: / — Схватите его! — крик-
нув, / Войску своему бросил. / [Спереди] в
грудь Буралу / Сразу восемьдесят восемь
копий вонзились. / Сзади в Санала / Сра-
зу восемьдесят восемь копий вонзились, /
Когда вверх и вниз, выкрикнув, взвился, /
Восемьдесят тысяч копий, что в грудь ему
вонзились, / Разом сломались. / В спину
Санала вонзившиеся копья / Тоже сломали-
сь и выпали. / На проворном прекрасном
Бурале своём / Табун он дальше погнал’
[НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97].*

3) битва богатыря Санала у бумбайской горы Цаган с преследующим его войском;

*Адуһан уулын беләр тәвчкәд, / Одн Цаһа-
ниг шүүрч авад, / Уул тал шивчкәд, / Буур-
лан үүрэд, / Нүкнд орулчкәд, / Хәру церглә
халдв. / Саадгар халдад, / Кесг халдад о[r]
кскн цагт / Шав уга шархнь күцәд, / Ган-
цардад бээсн цагтнь / Күүкн цаһан мирдән
авад, / Агсмәж-уульәж бәәнә ‘Табун у под-
ножия горы пастись отпустив, / Одон Ца-
гана схватив, / В сторону горы отшвыр-
нув, / Бурала своего на себя взвалил. / В
углублении [горы] спрятав [его], / Снова
в бой он вступил. / Стрелами стрелялись,
/ Много времени сражение продолжалось.
/ Ранамы все тело его покрылось, / Когда
один на поле битвы бился, / Священный
мире свой взяв, / Взывая, он плакал’ [НА
КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97].*

Благодаря своему дару ясновидения Алтан Чееджи сообщает Джангару и богатырям о битве Санала с преследующим войском Зан-Тайджи-хана на границе родной Бумбы. Джангар с богатырями прибывают на помощь богатырю. Поединок Джангара с Зан-тайджи-ханом решает исход противостояния сторон. Мотив поединка завершается победой Джангара и клятвенным обещанием побежденного хана «тысячу и один год платить дань» (*миңһн нег жилә алев өгх болв* [НА КалмНЦ РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97]).

Сравнительно-сопоставительный анализ «Песни о Булингира [сыне —] Строгом Смуглом Санале» Телтя Лиджиева с «Песней о том, как Булингира [сын —] Строгий Смуглый Санал по велению властителя богдо Джангара отправился и сильную мангасов страну хана Зан Тайджи, [сына] Кюдер Зары, покорив, вере Джангара подчинил» Ээлян Овла показал, что мотив богатырского поединка, связанный с предъявлением ультиматума враждебному Зан-Тайджи-хану и угоном табуна противника, являясь сюжетообразующим, имеет устойчивую последовательность развития: 1) конфликт (ультиматум чужеземному хану и угон его табуна); 2) выбор богатыря (отправление в поход Санала); 3) преодоление препятствий в пути; 4) героический подвиг (поединок Санала с богатырем-антагонистом Одон Цаганом; битва богатыря Санала в окружении войска Зан-Тайджи-хана; битва богатыря Санала у бумбайской горы Цаган); 5) восстановление мира.

Выводы

Джангарчи Телтя Лиджиев, последователь эпической школы Ээлян Овла, еще в детстве усвоивший песни от певцов Окона Бадмаева и Окона Шараева, благодаря своему таланту и уникальной памяти сохранил народное творение и, передав его собирателям, сделал всеобщим достоянием. Следуя канонам эпической традиции калмыков, джангарчи сохранил цельность и полноту эпизодов, мотивов и этнопоэтических констант калмыцкого героического

эпоса «Джангар». В песнях Телтя Лиджиева в центре повествования всегда находится богатырь, героизация которого происходит в ходе развития мотива богатырского поединка. Богатырь сражается на пределе своих возможностей, преодолевает неимоверные трудности, подвергается смертельной опасности и одерживает победу над врагом. Героизация богатыря выражает представления народа о богатыре-победителе, совершающем подвиги во имя мира на родной земле.

Источники

НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 16. Оп. 1. Кас. 97 (Фонозапись эпической песни «Буурл Һалзн мөртэ Бульһһрин көвүн Догшн Хар Санлын бөлг» в исполнении джангарчи Телтя Лиджиева); Кас. 98 (Фонозапись эпической песни «Арслңгин Эср Улан Хонһр Арг Манзин Буурлта, Ээх Догшн Маңна хаанла бээр бэрлдгсн бөлг» джангарчи Телтя Лиджиева)

Литература

Борджанова 1976 — *Борджанова Т. Г.* О поэтике ойратского героического эпоса (Сравнение, гипербола, элементы фантастики) // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ. Элиста, 1976. Вып. 14. Сер.: джангароведение. С. 141–162.
Борджанова 1979 — *Борджанова Т. Г.* Проблемы поэтики монголо-ойратского героического эпоса: дис. ... канд. фил. наук. М., 1979. 149 с.
Басангова 1986 — *Басангова Т. Г.* Мастерство западно-монгольского сказителя Парчена: эпические формулы // Культура Монголии в средние века и новое время (XVI – начало XX в.). Улан-Удэ: Бурят. фил. СО АН СССР, 1986. С. 105–114.
Биткеев 1990 — *Биткеев Н. Ц.* Калмыцкий героический эпос «Джангар»: проблемы типологии национальных версий. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 155 с.
Биткеев 2001 — *Биткеев Н. Ц.* Джангарчи. Элиста: АПП «Джангар», 2001. 448 с.
Владимирцов 1923 — *Владимирцов Б. Я.* Монголо-ойратский героический эпос. Пг.; М.: Госиздат, 1923. 254 с.

Sources

The Song of Dark-Skinned Sanal the Rigorous, the Son of Bulingir and Master of Buural Galzan, the Grey War-Horse with a White-Starred Forehead. Jangarchi Teltya Lidzhiev. Audio recording. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 16. Cat. 1. Cassette 97. (In Kalm.)
The Song of How Ulan Khongor the Furious Lion Came to Grips with Khan Dogshin Mangna the Fearsome Who Was Riding the Mighty Manzan Buural. Jangarchi Teltya Lidzhiev. Audio recording. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive. Coll. 16. Cat. 1. Cassette 98. (In Kalm.)

Гацак 1989 — *Гацак В. М.* Устная эпическая традиция во времени: историческое исследование поэтики / отв. ред. А. В. Кудияров. М.: Наука, 1989. 256 с.
Кичиков 1976 — *Кичиков А. Ш.* Исследование героического эпоса «Джангар»: вопросы исторической поэтики. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1976. 156 с.
Кичиков 1992 — *Кичиков А. Ш.* Героический эпос «Джангар»: сравнительно-типологическое исследование памятника. М.: Наука, Вост. лит., 1992. 320 с.
Манджиева 2020 — *Манджиева Б. Б.* Сюжетообразующие мотивы в эпическом репертуаре джангарчи Телтя Лиджиева // Новый филологический вестник. 2020. № 3. С. 322–334.
Неклюдов 1973 — *Неклюдов С. Ю.* К вопросу об описании «эмоциональной реакции» былинного персонажа // Сб. ст. по вторичным моделирующим системам. Тарту: [б. и.], 1973. С. 5–12.
Неклюдов 2002 — *Неклюдов С. Ю.* О системе указателей фольклорных сюжетов и мотивов // Живая Старина. 2002. № 2. С. 2–3.

- Неклюдов 2004 — Неклюдов С.Ю. Мотив и текст // Язык культуры: семантика и грамматика: к 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996) / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
- Овалов 2004 — Овалов Э. Б. Типология мотивов и сюжетов в эпосе монгольских народов (опыт сравнительно-типологического исследования). Элиста: АПП «Джангар», 2004. 184 с.
- Овалов 2008 — Овалов Э. Б. Сюжетно-стилевые традиции в эпосе «Джангар» и его версиях. Элиста: НПП «Джангар», 2008. 304 с.
- Овалов 2011 — Овалов Э. Б. Типология эпических мотивов в эпосе монгольских народов // Научная мысль Кавказа. 2011. № 1–2 (65). С. 92–95.
- Селеева 2007 — Селеева Ц. Б. Опыт составления указателя эпических мотивов для тома Свода калмыцкого фольклора «Калмыцкий героический эпос «Джангар» // Молодежь в науке: проблемы, поиски, перспективы: сб. науч. ст. / гл. Н. Г. Очирова. Элиста: КИГИ РАН, 2007. С. 111–116.
- Селеева 2013 — Селеева Ц. Б. Указатель тем калмыцкой и синьцзян-ойратской версий эпоса «Джангар». Элиста: КИГИ РАН, 2013. 276 с.
- Убушиева 2010 — Убушиева Д. В. Мотивный фонд Багацохуровского цикла калмыцкого героического эпоса «Джангар» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2010. № 2. С. 63–68.
- Убушиева 2018 — Убушиева Д. В. Об указателе эпических мотивов (к опыту составления) // Oriental Studies. 2018. Т. 12. № 6. С. 140–148. DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-140-148
- Убушиева 2019 — Убушиева Д. В. Мотивы «тууль-улигера» (архаического эпоса) в героическом эпосе «Джангар» // Новый филологический вестник. 2019. № 1 (48). С. 57–69.
- Хабунова 2006 — Хабунва Е. Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.
- Жаңһр 1978 — Жаңһр. Хальмг баатрлг дуулвр (25 бөлгин текст: 1–2 боть) = Джангар. Калмыцкий героический эпос (тексты 25 песен) / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, ГРВЛ, 1978. Т. 1. 441 с. Т. 2. 417 с. (На калм. яз.)

References

- Basangova T. G. Mastery of the Western Mongolian tale teller Parchen: epic formulas. In: Culture of Medieval and Modern Mongolia, 16th – Early 20th Centuries. Ulan-Ude: Buryat Institute (Sib. Branch of the USSR Acad. of Sc.), 1986. Pp. 105–114. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. Kalmyk Heroic Epic of Jangar and Its Ethnic Versions: Issues of Typology. Elista: Kalmyk Book Publ., 1990. 155 p. (In Russ.)
- Bitkeev N. Ts. The Jangarchi. Elista: Dzhangar, 2001. 448 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Heroic Epic of Oirat Mongols: Issues of Poetics. Cand. Sc. (philology) thesis. Moscow, 1979. 149 p. (In Russ.)
- Bordzhanova T. G. Poetics of the Oirat heroic epic revisited: comparison, hyperbole, fantastic elements. In: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History. Newsletter. Elista, 1976. Vol. 14. Ser.: Jangar Studies. Pp. 141–162. (In Russ.)
- Gatsak V. M. Oral Epic Tradition through Time: A Historical Study of Poetics. A. Kudiyarov (ed.). Moscow: Nauka, 1989. 256 p. (In Russ.)
- Jangar: A Heroic Epic of the Kalmyks. Texts of 25 Songs. A. Kichikov (comp.), G. Mikhaylov (ed.). Moscow: Nauka – GRVL, 1978. Vol. 1, 441 p. Vol. 2, 417 p. (In Kalm.)
- Khabunova E. E. Heroic Epic of Jangar: Poetic Constants of the Hero's Life Circle (A Comparative Insight into National Versions). Rostov-on-Don: North Caucasus Scientific Center of Higher Education, 2006. 256 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Exploring the Heroic Epic of Jangar: Issues of Historical Poetics. Elista: Kalmyk Book Publ., 1976. 156 p. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh. Heroic Epic of Jangar: A Comparative Typological Study of the Monument. Moscow: Nauka – Vostochnaya Literatura, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Mandzhieva B. B. Plot motifs in jangarchi Teltya Lidzhiyev's epic repertory. *The New Philological Bulletin*. 2020. No. 3. Pp. 322–334. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. 'Emotional reaction' of a bylina (epic) character: descriptive means revisited. In: Collected Articles on Secondary Modelling Systems. Tartu, 1973. Pp. 5–12. (In Russ.)

- Neklyudov S. Yu. Index of folktale types revisited. *Zhivaya Starina*. 2002. No. 2. Pp. 2–3. (In Russ.)
- Neklyudov S. Yu. Motif and text. In: Tolstaya S. M. (ed.) *Language and Culture: Semantics and Grammar. Collected Papers Commemorating Acad. Nikita I. Tolstoy (1923–1996)*. Moscow: Indrik, 2004. Pp. 236–247. (In Russ.)
- Ovalov E. B. *Epic of Jangar and Its Versions: Traditions of Plots and Styles*. Elista: Dzhangar, 2008. 304 p. (In Russ.)
- Ovalov E. B. Typology of epic motifs in Mongolian epic traditions. *Scientific Thought of Caucasus*. 2011. No. 1–2 (65). Pp. 92–95. (In Russ.)
- Ovalov E. B. *Typology of Motifs and Plots in Mongolian Epic Traditions: A Comparative Typological Study*. Elista: Dzhangar, 2004. 184 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. *Kalmyk and Xinjiang Oirat Versions of the Jangar Epic: Thematic Index*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2013. 276 p. (In Russ.)
- Seleeva Ts. B. Kalmyk Heroic Epic of Jangar: compiling an index of epic motifs for one volume of The Kalmyk Folklore Corpus. In: Ochirova N. G. (ed.) *Youth in Science: Problems, Quests, Prospects. Collected Articles*. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2007. Pp. 111–116. (In Russ.)
- Ubushieva D. V. About an Index of epic motifs (compilation efforts revisited). *Oriental Studies*. 2018. No. 6. Pp. 140–148. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2018-40-6-140-148
- Ubushieva D. V. Kalmyk heroic epic of Jangar: motifs of the Baga-Tsokhor cycle. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2010. No. 2. Pp. 63–68. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2020. № 6

Главный редактор: В. В. Куканова

Дата выхода: 29.12.2020.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 26,15
Свободная цена. Подписной индекс 10236.
Тираж 100 экз. Заказ 20-20.

Учредитель, редакция, издатель, типография:
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)